Министерство образования и науки РФ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (38)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2015

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 2 (38). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – 192 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:
Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф. (НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский Технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 2 (38)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2015

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 2 (38). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2015. – 192 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2015

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (38)

2015

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 25,9. Усл. печ. л. 22,4. Тираж 100 экз. Заказ № 279.

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Оригинал-макет подготовлен к печати отделом дизайна РИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Компьютерная верстка: М.Л. Тимошенко, В.В. Шеина

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-59595 от 10.10.2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Тарунина Е.Н., Маврина Е.О. Уровень экономического развития как фактор ранней предпринимательской активности 9
Андрианов Д.Л., Шульц Д.Н., Ощепков И.А. Динамическая стохастическая модель общего экономического равновесия России 18
Мизиковский И.Е. Инновационная модель распределения косвенных затрат промышленного предприятия 26
Рузанов А.И., Рузанов П.А. О новых возможностях экономико-математического моделирования с использованием производственных функций 30
Сидоренко Ю.А. Особенности и методология производственного планирования на машиностроительном предприятии 35
Кузнецов В.П., Семахин Е.А. Организационные особенности управления производственной системой в автомобилестроении 42
Базуева Е.В. Факторный анализ динамики воспроизводства человеческого капитала в современной России 47
Степанов В.И. Об информационной версии трудовой теории стоимости 58

Социологические науки

Щербина В.В., Нечаева Е.О. Социальные технологии и их применение в сферах социальной практики 62
Elias Arne, Dobischat Rolf. «Застрявшие посередине»: состояние и перспективы развития занятости в сфере переподготовки кадров между традиционной организацией труда и его современными формами 68
Силласте Г.Г. Социальные риски финансово-экономических кризисов: социологическая диагностика и типология 77
Симановская Г., Степченкова С. Факторы, влияющие на поведение российских туристов после посещения Нижнего Новгорода 85
Колесникова Е.М., Гуркина О.А. Факторы формирования спроса на различные направления и формы дополнительного образования школьников в г. Москва 97
Безрукова О.А. Эмпирические измерения отдельных проявлений этики ответственности перед будущим 103
Злотникова Л.М. Коммерциализация социальной сферы в контексте технико-технологического обновления производства 112
Сорокин Г.Г. Институт геронтообразования как агент социальной адаптации старшего поколения 120
Баханова Е.В. Социальный потенциал и перспективы общественного контроля системы исполнения наказаний 127
Абрамова Н.В. Апробация метода концептуальных карт для оценки эффективности образовательной программы для менеджеров в вузах 133
Заляев А.Р. Кадры для российского здравоохранения: ожидания и надежды российских студентов-медиков 139
Ипатов Д.С. Проблемы и перспективы современной российской теоретической социологии 146

Педагогические науки

Ковалевский В.П., Петухова Т.П. Модели довузовского образования: опыт Оренбургского государственного университета 153

Аксёнов А.А. Методологические особенности и специфика построения теории школьных математических задач 162
Болдыревский П.Б., Винник В.К., Григорян М.Э. Информационно-проектное обучение как современный метод организации самостоятельной работы студентов 171
Нестерова Л.Ю., Напалков С.В. Реализация проектного метода в системе высшего образования с использованием рабочей тетради 175
Хван А.А. Особенности личности городских и сельских подростков в контексте психологического здоровья 182

Авторы 190

CONTENTS

Economic sciences

Tarunina E.N., Mavrina E.O. The level of economic development as a factor of early-stage entrepreneurial activity 9
Andrianov D.L., Shultz D.N., Oshchepkov I.A. Dynamic stochastic model of Russia's general economic equilibrium.....18
Mizikovsky I.E. An innovative model of indirect costs distribution in industrial enterprises 26
Ruzanov A.I., Ruzanov P.A. Some new opportunities for economic mathematical modelling with the use of production functions 30
Sidorenko Yu.A. Some features and methodology of production planning at a machine-building company 35
Kuznetsov V.P., Semakhin E.A. The organizational and economic mechanism of the production system management in automotive industry 42
Bazueva E.V. Factor analysis of the dynamics of human capital reproduction in modern Russia 47
Stepanov V.I. On the information version of the labor theory of value 58

Sociological sciences

Shcherbina V.V., Nechaeva E.O. Social technologies and their application in the spheres of social practice 62
Elias Arne, Dobischat Rolf. „Stuck in the middle" – state and prospects of employment in professional re-training between traditional and modern forms of work organization.....68
Sillaste G.G. Social risks of financial and economic crisis: sociological diagnostics and typology 77
Simanovskaya G., Stepchenkova S. Factors affecting post-visitation behavior of domestic tourists: a case of Nizhni Novgorod, Russia.....85
Kolesnikova E.M., Gurkina O.A. Factors determining the demand for different areas and forms of additional education of schoolchildren in Moscow 97
Bezrukova O.A. Empirical measurement of individual manifestations of the ethics of responsibility for the future 103
Zlotnikova L.M. Commercialization of the social sphere in the context of technical and technological renovation of production 112
Sorokin G.G. The institution of seniors' education as an agent of social adaptation of the elderly.....120
Bakhanova E.V. Social potential and prospects of public control of the penal system.....127
Abramova N.V. Testing the concept mapping method for evaluation of the effectiveness of the educational program for managers in universities 133
Zalyaev A.R. Workforce for Russian healthcare: expectations and hopes of Russian medical students 139
Ipatov D.S. Problems and prospects of modern Russian theoretical sociology 146

Pedagogical sciences

Kovalevsky V.P., Petukhova T.P. Pre-higher education models: the experience of Orenburg State University.....153
Aksyonov A.A. Some methodological peculiarities and specific features of the theory of school mathematical problems 162
Boldyrevsky P.B., Vinnik V.K., Grigoryan M.E. Information-project teaching method as a means for organizing students' independent work.....171
Nesterova L.Yu., Napalkov S.V. Implementation of the project-based method in the system of higher education with the use of workbooks.....175

Khvan A.A. Personality traits of urban and rural adolescents in the context of psychological health.....182

Authors.....190

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.101.22

УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР РАННЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

© 2015 г.

Е.Н. Тарунина, Е.О. Маврина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

etarunina@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Исследуется влияние уровня экономического развития на различия в уровне ранней предпринимательской активности между странами. На основе данных проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» и Всемирного банка тестируются гипотезы о L-образной и U-образной формах взаимосвязи между уровнем ранней предпринимательской активности и показателем валового внутреннего продукта на душу населения. Для построения регрессий используется метод наименьших квадратов, для тестирования гипотез – J-тест. Выявлено, что уровень экономического развития оказывает значимое влияние на раннюю предпринимательскую активность. Гипотеза об L-образной форме взаимосвязи отвергается в пользу U-образной. Кроме этого, в работе обосновывается включение в модель ряда дополнительных факторов, объясняющих существование различий в уровне предпринимательской активности между странами. Значимое положительное влияние на уровень ранней предпринимательской активности оказывают темп прироста реального ВВП и отношение уровня экономической активности женщин к уровню экономической активности мужчин, значимое отрицательное – уровень безработицы и величина минимально необходимого капитала.

Ключевые слова: предпринимательство, факторы предпринимательской активности, уровень экономического развития.

Введение

Процесс экономического развития затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе вносит изменения в структуру производства и занятости. Масштабы предпринимательской активности населения как вида экономической деятельности, связанной с созданием собственного предприятия и управления им, также меняются в зависимости от уровня развития страны. Экономические, а также институциональные и культурные преобразования могут как сдерживать, так и поощрять предпринимательство. С конца XIX века, на протяжении почти ста лет, во многих странах происходило снижение предпринимательской активности. В условиях крупномасштабного производства, которое доминировало над деловым миром в этот период, капитал и труд являлись главными факторами экономического развития [1]. Изменение тренда стало заметно в 80-х годах XX века [2]. Произошел переход от экономики, которой управляют (managed economy), к предпринимательской экономике (entrepreneurial economy) [3]. В современных экономических системах предпринимательство является одним из важнейших элементов и ему уделяется большое внимание со стороны ученых, политиков и государственных деятелей как источнику формирования конкурентной среды, создания рабочих мест и снятия напряженности на рынке труда. Говоря о многочисленных потенциальных выгодах предпринимательства, правительства многих стран активно поощряют людей начинать собственный бизнес. Разрабатываются различные программы государственной поддержки и развития предпринимательства. Эффективность таких программ может быть ограничена воздействием ряда экономических, институциональных и культурных факторов.

Уровень экономического развития как фактор предпринимательской активности влияет на нее через изменения в структуре секторов экономики, в масштабе производства и в профессиональном выборе [2]. Характер взаимосвязи предпринимательской активности и уровня эко-

номического развития является дискуссионным вопросом. Существование обратной зависимости между этими показателями объясняется в работах [4–6]. В исследованиях [2; 7–9] находит поддержку гипотеза U-образной формы зависимости. Ряд авторов не обнаруживают статистически значимых различий между U-образной и L-образной зависимостью [10–12].

Целью работы является исследование взаимосвязи между предпринимательской активностью и уровнем экономического развития стран.

Для эмпирического исследования используются данные проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor – GEM) [13] и Всемирного банка [14]. С помощью метода наименьших квадратов оцениваются параболическая и логарифмическая модели, где в качестве зависимой переменной выступает логарифм индекса ранней предпринимательской активности. Показателем уровня экономического развития является валовой внутренний продукт на душу населения. В качестве объясняющих переменных в модели также включены следующие показатели: темп прироста реального ВВП, отношение уровня экономической активности женщин к уровню экономической активности мужчин, уровень безработицы, плотность населения, требование минимально необходимого капитала, качество информации по кредитоспособности заемщиков, страх неудачи в бизнесе.

Предпринимательская активность и уровень экономического развития

Термин «предпринимательство» является многозначным, определение его зависит от фокуса конкретного исследования. Различные понятия предпринимательства объединяют в три группы: функциональные, поведенческие и профессиональные [7]. В первом случае акцент делается на функции предпринимательства, такие как приспособление производства к изменяющимся условиям рынка, восстановление нарушенного равновесия, более эффективное использование имеющихся ресурсов и удовлетворение возникающего спроса, несение бремени риска и неопределенности, осуществление организационно-хозяйственной инновации [15]. Поведенческие понятия сосредотачиваются на поведении, связанном с использованием предпринимательских возможностей. В этом смысле предприниматели – это новаторы и не обязательно владельцы бизнеса. С точки зрения профессионального подхода, предприниматели – это лица, которые владеют и управляют бизнесом для собственной выгоды и на свой риск. В данной работе будет использоваться профессиональный подход к понятию предпринимательства.

Сопоставимые по странам индексы предпринимательской активности рассчитываются в рамках проекта GEM – крупнейшего международного исследования предпринимательства [13]. В нем под предпринимательством понимается «любая попытка создания нового бизнеса или компании (индивидуальная трудовая деятельность, новая коммерческая организация, расширение уже существующего бизнеса), предпринятая отдельным лицом, группой лиц или ранее существовавшими компаниями» [16, с. 8]. Авторы проекта и другие исследователи [2] отмечают, что наиболее важной, требующей всестороннего изучения характеристикой предпринимательства является индекс ранней предпринимательской активности (Total early-stage Entrepreneurial Activity – TEA). Он показывает долю населения в возрасте от 18 до 64 лет, которую составляют люди, активно вовлеченные в процесс по созданию бизнеса, а также те, кто владеет и управляет вновь созданным предприятием менее 3.5 года.

Уровень ранней предпринимательской активности является устойчивым во времени, однако сильно варьирующимся по странам показателем [17]. В 2012 году из 69 стран, принявших участие в проекте GEM, в пятерку с наиболее низкими показателями TEA вошли Япония (4%), Россия (4.3%), Италия (4.3%), Тунис (4.8%), Бельгия (5.2%), а в пятерку с наиболее высокими – Нигерия (35%), Малави (35.6%), Уганда (35.8%), Гана (36.5%), Замбия (41.5%). Различие в уровне предпринимательской активности в первую очередь связывается с уровнем экономического развития [2; 7–12 и др.]. Одна из трактовок экономического развития определяет его как ряд взаимосвязанных долгосрочных процессов структурного изменения, или структурной трансформации. Ядром трансформации являются накопление физического и человеческого капитала, изменения в составе производства, занятости, потребления. Взаимосвязанные с ними социально-экономические процессы (урбанизация, демографические изменения, увеличение уровня образования, изменения в распределении дохода) идентифицированы как периферийные. Дополнением к элементам трансформации являются изменения в институтах, с помощью которых достигаются структурные изменения [18]. Экономическое развитие, с точки зрения структурной трансформации, влияет на предпринимательскую активность через изменения в структуре секторов экономики, в

масштабе производства и в профессиональном выборе [2]. По мере экономического развития происходит сокращение доли сельского хозяйства и увеличение доли промышленного сектора, в котором постепенно крупные фирмы с экономией от масштаба вытесняют мелких производителей. При увеличении уровня доходов запросы потребителей становятся более дифференцированными, и, как следствие, появляются новые ниши для предприятий малого бизнеса. Возникают новые инновационные отрасли, в которых важную роль играют мелкие фирмы, так как они имеют относительное инновационное преимущество перед более крупными фирмами. Внедрение новых технологий сокращает важность экономии от масштаба производства. Растет доля сектора услуг, который создает больше возможностей для начинающих предпринимателей, чем другие сектора экономики. Изменения в профессиональном выборе, происходящие в процессе экономического развития, могут как сдерживать, так и поощрять предпринимательство. С одной стороны, рост реальных заработных плат увеличивает альтернативные издержки выбора предпринимательской деятельности. Так как предпринимательская деятельность в отличие от наемного труда связана с риском, то при увеличении дохода в секторе наемного труда уменьшается количество лиц, готовых подвергнуться риску, открыв собственное предприятие [6]. С другой стороны, предпринимательская деятельность становится более привлекательной, так как удовлетворяет потребности людей в самореализации. К тому же у людей появляется больше финансовых ресурсов для запуска нового предприятия.

С 80-х годов XIX века до 70-х годов XX века в США, Франции и Германии наблюдалось устойчивое снижение доли самозанятых в общей численности рабочей силы. Обратная взаимосвязь между экономическим развитием и предпринимательством находит поддержку и объяснение в работах [4–6]. Однако с 70-х годов XX века практически во всех развитых экономиках наблюдалось аннулирование долгосрочного понижения предпринимательской активности. Появляются гипотезы о существовании параболической формы взаимосвязи предпринимательской активности и уровня экономического развития. Гипотеза об U-образной форме взаимосвязи предпринимательской активности и дохода на душу населения находит поддержку в работах [2; 7–9]. Вывод о том, что U-образные функции нельзя отличить от L-образных функций в статистическом смысле, сделан в работах [10–12].

В странах с одинаковым уровнем экономического развития показатели предпринимательской активности различаются, и такие различия остаются стабильными в течение длительного периода [19]. Поэтому необходимо учитывать влияние на предпринимательскую активность других факторов.

Факторы ранней предпринимательской активности

В соответствии с эклектической теорией предпринимательства [20], выделяют факторы, воздействующие на предпринимательскую активность со стороны спроса и со стороны предложения. Сторона спроса создает предпринимательские возможности посредством рыночного спроса на товары и услуги, сторона предложения предоставляет потенциальных предпринимателей, которые могут реагировать на эти возможности. При этом необходимо учитывать влияние на предпринимательство правительственного регулирования и культурных особенностей.

2.1. Факторы спроса

К факторам спроса на предпринимательство относят уровень экономического развития, рассмотренный выше, уровень технологического развития, промышленную структуру экономики, темпы прироста реального ВВП.

Технологическое развитие способствует появлению новых продуктов и услуг, создавая дополнительные возможности для потенциальных предпринимателей. Современные информационно-коммуникационные технологии обеспечивают более легкий доступ к информации, снижают издержки передачи информации. Они, во-первых, упрощают создание новых предприятий, во-вторых, способствуют сокращению эффективного масштаба производства. В качестве прокси-переменной технологического развития используют расходы на исследования и разработки в расчете на душу населения [21], а также количество пользователей Интернета [7].

С точки зрения промышленной структуры экономики, уровни предпринимательской активности традиционно высоки в секторе услуг, который характеризуется более низким уровнем стартового капитала, то есть более низкими входными барьерами по сравнению с другими секторами экономики и меньшим масштабом фирм [2]. Положительная взаимосвязь между занятостью в секторе услуг и уровнем предпринимательства, выраженного долей владельцев бизнеса в рабочей силе, получена в работе [22].

Для многих стран, участвующих в проекте GEM, значения показателя занятости в сфере услуг, а также расходов на исследования и разработки отсутствуют, что значительно сокращает объем выборки, поэтому они не включены в оцениваемые модели. Количество пользователей Интернета сильно коррелировано с уровнем ВВП на душу населения (коэффициент корреляции 0.8), поэтому этот показатель также не включен в модели во избежание мультиколлинеарности.

Колебания деловой активности оказывают влияние на предпринимательские возможности. На основе работ [23, 24], в которых темп прироста реального ВВП рассматривается в качестве фактора предпринимательской активности, мы также включаем его в модели.

1.2. Факторы предложения

Со стороны предложения предпринимательства учитываются следующие характеристики: уровень безработицы, плотность населения и норма урбанизации, уровень участия женщин в рабочей силе, уровень образования, доля иммигрантов, неравенство доходов.

Безработица является фактором, уменьшающим альтернативные затраты предпринимательской деятельности, особенно когда пособия по безработице являются низкими относительно заработной платы [22, 25] Угроза безработицы может послужить толчком к предпринимательской деятельности ввиду отсутствия альтернатив в сфере оплачиваемой занятости. Это предполагает положительную взаимосвязь уровня безработицы и предпринимательской активности. С другой стороны, безработные обладают более низким человеческим капиталом и предпринимательским талантом, необходимым для основания и управления новым предприятием. Кроме того, безработица ведет к снижению личного благосостояния, что также сокращает вероятность стать предпринимателем. Следовательно, можно ожидать и обратный характер взаимосвязи этих показателей [25].

Плотность населения и норма урбанизации может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на уровень предпринимательской активности. С одной стороны, наличие в городах более развитой инфраструктуры, образовательных учреждений, научно-исследовательских центров будет способствовать увеличению численности предпринимателей. С другой стороны, чем больше плотность населения и норма урбанизации, тем выше вероятность появления экономии от масштаба, укрупнения производства и сокращения численности предпринимателей. Менее плотно населенные регионы требуют больше относительно небольших розничных магазинов и поставщиков услуг.

Гендерное неравенство, одним из показателей которого является соотношение экономической активности женщин и мужчин на рынке труда, может также оказать влияние на уровень предпринимательства. Уровень предпринимательской активности среди женщин ниже, чем среди мужчин [20, 21]. Это объясняется несколькими причинами. Женщины имеют меньше собственного финансового капитала, необходимого для запуска нового предприятия, меньший опыт работы в связи с рождением и воспитанием детей, временные ограничения, связанные с выполнением домашних обязанностей. С другой стороны, женщин часто привлекает самозанятость в связи с возможностью гибкого графика работы [20]. Существование гендерной дискриминации в сфере наемного труда (например, при приеме на работу, продвижении по службе) также стимулирует женскую предпринимательскую активность.

Образование, как фактор предпринимательской активности, дает людям чувство независимости и уверенности в себе, помогает увидеть возможности для создания собственного дела.

Иммиграция оказывает влияние на уровень предпринимательской активности различными способами. С одной стороны, иммигранты имеют большую склонность к предпринимательской деятельности в силу того, что они больше склонны к риску, чем коренные жители. Среди них также больше вынужденных предпринимателей, выбравших этот вид занятости из-за отсутствия достойных альтернатив в сфере наемного труда. С другой стороны, иммигранты сталкиваются с большим количеством барьеров при основании нового предприятия, чем коренные жители, ввиду отсутствия хорошего знания языка, процедур запуска, внутреннего рынка.

Высокий уровень неравенства доходов в обществе может способствовать увеличению предпринимательской активности двумя способами. Низкие доходы способствуют появлению предпринимателей, движимых мотивом необходимости, что увеличивает общий уровень предпринимательской активности. В то же время наличие высоких доходов увеличивает возможности для запуска новых предприятий. Неравенство дохода может выступать как в качестве фактора предложения, так и в качестве фактора спроса на предпринимательство, так как чем больше расслоение в обществе, тем более дифференцирован потребительский спрос,

что способствует предпринимательской активности, как обсуждалось выше.

Из рассмотренных факторов предпринимательской активности со стороны предложения в оцениваемые модели включены уровень безработицы, плотность населения соотношение экономической активности женщин и мужчин. Показатели уровня образования, доли иммигрантов, неравенства доходов для многих стран недоступны, поэтому включение их в модель значительно сокращает число наблюдений.

1.3. Государственное регулирование

Государственное регулирование охватывает различные этапы предпринимательской деятельности. В рамках проекта «Ведение бизнеса» (Doing Business) Всемирного банка собраны показатели, характеризующие регулирование запуска предприятия, найма и увольнения персонала, доступа к кредиту, выплаты налогов, закрытия бизнеса. Как показано в работе [23], отрицательное влияние на уровень предпринимательской активности оказывают регулирование найма и увольнения персонала (ограничения на увеличение числа часов работы, индекс жесткости занятости) и требование минимально необходимого капитала; положительное – информация по кредитоспособности заемщиков. Исходя из доступности данных, мы включили в модель последние два показателя.

1.4. Культурные особенности

Для объяснения различий в уровне предпринимательской активности между странами учитывают влияние культурных особенностей, которые определяют поведение людей и могут влиять на выбор между наемным и предпринимательским трудом. Предпринимательская культура связывает много аспектов, включая отношение к успеху и неудачам в бизнесе и в целом к предпринимательству. Потерпев неудачу в бизнесе, человек, с одной стороны, лишается вложенных средств, а с другой стороны, страдает его репутация и он может получить

Таблица 1

Переменные, входящие в модель

№	Название	Описание
1	TEA	Уровень ранней предпринимательской активности – доля людей в возрасте от 18 до 64 лет, активно вовлеченных в процесс по созданию бизнеса, а также тех, кто владеет и управляет вновь созданным предприятием менее 3.5 лет, в %
2	ВВП на душу населения	Валовой внутренний продукт на душу населения, в постоянных долларах 2011 года, по паритету покупательной способности, в тыс. долл.
3	Темп прироста ВВП	Годовое изменение валового внутреннего продукта в постоянных ценах, в %
4	Уровень безработицы	Доля безработных в рабочей силе, в %
5	Плотность населения	Среднегодовая численность населения, деленная на общую площадь страны, человек на 10 000 кв. м
6	Гендерное неравенство	Отношение уровня экономической активности женщин к уровню экономической активности мужчин, в %
7	Минимальный капитал	Сумма денег, которую предприниматель должен иметь на банковском депозите, чтобы зарегистрировать бизнес, в % от дохода на душу населения
8	Кредит	Информация частного кредитного агентства о кредитоспособности заемщиков, в % от взрослого населения
9	Страх неудачи	Доля людей, которые положительно воспринимают существующие возможности, но боятся неудачи, в % от населения 18–64 лет

Таблица 2

Описательная статистика

Название переменной	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
TEA	3.100	52.100	13.575	9.559
ВВП на душу населения	0.740	74.609	21.763	15.757
Темп прироста ВВП	–6.973	13.837	2.848	3.473
Уровень безработицы	0.700	31.000	9.408	6.016
Плотность населения	0.027	75.891	2.976	10.491
Гендерное неравенство	20.862	104.182	69.485	19.021
Минимальный капитал	0.000	249.100	16.490	42.931
Кредит	0.000	100.000	44.678	39.214
Страх неудачи	12.000	72.000	34.725	10.791

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Спецификация			
	Параболическая		Логарифмическая	
	Коэффицент	Станд. ошибка	Коэффициент	Стнд. ошибка
ВВП на душу населения	–0.0628***	0.0109		
Квадрат ВВП на душу населения	0.0007***	0.0001		
Логарифм ВВП на душу населения			–0.3884***	0.0651
Темп прироста ВВП	0.0333**	0.0164	0.0483***	0.0161
Уровень безработицы	–0.0162**	0.0066	–0.0116*	0.0066
Плотность населения	–0.0069*	0.0034	–0.0009	0.0060
Гендерное неравенство	0.0075***	0.0024	0.0058**	0.0024
Минимальный капитал	–0.0027***	0.0008	–0.0033***	0.0010
Кредит	–0.0006	0.0011	–0.0008	0.0011
Страх неудачи	–0.0066	0.0054	–0.0068	0.0059
Константа	3.1167***	0.3428	3.3734***	0.3527
R^2	0.6664		0.6228	
R^2adj	0.6294		0.5861	
Количество наблюдений	91		91	

*, **, *** – 10%-й, 5%-й, 1%-й уровень значимости соответственно, стандартные ошибки скорректированы с учетом гетероскедастичности.

так называемое «клеймо неудачника (stigma of failure)». В США, например, высокие показатели уровня предпринимательства связываются с более высокой степенью общественной толерантности к неудачам в бизнесе, которые рассматриваются как приобретение полезного опыта. В Европе же, наоборот, сильно негативное отношение к неудачникам в бизнесе как со стороны законодательства, так и со стороны общественного мнения [26]. Страх неудачи, как отражение культурной и институциональной среды, может быть одним из факторов, объясняющих различия в уровне ранней предпринимательской активности между странами, и включается в оцениваемую модель.

2. Эмпирический анализ

Эмпирический анализ проводится для стран – участниц проекта GEM. Всего в проекте хотя бы один раз приняли участие 95 стран. Для 67 стран используются показатели ранней предпринимательской активности за 2012 год. Для стран, не принимавших участие в проекте в 2012 году, пропуски восполнены ближайшими доступными данными. Социально-экономические показатели для этих стран за соответствующие годы взяты из базы данных Всемирного банка. В качестве показателя уровня экономического развития используется валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, вычисленный по ППС в постоянных ценах [8–12; 17]. Описание переменных представлено в табл. 1. Источником данных для переменных 1 и 9 является проект GEM, для переменных 2–8 – Всемирный банк. Описательная статистика переменных приведена в табл. 2. Для трех стран (Аргентина, Сирия, Тайвань) отсутствуют показатели ВВП на душу населения, для государства Королевство Тонга отсутствует показатель уровня безработицы, поэтому данные страны были исключены из анализа.

Эмпирический анализ основан на построении параметрической регрессии методом наименьших квадратов: $y_i = f(z_i) + x_i' \cdot \beta + \varepsilon_i$, где y_i – уровень ранней предпринимательской активности; z_i – уровень экономического развития; x_i – вектор контролирующих переменных; β – вектор соответствующих коэффициентов; ε_i – случайная ошибка, $f(z_i)$ – функция, которая имеет вид:

$f(z_i) = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot \ln(z_i)$ для L-образной зависимости,

$f(z_i) = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot z_i + \alpha_2 \cdot z_i^2$ для U-образной зависимости.

Так как распределение переменной TEA сильно скошено вправо (коэффициент асимметрии равен 1.76), при построении регрессий в качестве зависимой переменной используется логарифм TEA (для него коэффициент асимметрии равен 0.33).

В табл. 3 представлены результаты регрессионного анализа.

Для сравнения двух моделей применим J-тест [27, с. 118].

Если надо сравнить модель A: $y_i = x_i'\beta + \varepsilon_i$ и модель B: $y_i = z_i'\gamma + \nu_i$, оценивается модель, включающая как частный случай модели A и B:

$$y_i = (1-\delta)x'\beta + \delta z'\gamma + u_i. \quad (1)$$

При $\delta = 0$ модель (1) совпадает с моделью A, а при $\delta = 1$ – с моделью B. Однако уравнение (1) невозможно оценить, так как параметры β, γ, δ

не могут быть идентифицированы одновременно. Заменим неизвестные параметры γ на МНК-оценки $\hat{\gamma}$ из модели B.

$$y_i = (1-\delta)x_i'\beta + \delta z_i'\hat{\gamma} + u_i = x_i'\beta^* + \delta\hat{y}_{iB} + u_i,$$

где $\hat{y}_{iB}$ – прогнозные значения y_i из модели B, $\beta^* = (1-\delta)\beta$.

С помощью t-критерия тестируется нулевая гипотеза: $\delta = 0$.

Применяя J-тест на обоснованность модели с параболической спецификацией (модель A), получили коэффициент δ = –0.22. Он не значим (t-статистика = –0.51), поэтому нулевая гипотеза не отклоняется. Проделав тест на обоснованность модели с логарифмической спецификацией (модель B), получили коэффициент δ = 1.14. Он значим на 1%-м уровне (t-статистика = 3.28), значит, нулевая гипотеза отклоняется.

Полученный результат позволяет сделать вывод, что ВВП на душу населения имеет U-образную связь с уровнем ранней предпринимательской активности. Данный вывод согласуется с теорией существования трех этапов экономического развития: управляемый факторами (factor-driven stage), управляемый инвестициями (investment-driven stage), управляемый инновациями (innovation-driven stage) [28]. На низких уровнях развития экономический рост определен прежде всего первичными факторами производства: земля, сырье и неквалифицированный труд. В этой стадии отмечаются высокие показатели предпринимательской активности. При движении экономик от низкого к среднему уровню доходов экономики вступают в фазу индустриализации и переходят к этапу, управляемому инвестициями. Прямые иностранные инвестиции и совместные предприятия помогают интегрировать национальную экономику в международные системы производства, упрощая доступ к новым технологиям. Экономический рост достигается за счет использования глобальных технологий. Чтобы конкурировать на втором этапе развития, страны должны обладать эффективным производством на больших рынках, использовать экономию от масштаба. Управляемый инвестициями этап отмечен уменьшением предпринимательской активности. Переход на следующую стадию развития является переходом от импортирующей технологию экономики к экономике, генерирующей технологию. Управляемый инновациями этап отмечен увеличением предпринимательской активности, которая позволяет обеспечивать развитие за счет внедрения инноваций и коммерциализации новых технологий.

Кроме основного результата относительно характера взаимосвязи предпринимательской активности и уровня экономического развития, получен ряд дополнительных результатов. Уровень ранней предпринимательской активности связан прямой зависимостью с темпами экономического роста и обратной – с уровнем безработицы. Снижение совокупного спроса и рост безработицы ведет к уменьшению возможностей для создания предприятия и снижению предпринимательской активности. При повышении экономической активности женщин на рынке труда относительно экономической активности мужчин уровень ранней предпринимательской активности увеличивается. Это означает, что гендерные особенности рынка труда оказывают влияние на предпринимательскую активность и их необходимо учитывать при разработке политики в отношении предпринимательства. Величина минимально необходимого капитала оказывает отрицательное влияние на предпринимательскую активность, является препятствием для создания нового предприятия. При этом наличие информации о кредитоспособности заемщиков, которая характеризует развитие рынка формального капитала, не оказывает значимого влияния на предпринимательскую активность. Это можно объяснить тем, что важную роль в финансировании первоначальных затрат играют неформальные инвесторы, а также наличие собственного капитала. Статистически значимой связи между предпринимательской активностью и страхом неудачи не выявлено. Однозначных выводов относительно взаимосвязи плотности населения и предпринимательской активности сделать нельзя, так как в модели с квадратичной спецификацией соответствующий коэффициент значим на 1%-м уровне, а в модели с логарифмической спецификацией не значим.

Заключение

Масштабы ранней предпринимательской активности значительно различаются по странам. Одним из ключевых факторов такого различия является уровень экономического развития, выраженный показателем валового внутреннего продукта на душу населения. В данной работе были протестированы две функциональные спецификации: параболическая и логарифмическая. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании U-образной зависимости между ранней предпринимательской активностью и уровнем экономического развития. Для стран, находящихся в группе с низким уровнем экономического развития, по мере увеличения доходов на душу населения предпринимательская актив-

ность снижается, а в развитых экономиках, наоборот, увеличивается. Взаимосвязь уровня экономического развития и предпринимательской активности необходимо учитывать как ограничивающий фактор при разработке политики в отношении предпринимательства.

Кроме уровня экономического развития, в работе были рассмотрены факторы предпринимательской активности со стороны спроса и предложения, влияние государственного регулирования и культурных особенностей. Однако не все факторы, которые могли бы объяснить различия в предпринимательской активности между странами, были включены в модель, так как их количество ограничивалось числом наблюдений. Так, например, был рассмотрен лишь один показатель гендерного неравенства (отношение экономической активности женщин к экономической активности мужчин) и только два показателя государственного регулирования (требование минимально необходимого капитала и показатель информации о кредитоспособности). Некоторые показатели (например, неравенство доходов, расходы на исследования и разработки и др.) не были включены в модель ввиду отсутствия данных.

Список литературы

1. Thurik R. From the Managed to the Entrepreneurial Economy: Considerations for Developing and EmergingEconomies. In Naudé W. (eds.), Entrepreneurship and Economic Development, Palgrave-MacMillan: Houndmills, Basingstoke, England, 2011. P. 147–165.

2. Wennekers S., van Stel A., Carree M., Thurik R. The relationship between entrepreneurship and economic development: Is it U-Shaped? // Foundations and Trends in Entrepreneurship. 2010. V. 6. № 3. P. 167–237.

3. Audretsch A., Thurik R. Capitalism and democracy in the 21st Century: from the managed to the entrepreneurial economy // Journal of Evolution Economics. 2000. V. 10. P. 17–34.

4. Lucas R.E.Jr. On the size distribution of business firms // The Bell Journal of Economics. 1978. V. 9. № 2. P. 508–523.

5. Schaffner J.A. Rising incomes and the shift from self-employment to firm-based production // Economics Letters. 1993. V. 41. № 4. P. 435–440.

6. Iyigun, M.F., Owen A.L. Risk, Entrepreneurship and Human Capital Accumulation // American Economic Review. 1998. V. 88. № 2. P. 454–457.

7. Wennekers S., van Stel A., Thurik R., Reynolds P. Nascent Entrepreneurship and the Level of Economic Development // Small Business Economics. 2005. V. 24. № 3. P. 293–309.

8. Acs Z.J., Amorós J.E., Entrepreneurship and competitiveness dynamics in Latin America // Small Business Economics. 2008. V. 31. № 3. P. 305–322.

9. Amorós J.E., Cristi O. Longitudinal analysis of entrepreneurship and competitiveness dynamics in Latin America // International Entrepreneurship and Management Journal. 2008. V. 4. № 4. P. 381–399.

10. Levie J., Autio E. A theoretical grounding and test of the GEM model // Small Business Economics. 2008. V. 31. № 3. P. 235–263.

11. Carree M., van Stel A., Thurik R., Wennekers S. Economic Development and Business Ownership: An Analysis Using Data of 23 OECD Countries in the Period 1976-1996 // Small Business Economics. 2002. V. 19. № 3. P. 271–290.

12. Carree M., van Stel A., Thurik R., Wennekers S. The relationship between economic development and business ownership revisited // Entrepreneurship & Regional Development. 2007. V. 19. № 2. P. 281–291.

13. http://www.gemconsortium.org/key-indicators (дата обращения 28.11.2014).

14. http://databank.worldbank.org (дата обращения 01.12.2014).

15. Радаев В.В. Экономическая социология: Учеб. пособие для вузов / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2005. 603 с.

16. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012» / Ред.-сост. О.Р. Верховская, М.В. Дорохина. СПб.: СПбГУ, Высшая школа менеджмента, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gemconsortium.org/docs/download/3261.

17. Pinillos M.-J., Reyes L. Relationship between individualist–collectivist culture and entrepreneurial activity: evidence from Global Entrepreneurship Monitor data // Small Business Economics. 2011. V. 37. № 1. P. 23–37.

18. Syrquin M. Patterns of structural change // Handbook of Development Economics. 1988. P. 203–273.

19. Chepurenko A., Gabelko M., Obraztsova O. Early-Stage Entrepreneurial Activity: an Explanatory Model for Cross-Country Comparisons: Working paper WP1/2011/04. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2011/12/07/1274686344/WP1_2011_04_fffff.pdf.

20. Verheul I., Wennekers S., Audretsch D., Thurik A.R. An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison, 2002. P. 11–81.

21. Verheul I., van Stel A., Thurik A.R. Explaining female and male entrepreneurship at the country level // Entrepreneurship and Regional Development. 2006. V. 18. № 2. P. 151–183.

22. Wennekers S., Thurik R., van Stel A., Noorderhaven N. Uncertainty avoidance and the rate of business ownership across 21 OECD countries, 1976–2004 // Journal of Evolutionary Economics. 2007. V. 17. № 2. P. 133–160.

23. van Stel A., Storey D.J., Thurik A.R. The effect of business regulations on nascent and young business entrepreneurship // Small Business Economics. 2007. V. 28. № 2. P. 171–186.

24. Hessels J., van Gelderen M., Thurik R. Entrepreneurial aspirations, motivations, and their drivers // Small Business Economics. 2008. V. 31. № 3. P. 323–339.

25. Thurik A.R., Carree M.A., van Stel A., Audretsch D.B. Does self-employment reduce unemployment? // Journal of Business Venturing. 2008. V. 23. № 6. P. 673–686.

26. Landier A. Entrepreneurship and the Stigma of Failure. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=850446.

27. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: Учебник. 7-е изд., испр. М.: Дело, 2005. 504 с.

28. Porter M.E., Sachs J.D., McArthur J.W. Executive summary: Competitiveness and stages of economic development. In Schwab K., Porter M.E., Sachs J.D., Cornelius P.K., McArthur J.W. (eds.), The global competitiveness report 2001–2002. New York, Oxford University Press, 2002. P. 16–25.

THE LEVEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT AS A FACTOR OF EARLY-STAGE ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

E.N. Tarunina, E.O. Mavrina

National Research University Higher School of Economics

This paper examines the influence of the level of economic development on the cross-country differences in the level of entrepreneurial activity. The hypotheses of an L-shaped against a U-shaped form of interdependence between the level of Total Early-Stage Entrepreneurial Activity and the level of Gross Domestic Product per capita were tested with the use of data supported by the Global Entrepreneurship Monitor project and the World Bank. The regression coefficients were estimated by the Ordinary Least Squares method and for testing the hypotheses a J-test was run. It was revealed that the level of economic development significantly influences the early-stage entrepreneurial activity. The hypothesis of an L-shaped curve was rejected in favour of a U-shaped one. Furthermore, the use of other additional factors in the model that may contribute to the explanation of existing cross-country differences among countries was also justified in the paper. The analysis brought out that the GDP growth rate as well as the proportion of women in labour force have a significantly positive impact on the level of Total Early-Stage Entrepreneurial Activity. In contrast, it is negatively affected by the level of unemployment and the minimum capital.

Keywords: entrepreneurship, factors of entrepreneurial activity, level of economic development.

УДК 330.42:338.27

ДИНАМИЧЕСКАЯ СТОХАСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ РОССИИ

© 2015 г.

Д.Л. Андрианов, Д.Н. Шульц, И.А. Ощепков

Пермский государственный национальный исследовательский университет

oshchepkov@prognoz.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Построена малая DSGE-модель, адаптированная под условия экономики России: стандартная для данного класса моделей концепция рациональных ожиданий заменена адаптивными ожиданиями; вместо традиционного правила Тейлора используется модифицированное правило, подходящее для экспортно-ориентированных нефтедобывающих стран. Показано, как разработанная модель может быть использована для целей прогнозирования и анализа экономической политики государства.

Ключевые слова: DSGE-модель, макроэкономическое моделирование.

В последнее время важное место в анализе, моделировании и прогнозировании макроэкономических процессов занимают динамические стохастические модели общего экономического равновесия (DSGE-модели). Данный подход к моделированию макроэкономики зародился в рамках так называемого «нового неоклассического синтеза», современного направления западной экономической мысли, который, в свою очередь, стал продуктом синтеза неоклассики и неокейнсианства. Важным преимуществом DSGE-моделей является возможность учесть влияние технологических факторов и такие несовершенства реальных рынков, как жесткие цены и заработные платы, несовершенная информация и несовершенная конкуренция.

Примечательно, что DSGE-моделирование является не просто академической разработкой, но получило распространение в практике государственного регулирования во многих странах мира: в Канаде [1], Великобритании [2], США [3], Швеции [4], Чили [5], Новой Зеландии [6] и т.д. В последние годы новое руководство российского Центрального банка активно применяет аппарат DSGE-моделирования при разработке денежно-кредитной политики.

В то же время в отечественной науке DSGE-модели практически не разрабатываются. Из полноценных DSGE-моделей РФ прежде всего известна модель А.В. Полбина [7]. На наш взгляд, данная модель выполнена в соответствии с зарубежными канонами и не в полной мере учитывает специфику экономики России. Поэтому в нашей работе представлена попытка разработать малую DSGE-модель российской экономики с учетом текущих реалий.

Любая DSGE-модель включает 3 обязательных компонента [8, с. 27–29]:

– динамический вариант уравнения IS для моделирования национального дохода;

– новая кейнсианская кривая Филлипса – для инфляции;

– правило Тейлора – для моделирования процентной ставки.

Последнее уравнение особенно важно в условиях перехода Банка России к политике инфляционного таргетирования. Кроме того, мы считаем необходимым включить в эту систему уравнение для обменного курса на основе непокрытого паритета процентных ставок [9]; отдельно выделяется уравнение для инфляционных ожиданий. Помимо указанных ключевых уравнений модели, также потребуются вспомогательные уравнения для выделения тренд-циклических компонент, расчета краткосрочных отклонений от равновесия, расчета дефлированных переменных и т.д. [10].

Таким образом, на наш взгляд, малая DSGE-модель России должна включать 4 эндогенные переменные – это ВВП, инфляция, ставка процента и обменный курс. Экзогенными переменными модели традиционно выступают переменные, определяющие динамику российской экономики: мировые ВВП, инфляция и ставка процента.

Взаимосвязь между этими показателями показана на рис. 1.

Рассмотрим более подробно каждое из ключевых уравнений системы. Приведём их исходный вариант, особенности и моменты, в части которых данная модель будет адаптирована к российским условиям.

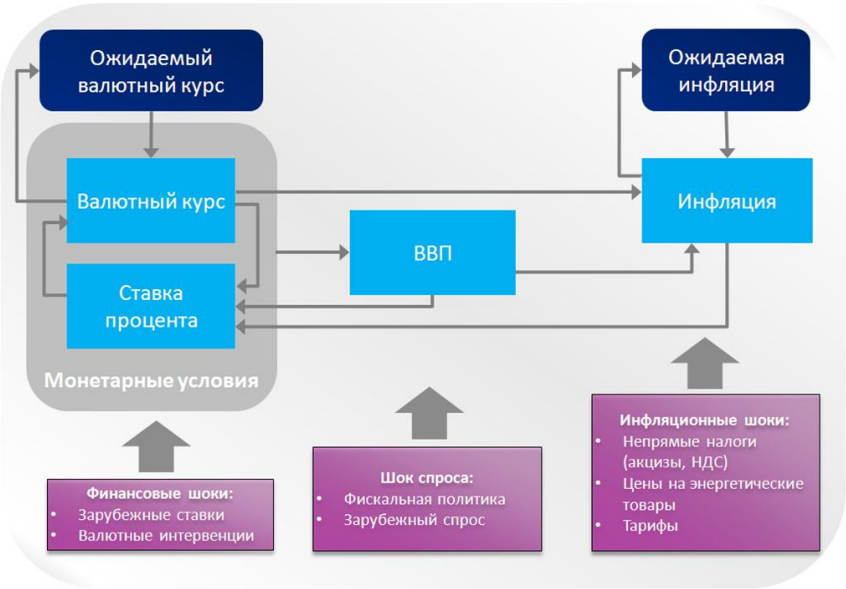


Рис. 1. Граф взаимодействия показателей DSGE-модели России

Как было сказано выше, для моделирования ВВП используется динамический вариант кривой IS:

$$\hat{y}_t = a_1\hat{y}_{t-1} - a_2 mci_t + a_3\hat{y}_t^* + \varepsilon_t^y, \quad (1)$$

где $\hat{y}_t$ – отклонение (разрыв) выпуска от равновесного (долгосрочного) уровня в момент времени t; mci_t – индекс монетарных условий в момент времени t, рассчитываемый по формуле $mci_t = a_4\hat{r}_t + (1 - a_4)(-\hat{z}_t)$; $\hat{y}_t^*$ – отклонение мирового выпуска от равновесного уровня в момент времени t; ε_t^y – шок спроса в момент времени t; $\hat{r}_t$ – отклонение реальной ставки процента от равновесного значения в момент времени t; $\hat{z}_t$ – отклонение реального курса от равновесного значения в момент времени t; a_1 – коэффициент инерционности отклонений выпуска; a_2 – коэффициент влияния монетарных условий на реальную экономику; a_3 – коэффициент влияния зарубежного спроса на отклонения выпуска; a_4 – коэффициент значимости ставки процента в монетарной политике.

Обозначенные уравнения позволяют учесть следующие особенности экономики:

– инерционность изменения выпуска;

– влияние монетарной политики на реальную экономику, прежде всего процентной ставки, и немонетарных факторов;

– влияние внешнего спроса на отечественную экономику;

– выбор потребителей между сегодняшним и будущим потреблением;

– выбор потребителей между отечественными и импортными товарами.

Особенностью DSGE-моделей является применение фильтров для выделения долгосрочной тренд-циклической составляющей. При этом результаты фильтрации зависят от выбранного метода, параметров сглаживания, начального и конечного периодов фильтрации и т.д. Поэтому возникает определенный произвол и, соответственно, различные результаты. Поэтому, когда новое руководство Банка России обозначило, что при формировании монетарной политики руководствуется DSGE-подходом, у отечественных экономистов это вызвало определенную настороженность [11]. А С.В. Смирнов показал, что различные процедуры сглаживания могут давать достаточно противоречивые сигналы о фазах экономического цикла в России [12, с. 485].

В нашей модели для выделения тренд-циклической составляющей мы использовали фильтр Ходрика – Прескотта на периоде с I квартала 2000 года по I квартал 2014-го со стандартным параметром сглаживания для квартальной динамики, равного 1600.

Существуют ещё ряд процедур для очистки временных рядов от нерегулярной составляющей: фильтр Калмана, модель ненаблюдаемых компонентов, подход Бланшара – Кана. Однако фильтр Ходрика – Прескотта является одним из самых широко распространённых методов выделения тренда и сглаживания макроэкономических временных рядов, позволяющих установить баланс между точностью и степенью гладкости тренд-циклической составляющей [13, с. 10]. Кроме того, использование данного ме-

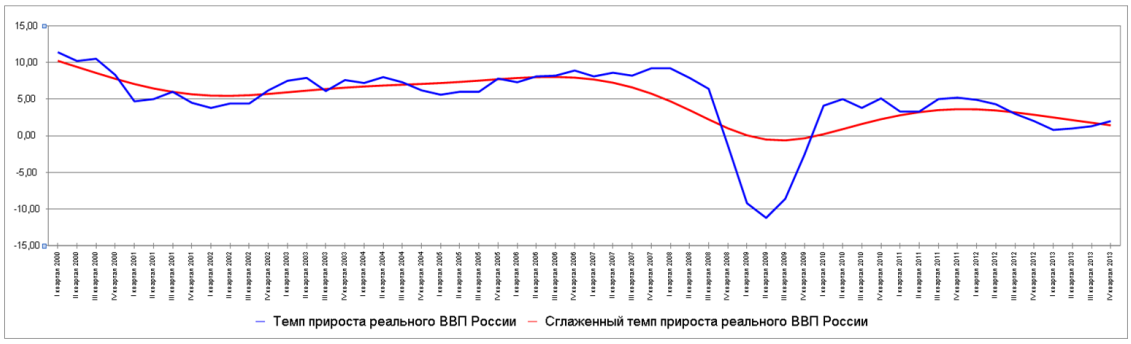


Рис. 2. Применение фильтра Ходрика – Прескотта к темпам прироста реального ВВП России

тода апробировано в западной науке [9], а также Центральным банком РФ [14, с. 37].

Результаты фильтрации представлены на рис. 2.

Для моделирования инфляции использовались следующие уравнения:

$$\pi_t = b_1\pi_{t+1}^e + (1-b_1)\pi_{t-1} + \\ + b_2 rmc_t + \varepsilon_t^\pi, \quad (2)$$

где π_t – инфляция в момент времени t; π_{t+1}^e – ожидаемая инфляция в момент времени $t+1$; rmc_t – реальные предельные издержки в момент времени t, рассчитываемые по формуле $rmc_t = b_3\hat{y}_t + (1-b_3)\hat{z}_t$; ε_t^π – шок инфляции в момент времени t; b_1 – коэффициент инерционности инфляции; b_2 – коэффициент влияния реальной экономики на инфляцию; b_3 – доля отечественной продукции.

Данная спецификация отражает следующие характеристики экономики:

– наличие инфляционных ожиданий;

– влияние реальной экономики на монетарные процессы;

– жёсткость (инерционность) номинальных показателей;

– немонетарный аспект инфляции, в том числе влияние тарифов естественных монополий;

– эффект импортируемой инфляции.

Теоретической основой DSGE-моделей является концепция рациональных ожиданий. Согласно данной концепции: а) экономическим агентам доступна полная информация, что и государству, б) информация используется максимально эффективно. В результате чего: в) экономические агенты обладают совершенным предвидением, то есть могут точно прогнозировать фактические значения будущей инфляции, обменного курса и т.д.

На сегодняшний день гипотеза рациональных ожиданий отвергается многими экономистами как нереалистичная [15, 16]. Более реалистичной, особенно в случае России, кажется нам гипотеза адаптивных ожиданий. В рамках гипотезы адаптивных ожиданий от экономических агентов не требуется совершенного предвидения, достаточно того, чтобы учитывались предыдущие ошибки. Иными словами, формирование адаптивных ожиданий выглядит следующим образом:

$$\pi_{t+1}^e = \pi_t^e + \lambda_\pi(\pi_t - \pi_t^e), \quad (3)$$

где $\lambda_\pi \in (0;1)$ – скорость корректировки инфляционных ожиданий.

Традиционно в DSGE-моделях используется правило Тейлора [17]:

$$i_t = (\pi_t + i_t^n) + \\ + f_1(\pi_t - \pi_t^T) + f_2\hat{y}_t + \varepsilon_t^i, \quad (4)$$

где i_t – номинальная ставка процента в момент времени t; i_t^n – реальная долгосрочная ставка процента в момент времени t; π_t^T – целевой уровень инфляции в момент времени t; ε_t^i – шок номинальной ставки процента в момент времени t; f_1 – чувствительность процентной ставки к отклонению инфляции от целевого уровня; f_2 – чувствительность процентной ставки к отклонению выпуска от равновесного состояния.

Идея Дж. Тейлора состояла в следующем: разработать контрциклическое правило поведения Центрального банка, охлаждающее экономику при перегреве (то есть когда инфляция превышает целевой уровень и когда национальный доход превышает потенциальный уровень) и стимулирующее при спаде.

Однако применительно к экспортно-ориентированным нефтедобывающим странам правило Тейлора оказывается не совсем адекватным. Центральные банки таких стран вынуждены следить не только за уровнем инфляции, но, может быть, даже в большей степени, – за обменным курсом.

Правило Тейлора для России было идентифицировано экономистами Центра макроэкономических исследований [18] следующим образом:

Таблица 1

Значения параметров DSGE-модели России

Параметр	Описание	Диапазон изменения	Значение
Моделирование отклонений от ВВП (Уравнение IS)			
a_1	Постоянство отклонений ВВП	[0.1; 0.95]	0.7
a_2	Влияние монетарных условий на реальную экономику	[–0.5; –0.1]	–0.2
a_3	Влияние зарубежного спроса	[0.1; 0.5]	0.48
a_4	Значимость ставки процента в монетарной политике	[0.3; 0.8]	0.4
Моделирование инфляции (Кривая Филлипса)			
b_1	Инерционность цен	[0.4; 0.9]	0.5
b_2	Влияние издержек	[0.05; 0.4]	0.15
b_3	Доля отечественной продукции	[0.3; 0.9]	0.6
λ_π	Сглаживание инфляционных ожиданий	[0; 1]	0.34
Моделирование ставки процента (Правило Тейлора)			
f_1	Инерционность процентной ставки	[0; 0.8]	0.75
f_2	Влияние отклонения ожидаемой инфляции от целевого уровня	[0.3; 1]	0.7
f_3	Влияние отклонения ВВП от устойчивого состояния	[0.3; 1]	0.3
f_4	Влияние отклонения валютного курса от устойчивого состояния	[0.3; 1]	0.3
Моделирование обменного курса (Непокрытый паритет процентных ставок)			
e_1	Гибкость валютного рынка	[0; 0.9]	0.05
λ_s	Сглаживание валютных ожиданий	[0; 1]	0.45

$$i_t = f_1 i_{t-1} + (1 - f_1) \times \times (i_t^n + f_2(\pi_{t+1}^e - \pi_t^T) + f_3 \hat{y}_t + f_4 \hat{z}_t) + \varepsilon_t^i, \quad (5)$$

где f_1 – степень инерционности номинальной ставки процента, f_4 – чувствительность процентной ставки к отклонению реального валютного курса от равновесного состояния.

Кроме того, сложным вопросом оказывается выбор процентной ставки. Раньше Банк России использовал различные ставки для рефинансирования коммерческих банков. В некоторых DSGE-моделях используется ставка межбанковского кредитования [9]. Однако в процессе перехода к инфляционному таргетированию ЦБ РФ унифицировал процентную политику, сведя всё к одной-единственной «ключевой ставке», которая и была выбрана нами в качестве переменной i_t.

Для моделирования валютного курса используется следующее уравнение:

$$s_t = e_1 s_t^T + (1 - e_1) \times \times (s_{t+1}^e + (i_t^* - i_t + prem_t)/4\ ) + \varepsilon_t^s, \quad (6)$$

где s_t – темп роста номинального курса в момент времени t; s_{t+1}^e – ожидаемый темп роста номинального курса в момент времени $t+1$; s_t^T – целевой темп роста номинального курса в момент времени t, определяемый как $s_t^T = s_{t-1} + (\bar{\pi}_t - \bar{\pi}_t^* + \bar{z}_t)/4$; i_t^* – мировая номинальная ставка процента в момент времени t; $prem_t$ – премия за риск в момент времени t; ε_t^s – шок валютного курса в момент времени t; $\bar{\pi}_t$ – равновесное состояние инфляции в момент времени t; $\bar{\pi}_t^*$ – равновесное состояние зарубежной инфляции в момент времени t; $\bar{z}_t$ – равновесное состояние реального валютного курса в момент времени t; e_1 – коэффициент гибкости валютного рынка.

Данная спецификация отражает следующие характеристики экономики:

– целевой и ожидаемый уровень валютного курса;

– влияние валютных интервенций на валютный курс;

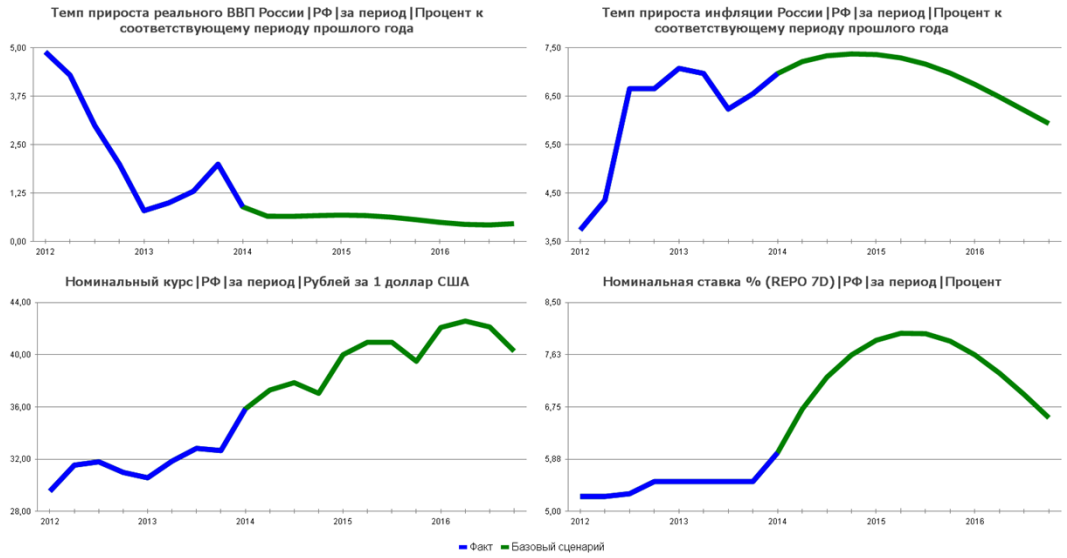


Рис. 3. Прогноз по основным экономическим показателям России

Таблица 2

Прогноз по основным экономическим показателям России

Переменная	2014	2015	2016
Темп прироста реального ВВП, % к соответствующему периоду прошлого года	0.72	0.64	0.46
Темп прироста инфляции, % к соответствующему периоду прошлого года	7.23	7.21	6.35
Курс рубля к доллару США, рублей за 1 доллар США	37.02	40.36	41.78
Ставка REPO 7D, %	6.89	7.92	7.12

– влияние внутренней и зарубежной ставки процента на валютный курс;

– гибкость валютного рынка;

– влияние внутренней и зарубежной инфляции на валютный курс.

Для валютных ожиданий мы также применили гипотезу адаптивных ожиданий:

$$s_{t+1}^{e} = \lambda_s s_t + (1 - \lambda_s) s_t^{e}, \quad (7)$$

где λ_s – параметр сглаживания валютных ожиданий, область значения которого находится в пределах от 0 до 1.

Разработанная DSGE-модель была реализована в Prognoz Platform (http://www.prognoz.ru). По сравнению с популярной на Западе программой Dynare, Prognoz Platform – отечественный продукт, имеющий ряд преимуществ: интеграция с базами данных международной и отечественной социально-экономической статистики; наличие удобного интерфейса для работы с DSGE-моделями; отсутствие необходимости знания синтаксиса языка программирования.

В Prognoz Platform была проведена калибровка параметров модели. При этом учитывались диапазоны значений параметров, рекомендованные зарубежными исследователями [9] (табл. 1).

На основе откалиброванной DSGE-модели были рассчитаны прогнозы по ключевым экономическим показателям на 3 года вперёд при сохранении нынешней экономической конъюнктуры (рис. 3).

В агрегированном представлении по годам прогнозы даны в таблице 2.

Стоит отметить, что в 2013 году произошёл целый ряд масштабных событий, которые невозможно было предвидеть на момент прогнозирования в начале года и которые внесли существенный вклад в итоговое значение макроэкономических показателей в 2014 году:

– западные санкции, наложенные на основные сектора российской экономики, не позволяющие использовать в производстве современные иностранные технологии и ограничивающие доступ финансовых учреждений на зарубежные рынки капитала;

– ответные контрсанкции на импорт сельскохозяйственной продукции;

Таблица 3

Эластичности изменения моделируемых показателей к изменению управляющих воздействий

Шок	Показатель	В первый период	2014	2015	2016
Шок инфляции (–1%)	Темп прироста реального ВВП, % к соответствующему периоду прошлого года	0.09	0.14	0.45	0.66
	Темп прироста инфляции, % к соответствующему периоду прошлого года	–1	–0.86	–1.1	–0.64
	Курс рубля к доллару США, рублей за 1 доллар США	0.03	0.08	0.64	1.84
	Ставка REPO 7D, %	–0.05	–0.15	–0.72	–0.77
Фискальный шок (+1%)	Темп прироста реального ВВП, % к соответствующему периоду прошлого года	1	0.52	0.12	-0.06
	Темп прироста инфляции, % к соответствующему периоду прошлого года	0.1	0.09	0.1	0.03
	Курс рубля к доллару США, рублей за 1 доллар США	–0.03	–0.05	–0.2	–0.43
	Ставка REPO 7D, %	0.08	0.09	0.15	0.07
Шок валютного курса (+1%)	Темп прироста реального ВВП, % к соответствующему периоду прошлого года	0.11	0.11	0.17	0.05
	Темп прироста инфляции, % к соответствующему периоду прошлого года	0.08	0.1	0.21	0.28
	Курс рубля к доллару США, рублей за 1 доллар США	0.83	0.62	1.24	1.58
	Ставка REPO 7D, %	0.08	0.12	0.36	0.46
Шок ставки процента (-1%)	Темп прироста реального ВВП, % к соответствующему периоду прошлого года	0.12	0.19	0.51	0.36
	Темп прироста инфляции, % к соответствующему периоду прошлого года	0.04	0.08	0.49	0.66
	Курс рубля к доллару США, рублей за 1 доллар США	0.35	0.46	1.59	2.54
	Ставка REPO 7D, %	–1	–0.88	–0.65	0.33

– стремительное падение цен на нефть.

Западные санкции вызвали дополнительное замедление ВВП, контрсанкции проявились в ускорившемся росте цен, а падение цен на нефть вызвало масштабную девальвацию национальной валюты.

Однако несмотря на всё вышеназванное построенная модель позволила точно уловить тенденции развития экономики России на качественном уровне.

Например, удалось верно предсказать замедление экономического роста на фоне девальвации рубля и ускорения инфляции (стагфляцию); естественную для подобных условий реакцию Центрального банка в виде повышения ставки процента. Также в последующие периоды времени на фоне ослабления инфляционных ожиданий и замедления инфляции произошло ожидаемое снижение ставки процента. Таким образом, модель подтверждает тезис о том, что экономические проблемы России носят внутренний характер, а внешние шоки лишь увеличили их масштаб. Поэтому всё чаще возникают дискуссии о проведении структурных реформ и о поиске новой модели развития российской экономики.

Известно множество предложений от отечественных экономистов по ускорению средне-

срочного экономического роста: заморозка тарифов естественных монополий, увеличение государственных расходов, в том числе за счет «распечатывания» Фонда национального благосостояния, снижение ставки процента, стабилизация или дальнейшая девальвация обменного курса и т.д.

Именно для оценки эффектов от различных инструментов государственной экономической политики, от внешних шоков DSGE-модели содержат во всех уравнениях переменные ε_t (шоки или инновации). С помощью построенной модели мы оценили влияние 1%-го изменения экзогенных переменных на моделируемые переменные: ВВП, инфляцию, обменный курс и процентную ставку (табл. 3).

Проанализируем полученные результаты. Одномоментный отрицательный шок инфляции (например, может быть вызван заморозкой тарифов) окажет стимулирующее воздействие на экономический рост, в том числе через снижение ставки процента (эффект Кейнса). При этом особо обращает на себя внимание, что, согласно построенной модели, снижение инфляции вызывает не укрепление, а ослабление рубля вследствие снижения ставки процента. Действительно, в современных условиях РФ потоки капитала оказывают более значимое влияние на обменный курс, чем торговый баланс.

А анализ временных лагов позволяет утверждать, что эффект от заморозки тарифов проявляется не в кратко-, а в среднесрочной перспективе.

А вот одномоментный положительный фискальный шок (например, увеличение государственных расходов) как раз носит краткосрочный характер – практически весь всплеск ВВП локализуется в первом же году. Также увеличение государственных расходов приведёт к небольшому росту инфляции, и как следствие – к росту процентной ставки Центробанка.

Одномоментный рост обменного курса (девальвация рубля) увеличивает и ВВП, и инфляцию. Поэтому в дискуссии о влиянии девальвации на экономическую активность в России [18] мы оказываемся на стороне тех экономистов, которые приходят к выводу о позитивном влиянии девальвации. При этом ускорение экономики происходит даже несмотря на рост номинальной процентной ставки, связанный с ускорением инфляции. То есть в данном случае положительный внешнеэкономический эффект перевешивает отрицательный эффект от роста процентной ставки.

Наконец, одномоментное снижение процентной ставки приведёт к ускорению экономического роста несмотря на ускорение инфляции. Опять же максимальный прирост ВВП ожидается в среднесрочной перспективе. Эффект от снижения процентной ставки усиливается за счет обесценения национальной валюты.

Обращает на себя внимание, что при снижении процентной ставки происходит ускоряющийся рост инфляции. Как результат, Центробанк, преследующий цели монетарной стабильности, рано или поздно будет вынужден снова повышать ставку процента, что приведет к торможению экономической активности. По всей видимости, именно это соображение, а также очевидный девальвационный эффект сдерживает денежный регулятор от снижения ключевой ставки в условиях стагнации.

Таким образом, в статье представлена малая DSGE-модель России. При построении модели мы адаптировали этот модный за рубежом инструментарий к современной российской экономике. В частности, мы отказались от гипотезы рациональных ожиданий в пользу адаптивных ожиданий, а также использовали модифицированный вариант правила Тейлора. На основе проведенных расчетов нами был построен среднесрочный прогноз и оценены эффекты тарифной, фискальной, валютной и процентной политики.

Список литературы

1. Murchison S., Rennison A. ToTEM: The Bank of Canada's New Quarterly Projection Model // Bank of Canada Technical Report. № 97. 2006. 120 p.
2. Harrison R., Nikolov K., Quinn M., Ramsay G., Scott A., Thomas R. The Bank of England Quarterly Model // Bank of England Publications. 2005. 244 p.
3. Erceg C.J., Guerrier L., Gust C. SIGMA: A New Open Economy Model for Policy Analysis // International Journal of Central Banking. 2006. № 2 (1). P. 111–144.
4. Adolfson M., Lassen S., Linde J., Villani M. RAMSES – a new general equilibrium model for monetary policy analysis // Sveriges Riksbank economic review. 2007. № 2. P. 5–40.
5. Medina J.P., Soto C. Model for Analysis and Simulations: A Small Open Economy DSGE for Chile // Central Bank of Chile. 2006. 47 p.
6. Benes J., Binning A., Fukac M., Lees K., Matheson T. K.I.T.T.: Kiwi Inflation Targeting Technology // Reserve Bank of New Zealand. 2009. 138 p.
7. Полбин А.В., Дробышевский С.М. Построение динамической стохастической модели общего равновесия для российской экономики. М.: Издательство Института Гайдара. 2014. 156 с.
8. Фаджиоло Д., Ровентини А. О научном статусе экономической политики: повесть об альтернативных парадигмах // Вопросы экономки. 2009. № 6. С. 24–47.

9. Popescu A. Introduction to a Small Model for Monetary Policy Analysis // Joint Vienna Institute Training Program «Monetary and Exchange Rate Policy», 2013

10. Андрианов Д.Л., Шульц Д.Н., Ощепков И.А. Динамические стохастические модели общего экономического равновесия // Управление экономическими системами. 2014. № 7. URL: http://www.uecs.ru/uecs67-672014/item/2998-2014-07-30-07-14-51

11. Ивантер А.Е. Аперитив для сильных духом // Эксперт. 2013. № 38 (688). С. 22–25.

12. Смирнов С.В. Российские циклические индикаторы и их полезность «в реальном времени»: опыт рецессии 2008–2009 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 479–513.

13. Цыплаков А. Введение в моделирование в пространстве состояний // Квантиль. 2011. № 9. С. 1–25.

14. Доклад о денежно-кредитной политике от 4 декабря 2014 г. URL: http://www.cbr.ru/publ/ddcp/2014_04_ddcp.pdf (дата обращения: 26.01.2015).

15. Шульц Д.Н., Гребнев М.И. Рациональность поведения: иерархический анализ // РИСК. 2014. № 2. С. 167–170.

16. Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4–13.

17. Taylor J.B. Discretion versus Policy Rules in Practice. 1993. Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy 39. P. 195–214.

18. Юдаева К., Иванова Н., Каменских М. Что таргетирует Банк России? // Обзор центра макроэкономических исследований Сбербанка России. 2010.

19. Зубарев А.В., Трунин П.В. Влияние реального обменного курса рубля на экономическую активность в России // Проблемы прогнозирования, 2014. № 2. С. 92–102.

DYNAMIC STOCHASTIC MODEL OF RUSSIA'S GENERAL ECONOMIC EQUILIBRIUM

D.L. Andrianov, D.N. Shultz, I.A. Oshchepkov

Perm State National Research University

In this paper, a small-scale DSGE model is built and adapted to the conditions of the Russian economy. The rational expectations theory typical of this type of models is substituted by the adaptive expectations theory; instead of the classical Taylor Rule, a modified version for export-oriented and oil-producing countries is used. It is shown that this model can be employed for forecasting and economic policy analysis.

Keywords: DSGE model, macroeconomic modelling.

УДК 657.47

ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОСВЕННЫХ ЗАТРАТ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2015 г.

И.Е. Мизиковский

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

core090913@gmail.com

Поступила в редакцию 05.05.2015

Рассматривается совершенствование методики косвенных затрат, инкорпорированной в общую систему управления производственными затратами. Представлены результаты сравнительного исследования применяемых подходов к определению понятия косвенных затрат, приемов и способов их распределения между стоимостью продуктов производственной деятельности. Применение элементов эмпирического метода исследований (сбор информации, наблюдение и анализ) используемых на практике основных моделей распределения косвенных затрат позволили прийти к выводу, что они не обладают возможностями гибкой адаптации к изменению существенных факторов влияния на формирование затрат данного класса, что приводит к заметному снижению точности результатов калькулирования. В качестве решения проблемы предлагается инновационная модель распределения косвенных затрат, основанная на гибкой «привязке» базы распределения и алгоритмов расчетов к состоянию обычной деятельности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: калькулирование косвенных затрат, носитель затрат, база распределения косвенных затрат, модель распределения.

Известно, что решение проблемы обеспечения экономичности производственных затрат на промышленных предприятиях осложняется не только устаревшим и изношенным оборудованием, неэффективными технологиями производства и некачественными ресурсами, но и не соответствующими требованиям сегодняшнего дня приемами и способами управления, в том числе затратами на производство. Проведенные нами исследования на ряде предприятий Нижнего Новгорода, Дзержинска, Бора и Заволжья показали, что к проблемным областям управления затратами относятся применяемые методики распределения косвенных затрат.

Целью данного процесса является максимально точное отнесение косвенных затрат на продукт производства. Методикам практического решения данной непростой задачи посвящено немало исследований, в том числе и проведенных нами. Анализ материалов исследований позволяет прийти к выводу о том, что на сегодняшний день в общепринятой практике существует два основных подхода – типовой (отраслевой) и объектно-ориентированный (индивидуальный). Первый подход характерен для многих естественных монополий и некоторых отраслей экономики (железнодорожный транспорт, сельское хозяйство, строительство). Его применение предполагает обязательное выполнение отраслевых «рекомендаций» по калькулированию затрат (слово «рекомендация» теряет свой изначальный смысл, поскольку документ имеет директивный характер, обязательный к исполнению).

Следование типовым решениям несколько упрощает проблему распределения затрат в плане поиска оптимальных формул расчетов, заметно снижает трудоемкость выполнения расчетов, способствует унификации управленческой отчетности в значительных сегментах деловой активности, укреплению хозяйственных связей в отрасли. Вместе с тем поддержание качества управления затратами, особенно в части калькулирования, требует индивидуальных подходов и клишированные, шаблонные решения не всегда эффективны. Применение объектно-ориентированного подхода позволяет гибко и оперативно адаптировать общепринятые формулы калькулирования косвенных затрат к специфике конкретного хозяйствующего субъекта, но, вместе с этим, генерирует ряд проблем.

Одной из таких проблем является отсутствие на практике единого понимания семантической составляющей косвенных затрат, что заметно осложняет формирование их методологического обеспечения. На многих из числа исследуемых предприятий во внутренних регламентах вместо термина «косвенные» используется термин «накладные». Теория затрат предполагает неоднозначность этих понятий: косвенные, помимо накладных (управленческих) затрат

включают в себя такие важные на производстве статьи, как: «расходы на содержание и эксплуатацию оборудования», «расходы на освоение новых производств и технологий» и т.п.

Очевидно, что научный подход к оптимизации процесса предполагает приведение в соответствие теоретических и практических подходов к решению проблемы. Формирование методологической базы косвенных затрат включает максимально возможное устранение семантической неопределенности понятия «косвенные затраты». Необходимо отметить, что проблемы с пониманием данного понятия в общепринятой практике производственного менеджмента связаны также с отсутствием определения данного термина в нормативно-правовой базе бухгалтерского учета хозяйственной деятельности.

В отличие от субъектов нормативного регулирования учета, исследователи уделяют значительное внимание определению данного понятия. Так, автором [1] косвенные затраты позиционируются как класс затрат, которые «невозможно отнести на конкретные виды изделий» и распределяемые «между отдельными изделиями согласно выбранной методике». В [2] подчеркивается, что косвенные «расходы распределяются между отдельными видами продукции в порядке, определенном организацией». В [3] в основу определения косвенных затрат ставится их отношение одновременно ко многим продуктам производственной деятельности и делается вывод о том, что «обоснованное распределение косвенных расходов… остается одной из наиболее сложных задач калькулирования».

В [3] также отмечается, что отличительной особенностью косвенных затрат является необходимость в их распределении, подчеркивается «невозможность или нецелесообразность» прямого списания на себестоимость калькуляционного объекта. Этой же позиции придерживаются авторы [4]: «косвенные затраты возникают для нескольких видов продуктов» и распределяются на их себестоимость.

В [5] подчеркивается, что рассматриваемые затраты на себестоимость калькулируемого объекта «точно и единственным способом отнесены быть не могут». Таким образом, по мнению исследователей, структурно образующим элементом определения понятия косвенных затрат является процесс их распределения между создаваемой стоимостью продуктов. Этот сложный и многовариантный процесс определил, по нашему мнению, сущность косвенных затрат.

В [3–9, 10–12] доказано, что в основе методологии распределения косвенных затрат лежит необходимость их дифференцирования на однородные группы, каждой из которых ставится в соответствие определенная совокупность носителей затрат, т.е. показателей, максимально влияющих на формирование их стоимости [3]. Очевидно, что содержание данной процедуры определяется спецификой использования производственных ресурсов, иными словами, выбор носителей затрат зависит от технологических особенностей выпуска продукции.

Объектно-ориентированный подход предполагает использование в качестве базы распределения соответствующей группы косвенных затрат, как правило, наиболее существенного по влиянию на формирование ее стоимости, носителя затрат (или их комбинации). Например, для группы затрат на содержание и эксплуатацию оборудования носителями могут быть количество оборудования, его производительность, время работы машин и механизмов и т.д. Общепринятая практика управления затратами предполагает составление внутренних регламентов предприятия, где директивно отражается состав и схема структурирования базы распределения, а также алгоритм отнесения косвенных затрат на себестоимость продукции (работ, услуг, товаров).

Проведенные нами исследования показали, что калькуляционные регламенты пересматриваются крайне редко, причем их корректировка зачастую никак не связана с изменениями влияния образующих ее носителей на уровень себестоимости калькулируемого продукта. Нередки случаи расхождения директивно заданного алгоритма с используемым способом отнесения затрат на практике, особенно в автоматизированной форме или при аутсорсинге бухгалтерских работ.

Анализ материалов исследований показал, что в качестве базы распределения в совокупности используется не более двух-трех показателей. Очевидно, что «узость» состава базы не может позволить отразить многообразие сложного процесса накопления косвенных затрат и это вполне ожидаемо снижает качество расчетного результата. В [10] очень верно отмечено, что «введение каждого дополнительного показателя повышает уровень затрат на сбор и обработку данных… чем больше показателей, тем труднее их интерпретация и контроль…».

Опытным путем мы пришли к выводу, что таких показателей для калькуляционного процесса среднестатистического промышленного предприятия должно быть не менее пяти–семи,

что, конечно же, может служить информационным поводом для методологической дискуссии. Безусловно, в каждой конкретной производственно-хозяйственной ситуации необходим поиск оптимального состава носителей, позволяющего обеспечить качественную информационную поддержку рассматриваемого процесса с наименьшими издержками.

Качественно оценивая исследованные способы распределения, можно прийти к выводу, что они носят инерционный характер, их обобщенная модель не настроена на немедленную реакцию на изменение существенных факторов влияния на формирование косвенных затрат. Налицо заметное искажение калькуляций себестоимости в части косвенных затрат, что приводит к невозможности их использования как источника принятия управленческих решений, в том числе для поддержания их экономичности.

Отсюда следует, что актуальной задачей является придание модели возможностей гибкой и эффективной адаптации состава базы распределения и алгоритмов расчетов как к текущему, а в некоторых случаях и к ожидаемому состоянию обычной деятельности хозяйствующего субъекта. Мы полагаем, что предлагаемую модель распределения косвенных затрат можно охарактеризовать как инновационную, поскольку она имманентно предполагает внесение определенных новшеств в калькуляционный процесс. Внесению коррективов предшествует этап комплексного экономического анализа состава носителей затрат, в ходе которого происходит выявление степени влияния того или иного показателя на уровень косвенных затрат и определение эффективности используемых алгоритмов расчетов.

Анализ также предполагает выявление потребности в количественной модификации носителей затрат: добавление новых или исключение из состава используемых. Необходимо отметить, еще одним принципом инновационной модели должно стать обязательное, полное и оперативное документирование не только всех корректировок, но и хода проведения аналитических работ. Продуктивное использование инновационной модели требует приведения в соответствие действующих на предприятии регламентов и практики расчетов, что обеспечивается регулярным внутренним контролем результатов производимых бухгалтерских расчетов и строгим соблюдением требований к ведению корпоративной документации.

Инновационная модель распределения косвенных затрат позволит заметно улучшить технологию управления затратами в целом, в том числе за счет повышения качества калькуляций себестоимости производимых продуктов, во многом обеспечивающих разработку и реализации стратегии экономичности затрат.

Список литературы

1. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учет. М.: Омега-Л., 2006. 576 с.
2. Бухгалтерский учет: Учебник / Ю.А. Бабаев [и др.]; Под ред. Ю.А. Бабаева. М.: ТК Велби, Проспект, 2005. 392 с.
3. Хорнгрен Ч., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учет. 10-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2007. 1008 с.: ил. (Серия «Бизнес-класс»).
4. Тихомиров О.В. Контроллинг: мифы и реальность // Экономика железных дорог. Журнал для руководителей и финансово-экономических работников, 2012. № 7. С. 30–35.
5. Друри К. Управленческий и производственный учет / Пер. с англ. В.Н. Егорова. 6-е изд. М.: Аудит, ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 1423 с.
6. Мизиковский И.Е. Методика экспертной оценки варианта организации содержания и эксплуатации оборудования промышленного предприятия // Аудит и финансовый анализ. 2011. № 4. С. 348–350.
7. Мизиковский И.Е. Распределение косвенных затрат по этапам производственного цикла // Аудиторские ведомости. 2008. № 10. С. 78–84.
8. Подшерстник Н.В. Бухгалтерский учет на современном предприятии. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 552 с.
9. Ханс-Йорг Буллингер, Арно Фёгеле, Рольф Хихерт, Ханс Варнеке. Расчет затрат для инженеров. М.: Альпина Паблишер., 2008. 307 с.
10. Управленческий учет: официальная терминология CIMA / Пер. с английского О.Н. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.
11. Управленческий учет: Учебник / А.Д. Шеремет, О.Е. Николаева, С.И. Полякова / Под редакцией А.Д. Шеремета. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2005. 344 с.
12. Управленческий учет: Учебное пособие под общей ред. А.Д. Шеремета. М. – ИД ФБК-ПРЕСС, 2000. 274 с.
13. Устич Д.П. Мониторинг инновационного развития предприятий железнодорожного транспорта// Экономика железных дорог. Журнал для руководителей и финансово-экономических работников., 2013. № 4. С. 20–27.
14. Фридаг Х.Р., Шмидт В. Сбалансированная система показателей. М.: Омега-Л, 2011. 144 с.

AN INNOVATIVE MODEL OF INDIRECT COSTS DISTRIBUTION IN INDUSTRIAL ENTERPRISES

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This paper aims to improve the methods of indirect costs calculation that are incorporated into the overall system for production costs management. We present the results of a comparative study of approaches used to determine indirect costs, techniques and methods of their distribution between the cost of products. The application of some elements of empirical research methods (information gathering, monitoring and analysis) used in practice within the framework of the basic models of indirect costs distribution has shown that they cannot provide flexible adaptation to the changes in significant factors influencing the formation of the costs of this class, which results in a marked reduction of calculation accuracy. To solve this problem, we propose an innovative model of distribution of indirect costs based on a flexible "connection" of the distribution base and calculation algorithms to the state of the business entity's normal operations.

Keywords: calculation of indirect costs, cost object, base of indirect costs distribution, distribution model.

УДК 330.42;519.865.5

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

© 2015 г.

А.И. Рузанов, П.А. Рузанов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pavelr70@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Анализируются подходы и методы моделирования поведения социально-экономических систем в условиях воздействия различного рода шоков. В связи с этим необходима адаптация и модификация ранее применяемого инструментария с целью более адекватного описания экономических процессов. В качестве методов и подходов, более точно отражающих специфику экономических отношений и широко применяемых в настоящее время, отмечаются вычислимые модели общего равновесия, системный анализ экономики, агентоориентированное моделирование. Значительное внимание в статье уделяется развитию и обобщению метода производственных функций. Оно заключается в использовании инвестиционных производственных функций, функций комплексных переменных и конструировании композитных производственных функций. Основными результатами, представленными в статье, являются описание новых подходов в экономических исследованиях с использованием производственных функций, анализ достоинств, недостатков этих подходов.

Ключевые слова: шоки предложения, шоки спроса, метод производственных функций, инвестиционные, композитные производственные функции, моделирование производственных издержек.

В настоящее время в экономике России имеют место колебания и даже устойчивый спад некоторых важных экономических показателей, таких как объемы производства, уровень деловой активности, занятость, доходы. Основными причинами такого положения являются воздействия на экономику различного рода шоков, приводящих к определенным сломам экономических отношений, к изменению правил экономического поведения. В первую очередь следует отметить шоки предложения, в состав которых входят необходимость диверсификации экономики, технологических изменений, падение мировых цен на сырьё. Разновидностью шоков предложения являются финансовые шоки, возникшие в результате запоздалой, а зачастую не совсем верной денежной и кредитной политики финансовых и производственных корпораций.

Определенную роль сыграли политические шоки, которые появились в результате макроэкономических решений, принятых в последнее время властями РФ. Сюда же, по-видимому, можно отнести разного рода санкции. Серьёзное влияние на показатели экономической динамики оказали шоки спроса частного сектора, выразившиеся в изменениях его инвестиционных и потребительских расходов.

Такое положение дел ставит перед экономико-математическим моделированием задачу разработки и использования новых инструментов исследования социально-экономических объектов и явлений. Необходима адаптация и модификация ранее применяемого инструментария с целью более адекватного моделирования и прогнозирования экономических процессов. За последние годы сформировалось и получило распространение новое направление: вычислимые и стохастические модели общего равновесия, которые основываются на экономическом поведении агентов, учитывают взаимодействия агентов между собой и обладают элементами вычислимых моделей общего равновесия и эконометрических моделей [1, 2]. Одним из основных в данных моделях является понятие экономического агента – экономической структуры, выполняющей определенную функцию в процессах производства, обращения, потребления (производитель, потребитель, торговец, банк, регулирующие органы, правительства, торговые союзы). Корректное представление агента достигается методами агрегирования исходных макроэкономических описаний. Производственные возможности агентов-производителей, как правило, задаются с помощью производственных функций (ПФ). Изменение состояния экономических агентов описывается уравнениями материальных и финансовых балансов, они и определяют структуру связей между агентами.

Во многом похожий инструментарий, позволяющий моделировать экономические процессы, разрабатывается в Отделе математического моделирования экономических систем ВЦ РАН. Он назван как «Системный анализ развивающейся экономики» [3], предметом исследований являются национальная экономика, экономика региона и др.

В вычислимых моделях общего равновесия экономика представлена детальнее, подробнее дана отраслевая структура производства или учитывается разделение экономики на регионы, но в них экономические агенты – это «черные ящики», а взаимодействия агентов представлены стандартной моделью конкурентного равновесия. В моделях системного анализа развивающейся экономики достаточно много внимания уделяется теоретическим исследованиям, для того чтобы на основе результатов математической экономики, экономической теории строить модели, более точно отражающие специфику экономических отношений.

Значительные успехи как в популяризации, так и в развитии достигнуты в агентоориентированном моделировании [4, 5]. Систему называют агентоориентированной, если в ней имеется достаточно большое множество взаимодействующих агентов. В качестве агентов здесь могут быть вирусы, животные, роботы, люди, автомобили, инфраструктура, города, страны, совокупности однотипных объектов, а не только некие усредненные и обобщенные экономические сущности. Это позволяет использовать агентоориентированное моделирование как на микроуровне, так и на макроуровне. Агентное моделирование дополняет традиционные аналитические методы, а также ограниченно включает в себя некоторые подходы математического моделирования, поскольку последние могут применяться «внутри» агентной модели при формализации ее отдельных объектов или моделей. К настоящему времени по названным направлениям насчитываются сотни публикаций. Каждое направление может быть предметом самостоятельных исследований, поэтому в рамках настоящей статьи ограничимся вышесказанным.

Далее рассмотрим математико-статистические модели, к которым можно отнести эконометрические модели и метод производственных функций. Эти подходы могут использоваться и в условиях воздействия различного рода шоков, поскольку они базируются, как правило, на реальных статистических данных. Следует отметить, что прогнозная сила, особенно эконометрических моделей, в таких условиях несколько понижается.

Производственные функции являются моделями экономических объектов разного масштаба: предприятий (фирм), отраслей, региональных и национальных экономик. Наряду с функциями полезности, ПФ представляют собой принципиально новые инструменты математического моделирования объектов, не встречающихся в природе и технических системах [6]. Метод ПФ относится к «высоким технологиям» количественного анализа, он широко применялся в СССР в исследовательских работах и планировании на союзном, региональном и отраслевом уровнях [7]. Метод продолжал развиваться и в новых российских условиях, отличающихся деиндустриализацией и переходом на торгово-сырьевую экономику [8–11]. Следует отметить, что ПФ используются и в разработке понятийного аппарата инновационных технологий, в частности для уточнения определения инновационных технологий, показателей оценки их эффективности.

При построении и практическом использовании ПФ возникли определенные трудности, характерные для современных российских условий. Одним из факторов, учитываемым в наиболее часто используемых ПФ, является стоимость основных и оборотных средств, которую называют капиталом. В качестве другого фактора традиционно рассматривают труд, возможны также такие факторы, как промежуточное потребление, сырьевые ресурсы, энергия и т.д. Эконометрическая задача построения ПФ решается на основе наблюдений значений выпуска и производственных факторов за исследуемый период. Для российской экономики последнего времени характерна низкая загруженность основных фондов в большом числе несырьевых отраслей промышленности и сельского хозяйства. Более доступной характеристикой, связанной с капиталом и определяющей его динамику, являются инвестиции в основной и оборотный капитал. Инвестиции представляют собой, как правило, реально используемую в производстве часть капитала, а их динамика соответствует рыночной конъюнктуре. В связи с этим в современных условиях используют инвестиционные ПФ, отличающиеся от традиционных капитальных заменой фактора капитала на текущие инвестиции. Дополнительно формулируются уравнения динамики производственных фондов с учетом амортизации и лага (задержки освоения) инвестиций, что несколько усложняет задачу оценки параметров инвестиционной ПФ, но делает ее более адекватной проблеме моделирования производства и позволяет оценить реально используемый капитал [9].

Определенное развитие получают экономико-математические методы, использующие теорию функций комплексных переменных. Этот математический аппарат уникален и успешно применяется во многих областях науки и техники. В экономике он использовался редко – в основном комплексные переменные вводятся в тех случаях, когда возникает необходимость вычисления корней характеристических уравнений или в экономической динамике (преобразования Лорана). В последнее время этот аппарат стал использоваться и в моделировании производственных функций [11].

ПФ представляется в виде зависимости комплексного производственного результата от комплексной переменной производственных факторов:

$$G + iC = F(K + iL). \qquad (1)$$

Для степенной ПФ с действительными коэффициентами a и b зависимость (1) примет вид:

$$G + iC = a(K + iL)^b, \qquad (2)$$

где G, C – некоторые выходные переменные, представленные действительными числами; K, L – входные переменные, характеризующие затраты производственных ресурсов; i – мнимая единица.

Для того чтобы использовать подобный математический аппарат при объединении двух экономических показателей в одну комплексную переменную, нужно, чтобы эти показатели были характеристиками одного процесса и имели одинаковые размерности. Эти условия выполняются, в частности, если затраты капитала и труда измерены в денежных единицах или приведены к безразмерным величинам (так называемая индексная форма ПФ). Исследования модели (2) показывают, что при росте K и уменьшении L действительная часть G увеличивается, а мнимая часть C уменьшается. В реальных экономических системах так ведут себя валовая прибыль и суммарные издержки производства.

Таким образом, с использованием степенной ПФ при изменении ресурсов K, L моделируется поведение сразу трех показателей производства: валовой прибыли G, суммарных издержек C, валового дохода $G + C$, т.е. исследователь получает более подробную информацию о сути процесса.

Наиболее известными и применяемыми в практике моделирования экономических процессов являются классы линейных ПФ, Кобба – Дугласа, ПФ Леонтьева, ПФ с постоянной эластичностью замещения факторов (CES), транслоговые ПФ. CES–класс и транслоговые производственные функции можно рассматривать как включающие в себя более простые классы, получаемые предельными переходами в пространстве параметров. Предлагаются и исследуются обобщения упомянутых ПФ, в том числе ПФ с линейной эластичностью замещения факторов, с переменной эластичностью замещения факторов, трансцендентальные [6, 10, 12].

Все эти классы предполагают фиксированное аналитическое представление ПФ в пространстве значений факторов. Кроме того, предположение постоянства параметров ПФ не всегда сочетается с изменчивостью исследуемой связи результирующего показателя производственной деятельности экономических объектов с динамичной совокупностью производственных факторов. Возможности достаточно точно моделировать такую связь с помощью ПФ из выбранного класса ограничены, что особенно может проявиться при прогнозировании. Такие возможности расширяются, если рассматривать композитные ПФ, получаемые комбинированием производственных функций из базовых классов, с предположением о применении нескольких технологий, между которыми распределяются основные производственные ресурсы [12].

Композитная ПФ определяется как максимум выпуска при использовании ряда технологий, между которыми распределяются некоторые объемы ресурсов. Для этого необходимо решить следующую оптимизационную задачу:

$$\max_{\bar{x} \in B} \sum_{j=1}^{m} F_j\left(x_{j1}, x_{j2}, \dots x_{jn}\right), \qquad (3)$$

где j – номер базовой технологии $(j = 1, \dots m)$, характеризуемой ПФ $F_j\left(x_{j1}, x_{j2}, \dots x_{jn}\right)$; i – номер производственного ресурса $(i = 1, \dots n); R \equiv R_i$ – заданный набор используемых ресурсов; B(R) – множество неотрицательных распределений ресурсов между технологиями, заданное в виде:

$$B(R): \sum_{j=1}^{m} x_{ji} = R_i,\ i = 1, 2, \dots n;\ x_{ji} \geq 0. \qquad (4)$$

Множество B(R) представляет собой многогранник в (m×n)-мерном пространстве, определяемом набором ресурсов R.

Решением задачи (3), (4) будет являться набор функций $x_{ji} = g_{ji}\left(R_1, R_2, \dots R_n\right)$ от объема ресурсов и композитная производственная функция:

$$f(R) = \max \sum_{j=1}^{m} F_j\left(x_{j1}, x_{j2}, \cdots x_{jn}\right) \equiv$$

$$\equiv \sum_{j=1}^{m} F_j(g_{j1}(R), \dots g_{jn}(R)).$$

Задача решается с использованием метода множителей Лагранжа. Решение задачи при любых заданных базовых ПФ, как правило, не представляется в виде простых функций от ресурсов, а может быть получено только численными методами.

В приложениях могут быть полезны частные случаи композитных ПФ, в которых решение находится в явном виде. В этих случаях композитные ПФ получаются в виде непрерывных сплайнов, образуемых частями изоквант базовых ПФ и линейных ПФ, порождаемых в композиционных режимах распределениями ресурсов [12]. Конструкция композитной ПФ может рассматриваться как частный и достаточно простой пример генерирования неявных ПФ в экономических моделях. Такой подход дает исследователю новые возможности, позволяющие преодолевать ограниченность гипотез постоянства формы и значений параметров, используемых базовых ПФ, поскольку в f(R) может реализоваться механизм приспособления производственной системы к внешним условиям функционирования.

Потенциал метода ПФ не ограничивается их явным анализом. Эти функции используются как субмодели в более сложных структурных моделях рыночного поведения фирм, предприятий, отраслей и стран. Стационарные ПФ применяются в моделях максимизации прибыли и минимизации издержек. В результате решения этих задач можно определить функции факторного спроса и предложения на рынке производственных факторов, а также функции прибылей и издержек. Эти функции являются неявными характеристиками производственных функций, они могут оцениваться независимо и использоваться для отбора наиболее подходящих ПФ.

В настоящее время на самом высоком уровне признано необходимостью изменение на инновационной основе структуры производства и переход от существующей экономики к современной – диверсифицированной. Следует отметить, что связанные с этим модернизация и инновации должны сокращать издержки и повышать качество: именно тут скрыт определенный источник их финансирования. Для обоснования этого достаточно проанализировать некоторые итоги развития наиболее инновационных отраслей по всему миру. За последние 10 лет стоимость компьютера в расчете на единицу памяти жесткого диска сократилась более чем в 40 раз, передача данных через Интернет подешевела почти в 30 раз, став практически бесплатной, а цена услуг мобильных операторов упала более чем в 6 раз. В этой связи актуальной является задача математического моделирования издержек производства. Данной проблеме в экономико-математической литературе уделяется недостаточно внимания. Будучи базой цены и основой для расчета прибыли и рентабельности, себестоимость продукции выступает в качестве определяющего показателя эффективности производства. Величина себестоимости продукции есть функция множества регулируемых и случайных факторов.

В зарубежной литературе под функциями издержек подразумеваются модели, описывающие соотношение между уровнем издержек на производство какого-либо одного продукта или массы продуктов и произведенным количеством этого продукта. Такая трактовка предполагает использование лишь однофакторных моделей вида:

$$y = f(x),$$

где y – величина издержек производства, x – объем производства.

Более общий подход подразумевает под функциями издержек многофакторные модели вида:

$$\overline{X} = h(\overline{Y}, \overline{A}),$$

где $\overline{Y}$ – вектор объемов выпуска продукции, $\overline{X}$ – вектор затрат производственных ресурсов, $\overline{A}$ – вектор параметров функции производственных затрат.

Выбор математической формы конкретной функции издержек представляет достаточно сложную проблему. При описании зависимости величины себестоимости продукции от уровня концентрации масштабов производства, степени его специализации или интенсификации производства эмпирически наиболее обоснованы зависимости вида:

$$y = a + \frac{b}{x},\ y = \frac{a^2}{2x},\ y = \frac{a_1 x + b_1}{a_2 x + b_2}.$$

Подобные модели описывают тенденцию постепенного снижения уровня себестоимости в расчете на единицу продукции в случае увеличения масштабов производства при условии, что это увеличение идет не только экстенсивным путем. В некоторых случаях возможно временное увеличение издержек производства при увеличении его масштаба. В этом случае могут быть использованы показательные и степенные функции:

$$y = ae^{bx+cx^2},\ y = ax^b e^{cx}.$$

Функции такого вида позволяют обнаружить точку перегиба, то есть отразить моменты, когда издержки производства возрастали с ростом

масштабов производства и до каких пределов. Такие формы зависимости следует использовать в том случае, когда от вложенных затрат или от реорганизации производства нельзя ожидать очень быстрого эффекта, но который непременно будет по истечении определенного времени.

Отметим в заключение, что методом ПФ могут исследоваться сложные и очень сложные производственные объекты как «черные ящики». Понятие «черный ящик» широко используется в кибернетике при исследовании процессов управления сложными системами. При этом сложными или очень сложными системами считаются объекты, детальная структура которых чрезмерно сложна или неизвестна исследователю [6, 13–15]. В этом случае предполагается, что задачи исследования могут быть решены на основе анализа не самой системы, а некоторой ее модели, т.е. упрощенного информационного или математического представления. Такие системы в ряде случаев изучаются как «ящики» с недостаточно известным внутренним содержанием, для которых можно наблюдать или задавать разные варианты входных управляющих характеристик и наблюдать выходные результаты.

Список литературы

1. Макаров В.Л., Афанасьев А.А., Лосев А.А. Вычислимая имитационная модель денежного обращения российской экономики // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1. С. 3–27.
2. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М.: Научный эксперимент, 2007.
3. Петров А.А., Поспелов И.Г. Математические модели экономики России // Вестник РАН, 2009. Т. 79. № 62. С. 492–506.
4. Бахтизин А.Р. Агент-ориентированные модели экономики. М.: Экономика, 2008.
5. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Новый инструментарий в общественных науках – агент-ориентированные модели: общее описание и конкретные примеры // Экономика и управление. 2009. № 12. С.13–25.
6. Горбунов В.К. О размерностной проблеме в экономике: производственная функция как псевдочерный ящик // Журнал экономической теории. 2014. № 1. С. 199–212.
7. Клейнер Г.Б. Производственные функции. Теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика, 1986.
8. Бессонов В.А. Проблемы построения производственных функций в российской переходной экономике // Бессонов В.А., Цухло С.В. Анализ динамики российской переходной экономики. М.: Институт экономики переходного периода, 2002. С. 5–89.
9. Горбунов В.К., Львов А.Г. Построение производственных функций по данным об инвестициях// Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 2. С. 95–107.
10. Рузанов А.И. Производственные функции и их использование для описания закономерностей производства // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 212–217.
11. Светуньков И.С., Светуньков С.Г. Степенные производственные функции комплексных переменных // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 1. С. 67–79.
12. Ершов Э.Б. Композитные производственные функции // Экономический журнал ВШЭ. 2013. Т. 16. № 1. С. 108–129.
13. Бир С. Кибернетика и менеджмент. М.: КомКнига, 2011.
14. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003.
15. Рузанов А.И., Рузанов П.А. Компьютерное моделирование поведения сложных экономических систем // Вестник ННГУ им.Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 69–75.

SOME NEW OPPORTUNITIES FOR ECONOMIC MATHEMATICAL MODELLING WITH THE USE OF PRODUCTION FUNCTIONS

A.I. Ruzanov, P.A. Ruzanov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of the article is to analyze the approaches and methods for modeling the behavior of socio-economic systems under the impact of various types of shocks. In this connection, it is necessary to adapt and modify some previously used instruments in order to more adequately describe the economic processes. We state that the methods and approaches which more accurately reflect the specifics of economic relations and are widely used at the present time include computable general equilibrium models, a systematic analysis of the economy, and agent - based modeling. Considerable attention is given to the development and generalization of the method of production functions, which involves the use of investment business functions, functions of complex variables and the design of composite production functions. The main results presented in the article include descriptions of the new approaches to economic research with the use of production functions. An analysis of strengths and weaknesses of these approaches is given.

Keywords: supply shocks, demand shocks, method of production functions, investment, composite production functions, modeling of production costs.

УДК 658.5

ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРЕДПРИЯТИИ

© 2015 г.

Ю.А. Сидоренко

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yurisidorenko070842@gmail.com

Поступила в редакцию 05.05.2015

Исследуются характеристики промышленного предприятия как объекта управления, особо выделяются такие элементы, как тип производства, сменяемость производимой продукции, логистические системы управления материальным потоком, календарно-плановые нормативы. Системный подход позволил показать роль и особенности производственного планирования; методологию, логическую и информационная взаимосвязь выполняемых при этом расчетов по текущему и календарному планированию в увязке с маркетингом, состоянием и технической подготовкой производства, технико-экономическим планированием, запросами потребителей и обеспеченностью производства. Изложенные основы могут быть использованы менеджерами производства в практической деятельности, а также аспирантами и магистрами при выполнении своих научных исследований.

Ключевые слова: производственный менеджмент, производственное планирование, разнотипное производство, логистические системы, управление материальным потоком, календарно-плановые нормативы.

В сложных современных условиях хозяйствования машиностроительное предприятие следует рассматривать как производственную систему, представляющую собой объективно существующий комплекс материальных объектов, коллективов людей, производственных, научно-технических и информационных процессов, имеющих целью выпуск промышленной продукции определенного назначения и качества. Оно относится к классу кибернетических систем и образуется как совокупность органа и объекта управления и взаимосвязей, которые проявляются в циркулирующих между ними информационных потоках. При этом процесс управления производством представляется как иерархическая интегрированная система, реализующая свои функции и задачи управления на уровне предприятия, производства, цеха, участка, бригады конкретным органом управления [1, 2].

Целью управления является не только создание условий для согласованной работы всех производственных подразделений по выпуску заказанной потребителями продукции, но и соблюдение установленных значений технико-экономических показателей, таких как затраты, фонд зарплаты, себестоимость, производительность труда и т.д. Важная роль в управлении принадлежит планированию, в процессе которого следует разрабатывать комплекс взаимосвязанных планов по всем производственным структурам предприятия, вплоть до рабочего места, и периодам времени, не только согласованными с планами отгрузки готовой продукции по договорам потребителей, но и допускающими сменно-суточный, а при необходимости и часовой режим регулирования.

В достаточно обобщенной методологической трактовке планирование производства на машиностроительном предприятии следует рассматривать как:

четкое установление заданий с учетом обоснованной цели функционирования;

прогнозирование и точное предвидение возможного состояния дел на управляемом объекте;

моделирование, т.е. формализованное описание процедур и порядка выполнения плановых расчетов;

тактику реализации поставленной цели и получаемых при этом результатов.

Планы предприятия должны учитывать не только производственные возможности и обеспеченность необходимыми ресурсами, конъюнктуру рынка и возможные издержки производства, но и специфические особенности организации технологического процесса. В планах с учетом типа производства, специализации цехов, используемой логистической системы управления материальным потоком и календарно-плановых нормативов, следует устанавливать четкие задания на выполнение конкретного вида и объема работ, расходования ресурсов каждому цеху, службе, бригаде, рабочему, а также последовательность выполнения взаимо-

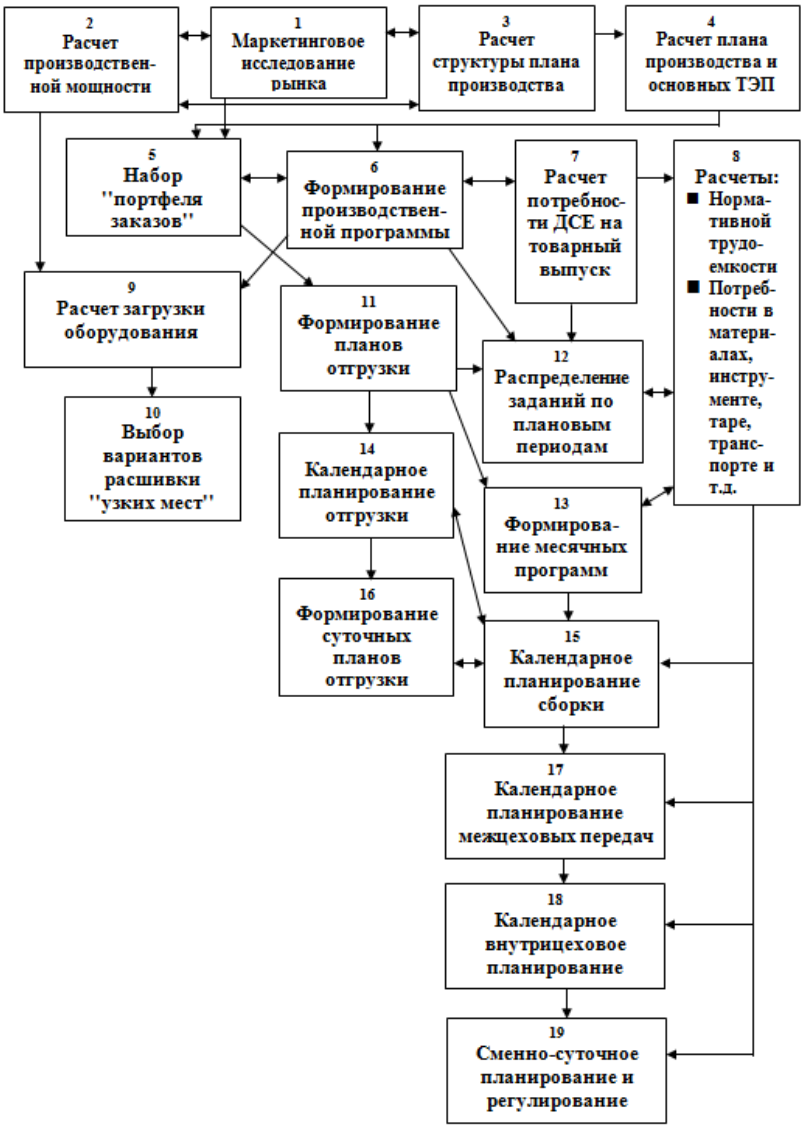


Рис. Укрупненная схема взаимосвязи плановых расчетов на предприятии

увязанных между собою работ. Следовательно, планирование – это способ хозяйствования, основанный на детальных обоснованных расчетах заданий исполнителям. Таким образом достигается сбалансированность в деятельности предприятия, а именно создается динамичная система взаимосвязи производственных, снабженческо-сбытовых, технико-технологических, экономических, организационно-административных и социальных мероприятий, направленных на достижение конечной цели.

При этом предусматривается строгий порядок и очередность выполнения плановых расчетов; устанавливаются сроки и исполнители по всему спектру разнообразных работ, которые предусмотрены планом; определяются источники финансирования и обеспечения производства всеми необходимыми ресурсами – мощностными, трудовыми, материальными, энергетическими; определяются предельно допустимые затраты по каждому мероприятию, этапу и виду работ [3].

Исходной базой для организации производственного планирования на машиностроительном предприятии следует считать маркетинговые исследования рынка, расчеты производственных мощностей, формирование проектов и окончательных вариантов планов производства товарной продукции, разработку текущих подетальных программ, которые представляют собой развернутую программу производственно-хозяйственной и экономической деятельности всех подразделений, направленную на согласованное выполнение принятых договорных обязательств. Укрупненная схема взаимосвязей плановых расчетов представлена на рисунке.

Проекты планов необходимо разрабатывать с целью выявления всех имеющихся внутрипроизводственных резервов, обеспечивающих высокие темпы роста прибыли, эффективности производства и производительности труда на основе усовершенствования и сменяемости изготовляемых моделей изделий, технологии и организации производства, улучшения использования материальных и трудовых ресурсов, анализа конкурентоспособности продукции и спроса на неё. Как правило, проекты планов следует рассчитывать с помощью экономико-математических методов (ЭММ) по различным целевым функциям, обеспечивающим достижение наилучших значений показателей прибыли, объема продаж, издержек производства, использования производственных мощностей и др. [4, 3]. Выбор наиболее предпочтительного варианта плана производственно-хозяйственной деятельности должен осуществляться руководством предприятия совместно с ведущими специалистами планово-экономических, технологических, производственных и снабженческо-сбытовых подразделений.

Принятый окончательный вариант экономически целесообразного плана производства товарной продукции позволяет перейти к его конкретизации и формированию оптимального «портфеля заказов» от потребителей с учетом ранее определенных и уточненных ограничений: мощностей и минимально допустимой загрузки оборудования, фонда времени лимитирующих групп оборудования, ограничений на поставку отдельных видов ресурсов, фонда зарплаты ОПР и др.

Набранные экономически выгодные и исполнимые по ресурсам договора от потребителей служат исходной информацией для расчетов по формированию подетальных программ и рациональному распределению производственных заданий по планово-учетным периодам, а также для своевременной подготовки производства и обеспечения его необходимыми материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами.

Важным этапом текущего производственного планирования на машиностроительном предприятии является формирование подетальных программ и расчеты загрузки оборудования, позволяющие своевременно выявить и организовать устранение имеющих место диспропорций. При формировании номенклатурных программ на основании набранного «портфеля заказов» порядок расчета – алгоритм – может быть представлен следующим образом:

– производится разузлование набранного «портфеля заказов» до сборочных единиц, узлов, деталей;

– осуществляется закрепление подетальной производственной программы за конкретными подразделениями-изготовителями;

– делается корректировка на коэффициент технологически неизбежных потерь;

– определяется трудоемкость изготовления подетальной программы по единицам оборудования;

– делается расчет загрузки и пропускной способности технологического оборудования для анализа и выработки мероприятий по устранению выявленных «узких» мест.

Следующим этапом внутризаводского производственного планирования следует считать распределение подетальной программы по плановым периодам, как правило, кварталам и месяцам. От принятого варианта распределения производственной программы в значительной мере зависит ритмичность и согласованная работа цехов основного производства, загрузка оборудования, выполнение договорных обязательств и запланированных технико-экономических показателей деятельности. При распределении необходимо также учитывать установленные договорами сроки поставки продукции, наличие производственных мощностей и материальных ресурсов, обеспечивая при этом рациональную загрузки оборудования и согласованную работу снабженческих, производственных и сбытовых подразделений. Особо следует контролировать выполнение экономических показателей; количество рабочих дней, смен, иногда и часов в данном календарном периоде; серийность производства и др.

Заключительным этапом производственного планирования является формирование уточненной подетальной производственной программы на месяц по цехам исходя из реального выполнения текущих плановых заданий. При этом необходимо увязывать ее с запланированной отгрузкой готовой продукции по конкретному потребителю и фактическому состоянию производства (наличный парк оборудования, обеспеченность заготовками, инструментом, оснасткой, состояние заделов незавершенного производства, фонд заработной платы, экономические показатели деятельности, изменения по договорам потребителей и др.). Сформированная таким образом месячная программа по каждому цеху, после детального анализа ПДО завода и цеховыми службами, должны служить основанием для организации внутрицехового опе-

ративно-календарного планирования и регулирования.

Исходной нормативной базой для выполнения расчетов по оперативно-календарному планированию является система календарно-плановых нормативов (КПН). Состав и методология расчетов КПН определяется типом производства и характером производимой продукции, применяемой логистической системой управления и методами установления плановых заданий. Современный этап развития машиностроения, хотя и характеризуется непрерывной модернизацией процессов производства, расширением номенклатуры и быстрой сменяемостью выпускаемой продукции, однако период освоения новых изделий, как правило, длится до двух лет, а на их серийный выпуск приходится не менее трех лет и более. Конкретные сроки по продолжительности производства, непосредственно связаны с жизненным циклом изделия, а именно: формулированием требований (условий) к новой продукции; временем проектирования и конструирования; изготовлением и испытанием опытного образца; изготовлением пробной партии; выходом на рынок; доработкой и организацией устойчивого производства и получением запланированной прибыли; далее – падением спроса и необходимостью коренной модернизации или снятия с производства. В итоге получается так, что на одном и том же машиностроительном предприятии одновременно осуществляется единичный и мелкосерийный выпуск вновь осваиваемых изделий, серийный выпуск освоенных изделий и мелкосерийный выпуск снимаемых с производства изделий [2, 3, 5]. Все это приводит к повышению уровня специализации и кооперирования, широкому внедрению стандартизации и унификации изделий, типизации технологических процессов, созданию гибких производственных систем и, как следствие, – повышению производительности труда и снижению себестоимости производимой продукции.

Достаточно аргументированно можно утверждать, что с освоением гибких производственных систем доля мелкосерийного и среднесерийного производства будет расти за счет необходимости быстрой сменяемости номенклатуры изготовляемой продукции и сокращения сроков подготовки к ее выпуску. Таким образом, в машиностроении наибольшее распространение получают предприятия с разнотипным характером производства, которому присущи следующие особенности:

большая, постоянно обновляемая номенклатура выпускаемых изделий;

неравномерность выпуска различных видов продукции по плановым периодам, исходя из колебаний рыночного спроса;

преобладающая смешанная специализация цехов с наличием жестких производственных взаимосвязей между ними;

широкая степень унификации деталей, сборочных единиц в изготовляемых изделиях;

обработка деталей и выпуск изделий небольшими партиями;

применение универсального оборудования и оснастки;

использование в производственном процессе труда высококвалифицированных рабочих-универсалов и т.д.

Анализ тенденций развития мирового машиностроения показывает, что под влиянием происходящих экономических и социальных преобразований во всех экономически развитых странах вынуждены отказаться от принципа «сделано – продано» и приступить к реализации принципа «производить только то, что нужно, тогда, когда нужно, и столько, сколько нужно» [1, 5]. Все это требует адаптации предприятий к условиям выпуска продукции небольшими партиями с частыми изменениями ассортимента в очень широком диапазоне, т.е. к условиям многономенклатурного мелкосерийного, единичного и серийного производства.

В единичном и мелкосерийном производстве планирование и управление ведется, как правило, в разрезе отдельных заказов. Поэтому прежде всего определяют длительность производственного цикла изготовления и сборки изделий по заказу, опережения запуска и выпуска деталей и сборочных единиц и незавершенное производство. Размер партии принимается равным всему количеству одноименных деталей на заказ, длительность производственного цикла определяется путем построения циклового графика изготовления и сборки, незавершенное производство оценивается в стоимостном выражении по степени (проценту) готовности изделия на текущий момент. Используемая при этом «позаказная» логистическая система управления позволяет согласовать производственные возможности и заданные потребителем сроки посредством реализации методов сетевого планирования.

В условиях серийного производства принято рассчитывать следующую систему КПН: размер партии обработки деталей, сборочных единиц; периодичность запуска-выпуска партий; длительность производственного цикла изготовления; календарные опережения запуска-выпуска партий деталей, сборочных единиц; нормативы

заделов незавершенного производства и нормы складских запасов. Наиболее рациональной логистической системой управления материальным потоком в данном случае следует принимать систему «по опережениям», когда календарные сроки и объемы работ задаются от сборки, а лучше от календарного графика отгрузки, всем предшествующим стадиям с учетом длительности производственного цикла и необходимых опережений запуска-выпуска.

Осуществляемое на их базе оперативно-календарное планирование заключается в том, чтобы при заданных последовательностях технологических операций и имеющихся ограничениях на материальные и трудовые ресурсы оптимально упорядочить во времени множество работ, выполняемых на имеющемся в наличии оборудовании. Календарное планирование является основной сферой практической реализации теории расписания, когда применяются экономико-математические методы, обеспечивающие рациональное использование оборудования для выполнения во времени множества разнообразных операций при изготовлении различных изделий. Трудности решения задач расписания связаны с большим числом разнообразных вариантов упорядочения по «детали – операции – оборудованию», когда нахождение окончательного варианта основывается на применении эвристических правил предпочтения или на случайном поиске [4, 2].

Основной задачей оперативно-календарного планирования на машиностроительном предприятии следует считать обеспечение бесперебойного хода производственного процесса и выполнение принятых ранее договорных обязательств по изготовлению и поставке готовой продукции заказчикам в установленном количестве и заданные календарные сроки. При этом расчеты базируются на оперативных сведениях о реальном выполнении предыдущих плановых заданий, выявленных отклонениях, обеспеченности заготовками, материалом, комплектующими и оборудованием, применяемыми правилами приоритетов.

Сложилась традиционная система оперативно-календарного планирования: межцехового и внутрицехового, при которой вначале задания (план-график) по изготовлению конкретной продукции устанавливаются цехам, а затем они доводятся до участков, рабочих мест. Поскольку на каждой совокупности рабочих мест, как известно, может изготавливаться не один предмет, при календарном планировании встает проблема поиска такого рационального сочетания работ, рабочих мест и оборудования, которое обеспечивало бы определенный технологический цикл изготовления.

Для этого по межцеховому оперативно-календарному планированию предлагается выделить следующие взаимоувязанные расчеты:

– формирование календарных графиков выпуска конечной продукции сборочными цехами на месяц с разбивкой по суткам с учетом требований сбыта и особых указаний по отгрузке готовой продукции;

– составление календарного графика межцеховых передач на месяц с распределением по рабочим дням;

– оперативно-календарное планирование межцеховых передач на каждые рабочие сутки исходя из результатов фактического хода производства и особенностей применения системы оперативно-производственного планирования (ОПП).

Вначале суточные план-графики, рассчитываемые по каждому цеху, выпускающему конечную продукцию, должны не только быть увязаны с графиками отгрузки товарных изделий по заказам потребителей, но и учитывать поставку смежными цехами, и в том числе по системе подвесных толкающих конвейеров. При этом особо контролируется наличие комплектующих на складах сборочных цехов и отдела внешней кооперации, обеспечение техпроцесса необходимой оснасткой, приспособлениями, транспортными средствами и т.д. Плановые задания по сборке следует детализировать до сменного, а на большинстве предприятий – до часового интервала времени, указывая очередность закладки модификаций на конвейере и подачи основных узлов цехами, питающими сборку.

Важным и, несомненно, ответственным элементом функционирования системы оперативного управления следует считать внутрицеховое оперативно-календарное планирование, целью которого является составление календарных планов-графиков запуска-выпуска партий деталей для участков, групп рабочих мест. Оперативно-календарный план-график является основным оперативным документом, на основании которого осуществляется организация работ в цехе и на участке, технологическая подготовка производства, обеспечение его рабочими, необходимыми материалами, тарой, инструментом, комплектующими изделия и т.д.

Содержание и очередность ежедневно выполняемых вычислений в достаточно укрупненном виде можно представить следующим образом:

– календарный план-график межцеховых передач корректируется по фактическим результатам работы на дату расчета;

– определяется потребность в изготавливаемых цехом деталях, сборочных единицах на календарный график сборки и скорректированный график межцеховых передач;

– контролируется обеспеченность календарных графиков межцеховых передач деталями, имеющимися в наличии и в незавершенном производстве цеха;

– устанавливаются приоритеты по запуску партии деталей в обработку, исходя из обеспеченности сборки, выполнения календарного плана межцеховых передач, выполнения месячного плана на дату расчета, дополнительных указаний и т.д.;

– корректируется суточное задание цеху с учетом фактической величины внутрицехового задела и определяется трудоемкость его изготовления;

– формируются календарные графики запуска-выпуска по участкам, группам рабочих мест цеха с учетом наличия фонда времени работы оборудования, обеспеченности металлом, заготовками, комплектующими, инструментом и т.д.;

– определяется почасовая потребность сборки в основных узлах и отдельных видах ресурсов, составляется график синхронной работы подвесных толкающих конвейеров и, при необходимости, подготовки производства;

– плановые задания доводятся до непосредственных исполнителей.

Этим в методологическом аспекте обеспечивается планомерная организация и взаимосвязанная деятельность всех производственных звеньев предприятия, гибкое маневрирование имеющимися ресурсами в условиях рыночной неопределенности, своевременная конструкторско-технологическая подготовка и материально-техническое обеспечение производства с технико-экономической оценкой результатов.

Реальное применение изложенного подхода в полном объеме затруднено, как правило, по двум причинам: неподготовленность пользователей и недостаточная осведомленность разработчиков, что дает основание для его поэтапной реализации. Так, на Ликинском и Павловском автобусных заводах с серийным типом производства, технологической специализацией цехов и логистической системой ОПП «по опережениям» была реализована система оптимизационных расчетов проекта плана производства товарной продукции. В качестве критериев оптимальности были рассмотрены наиболее распространенные экономические показатели: максимум прибыли, максимум объема реализации и продаж, минимум суммарных издержек производства. Ограничениями в ЭММ были взяты наиболее проблемные факторы: мощности предприятия, фонд времени работы лимитирующих групп оборудования, плановый фонд зарплаты основных производственных рабочих, известные ограничения на поставку отдельных видов материалов и комплектующих изделий, рыночный спрос и госзакупки. Получаемые по различным критериям оптимальности проекты планов и оценочные технико-экономические показатели по ним позволили при их критическом рассмотрении и согласовании интересов различными службами (ПЭО, ПДО, ОГТ, ОМТС, ООТиЗ, Бухгалтерия, отдел маркетинга и отдел сбыта) выйти на приемлемый компромиссный вариант, который на 8–10% превосходил по итоговым стоимостным показателям ранее составленный «ручной» вариант.

Формирование номенклатурных производственных программ имеет строго установленную логику и алгоритмический порядок, который был изложен ранее, и по этим комплексам задач имеются стандартные наработки в виде типовых проектных решений.

Особый научно-исследовательский интерес представляют задачи календарного планирования, при реализации которых принципиальную значимость имеют специфические особенности деятельности участка. Так, реализованный в составе АСУ-цехом на ГПЗ-1 моделирующий алгоритм формирования сменно-суточных заданий учитывает предметную специализацию цехов и технологическую специализацию участков, крупносерийный тип производства, систему ОПП «по заделам» с контролем за обеспеченностью сборочного участка и состоянием заделов незавершенного производства на предыдущих участках, рабочих местах.

Формирование сменно-суточного планового задания и оперативное управление работой технологически взаимоувязанных участков цеха предполагает в первую очередь обоснованное установление функций предпочтения – приоритетов для запуска партий деталей, находящихся в очереди для обработки на оборудовании. Предлагается очередность запуска деталей по участкам цеха устанавливать с помощью взаимосвязанных функций предпочтения. Первый приоритет присваивается деталям, фактическое наличие которых на сборке меньше плановой потребности в них на суточный план. Внутри приоритета каждой детали присваивается показатель обеспеченности сборки в часах. Второй приоритет присваивается деталям, фактический задел которых на участке окончательной сборки меньше нормативного значения. Также этот приоритет присваивается деталям, по которым

величина их сдачи с начала месяца меньше плановой и требуется восполнить задел на участках-потребителях, не являющихся сборочными. Внутри приоритета детали присваивается показатель относительного восполнения задела. Третий приоритет присваивается всем остальным деталям из номенклатуры месячного плана, не имеющим второго или первого приоритета. Внутри приоритета детали присваивается показатель обеспеченности в днях. При определении конкретного количества по детали, включаемой в суточное задание, учитывается фактическое состояние незавершенного производства по детали на участке-изготовителе, его соотношение с величиной восполнения задела на участке-потребителе. Моделирующий алгоритм формирования сменно-суточных планов по участкам цеха составлен таким образом, чтобы он, во-первых, учитывал все основные факторы состояния производства, во-вторых, мог настраиваться на определенный пользователем набор факторов. Так, вначале, с учетом состояния заделов, потребности сборки и фактического выполнения плана на дату расчета, формируется очередь из деталей (с указанием количества) по приоритетам и дополнительным показателям внутри их. Далее план по конкретному участку формируется с учетом: наличного фонда времени работы групп оборудования; обеспеченности инструментом и оснасткой; наличия тары; обеспеченности комплектующими и поставками из смежных цехов. Менеджер производства – пользователь (начальник участка, начальник ПДБ, начальник цеха) может снять с рассмотрения некоторые факторы, т.к. в цехе возможны излишние запасы инструмента, тары, комплектующих и др. Особому контролю при сменно-суточном планировании подвергается использование эффективного фонда времени работы оборудования. Сменно-суточное задание носит рекомендательный характер, давая возможность руководству участка и цеха изыскать внутренние резервы или иные варианты для обеспечения бесперебойной работы сборки. Реализация данного подхода позволила в рамках только одного цеха уменьшить величину внутрисменных простоев оборудования и рабочих по организационным причинам более чем на 40%.

Решение проблем организации и методологии производственного планирования комплексно и в полном объеме требует дальнейших исследований в области промышленной логистики, маркетинга, инновационного развития производства, промышленной политики, экономической безопасности, внешнеэкономической деятельности и внутрипроизводственного хозрасчета с максимальным использованием средств математического моделирования [6].

Список литературы

1. Гончаров В.В. Руководство для высшего управленческого персонала (опыт лучших промышленных фирм США, Японии и стран Западной Европы). М.: МП «Сувенир». 1993. 488 с.

2. Кузин Б.И., Дуболазов В.А. Организация и оперативно-календарное планирование машиностроительного производства в АСУП. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 233 с.

3. Сидоренко Ю.А. Методологические основы производственного менеджмента: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2004. 242 с.

4. Глухов В.В., Медников М.Д., Коробко С.Б. Математические методы и модели для менеджмента. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Лань», 2005. 528 с.

5. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 156 с.

6. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Стратегические приоритеты развития промышленного производства и экономическая безопасность // Научное обозрение. 2014. № 8. 283–286 с.

SOME FEATURES AND METHODOLOGY OF PRODUCTION PLANNING AT A MACHINE-BUILDING COMPANY

Yu.A. Sidorenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of the article is to study the characteristics of an industrial enterprise as a management object, with a focus on such elements as the type of production, product renewal rate, logistics materials flow management system, scheduling and planning standards. With the use of systemic approach, we show the role and characteristics of production planning; methodology, logic and information relationship of the calculations performed for current scheduling and planning with marketing, with the state and technical preparation of production, with technical and economic planning, with customer needs and with production resources. This information can be used by production managers in their practical work, as well as by postgraduate and graduate students in their research.

Keywords: production management, production planning, product diversity, logistics systems, materials flow management, scheduling and planning standards.

УДК 338.3

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СИСТЕМОЙ В АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИИ

© 2015 г.

В.П. Кузнецов, Е.А. Семахин

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

keo.vgipu@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Выявляются особенности управления производственной системой в автомобилестроении. Теоретической и методологической основой исследования являются фундаментальные положения и научные труды зарубежных и отечественных ученых в области организации производства. В работе применялись методы ситуационного и экономико-статистического анализа. В качестве основных полученных результатов можно выделить возможность применения модульного метода производства в производственной системе компании для снижения себестоимости продукции, суть которого состоит в разработке нового модуля при использовании опытно-конструкторского потенциала и коммерческо-инжиниринговых решений производителей деталей, применение системы канбан и кайзен в практической деятельности литейного производства «Группы ГАЗ».

Ключевые слова: производственная система, механизм управления, эталонные участки.

Вопросы управления процессом проектирования и разработки продукции стали рассматриваться в конце 1950-х годов. Значительный вклад в исследование проблем управления процессом проектирования и разработки продукции внесли такие зарубежные ученые, как Д. Лайкер, К. Прахалад, Ф. Котлер, Л. Гелловэй, и др. В нашей стране накоплен научный и научно-практический опыт по данной проблеме в работах Г.Я. Гольдштейна, О.Г. Туровца, О.В. Аристова, Н.И. Новицкого, А.И. Пригожина, Н.И. Лапина, Ю.А. Ушанова и других специалистов.

Привлечение потребителей к разработке новой продукции является одним из важнейших факторов стимулирования нововведений. Наибольшее распространение это явление получило в фирмах авиационной, станкостроительной, автомобильной отраслей промышленности, а также в приборостроении практически во всех странах. Здесь потребители — заказчики новой продукции оказывали существенное влияние на научно-исследовательские и производственные программы фирм — поставщиков оборудования. Несмотря на это, в настоящее время проблема управления процессом проектирования и разработки продукции предполагает наличие дополнительной теоретической базы. Значительные трудности ее решения обусловлены сложившейся в настоящее время ситуацией в экономике, а также снижением заинтересованности большинства товаропроизводителей в разработке продукции.

Исторически сложилось два подхода, характеризующих место маркетинга в инновационной деятельности промышленного предприятия. Инженерный подход имеет место, когда сначала организуется производство товара, а затем ищется потенциальный потребитель. При этом разработка проводится согласно техническим требованиям, т.е. определяется нормативно. При маркетинговом подходе разработка продукта производится в соответствии с бизнес-планом, а технические условия могут иметь лишь характер ограничений. В настоящее время рынок в данной области стал насыщенным, а борьба за потребителя обострилась. Поэтому специалисты по маркетингу определяют облик автомобиля на самых ранних стадиях, а проектировщики играют подчиненную роль. Количество моделей, выпускаемых различными фирмами, возросло, но их технико-экономические характеристики сблизились.

Следует также отметить, что большинство российских компаний практически не используют модульный метод проектирования, что существенно увеличивает время и финансовые затраты на создание нового продукта. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно применять модульный метод на стадии разработки. Суть его состоит в разработке нового модуля при использовании опытно-конструкторского потенциала и коммерческо-инжиниринговых решений производителей деталей. Хотя идея разработки деталей и облекается в форму создания целого модуля, но применяемый при этом метод разработки ничем не отличается от тради-

ционно применявшихся решений. В связи с этим можно сказать, что данный метод нацелен на передачу работ по регулированию совместимости между собой деталей, традиционно выполнявшихся внутри самой автомобилестроительной компании, предприятиям – производителям деталей. В этом случае из числа производителей комплектующих для одного модуля выбирается одно предприятие, которое берет на себя координацию работы всех остальных. Для автомобилестроительной компании можно перечислить следующие эффекты от введения модульного производства: сокращение числа деталей, собираемых на производственной линии, приводит к повышению эффективности производства; поручение части работ по разработке и сборке деталей внешним производителям комплектующих позволяет сконцентрировать больше сил на разработке двигателя или конструкции кузова, что ведет к сокращению продолжительности разработки; уменьшение объема работ по управлению складскими запасами, а также доставкой и транспортировкой деталей позволит сократить управленческие расходы. Поскольку при введении модульного производства автомобилестроительная компания подбирает производителей деталей как своих деловых партнеров с учетом их технического уровня и способности к разработке предложений, а не их принадлежности к собственной группе или размера, то можно предположить, что процесс поиска производителей деталей не из собственной группы компаний ускорится. Это дает тем производителям деталей, которые оказываются на втором и более низких уровнях пирамиды поставщиков, шансы на расширение бизнеса в случае удачного ведения дел. Кроме того, производителю деталей, завоевавшему статус сборщика модулей, приходится играть активную роль в проектировании деталей и прочей продукции уже на этапе разработки новой модели автомобиля. Это дает ему возможность заключать контракты о долгосрочном снабжении деталями и, тем самым, увеличивать размер прибылей. Движение к модульному производству дает производителям деталей новые возможности для бизнеса, но для этого им необходимо разрешить следующие задачи. Прежде всего следует иметь в виду, что в некоторых случаях нет четкой договоренности о разделении ответственности между производителем автомобиля и производителем деталей за неисправность какой-либо детали модуля. Если производитель деталей согласится на выдачу гарантии на качество модуля, то это означает, что он должен брать на себя расходы на подготовку специалистов и НИОКР по тем деталям, для которых собственные технологии накоплены недостаточно. Кроме того, в обстановке усиления требований автомобилестроительной компании по снижению себестоимости производитель деталей должен пытаться увеличить добавленную стоимость деталей, максимально проявляя свои возможности в разработке новых видов продукции. Модульное производство приводит к увеличению нагрузки на производителей деталей, но автомобилестроительные компании используют адаптируемость к такой организации производства как один из критериев для подбора поставщиков комплектующих.

Рассмотрим практический пример работы «ОАО ГАЗ». Главной задачей при организации производства с максимальной эффективностью является устранение всех несоответсвий, которые снизят удовлетворение покупкой у клиента. В терминологии производственной системы «Группы ГАЗ» потерями на рабочих местах являются лишние движения, перемещения, товарно-материальные запасы, перепроизводство, ожидание, переработка и исправление. Потери в корпоративной культуре анализируемого предприятия называются японским словом «муда». Для их исключения проводится работа в следующих направлениях: модернизация упаковки; совершенствование рабочих столов, стеллажей; совершенствование планировки рабочего места и схемы раскладки материалов; совершенствование инструмента и мест его расположения, а также технологической оснастки; изменение последовательности выполнения операций; объединение и перераспределения операций. Таким образом, «муда» – это операции на производстве, не добавляющие ценности продукции, это все то, за что клиент не платит деньги. Очень важной характеристикой, влияющей на достижение идеального качества, является постоянство выполнения такта конвейера. Как правило, достижение стабильности увеличивает качество автомобилей и любых комплектующих. Стабильность производства зависит от стабильности во всех его составляющих – это и технология, производственное оборудование, персонал и материалы. В свою очередь, стабильность сотрудника определяют надежность, уровень квалификации и стандартное выполнение работ. Стабильность производственного парка оборудования зависит от отсутствия поломок, отсутствия дефектов, а также от надлежащего технического обслуживания. Стабильность материалов определяет отсутствие дефектов, установленное количество и отсутствие дефицита. Технологическая стабильность зави-

Таблица 1

Типы системы канбан

ТИП	Краткая характеристика
Простой	Предполагает выстраивание тянущей системы от склада поставщика к складу заказчика, как правило, внедрение системы канбан начинается с этого типа
Сложный	Выстраивается от склада поставщика до рабочего места заказчика, таким образом, у заказчика отпадает необходимость держать свой склад заготовок
Идеальный	Детали идут от рабочего места поставщика напрямую к рабочему месту заказчика, то есть складские помещения и у поставщика и у заказчика можно убрать

сит от стандартизированного метода выполнения работ и стандартизированного метода управления. На данном этапе развития экономики необходимо построить организацию, способную быстро реагировать на запросы рынка, при этом, на наш взгляд, необходимо, во-первых, уравновесить постоянно происходящие изменения на каком-то одном уровне и, во-вторых, поддерживать крупные изменения на другом уровне и быстро консолидировать их позиции. Ряд ученых расценивают это как способность балансировать эволюцию и революцию. Хотя это звучит достаточно убедительно и, возможно, поможет мысленно различать потребности, но считать постоянные улучшения эволюцией нельзя, так как это может создать впечатление, будто все происходит естественным образом, тогда как на самом деле, чтобы добиться перемен, сотрудникам на всех уровнях необходимо напряженно работать каждый день.

Лидирующие корпорации умеют четко проводить различие между этими двумя видами деятельности – революционными и эволюционными переменами и используют их в организационной среде, точно распределяя различные ресурсы, необходимые для осуществления каждого. Поэтому значительная роль отводится принципу кайдзен, характерному для производственной системы. Кайдзен направлен на улучшения во всех аспектах деятельности организации – от процессов и производственных отношений, связанных с получением материалов и комплектующих от логистики, до процессов их переработки и способов взаимодействия с системами распределения и конечными покупателями. Принцип кайдзен основывается на философии непрерывного совершенствования небольшими шагами, при котором каждый процесс может и должен оцениваться и улучшаться по таким ключевым индикаторам, как требуемое время, используемые ресурсы, качество готовой продукции. Вовлечение рабочих в процесс постоянных улучшений способствует не только тому, что проблемы, существующие на предприятии, не останутся без внимания, но и, прежде всего, что человеческий ресурс будет использоваться гораздо эффективнее. В отличие от инновации, кайдзен, как правило, не требует крупных инвестиций, но обязательно подразумевает постоянные усилия и приверженность делу. Ключевую роль при внедрении процесса постоянных улучшений играет целенаправленная и планомерная работа высшего руководства. Производственная система предприятий «Группы ГАЗ» предполагает использование системы канбан. Основные типы системы канбан представлены в таблице 1.

На начальном этапе внедрения тянущей системы необходимо организовать работу конвейера с освоения площадей под склады экспедиций, где происходит подбор деталей. Система канбан позволила расположить экспедиции в непосредственной близости с конвейером. И сейчас требуемые детали находятся возле тех участков, где идет их установка на автомобиль. Поэтому кладовщику далеко ходить за ними не приходится. Эта тянущая система действует по принципу: нужное число деталей в нужное время в нужном месте. То есть на рабочую зону подается столько деталей, сколько положено на 2 часа работы. До внедрения данной системы детали на рабочие места подвозили контейнерами. И для того чтобы узнать, чего и сколько находится у конвейеров, необходимо было пересчитать комплектующие. При применении канбан все детали находятся в экспедиции, где уже точно известны их номенклатура и число. На 3-м конвейере каждая кладовщица обслуживает 6 тактов. Обходя свой участок, она видит, где какие детали заканчиваются, что нужно пополнить, и привозит необходимое со склада экспедиции. К таре прикреплена специальная табличка, где указывается, какие здесь детали, сколько их и на какой такт их необходимо доставить. Пополнение идет каждые 2 часа. И теперь не возникает таких проблем, как раньше, когда мелкие комплектующие нескольких позиций лежали вперемешку, и требовалось много времени, чтобы их разобрать. На складах есть специальные стенды для подбора комплектующих, на которых указано, для какого конвейера или такта формируется заказ. Происходит внедрение поставки по системе канбан более крупных деталей: это буфер, рессора, бензобак,

Таблица 2

Результаты оптимизации обрубного участка литейного цеха № 2

Показатели	До оптимизации	После оптимизации
Время предварительной сборки (сек.)	168–217	107
Время окончательной сборки (сек.)	216	89
Количество собираемых стержней в сутки	140	300
Выпуск годного литья в месяц (шт.)	2500	4500
Расход противопригарной краски «Гидро 979» (кг)	29.57	23.57

щиток крыла, брызговик и ряд других. Детали габаритные, тяжелые, и планируют разработать под них специальную тару, которая позволит облегчить их доставку на рабочие места. По системе канбан начинают работать с внутренними и внешними поставщиками. Теперь требуется подавать детали в расчете на одну смену. Также в результате анализа данной системы авторами выявлен ещё один положительный момент. Машины, которые привозят комплектующие, сейчас не подъезжают к конвейеру, прямо к рабочим местам, а разгружаются на пролете, где располагаются склады. В цехе стало чисто, загазованность уменьшилась.

Для тестирования предложенных подходов мы провели эксперимент на обрубном участке литейного цеха № 2 металлургического производства «Группы ГАЗ». На данном участке были выявлены следующие проблемы: большие запасы готовой продукции; перетаривание деталей; двойной контроль качества отливок; трудоёмкость сортировки литья по наименованиям; несовершенная система анализа и учёта потерь; отсутствие обратной связи от мест приёмки готовых изделий к месту возникновения дефекта; перевеска отливок с подвесного конвейера на конвейер дробемётной камеры; трудоёмкость обработки крупногабаритного литья; тяжёлые условия труда при работе у дробемётной камеры. В ходе оптимизации произошло разграничение потоков крупногабаритного литья: минской головки блока цилиндров, противовесов «ТВЭКС»; маховиков «Автодизель», барабанов «КААЗ». Также было сделано удлинение трассы подвесного конвейера дробемётной камеры, в результате всё поступаемое в дробемётную камеру литьё обрабатывается, а не копится перед камерой. Произведено внедрение вращающегося виброкантователя в потоке обработки головки блока цилиндров. Результатом является очистка отливок в потоке на линии обработки без дополнительных перемещений. При этом за счёт введения рабочего стандарта по сборке стержней и оптимизации рабочего места оператора сократилось количество людей на сборке с 8 до 2 человек. Результаты оптимизации обрубного участка приведены в таблице 2.

Планируемые мероприятия по повышению качества отливок снижают внутренний и внешний брак отливок. Для увеличения программы отливок необходимо продолжение процессов оптимизации потока и снижение издержек. Таким образом, трансформация производственной системы под потребности клиента способна повысить экономическую эффективность производства при минимальных организационных расходах, что особенно актуально в текущих условиях спада темпов экономического роста.

Список литературы

1. Бирбраев Р., Московченко А., Прыгунов Д., Новиков Д., Чернобыль Г. Создание и внедрение стандартизованных процессов подготовки производства на основе лучших мировых практик. Журнал «Умное производство». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=240&group_id_4=40, свободный.

2. Методика реализации процессного подхода при создании Системы менеджмента качества на уровне сертификационных требований. Базируется на терминологии «European Quality». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://quality.eup.ru/MATERIALY3/ppp.html, свободный.

3. Алешин С.А. Формирование системы управления процессом создания и освоения производства новой продукции на промышленных предприятиях. Орел: Госуниверситет – УНПК, 2011. С. 18.

4. Кузнецов В.П., Шушкин М.А., Горчаков А.Н., Гагунов С.А. Инновационные стратегии автомобилестроительных компаний: Монография. Новгород: ВГИПУ, 2011. 168 с.

5. Управление жизненным циклом изделия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://plmpedia.ru/wiki/, свободный. – Загл. с экрана.

6. Сидоренко Ю.А. Методологические основы производственного менеджмента: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004. 242 с.

7. Синго С. Быстрая переналадка: Революционная технология оптимизации производства. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 344 с.

8. Джеймс П. Вумек, Дэниел Джонс. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 472 с.

THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF THE PRODUCTION SYSTEM MANAGEMENT IN AUTOMOTIVE INDUSTRY

V.P. Kuznetsov[1], E.A. Semakhin[1]

[1] Kozma Minin State Pedagogical University of Nizhni Nogorod

The aim of this paper is to determine the characteristics of the production control system in the automotive industry. Theoretical and methodological basis for this study is provided by fundamental assumptions and scholarly works of foreign and domestic researchers in the field of production. In this paper, we used some methods of situational and economic statistical analysis. One of our main conclusions is that it is possible to use the modular production method in the production system of a company to reduce production costs. The essence of the method is in developing a new module with the use of the development capacity and the commercial and engineering solutions employed by parts manufacturers, and the use of the kanban and kaizen systems in the operation of the "GAZ Group" foundry.

Keywords: production system, mechanism of management, reference production areas.

УДК 314.3:314.96

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2015 г.

Е.В. Базуева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

bazueva.l@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Показана взаимосвязь динамики воспроизводства человеческого капитала как фактора оптимального экономического развития социума. Осуществлен факторный анализ динамики рождаемости в России в следующих направлениях: 1) кризисная концепция воспроизводства населения; 2) эволюционная концепция изменения норм рождаемости; 3) концепция воспроизводства человеческого капитала; 4) гендерная теория демографических изменений. Используя позитивы данных наработок, выделены объективные и субъективные факторы, влияющие на изменение норм детности в семьях. Особое внимание уделено роли гендерного фактора в этом процессе. Сделан вывод, что учет данного фактора в регулировании демографических процессов не только позволяет более точно задавать стратегические императивы их развития, но и составляет один из скрытых резервов повышения эффективности функционирования современной экономики России в целом.

Ключевые слова: воспроизводство человеческого капитала, рождаемость, гендерный фактор, эффективность.

Введение

В экономической науке со времени появления основополагающего труда А. Смита [1] доминирует теоретическая парадигма, предполагающая изучение факторов экономического роста («причин богатства народов»). В соответствии с данной парадигмой оптимальными действиями на макроуровне (государство) и на микроуровне (индивид) провозглашаются те, которые наиболее эффективно содействуют экономическому росту. Длительное время рост численности населения рассматривался и как один из ключевых факторов, и как закономерное следствие экономического роста. Появление работ Т. Мальтуса, опровергавших утверждение, что рост численности населения всегда целесообразен, поскольку имеет тенденцию опережать увеличение производства и продовольствия [2], лишь подчеркивало значимость оценок численности населения. Сформулированный Т. Мальтусом закон народонаселения утверждал, «что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии», тогда как «средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии» [2, с. 12, 14]. Важно иметь в виду, что вытекающая из этого закона необходимость ограничения числа потребителей рассматривалась Т. Мальтусом не как некоторая цель, а как средство, обеспечивающее получение многочисленного, и притом сильного и здорового населения» [2, с. 111–112]. При этом исследования Т. Мальтуса, основанные на законе «убывающей производительности», оставались в рамках прежней теоретической парадигмы, т.к. были направлены на поиск путей поддержания равновесного состояния экономики.

А. Маршалл, напротив, показал прямую взаимосвязь величины дохода нации от численности ее населения в результате действия закона «возрастающей отдачи». Он показал, что закон «убывающей производительности» наиболее отчетливо проявляется в отраслях, тесно связанных с производством «сырого продукта» и, следовательно, с преобладающей ролью и ограниченностью земли как фактора производства (сельское хозяйство, добывающая промышленность), тогда как в других отраслях преобладающая роль человека обусловливает проявление закона «возрастающей отдачи». Этот закон формулировался им следующим образом: «увеличение объема затрат труда и капитала обычно ведет к усовершенствованию организации производства, что повышает эффективность использования труда и капитала» [3, с. 404]. Действие закона «возрастающей отдачи» А. Маршалл связывал с увеличением масштабов производства, когда прирост численности насе-

ления сопровождается пропорционально большим увеличением способности производить материальные блага, и с большим накоплением материальных ресурсов, которое влечет за собой пропорционально большее удовлетворение потребностей, в том числе за счет расширения возможности импорта сырья [3, с. 407–408].

Дж.М. Кейнс, показав связь между уровнем занятости, увеличением инвестиций и приростом совокупного дохода, сформулировал основные положения для разработки моделей, оценивающих такой ключевой макроэкономический показатель, как валовые внутренние сбережения. Дж.М. Кейнс выявил субъективные факторы, влияющие на склонность к потреблению, связанные с рождаемостью и необходимостью увеличения расходов на поддержание жизни [4, с. 107], предопределив ключевые особенности современных микроэкономических концепций формирования человеческого капитала.

Разработчик одной из современных и перспективных моделей влияния воспроизводства населения на экономику Р. Барлоу (1994 г.) доказал, что повышение рождаемости в предшествующий период всегда оказывает позитивное влияние на темп роста среднедушевого ВВП, что связано с увеличением численности наличной рабочей силы, вызванным этим повышением (что обусловливается также «эффектом Бозеруп» – положительным влиянием роста численности населения с новыми знаниями и внедрением новых технологий). В свою очередь неизменно негативное влияние текущего повышения рождаемости объясняется прямым увеличением знаменателя в показателе среднедушевого ВВП, ростом «иждивенческой нагрузки» на работающее население, снижением нормы сбережений и сокращением участия женщин в процессе производства» [5, с. 12].

В целом, к концу 1960-х гг. экономико-демографические исследования показали, что рост численности населения, с одной стороны, оказывает негативное влияние на уровень производительности и среднедушевой доход, а с другой – в значительной степени содействует расширению рынка и экономическому развитию [6, с. 31].

Начиная с 1950-х гг. исследования влияния демографической динамики на экономические процессы выходят за пределы преимущественно академических интересов. В экономически развитых странах это было связано с поиском оптимальных параметров взаимосвязи между изменением численности населения и увеличением совокупного дохода, прогнозированием потребления и инвестиций при различных темпах роста численности населения, исследованиями влияния демографических факторов на бизнес (demografika – «демографика»).

Итак, факт того, что демографическая компонента является неотъемлемой частью оптимального экономического развития социума, не вызывает сомнения. В этой связи попытаемся далее определить: 1) каковы современные тенденции воспроизводства человеческого капитала российского социума; 2) какие факторы оказывают влияние на динамику рождаемости на современном этапе развития общества; 3) какова роль гендерного фактора в этом процессе. Ответы на эти вопросы составляют структуру данной статьи.

Факторный анализ динамики процессов рождаемости в России

Динамика параметров рождаемости в России в период 1959–2013 гг. представлена в табл. 1 [составлено нами по: 7–9]. В таблице выделены абсолютные и относительные показатели, характеризующие гендерную динамику параметров воспроизводства населения России за исследуемый период. Отметим, что относительные показатели рассчитаны нами самостоятельно для дополнительной оценки интенсивности изменений демографических процессов с учетом гендерного фактора.

Как показывает таблица, рождаемость в целом по обеим гендерным группам за анализируемый период изменялась волнообразно. Какие причины способствовали подобным изменениям? Является ли этот процесс за рубежом и в России только следствием рыночных реформ, как утверждают многие представители науки и практики управления, а также общественности?

В конце XX в. сформировалось несколько направлений в области изучения причин массового преобразования многодетных, многопоколенных семей в малодетные, нуклеарные. Выделим среди них наиболее распространенные: первое базируется на парадигме кризисного развития семьи; второе – на концепции исторических типов семейных отношений; третье – развивается экономистами институционального направления в рамках новой теории потребления, четвертое – используя постулаты гендерной экономики, обосновывает влияние гендерного фактора на демографические изменения.

Таблица 1

Гендерная динамика рождаемости в России в период 1959–2013 гг.

Показатели воспроизводства населения	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1995 г.	2002 г.	2006 г.	2010 г.	2013 г.
Абсолютные показатели, тыс. чел.									
Родившиеся, в т.ч.									
женщины	1363	929	1064	1050	664	677	719	869	922
мужчины	1433	974	1115	1111	700	720	761	920	974
Относительные показатели, промилле									
Гендерные коэффициенты рождаемости, в т.ч.									
женщины	20.97	13.1	14.3	13.4	8.5	8.7	9.3	11.3	12.0
мужчины	27.41	16.5	17.6	16.2	10.1	10.7	11.5	13.9	14.7

Представители *первого* направления (А.И. Антонов, В.А. Борисов, Гундаров И.А., С.В. Дармодехин, В.А. Дарский, А.Г. Малыгин, В.М. Медков и др.) утверждают, что современная семья находится на кризисном этапе своего развития. Основной причиной кризиса семьи в России в конце XX столетия А.И. Антонов считает радикальные изменения в системе жизненных ценностей. В 60-е гг. в нашей стране, по его мнению, произошла невидимая революция: массовой стала добровольная потребность в двух детях, а практика двудетности стала социокультурной нормой, почти общеобязательным императивом поведения. В 70–80-е гг., и особенно в 90-е гг., как подчеркивает данный ученый, причины ослабления семейной потребности в детях продолжали действовать с ускорением. Фактическая однодетность стала формулой половины российских семей. А.И. Антонов отмечает важность того, что «увеличение числа детей в семье ставится в зависимость от материального благополучия, а не наоборот. Значит, в само понятие жизненного благополучия не входит семья с несколькими детьми. Более того, это не является благом вообще, не является ценностью, сопоставимой по своей значимости с другими благами и ценностями» [10, с. 8–9]. Сторонники такой парадигмы снижения рождаемости считают, что процесс ее трансформации усилился под воздействием рыночных реформ. Именно в этот период, как подчеркивают ученые, начался кризис семьи, т.к. произошла деформация ее главной функции – воспроизводственной. От расширенного воспроизводства семейного социума семьи перешли к воспроизводству суженного типа.

Вторая группа ученых (А.Я. Кваша, А.А. Кляцин, В.И. Перевезенцев, Л.Л. Рыбаковский, А.Г. Харчев и др.) считают, что переход от патриархальной семьи к новым формам брака в процессе исторического развития общества закономерен. Более того, как отмечает, к примеру, А.Я. Кваша, кризисная концепция воспроизводства населения не имеет практического применения, т.к. в этом случае вмешиваться в демографические процессы неэффективно [11, с. 7].

Л.Л. Рыбаковский подчеркивал, что процесс формирования современного типа семьи начался в России еще в конце XIX в. Однако до начала 1920-х гг. признаки данного демографического перехода были незаметны. В целом неизменными (традиционными) оставались брачно-семейный уклад, регламентирующий нормы детности и желаемое число детей в семье, а также социально-экономические условия жизни большинства населения, которые воспроизводили низкую продолжительность жизни и высокий уровень смертности. Модификация типа брачно-семейных отношений и, как следствие, рождаемости, по его мнению, была связана с индустриализацией, коллективизацией, резким ограничением роли церкви в формировании моральных устоев в жизни общества, а соответственно, и с изменениями социально-экономического и правового статусов женщины. Именно с XX в. женщины получили доступ практически ко всем сферам трудовой занятости. В результате у советских работниц семья отошла на второй план, тем более что по социалистической идеологии общественные интересы должны были преобладать над личными [12, с. 6–7]. Заметим, что такие однонаправленные связи критикуют за отсутствие институционального контекста в анализе причин наталистического перехода, позволяющего объяснить вариации с моделями рождаемости в схожих по социально-экономическим характеристикам странах [13, с. 55].

Демографический процесс, уточняет Л.Л. Рыбаковский, в России не носил эволюци-

онного характера, когда нормы демографического поведения трансформируются постепенно, от поколения к поколению, на протяжении столетий. Изменения в нормах брачно-семейных отношений и в репродуктивном поведении семей, произошедшие в течение жизни одного-двух поколений, были в значительной степени идеологически «навязаны» основной массе населения. Кардинальным образом характер демографического развития семей был изменен Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Главное ее последствие, с точки зрения процессов семейного воспроизводства населения, – формирование череды демографических волн [13, с. 6–7]. Для послевоенного времени в динамике рождаемости выделяют пять периодов: 1) высокого уровня рождаемости в 1950–1960 гг. с ежегодным числом рождений 25–34 тыс. чел.; 2) значительного снижения рождаемости в 1961–1968 гг., когда общее число рождений упало до 17 тыс. чел., 3) стабильной рождаемости на уровне 18–20 тыс. чел. с 1969 г. по 1982 г.; 4) относительного подъема рождаемости в 1983–1987 гг. с ежегодным числом рождений 21–22 тыс. чел.; 5) резкого падения рождаемости с конца 80-х гг.; 6) незначительное волнообразное увеличение рождаемости с 2004 г. и по настоящее время.

Третье направление изменения норм рождаемости получило развитие на Западе в 1970-е гг. в трудах экономистов-институционалистов в рамках «новой теории потребления». В статье нобелевского лауреата по экономике Г. Беккера «Теория распределения времени» (1965 г.) семейная экономика трактуется как своего рода «малая фабрика», производящая основные товары – питание, образование и т.п. за счет использования рыночных товаров и времени ее членов и таким образом воспроизводящая кадры работников и обеспечивающая первичное разделение труда. В соответствии с этой теорией «ребенок уподобляется экономическому благу – товару длительного пользования. С данных позиций оценивается рыночная стоимость каждого ребенка в семье, анализируются вложения в человеческий капитал и отдача от него. Иначе говоря, сопоставляются расходы на воспитание ребенка с учетом домашнего труда, вложений взрослого человека в воспроизводство ВНП и доходы, которые в последующем семья может получить от его рождения.

В условиях развития экономики, основанной на знаниях, требования к качественным характеристикам человеческого капитала детей постоянно увеличиваются, т.е. родители должны во все большей степени сокращать «собственное потребление (включая свободное время)… чтобы увеличивать время и ресурсы на уход за детьми, на их образование, подготовку и здоровье» [14, с. 442]. Кроме того, цена ребенка будет зависеть от следующих параметров. Во-первых, это уровень образования женщины, чем выше образовательный человеческий капитал матери, тем выше будут издержки, связанные с рождением ребенка.

Во-вторых, в результате замещения оплачиваемого рабочего времени неоплачиваемым временем по уходу за ребенком семья недополучает доход в виде заработной платы женщины, поэтому чем выше ее величина, тем выше будет цена рожденного ребенка.

В-третьих, т.к. люди более старшего возраста обладают большим запасом накопленного человеческого капитала, а следовательно, и ценность времени у них выше, то возраст родителей прямо пропорционально влияет на цену ребенка. Заметим, что в современных условиях, когда увеличивается возраст не только вступления в брак, но и рождения ребенка, этот фактор становится все более значимым.

В-четвертых, цена ребенка определяется и очередностью его рождения, т.к. «дополнительный ребенок уменьшает полезность, извлекаемую родителями от каждого отдельного ребенка, подобно тому… как покупка дополнительной машины сокращает полезность, приходящуюся на один автомобиль» [14, с. 469]. Косвенным показателем этого является повышение семейных затрат с появлением последующего ребенка, которое можно проследить по соотношению среднедушевого прожиточного дохода к региональному прожиточному минимуму для семей с различным числом детей.

В-пятых, увеличение затрат на воспроизводство детей связано также и с увеличением времени иждивения детей до начала ими трудовой деятельности, а это связано с более высокими требованиями к уровню образования будущих молодых.

Таким образом, «качество» ребенка становится обратной стороной количества детей. Подтверждением является уменьшение уровня доступности институциональных услуг[1] для детей из двухдетных и многодетных семей по сравнению с однодетными, характерное также и для современных семей России (см. табл. 2).

Кроме того, таблицы 2 и 3 подтверждают, что, как правило, первенцы чаще, чем вторые дети, а вторые — чаще, чем третьи и последующие дети, получают уход со стороны государственных и частных учреждений.

Таблица 2

Доступность институциональных услуг в зависимости от количества детей в семье и очередности рождения

Возраст ребенка	1 ребенок в семье	Двое детей в семье		Трое детей в семье		
		Первый ребенок	Второй ребенок	Первый ребенок	Второй ребенок	Третий ребенок
3 года и младше	38.6	43.5	33.9	33.3*	50	35.3
4–6 лет	83.5	80.4	74.8	33.3*	71.4	61.5
7–13 лет	70.1	65.7	54.4	57.4	45.9	32.8
Всего	64.3	66.3	53.9	52.1	49.6	39.8

Примечание: * – число наблюдений менее 10.

Таблица 3

Доля детей из двухдетных и многодетных семей, пользующихся институциональными услугами в зависимости от очередности их рождения и возраста

Порядок рождений детей	Возрастные группы детей до 14 лет			Всего
	3 года и младше	4–6 лет	7–13 лет	
Первый ребенок	42.3	75.9	63.8	64
Второй ребенок	34.5	74.4	52.9	53.2
Третий и последующие дети	35.7	52.2	38.1	40.7
Всего	35.5	71.1	56.3	55.2

Причем, как подчеркивают Л.Н. Овчарова, М.А. Малкова и др., различия становятся особенно заметны в возрастах, когда доступ к профессиональным услугам означает возможность более качественного и разностороннего развития – в старших дошкольных и школьных возрастах. Следовательно, можно предположить, что родители больше инвестируют в человеческий капитал единственных детей, а в семьях с несколькими детьми – первых детей. Более того, подчеркивают исследователи, первые дети получают более разнообразные институциональные услуги, чем последующие. Например, в семьях с двумя детьми, первый ребенок в возрасте 7–13 лет в среднем получает 0.76 услуги, второй в этом же возрасте – 0.67, а третий или последующий – 0.47 институциональной услуги [15, с. 104]. Получается, что в современной семье потребность в детях действительно реализуется в форме замены большего количества детей ростом «качества» одного ребенка.

В рамках *четвертого* направления ученые акцентируют внимание на взаимосвязи уровня рождаемости и типа гендерного взаимодействия между супругами (патриархальный или эгалитарный). В настоящее время воспроизводство неэгалитарного поведения в семьях, по мнению многих ученых, является причиной бездетности [см., например: 16–18 и др.], т.к. современные женщины, не желающие поддерживать патриархатную семью, но не умеющие построить эгалитарную, отказываются от рождения ребенка. Далее, как справедливо уточняет И.Е. Калабихина, «утверждение, будто бы идеология феминизма разрушает семью и брак, приводит к отказу от рождения детей, относится только к патриархатной семье. Идеология гендерного равенства включает в себя защиту интересов эгалитарной семьи, в гендерной политике существует механизм, стимулирующий рождаемость. Более того, политика, ориентированная на развитие эгалитарных отношений в семье, на более равное распределение домашнего труда, может позволить реализовать репродуктивные установки и, более того, изменить их» [13, с. 56]. Неслучайно, например, П. Макдональд причиной низкой рождаемости считает противоречие между высоким уровнем гендерного равенства в индивидуально-ориентированных социальных институтах и «застывшим» гендерным неравенством семейно-ориентированных социальных институтов» [13, с. 56]. Данный тезис подтверждают исследования, выполненные на материалах европейских стран [15,

с. 116]. В частности исследование по Дании показало, что работающие и ориентированные на карьеру женщины принимают решение о рождении второго ребенка в зависимости от активности их партнера в воспитании первенца». Результаты других исследований выявили U-образную форму этой зависимости: наибольшей вероятностью следующего рождения отличаются наиболее традиционные и наиболее эгалитарные семьи. В то же время, по данным М. Милс и ее коллег, неравное распределение домашнего труда оказывает существенное влияние на репродуктивные намерения только тех женщин, которые уже изрядно перегружены на работе и дома. Некоторые различия в результатах, подчеркивают Л.Н. Овчарова, М.А. Малкова и др., отчасти объясняются неодинаковым измерением гендерного равенства в семье. Если в работе М. Милс и ее коллег, а также Б. Торр и С. Шорт измеряется участие мужчин и женщин в выполнении домашних дел, не считая ухода за детьми и организации досуга, то в работе С. Бродманн и ее коллег учитывается только участие мужчины в уходе за ребенком. При этом обе работы оперируют информацией о часах, посвященных выполнению той или иной деятельности. В работе Б. Торр и С. Шорт принимается также во внимание ценностный аспект – т.н. «гендерная идеология» – представления о предпочтительных ролях мужчины и женщины в семье.

Несмотря на некоторые различия в результатах исследований все они в целом подтверждают значимость т.н. гендерного фактора в демографических изменениях. С этой целью, например, И.Е. Калабихиной разработана комплексная концепция «гендерного перехода[2], обосновывающая вслед за П. Макдональдом изменения норм рождаемости в зависимости от степени эгалитарности в общественных и социальных институтах. И.Е. Калабихина выделяет три стадии такого перехода. На первой стадии гендерное равенство начинает проникать в общественные институты, на второй — происходит значительное отставание домохозяйственных институтов от общественных в отношении развития гендерного равенства, на третьей — домохозяйственные институты «догоняют» в гендерном развитии общественные (стадия будущего. — Прим. автора) [13, с. 16]. В контексте концепции «гендерного перехода» снижение рождаемости существенно ниже уровня простого воспроизводства населения, откладывание и отказ от рождения детей, появление значительной доли населения, сознательно отказывающихся от рождения детей в течение жизни, — результат адаптации женщин к несовпадению уровней эгалитарности в общественной жизни и в домохозяйстве (вторая стадия «гендерного перехода»). В качестве основного барьера при принятии решения о рождении ребенка в постиндустриальном обществе И.Е. Калабихина считает возросшее в цене время женщины, подчеркивая, что усиливают проблему дефицита женского времени в России демографические тенденции в области смертности и увеличение продолжительности жизни. В результате современное поколение женщин среднего возраста называют поколением «сэндвича», т.к. они не только посвящают свое время заботам о детях, но и ухаживают за своими престарелыми родителями» [13, с. 57]. Особенно значимы, как подчеркивают Л.Н. Овчарова, М.А. Малкова и др., социальное окружение, внутрисемейные и межсемейные связи в стране с неразвитостью социальных услуг по уходу за детьми и пожилыми, к которой относится и Россия» [15, с. 112]. Данный тезис подтвердили результаты первой и второй волн социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины», проведенных в России в 2004 г. и в 2007 г. Регрессионный анализ факторов, связанных с желанием стать родителями или с последующим рождением первенца, позволил выявить, что значимыми корреляторами наряду с возрастом и партнерским статусом выступили социально-экономический статус, помощь в уходе за детьми и представления о межпоколенческой поддержке, а также характер распределения домашних обязанностей между партнерами. Так, например, при контроле прочих факторов чаще других выражали желание стать родителями респонденты из семей, где традиционное распределение обязанностей по дому воспринимается как должное, тогда как рождались первенцы чаще в семьях, где мужчина вовлечен в домашние дела наравне с женщиной. Характер гендерных отношений в области выполнения домашней работы и воспитания детей сохранил свою значимость и для вторых рождений. Так, чаще других планировали родить и родили второго ребенка семьи с эгалитарным типом распределения репродуктивного труда. При этом в уже существующих эгалитарных парах прослеживается заметная согласованность намерений и фактического репродуктивного поведения. Что касается влияния на репродуктивное поведение российского населения различных аспектов социального капитала[3], то его наличие рассматривается как возможность сглаживать колебания дохода в связи с рождением и воспита-

нием детей и отчасти как снижение возможных издержек по уходу за детьми.

Далее, используя позитивы всех предшествующих наработок, мы составили логическую таблицу, в которой выделили объективные и субъективные факторы, влияющие на изменение норм детности в семьях (табл. 4). Таблица базируется на следующих авторских подходах:

- в первой графе осуществлена периодизация демографических волн на основе исследований Л.Л. Рыбаковского, которые привели к волнообразным изменениям рождаемости;
- во второй и третьей графах сгруппированы экономические и неэкономические факторы (социальные, в т.ч. гендерные, психологические, моральные, политические и др.), определяющие изменения состава семьи;
- в четвертой – седьмой графах приводятся количественные иллюстрации суммарного коэффициента рождаемости по данным переписей населения в пределах каждой из демографических волн[4];
- в восьмой графе отражены объективные тенденции изменения количественно-качественных формул семьи в каждом из выделенных периодов.

Приведенная таблица, во-первых, подтверждает волнообразный характер рассмотренных закономерностей: при общей тенденции уменьшения количества членов семьи этот процесс замедлялся в 60-е и 70-е гг., причем сокращение размера сельской семьи было более интенсивным, чем городской.

Во-вторых, в каждом из выделенных нами периодов уровень рождаемости изменялся под влиянием не только экономических, но и неэкономических факторов, т.е. трансформация семей происходит, с одной стороны, под влиянием государственной семейной политики, а с другой – относительно самостоятельно под воздействием процессов модификации советской психологии внутрисемейных отношений. Причем, как показывают результаты исследований, в настоящее время значимость влияния предложенных правительством мер демографической политики имеет меньшую значимость по сравнению с уровнем стабильности экономической ситуации в стране в целом, установками на нормы детности в семьях и характером взаимодействия между супругами[5]. Так, например, по результатам социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины», в 2007 г. изменили свое мнение о репродуктивных планах с «Определенно нет» на «Пожалуй, да» и «Определенно да» всего 5% семейных пар, у которых в исследуемый период (2004–2007 гг.) наблюдался прирост доходов. Для этих семей, подчеркивают Л.Н. Овчарова, М.А. Малкова и др., скорее эффекты экономического роста, нежели принятые специальные меры стимулирования рождаемости, создали материальную основу для изменения намерений о рождении детей. С «Пожалуй, нет» на «Определенно да» сменили свои намерения только 0,8% семей, которые представлены молодыми семьями со средним уровнем дохода, 65% из которых уже имеют одного ребенка. Построение логарифмических моделей на основе данных исследований показало, что введение новой системы семейных пособий и материнского капитала в основном подтолкнули к решению о рождении ребенка колеблющихся » [15, с. 160]. В результате демографы прогнозируют «затухание» роста рождений в ближайшие годы. Однако спектр причин данного негативного процесса до сих пор не осознан правительством РФ. Так, например, на заседании Совета по реализации нацпроектов и демографической политике 26.02.2013 г. Президент РФ в качестве одной из ключевых демографических проблем обратил внимание на необходимость «помочь женщине сочетать материнство и трудовую деятельность, а это могла бы быть работа на дому, гибкий график работ, обучение новой специальности, повышение квалификации, в том числе дистанционно. Правительство предлагает такие решения. В целом считаю их эффективными. Нужно активнее их внедрять опять же вместе с региональными властями. Особенно актуальны эти меры для женщин, которые воспитывают первого и второго ребѐнка в возрасте от 1,5 до 3 лет, то есть в тот период, когда пособия являются достаточно скромными». Однако, как уже отмечалось нами выше, данные патриархатные установки государства в области демографической политики могут дать скорее обратный эффект, т.к. не учитывают роли гендерного фактора в демографических изменениях.

Что касается динамики гендерных коэффициентов рождаемости, рассчитанных нами как отношение числа живорожденных девочек и мальчиков на 1000 населения соответствующего пола, представленных в табл. 1, то значение этого показателя по мальчикам выше. Данная тенденция объясняется тем, что на каждые 100 родившихся девочек в среднем в мире рождается 106 мальчиков[6]. Однако в результате действия институтов гендерной власти в некоторых странах до сих пор существует жесткое предпочтение в отношении рождения сыновей, т.н. son-oriented society – SOS. Такое предпочтение влияет на детность в семье и на соотношение

Таблица 4

Факторы трансформации уровня рождаемости в России с конца XIX в. до начала XXI в.

Периоды	Факторы		Суммарный коэффициент рождаемости				Тенденции изменения норм детности в семьях
	экономические	неэкономические	годы	город	село	все население	
1	2	3	4	5	6	7	8
1890–1916 гг.	Аккумуляция экономических и социально-гигиенических факторов, повышающих уровень смертности и снижающих продолжительность жизни	Сохранение патриархального брачно-семейного уклада и влияние церкви на нормы детности	Данных за этот период нет				Переход к простому семейному воспроизводству
1917– 1940 гг.	Индустриализация, коллективизация, советские пятилетки, переход к т.н. патерналистскому статусу женщин со стороны государства	Ограничение роли церкви в жизни общества. Массовое вовлечение женщин в производство, приоритет общественных интересов над внутрисемейными, появление «двойной» занятости женщин. Увеличение потребления домохозяйствами социальных и бытовых услуг. Падение рождаемости сдерживается действующими предпочтениями к планированию рождения сыновей	1923 г. 1939 г.	4.00 3.61	5.60 4.31	– 4.06	Формула сокращения детности
1941– 1945 гг.	Потери мужского населения в военных действиях, голод. Массовое использование женского труда на мужских работах	Резкое сокращение рождаемости в годы войны	Переписи населения не проводилось				Формула суженного воспроизводства семьи
1946–1959 гг.	Преобладание коммунальных квартир, послевоенная разруха и бедность. Колоссальная нагрузка на население и, особенно, сельские семьи, связанная с восстановлением народного хозяйства страны	Диспропорции полов в основных репродуктивных возрастах. Последствия политических репрессий. Морально признан легитимный статус внебрачных детей. Рост вложений в капитал женщин	1959 г.	3.53	3.88	3.71	Послевоенный компенсаторный подъем рождаемости почти до довоенного уровня
1960–1980 гг.	Ориентация жилищной политики на одно-двухкомнатные квартиры (свыше 90% вводимого жилого фонда). Постепенное усиление дифференциации среднедушевых доходов малодетных и многодетных семей	Вступление в репродуктивный возраст поколений, родившихся в годы войны и в первое послевоенное десятилетие. Рост числа неоформленных брачных союзов. Использование контрацептивных препаратов, расширение возможностей планирования семьи	1970 г. 1979 г.	3.40 3.34	3.80 3.76	3.70 3.51	Стабилизация уровня детности: иннерционная смесь простого и суженного воспроизводства
1981–1991 гг.	Снижение темпов экономического роста, глубинный экономический кризис, подавленный дефицит, скрытая инфляция, неэффективная «перестройка» хозяйственного механизма	Преждевременная реализация планируемых рождений в результате государственного стимулирования рождаемости: увеличение единовременного и ежемесячных пособий на ребенка; введение частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1,5 года (3 лет) и включение его в непрерывный трудовой стаж	1989 г.	3.20	3.30	3.20	В смешанной формуле семейного воспроизводства однодетные семьи преобладают над двудетными

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8
1992 г. и по настоящее время	Кризис экономики в 1990-е гг. Экономическое оживление 1999–2006 гг. Кризис экономики 2007–2009 гг. Становление новой экономики, основанной на знаниях	Ментальность выживания, а не деторождения в 1990-е гг. Усиление патриархатных тенденций. Рост объема репродуктивного труда у женщин (преимущественного среднего поколения). Увеличение потребления домохозяйствами бытовой техники. Усиление роли Российской православной церкви. Смещение акцента с количественных на качественные характеристики социальной жизни. Рост цены времени женщины и изменение системы ценностей. В 2000–2010 гг. вступление в репродуктивный возраст поколения 1980-х гг. Постарение возрастной функции рождаемости. Преждевременная реализация планируемых рождений в результате государственного стимулирования рождаемости: увеличение единовременного и ежемесячных пособий на ребенка; материнский капитал, введение родовых сертификатов, введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание	1994 г. 2002 г. 2010 г.	2.84 1.32 1.44	2.85 1.25 1.98	2.84 1.52 1.58	Замещение большего количества детей повышением «качества» одного ребенка

полов. Приоритеты в рождении сына влияют на рождаемость в сторону ее повышения, т.к. в таких семьях дети будут рождаться до тех пор, пока не появится мальчик» [13, с. 57–58]. Кроме того, в настоящее время, как подчеркивает, например, А. Сен, в результате доступа к современным средствам планирования семьи в SOS-обществах распространены аборты по половому признаку эмбриона. Кроме того, для Индии, Китая и некоторых других стран Южной Азии и Западной Азии характерно резкое увеличение рождения мальчиков относительно рождения девочек, отраженное в официальной статистике (112–113 мальчиков на 100 девочек)[7], может означать сокрытие новорожденных девочек, но оно также, с наименьшей вероятностью, может означать более высокую младенческую смертность среди девочек по естественным или иным причинам (причем и новые рождения и новые смерти не регистрируются) [27, с. 126–127]. Отметим, что указанные тенденции в предпочтении рождения мальчиков до сих пор характерны и для некоторых регионов Южного и Северо-Кавказского округа России. При этом следует подчеркнуть, что, по результатам современных исследований, предпочтение в рождении сыновей, как правило, характерно при ожидании третьего ребенка для семей, в которых уже есть две девочки[8]. Поэтому показатель вторичного соотношения полов в этих регионах незначительно отличается от среднероссийских значений. Так, если в среднем в России в 2011 г. на 100 девочек приходилось 106 мальчиков, то, например, в Кабардино-Балкарской Республике этот показатель был равен 109, в Чеченской Республике и Республике Адыгея – 107[9].

Итак, факторный анализ динамики процессов рождаемости в России позволил выявить, что на современном этапе развития общества появляются новые факторы регулирования демографических процессов, учет которых позволяет более точно задавать стратегические императивы их развития. Если учесть, что, по данным исследований Всемирного банка, сокращение гендерного неравенства имеет положительную корреляцию не только с динамикой рождаемости, но и с темпами экономического роста, уровнем конкурентоспособности национальной экономики и уровнем социального развития в целом[10], то учет гендерного фактора составляет один из скрытых резервов повышения эффективности функционирования современной экономики России в целом.

Примечания

1. К институциональным услугам исследователи относят услуги по уходу за детьми, их воспитанию и развитию, оказываемые в ДДУ, иных образовательных учреждениях, а также отдельными людьми, для которых эта деятельность является профессией (услуги воспитателей, тренеров, профессиональных нянь и т.д.). Цит. по: [15, с. 92].
2. Напомним, что в настоящее время помимо классического «первого демографического перехода» (изменения в рождаемости и смертности – А. Ланди, Ф. Ноутстейн) сформулированы концепции «второго демографического перехода» (изменения в репродуктивном и матримониальном поведении, в системе ценностей – Д. Ван де Каа, Р. Лейстаг) и «третьего демографического перехода» (изменения в возрастной и национальной структуре населения в связи с массовой миграцией – Д. Коулмен) [13, с. 16].
3. Под социальным капиталом исследователи понимают способность акторов гарантировать выгоды посредством членства в социальных сетях и других структурах» [15, с. 112].
4. Составлено по: [7–8, 19–21].
5. Об исследовании значимости различных компонентов в динамике рождений в период 2000–2010 гг. см., например: [15, 22–24 и др.].
6. Или на 1000 рожденных мальчиков приходится 944 девочки. Это соотношение основано на среднем нормальном соотношении полов при рождении. См. об этом подробнее: [25, с. 313].
7. Заметим, что в 2010 г. в Китае на 100 девочек приходилось 116 мальчиков [26, с. 51].
8. Результаты данных исследований обсуждались на научно-практической конференции «Женщины и государство: на пути к гражданскому обществу» 26–27 мая 2010 г. в Москве.
9. Рассчитано нами по данным «Женщины и мужчины России: Крат. стат.сб./ Росстат России. М., 2012. С. 20–21.
10. См. об этом подробнее [13, 25, 26, 28].

Список литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В кн.: Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. М.: Эконов, 1993. С. 79–382.
2. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. В кн.: Антология экономической классики. В 2 т. Т. 2. М.: Эконов, 1993. С. 5–136.
3. Маршалл А. Принципы политической экономии. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1983. 416 с.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
5. Население и доход / Под ред. А.А. Саградова. М.: МАКС Пресс, 2001. 96 с.
6. Саградов А.А. Экономическая демография: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 256 с.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. М., 1962. 283 с.

8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. М., 1974. С. 186–252.

9. Женщины и мужчины России: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 1998, 2000, 2003, 2006, 2010, 2012, 2014.

10. Антонов А.И. Кризис семьи как жизненной ценности и экономические аспекты семейной политики // В сб. «Семья в новых социально-экономических условиях» / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1998. Т. 1. С. 7–13.

11. Кваша А.Я. Демографическое и экономическое развитие России // Вестник МГУ: серия «Экономика», 1995. С. 3–10.

12. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России. Саранск, 2000. 96 с.

13. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России: Монография. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с. С. 55.

14. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

15. Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований. Авторский коллектив Л.Н. Овчарова (отв. ред.), М.А. Малкова, Л.И. Ниворожкина и др. М., 2010. 248 с.

16. Olah L.S. The Gendered Impact of Public policies on Second-birth Rates: the Cases of Sweden and Hungary. [the Electronic resource] URL: http://www.cicred.org/Eng/Publications/Books/Unesco1997/UnescoOlah.pdf (дата обращения 16.08.2014 г.).

17. Rizzi E. at all. Familistic attitudes, dual burden and fertility in Italy . [the Electronic resource] URL: http://eps2008.princeton.edu/sessionViewer.aspx?sessionId=161 (дата обращения 16.08.2014 г.).

18. Юшкова-Борисова Ю.Г. Современная семья и меры стимулирования рождаемости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки», 2009, № 4 (16). С. 132–137.

19. Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М.: Статистика, 1975. 185 с.

20. Народонаселение стран мира: Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса, В.А. Борисова. М.: Финансы и статистика, 1983. 528 с.

21. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 25.01.2015 г.)

22. Захаров С. Рост числа рождений в России закончился? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php (дата обращения 26.08.2014 г.).

23. Вишневский А. Демографический прорыв или движение по кругу? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema06.php (дата обращения 26.08.2014 г.).

24. Елизаров В.В. Экономическая поддержка семей с детьми в демографической политике 2007–2009 гг. и перспективы активизации // В сб. «Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы / Отв. ред. А.И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. С. 21–34.

25. Мезенцева Е.Б. Гендерный рейтинг регионов России (по результатам исследования) // В кн: Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / Отв. ред. Н.М. Римашевская, О.А. Воронина, Е.А. Баллаева. М.: Макс Пресс, 2012. С. 302–328.

26. Hausmann R., Tyson L.D., Zahidi S. The Global Gender Gap Report 2011. [the Electronic resource] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2011.pdf

27. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. Под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

28. Базуева Е.В. Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 2. С. 71–84.

FACTOR ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF HUMAN CAPITAL REPRODUCTION IN MODERN RUSSIA

E.V. Bazueva

Perm State National Research University

The article shows the relationship of the dynamics of human capital reproduction as a factor of society's optimal economic development. We have performed factor analysis of fertility dynamics in Russia in the following areas: 1) crisis concept of reproduction; 2) evolutionary concept of changes in fertility norms; 3) concept of human capital reproduction; 4) gender theory of demographic change. We used the positive aspects of these approaches and identified the objective and subjective factors that influence the changes in the norms of child-bearing in families. Particular attention was paid to the role of the gender factor in this process. The inclusion of this factor in the regulation of demographic processes not only allows for a more precise definition of the strategic imperatives of their development, but also is one of the latent reserves to enhance the functioning of modern Russian economy as a whole.

Keywords: reproduction of human capital, fertility, gender factor, efficiency.

УДК 330.88

ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВЕРСИИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

© 2015 г.

В.И. Степанов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

stepanov.s1t2e3p4@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Рассмотрены основные положения информационной теории стоимости, предложенной К.К. Вальтухом, представляющей, по мнению автора этой теории, обобщение классической трудовой теории стоимости, высшие достижения которой воплощены в экономической теории Маркса, вбирает в себя эти достижения, а не отвергает их. Проведен критический анализ методики статистической проверки, обобщения и переосмысления теории трудовой стоимости, позволившее К.К. Вальтуху сделать вывод о делении всей рабочей силы на две социально весьма различные категории: созидатели общих источников развития общества, включая социально-культурные фонды (относительно высококвалифицированное меньшинство); их частичные иждивенцы (большинство), составляющие 73% занятых (физических лиц). Проведен критический разбор этого вывода и показано несоответствие информационной интерпретации сути трудовой теории стоимости К. Маркса.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, информационная теория стоимости, производительный труд.

Трудовая теория стоимости, объясняющая пропорции обмена воспроизводимых товаров общественно необходимыми затратами живого и овеществлённого труда, с момента своего появления служит объектом заинтересованного анализа исследователей. Современные сторонники новой интерпретации этой теории используют модели, алгоритмы и числовые расчёты с использованием конкретных статистических данных. Так, К.К. Вальтух попытался обосновать информационную интерпретацию трудовой теории стоимости, отметив, что современная формализация этой теории и её статистическая проверка подтвердили её высокую объясняющую и прогнозную силу [1].

Как отмечает указанный автор относительно теории информации, «эта теория представляет собою обобщение классической трудовой теории стоимости, высшие достижения которой воплощены в экономической теории Маркса, вбирает в себя эти достижения, а не отвергает их. Переосмыслено понятие труда: труд есть процесс создания и тиражирования (в том числе материализации) идеальной информации. Показано, что информационная теория дает возможность, в частности, получить коэффициенты, соизмеряющие труд различной квалификации (т.е. решена известная проблема редукции труда). Открывается также путь к решению другой проблемы, заведомо неразрешимой в пределах трудовой теории стоимости: определить общественную стоимость ресурсов производства и потребления человека, спонтанно возникших в природе [2].

При ее информационной трактовке классическая концепция трудовой теории стоимости представлена в формате, выражающем «требование возмещения на рынке стоимости израсходованных средств производства и рабочей силы» [3]:

$$Q_j^P - \sum_{j \in SJ} A_{ij}^P = f * \sum_{g=1}^{G} s_g \cdot \tilde{L}_{gj}$$

Q_j^P – выручка (валовый выпуск) за товары отрасли j; $\sum_{j \in SJ} A_{ij}^P$ – поток затрат на выпуск продукции отрасли *j*; *SJ* – множество отраслей; *f* – некоторая инварианта, т.е. независимый от отрасли коэффициент перевода стоимости товаров в показатели денежной выручки от их продажи (единица измерения: денежных единиц на единицу трудовой стоимости); s_g – коэффициент редукции труда категории g к простому труду; $s_g \geq 1$; причём $s_g = 1$ для простого труда; $\tilde{L}_{gj}$ – затраты (потоки рабочего времени) работников квалификационной категории g на производство продукции отрасли *j*.

Наёмные работники по уровню квалификации поделены на 34 квалификационные группы, сформированные по уровню часовой оплаты труда. Шаг группировки: 0.5 доллара в час, последняя группа (34-я группа) включает работников с оплатой 18,0 долл. и более в час.

К.К. Вальтух отмечает: «Обработана весьма детальная статистика переписи населения США 1980 г., охватывающая 96.9 млн работников; они сведены нами в 188 квалификационных групп, в среднем в группе примерно по 0.5% общей численности работников» [4].

Общая величина вновь созданной стоимости (1805.3 млрд долл.), принятая этим автором равной чистому внутреннему продукту (ЧВП) товарного производства, распределена им между квалификационными группами работников пропорционально количеству условно отработанных соответствующей группой человеко-часов, рассчитанного с учётом среднего для группы информационного коэффициента редукции труда. Отношение условно отработанных группой человеко-часов к суммарной величине условно отработанных человеко-часов характеризует долю квалификационной группы в той части ЧВП, относительно которой было принято, что она создана трудом. Разность между ЧВП квалификационной группы и фондом заработной платы этой группы соответствует прибавочной стоимости, созданной рассматриваемой группой.

По роли в производстве прибавочной стоимости, определенной подобным образом, К.К. Вальтух выделяет три основные группы работников.

Первую основную группу (28% всей рабочей силы) составляют сравнительно низкие по квалификации категории (средний уровень образования – 11.2 года, средний возраст – 33.2 года). Образуя 28% общей численности работников, первая группа создает только 11% всей произведенной трудом стоимости; получая 13% общего фонда заработной платы, эти работники производят лишь 8% всей прибавочной стоимости.

Вторую основную группу (45% занятых) составляют средние квалификационные категории (средний уровень образования – 12.1 года, средний возраст – 36.6 года). Вторая группа, составляя 45% общей численности работников, создает 36% всей стоимости, получает 39% всего фонда оплаты труда, производит 30% всей создаваемой трудом прибавочной стоимости. Эксплуатации работников этой группы, скорее всего, опять-таки нет (или она незначительна); частичное иждивенчество имеет место, хотя его масштабы значительно меньше, чем в первой группе.

Третья основная группа (примерно 27% занятых), на 97% состоящая из мужчин (средние показатели образования заметно выше средних по экономике, средний возраст – 44.0 года), создает 53% всей стоимости, получает 48% фонда оплаты труда, производит 62% всей создаваемой трудом прибавочной стоимости. В составе третьей основной группы наёмных работников – менеджеры, включая высших, и другие слои верхнего класса общества – реального собственника основной, решающей части средств производства, а также собственники («самозанятые»). По-видимому, в эту группу вошли также владельцы предприятий, на которых распространяется приведённое выше условное допущение о включении их в состав наёмной рабочей силы.

В результате «статистической проверки, обобщения и переосмысления» теории трудовой стоимости, появилось формализованное изложение «информационной концепции редукции труда», которая «будучи операциональной привлекает внимание к выводу, который, строго говоря (во всяком случае для обществ с развитыми общественными фондами потребления), следует уже из теории Маркса: делению всей рабочей силы на две социально весьма различные категории: созидатели общих источников развития общества, включая социально-культурные фонды (относительно высококвалифицированное меньшинство); их частичные иждивенцы (большинство), составляющие 73% занятых (физических лиц).

Представляется, что метод получения социально-экономических следствий, «коренным образом отличных от выводов из теории прибавочной стоимости, сделанных К. Марксом», связан с особенностями применения основополагающих понятий классической трудовой теории стоимости при её информационной трактовке.

Во-первых, вопреки теории К. Маркса, принято, что «вся рабочая сила является наёмной (это условно распространяется даже на собственную рабочую силу владельцев предприятия)» [2, с. 8]. Подобное предположение, отрицающее особенности производственных отношений при капиталистическом способе производства, конечно, находится за рамками трудовой теории стоимости, развиваемой К. Марксом, поскольку в этом случае исчезает различие между создателями стоимости – наёмными рабочими и капиталистами, присваивающими неоплаченную часть труда рабочих. Между тем К. Маркс утверждал, что «на взаимоотношениях между капиталистом-предпринимателем и наёмным рабочим основывается вся система заработной платы и вся современная система производства» [5].

Следствием трудовой теории стоимости является понятие прибавочной стоимости как той

части стоимости, созданной производительным трудом наёмного рабочего, которая «ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда» [6]. Отказ от этого основополагающего тезиса означает, что выдвигается некоторая другая концепция, не имеющая отношения к классической трудовой теории стоимости.

Во-вторых, в основе теоретико-информационного подхода к стоимости автор положил соответствие свойств количества информации свойствам «экономических оценок, раскрытым уже в классической теории стоимости». Например, единичные количества информации аддитивны для однородных объектов и также единичные стоимости и единичные цены аддитивны для однородных товаров. Но при этом возникает вопрос, насколько однородны цена товара, рабочая сила наёмного рабочего, получающего заработную плату и цена «условно» наёмной рабочей силы собственника средств производства, присваивающего прибавочную стоимость.

В-третьих, статистическая совокупность наёмных работников не учитывает различия между производительным и непроизводительным трудом. Автор информационной теории стоимости относится к сторонникам расширительной концепции производительного труда, полагая, что и в нематериальном производстве труд является производительным [7]. Между тем, следуя представлениям Смита на этот счет, К. Маркс разграничивал труд производительный и непроизводительный и критиковал отождествление любой полезной деятельности с производительным трудом: «Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производителен, как и тот, кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т.д., а разве это не также благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смита какой-нибудь возмущенный друг человечества. Во-первых, А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготовляющий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые «производительные работники» доставляют также продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что, в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто не выполняет никакого труда» [8].

Тем самым объект статистического наблюдения не содержит необходимого для получения корректного статистического результата свойства однородности, поскольку рассматриваемая статистическая совокупность наёмных работников включает работников производительного труда, создающих стоимость товара, капиталистов, присваивающих часть этой стоимости, и работников непроизводительного труда.

Таким образом, следует констатировать несоответствие информационной интерпретации стоимости сути трудовой теории стоимости. Подобная интерпретация, вероятно, найдет своих последователей, но ее судьба не связана с развитием трудовой теории стоимости.

Список литературы

1. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости. Новосибирск: Наука, 1996. 413 с.

2. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и системные экономические оценки природных ресурсов // Наука в Сибири. 1997. № 26, июль.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 30.

5. Вальтух К.К. Теория стоимости: статистическая верификация, информационное обобщение, актуальные выводы // Вестник Российской академии наук. 2005. Том 75. № 9. С. 793–817.

6. Солнцев С.И., Туган-Барановский М.И., Билимович А.Д. Социальная теория распределения. М.: Наука, 2009. 436 с.

7. Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда: Монография. Н. Новгород.: Изд-во ННГУ, 2006. 160 с.

8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 169.

9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 410.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 30. Т. 23. С. 203–204.

ON THE INFORMATION VERSION OF THE LABOR THEORY OF VALUE

V.I. Stepanov

Siberian Federal University

We consider the main postulates of the information theory of value proposed by K.K.Valtukh. According to the author of this theory, it is a generalization of the classical labor theory of value whose highest achievements are embodied in the economic theory of Marx, and the information theory of value incorporates these achievements rather than rejects them. We present a critical analysis of the methods used by K.K.Valtukh for statistical verification, generalization and rethinking of the labor theory of value, which led him to conclude that the workforce is divided into two very different social categories: those who create common sources of society's development, including social and cultural foundations (a relatively highly skilled minority) and their partial dependents (the majority) that make up 73% of employees (individuals). A critical analysis of this finding shows the inconsistency of the information interpretation of the theory of value with the essence of Marx's labor theory of value.

Keywords: labor theory of value, information theory of cost, productive labor.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

© 2015 г.

В.В. Щербина, Е.О. Нечаева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

sherbina.vyacheslav@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Исследуется феномен социальных технологий как деятельности практикующих специалистов, представляющих разные поведенческие науки и работающих в разных сферах социальной практики. Термин «социальные технологии» достаточно активно используется отечественными специалистами, однако согласие по поводу его содержания до сих пор не достигнуто, а перечень позиций, по которым прослеживаются разногласия в его понимании, постоянно растет. Сегодня под одним и тем же названием в социальных науках сосуществуют несколько типов разнородных средств. Будучи обозначены единым термином, они существенно различаются по содержанию, объекту воздействия, функциям, свойствам, задачам, сфере применения.

Ключевые слова: социальные технологии, социальные науки, социальное управление, стандартизация, практические задачи, социальная практика.

Представленная статья посвящена выявлению специфики применения социальных технологий (далее – СТ) в различных поведенческих науках и их связи с деятельностью специалистов, работающих в разных сферах социальной практики. Известно, что даже применение самого термина «социальные технологии» вызывает разногласия, связанные с пониманием его содержания, а отсутствие четких представлений о феномене СТ ставит под сомнение возможность его развития.

Целью данной работы является систематизация представлений о содержании категории «социальные технологии». Непосредственным поводом, побудившим к написанию статьи, стало появление в последние годы в научной литературе значительного количества совершенно несовпадающих с исходным пониманием термина, часто противоположных друг другу по содержанию, а иногда просто странных трактовок СТ. В качестве примеров таковых назовем две. СТ определяют как: 1) «последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которых, каждый субъект, участвующий во взаимодействии, реализует собственную управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность» [1, с. 286]; 2) механизмы, обеспечивающие функционирование социальных институтов, поддержание социального порядка и воспроизводство социальных систем (законы, правовые нормы, правила, традиции) [2].

Развитие представлений о содержании термина СТ в стране протекало поэтапно и было связано с двумя факторами. Во-первых, с поэтапным приспособлением содержания термина к двум радикально различающимся по социально-экономическим реальностям – советской и постсоветской. Во-вторых, с поэтапным подключением к процессу обсуждения содержания термина СТ все новых групп специалистов социальной ориентации. Последние представляли: а) разные жанры деятельности (философию, академические науки, социальную практику); б) разные предметные области поведенческих наук. В ходе осмысления и даже переконструирования содержания термина представители каждой из этих групп пытались приспособить термин к специфике своей предметной области, профессии и жанру деятельности.

Отправной точкой для начала процесса внедрения и осмысления термина СТ стала публикация в 1977 г. на русском языке книги болгарского социального философа Н. Стефанова «Общественные науки и социальная техноло-

гия». После этого термин СТ начал активно внедряться в стране и даже сформировалась определенная традиция, связанная с его осмыслением. При определении СТ Н. Стефанов исходил из представлений о том, что: а) СТ – это разновидность технологии; б) технологию следует понимать как специфическую «деятельность», ориентированную на задачу достижения поставленной цели; в) цель должна рассматриваться как ориентир заданных изменений либо состояния социального объекта, либо процесса; г) социальная специфика СТ связана с целенаправленными изменениями реально протекающих социальных процессов (которые он рассматривал как объекты технологизации). Условием использования СТ Н. Стефанов считал существование сфер деятельности, где имеет место активное (в противовес созерцательному) и целенаправленное отношение человека к социальной среде [3].

Первый этап работы с термином почти целиком совпадает с советским периодом жизни страны. Он датируется временем с середины 70-х до середины 90-х гг. XX в. (это рубеж, до которого специалисты активно использовали опыт по СТ, накопленный в советский период) и связан с первыми попытками выявить содержание термина СТ и привязать его специфику к управлению, которое рассматривалось тогда как единственная сфера преобразующей социальной практики, где применение СТ возможно. Над осмыслением термина в тот период работали две группы специалистов. Первая группа специалистов включала социальных философов и академических ученых социальной ориентации (М. Марков, Н. Стефанов, В.Г. Афанасьев, Л.Г. Ионин) [2–5], интерес которых к этому термину был в достаточной степени умозрительным. Вторая группа – специалисты, позиционировавшие себя, как практикующие социологи и психологи. Они работали по управленческой тематике с крупными промышленными, строительными и транспортными предприятиями. Эти специалисты в советский период сыграли особенно важную роль в осмыслении термина. Их интерес к термину СТ был связан с их постепенным переходом с позиции исследователей и советников (которую занимали, работая с предприятиях до середины 70-х гг. XX в.) на позицию специалистов практиков, обслуживающих систему управления.

Практикующие специалисты были представлены двумя группами: а) заводскими социологами и психологами; б) управленческими консультантами. Первая группа состояла из выпускников вузов (часто по непрофильным специальностям), которые имели определенную подготовку (часто самоподготовку) в сфере поведенческих наук. Будучи сотрудниками предприятий, они до середины 70-х гг. не были вписаны в систему управления предприятиями, а их функции не были четко определены. Со второй же половины 70-х гг. они стали важной составляющей системы управления, а к началу 80-х гг. значительная их часть уже работала на предприятиях в качестве полноценных инновационно-ориентированных функциональных специалистов. Выполняемые ими функции стали более четко очерченными, а их деятельность – связанной с задачами активизации человеческого ресурса и рационализацией управления. Работа специалистов такого типа, если определять ее в сегодняшней терминологии, вписывалась в современные представления о содержании деятельности менеджеров по управлению человеческим ресурсами, организационному развитию и организационному дизайну [6]. В числе специалистов, которые оставили след, работая тогда в этой позиции, могут быть названы В.И. Герчиков, А.К. Зайцев, В.С. Дудченко [7–9]. Важно отметить, что с середины 70-х и по начало 90-х гг. XX в. в стране наблюдался активный рост численности специалистов-практиков этой группы, и к концу 80-х гг. их численность превысила 2 тысячи человек [6, с. 115].

Вторая группа социальных практиков включала специалистов того же профиля, работающих в жанре «внешнего управленческого консультирования». Их особенностью было то, что они: а) не являлись членами той организаций, которую обслуживали; б) работали с предприятиями на временной договорной основе, совмещая деятельность консультанта с основной работой в другой организации. Группа включала: 1) ученых, работающих в академических институтах (иногда преподавателей вузов), которые совмещали практическую деятельность на предприятиях с основной научной или преподавательской деятельностью; 2) сотрудников проектно-технологических или научно-исследовательских институтов (чаще отраслевых). Последние, уже в силу специфики профессиональной позиции, совмещали проектную деятельность с консультативно-внедренческой деятельностью на предприятиях.

Численность всей этой группы была значительно меньше численности первой, но ее представители обладали, как правило, более высоким уровнем квалификации, часто имели ученые степени и звания. В числе ярких представителей этой группы могут быть названы Т.М. Дридзе, А.П. Посадский и С.В. Хайниш,

А.И. Пригожин, В.К. Тарасов, Г.П. Щедровицкий [10–14].

Еще в 70-е гг. XX в. наиболее продвинутые представители двух обозначенных групп осознали, что практическая работа по управлению предприятиями в сфере, которую они называли «социальным управлением», невозможна, если специалисты-практики не располагают набором достаточно надежных стандартизированных и легко тиражируемых инструментальных средств, созданных под стандартные задачи, решаемые в этой сфере. Такие средства должны были гарантировать их пользователям (при соблюдении заданных предписаний) достижение изначально заданного желательного результата при решении типовой задачи. Для большинства специалистов, связанных с этой сферой, было очевидно, что средства должны: а) опираться на положения и методы поведенческих наук; б) принципиально отличаться от поисковых исследовательских средств, используемых представителями академической науки.

Именно при обозначении таких СТ говорят о наборе стандартизированных инструментальных средств, созданных для решения повторяющихся практически задач, возникающих в сфере управления человеческими ресурсами. Эти средства создаются на базе положений одной или нескольких достаточно развитых поведенческих наук. Они стандартизируют, организуют, структурируют и (что особенно важно) рационализируют определенные виды управленческой деятельности, выполняя инновационную функцию. Использование СТ такого типа позволяет тиражировать передовой опыт и обеспечивать эффективность, гарантируя (при соблюдении заложенных в них правил и норм) достижение заданного результата с минимальными экономическими, социальными или энергетическими издержками. Средства такого типа в нашей стране создавались в период примерно с середины 70-х гг. и до начала 90-х гг. XX в. Методики этого типа были связаны с решением достаточно широкого спектра практических задач, включающих: 1) непосредственную менеджерскую работу с персоналом (профессиональный отбор, аттестация работников, планирование и управление карьерой, профессиональная и социальная адаптация работника, стимулирование мотивации работника, формирование коллектива, изменение состава коллектива, стабилизация коллективов, снятие конфликтов и социальных напряжений); б) работу по обеспечению организационных изменений и организационного развития; в) работу по осуществлению задач организационного дизайна (организационное проектирование и реконструкция). К СТ такого типа в принципе могут примыкать и средства, созданные в сфере управленческой деятельности, связанной с маркетингом. Характерно и то, что работа в этих направлениях изначально предполагала рассмотрение поведенческих наук, на базе которых эти СТ создавались, в качестве полноценных наук, главная задача которых связывалась с изучением социальных процессов и природы социальности.

Второй тип выделенных нами средств обозначим по их функции – «манипулятивные технологии». Это достаточно распространенная сегодня группа инструментальных средств, которую тоже принято обозначать термином СТ. Этот тип средств создается под задачи политической (избирательные технологии, PR-технологии) и иногда управленческой (PR-технологии) преобразующей и корректирующей социальной практики. Их специфика состоит в том, что это инструментальные средства, использующие методы направленного, прямого и фокусированного информационного воздействия на людей (избирателей, потенциальных клиентов, работников организации) с целью изменения их восприятия реальности и модификации их поведения в интересах заказчиков (политиков, бизнесменов, управленцев). Объектом воздействия здесь являются люди, а не деятельность. Итог воздействия и критерий эффективности технологий в данном случае – степень изменения поведения людей в заданном направлении. И разработчиками, и пользователями таких технологий являются практикующие специалисты с поведенческим или гуманитарным образованием, часто именуемые политтехнологами. Хотя при создании средств такого типа в принципе могут быть использованы (и реально используются) знания ряда поведенческих наук, изучающих факторы, предопределяющие человеческое поведение (политология, психология, социальная антропология, социология, экономика). Проблема же рационализации деятельности в привязке к этому типу технологий изначально снимается с повестки дня, так как объектом воздействия таких технологий выступают люди, а не деятельность. Связь этого типа СТ с социальными науками (социологией, психологий, социальной антропологией, экономикой) тоже существует. Однако важно отметить, что базовая для этой сферы социальной практики наука, используемая при разработке этой версии СТ, – политология, в том виде, в каком она сегодня сформировалась, вряд ли может быть рассмот-

рена как полноценная наука, в ее ортодоксальном понимании.

Третий тип средств, тоже достаточно часто именуемых СТ, обозначим как квазитехнологии, используемые в социальной практике. По сути дела, когда мы говорим о них, речь идет не о технологиях в собственном смысле, но о некоей совокупности правил и предписаний, регулирующих, стандартизирующих, формализующих и унифицирующих систему социальных отношений в политике, в управлении и некоторых других сферах. Как и «менеджерские технологии», они действительно выполняют функцию упорядочения и унификации поведения или деятельности людей. Но они не являются итогом проектно-технологических разработок, а представляют собой легитимированные и юридически (или административно) закрепленные социальные практики, действующие как механизмы институциализации (законы, социальные нормы, правила, традиции). Эти практики могут быть либо сформированы в данном социуме, либо заимствованы из другой реальности, но сами они не есть продукт проектно-технологической деятельности. По сути, это юридически закрепленные стандарты или правила, регулирующие отношения в таких сферах, как политика и управление. Примером таких стандартов в политике являются: а) нормативные документы, фиксирующие разделения функций и сфер политической власти; б) правила, регулирующие проведение демократических выборов [15]. В практике управления в качестве примеров такого понимания СТ могут быть рассмотрены широко известные и подробно описанные многочисленные инструкции, стандартизирующие и формализующие деятельность и поведение работников в деловых организациях [16]. Функцией таких средств действительно является обеспечение социальной стабильности. Хотя в процессе юридического закрепления и легитимации этих практик к соответствующим процессам могут привлекаться и привлекаются представители и гуманитарных и социальных наук (юристы, политологи, филологи и т.д.), мы не можем рассматривать эти деятельностные и поведенческие стандарты в качестве полноценных СТ.

Первые средства СТ начали создаваться в стране уже к середине с 70-х гг. XX в. и, как правило, были связаны с проблематикой управления персоналом. В числе таковых могут быть названы методики, созданные под задачи: 1) аттестации руководящих кадров; 2) отбора персонала; 3) формирования и изменения состава коллективов; 4) снятия социальных напряжений и социальных конфликтов; 5) стабилизации трудовых коллективов; 6) социальной и профессиональной адаптации работников; 7) преодоления сопротивления инновациям; 8) оценки уровня управляемости в организации и т.д. В числе специалистов, успешно разрабатывающих такие средства, можно назвать Н.А. Викторова и Э.С. Чугунову, В.И. Герчикова, Т.М. Дридзе, В.С. Дудченко, А.К. Зайцева, А.И. Пригожина; В.К. Тарасова, Г.П. Щедровицкого, В.В. Щербину [17; 7; 10; 9; 18; 12–14; 6].

Многие из названных специалистов, участвовавших в разработке СТ, участвовали и в их осмыслении. Позже инструментальные средства такого типа и получили наименование СТ, но к середине 70-х гг. специфика указанных средств еще не была определена, а название СТ еще не закрепилось за ними.

Проблема создания и применения указанных средств в сфере управленческого консультирования и в сфере заводской социологии и психологии решалась по-разному.

В сфере управленческого консультирования и разработчиками, и основными пользователями СТ были одни и те же люди. Создаваемые ими технологии были умеренно формализованными и не слишком жесткими. Авторы фиксировали в таких технологиях лишь общие контуры схем решения ряда повторяющихся задач. Они строили технологии так, чтобы их создатель мог вносить необходимые изменения в решение задачи в процессе привязки технологии к специфике ситуации. Характерно, что средства такого типа иногда определялись их создателями как «авторские технологии».

В сфере заводской социологии и психологии к 80-м гг. начало складываться разделение труда между теми, кто разрабатывал такие технологии – «социальными технологами», и их пользователями – специалистами, работавшими на предприятиях в позиции функциональных управленцев. В связи с этим при некоторых проектно-технологических институтах (чаще всего отраслевых) и ряде крупных НПО возникали специализированные центры, связанные с производством таких технологий. СТ, разрабатываемые в таких центрах, были ориентированы на то, чтобы при решении повседневных рутинизированных задач их могли использовать специалисты-практики, не обладающие очень высокой квалификацией. Такие СТ были более формализованными, жесткими. В них задавались, расписывались и стандартизировались не

только порядок и общие контуры, но и содержание всех предписываемых операций.

Создание центров по производству СТ сделало возможным появление у практикующих специалистов набора (хотя и ограниченного) достаточно надежных и стандартизированных инструментальных средств, что сделало возможным подключение к деятельности в этой сфере управления значительного числа специалистов, закончивших вузы и имеющих определенный (но не слишком высокий) уровень подготовки по поведенческим дисциплинам. Только опираясь на средства такого типа, заводские социологи и психологии к началу 80-х гг. смогли на базе существовавших социологических и психологических служб создать на ряде предприятий страны (Пермский телефонный завод, Камаз, НПО «Светлана», Главмосавтотранс, предприятия оборонной промышленности, «Татнефть» и т.д.) прототип того, что позже стали называть службами управления персоналом [7; 18; 19]. Представители названных выше групп специалистов-практиков, представлявших разные сферы деятельности, связанные со сферой социального управлении, позволили существенно продвинуться и в проблеме осмысления специфики СТ.

Явные отличия современного периода от «советского» прослеживаются и в структуре специалистов, подключившихся к обсуждению содержания термина на новом этапе. Хотя в числе участников обсуждения термина по-прежнему представлены и философы, и академические ученые, и преподаватели вузов, и специалисты-практики, их доли в структуре претерпели серьезные изменения. Во-первых, заметно выросла доля философов и преподавателей вузов, активно участвующих в обсуждении свойств и функций СТ. Во-вторых, сократилась доля специалистов-практиков, имеющих непосредственное отношение к разработке и использованию СТ. В-третьих, из числа лиц, участвующих в этом обсуждении термина СТ, исчезли заводские социологи и психологи, ранее бывшие основными потребителями жестко формализованных управленческих технологий (часть этих специалистов нашла себя в службах персонала некоторых бизнес-организаций). В-четвертых, одновременно с ликвидацией отраслевых институтов из перечня специалистов, участвовавших в дискуссии о сущности СТ, полностью исчезли и разработчики жестко формализованных СТ, ранее работавшие в составе отраслевых центров, существовавших при этих институтах.

В то же время среди социально ориентированных управленцев-практиков, появилась новая (хотя и немногочисленная) группа специалистов, связанных с управлением предприятиями в условиях рынка (маркетинг, реклама, PR). Здесь начали создаваться (или скорее адаптироваться) новые для страны виды СТ (фокус-группы, разные технологии социального прогнозирования и др.).

Наконец, и это особенно важно, в стране появилась новая группа социальных практиков, именуемых политтехнологами. Их деятельность связана с новой для страны сферой социальной практики – политической практикой. Специалисты, работающие в этой сфере, рекрутировались из числа выпускников вузов по поведенческим и гуманитарным дисциплинам. При этом сами они были и разработчиками, и пользователями новых типов СТ, именуемых политическими технологиями.

Характерно, что под одним и тем же названием (СТ) стали сосуществовать значительно различающиеся типы средств, сформированных в разных сферах социальной практики (сфере управления и сфере политической практики); кроме того, достаточно часто сосуществовали разнотипные средства в рамках одной и той же сферы практики. Так, термином «политические технологии» в сфере политической практики стали называть и собственно избирательные технологии, и совершенно непохожие на них и по функции, и по свойствам социальные регламенты. Последние представляли собой своды правил, регулирующие распределение сфер компетенции между разными органами государственной власти или стандартизирующие процедуры выборов [15; 16]. Все это и предопределило увеличение числа несовпадающих представлений о содержании и функциях и свойствах СТ.

Хотя активность в сфере разработки обоих видов СТ, да и интерес к этому термину, в последние десятилетия заметно снизились, сами эти средства, а также термин СТ, и сейчас достаточно активно используются отечественными специалистами. Однако надо признать, что согласия по поводу содержания термина СТ, существующего в стране уже почти 40 лет, до сих пор не достигнуто, перечень позиций, по которым прослеживаются расхождения в его понимании постоянно растет. Сегодня можно говорить о весьма ограниченном наборе вопросов, по которым у специалистов реально достигнуто согласие.

Список литературы

1. Шохов А. Сознание: инструкция пользователя. Одесса: Изд-во ВМВ, 2009. 451 с.

2. Маркова Л.А. Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ // Эпистимология и философия. Наука. 2012. Вып. XXXI. С. 64–72.

3. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М.: Мысль, 1977. 250 с.

4. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М.: Прогресс, 1977. 382 с.

5. Ионин Л.Г. Технология социальная // Современная западная социология. Словарь. С.: Политиздат, 1990. С. 345.

6. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // СОЦИС. 2014. № 7. С. 113–124.

7. Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск: Наука, 1984. 255 с.

8. Зайцев А.К. Социологическая служба объединения. М.: Экономика, 1982. 56 с.

9. Дудченко В.С. Инновационные технологии. М.: Союз, 1996. 212 с.

10. Дридзе Т.М. Прогнозное проектирование в социальной сфере, как фактор ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса: теоретико-методологические и технологические аспекты // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования. М.: Прогресс, 1986. 149 с.

11. Посадский А.П., Хайниш С.В. Консультативные услуги в России. М.: ФИНСТАТИНФОРМ, 1995. 173 с.

12. Пригожин А.И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с.

13. Тарасов В.К. Персонал – технология. Отбор и подготовка менеджеров. Л.: Машиностроение, 1989. 367 с.

14. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. 800 с.

15. Иванов В.Н., Матвиенко В.Я., Патрушев В.И., Молодых И.В. Технологии политической власти. Зарубежный опыт. Київ: Вища школа, 1994. 301 с.

16. Ковлер А.Н. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М.: РЦОИТ, 1995. 115 с.

17. Викторов Н.А., Чугунова Э.С. Социально-психологические проблемы диагностики инженерных кадров в автоматических системах управления разрабатывающих предприятий (АСУРП) // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 87–95.

18. Зайцев А.К. Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М.: Экономика, 1989. С. 95.

19. Железко С.Н., Дубинский Л.И., Щербина В.В. Выявление и использование социальных резервов в деятельности автомобильного транспорта. М.: Транспорт, 1985. 118 с.

SOCIAL TECHNOLOGIES AND THEIR APPLICATION IN THE SPHERES OF SOCIAL PRACTICE

V.V. Shcherbina, E.O. Nechaeva

Russian State University for the Humanities

In this paper, we examine the phenomenon of social technologies as the activities of experts of various behavioural sciences working in different spheres of social practice. It should be noted that so far there is no agreement among experts as to the content of the term "social technologies". Currently, several types of heterogeneous tools coexist in social sciences under the same name. Even though they are denoted by the same term, they differ significantly in their content, object, functions, properties, objectives, and scope of application.

Keywords: social technologies, social sciences, social management, standardization, practical tasks, social practice.

УДК 316

«ЗАСТРЯВШИЕ ПОСЕРЕДИНЕ»: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТРУДА И ЕГО СОВРЕМЕННЫМИ ФОРМАМИ

«STUCK IN THE MIDDLE»: STATE AND PROSPECTS OF EMPLOYMENT IN TRAINING BETWEEN TRADITIONAL AND MODERN FORMS OF WORK ORGANIZATION

«STUCK IN THE MIDDLE»: STAND UND ENTWICKLUNGSPERSPEKTIVEN DER BESCHÄFTIGUNG IN DER WEITERBILDUNG ZWISCHEN TRADITIONELLER ARBEITSORGANISATION UND MODERNEN ARBEITSFORMEN

© 2015 г.

A. Elias, R. Dobischat

Universität Duisburg-Essen

rolf.dobischat@uni-due.de; arne.elias@uni-due.de

Поступила в редакцию 05.05.2015

Преобладание атипичных форм занятости в сфере профессиональной переподготовки является следствием не только длительной истории обучения взрослых и различия ее организационных форм, но и одновременно неоднородности пространства продолженного образования с его плюралистичностью, субсидиарностью и ориентацией на рынок. В последние годы появляется все больше исследований о прекарном характере занятости в сфере переподготовки, что, кажется, противоречит профессиональным требованиям отрасли. Чтобы ближе рассмотреть профессиональную ситуацию и процесс профессионализации в сфере продолженного образования, в Университете Дуйсбург-Эссен было проведено эмпирическое исследование, результаты которого изложены в данном тексте.

Ключевые слова: профессиональная переподготовка, прекариат, современные тенденции развития рынка труда, социология труда в Германии.

The scope of professional re-training is traditionally characterized by atypical forms of employment that arise not only because of the long history of adult education and differences in the organization, but is equally characterized by a very heterogeneous educational landscape, with its inherent features of pluralism, subsidiarity and market organization. In recent years, there have been more reports of non-standard employment in further education, and it is contrary to professional standards of the industry. In order to examine the employment situation and the professionalization process in more detail, at the University of Duisburg-Essen an empirical study was conducted, the results of which are given in this article.

Keywords: professional re-training, precariat, modern tendencies in the development of the labor market, sociology of labor in Germany.

1. Problemstellung

Die Bedeutung, die dem Weiterbildungssystem zugeschrieben wird, zeigt sich deutlich in den Anforderungen an Flexibilität, Effizienz und Qualität gegenüber den Weiterbildungsträgern, sie zeigt sich jedoch nicht unbedingt in der sozialen Absicherung ihrer Beschäftigten und einer darin wirksam werdenden gesellschaftlichen Wertschätzung ihrer Bildungsarbeit. Im Zuge der Bedeutungs- und Funktionszunahme des Weiterbildungssystems, gerade im Kontext des Postulats des Lebenslangen Lernens und dem ambitionierten Ziel der Lissabon-Strategie, Europa bis 2010 zum weltweit wettbewerbsfähigsten, wissensbasierten Wirtschaftsraum zu entwickeln (vgl. Europäischer Rat 2000, 2), muss auch dem Personal und seiner Professionalität in der Weiterbildung als Garant der Qualität personennaher Bildungsdienstleistung Aufmerksamkeit gewidmet werden (vgl. Mania/Strauch 2010, 75). Das professionelle Handeln hängt u.a. von den konkreten Beschäftigungsbedingungen ab (vgl. Dobischat/Fischell/Rosendahl 2009). Die europäische Forderung nach der Verwirklichung des „Lebenslangem Lernen“ hat zweifellos zu einer Aufwertung des Weiterbildungssystems geführt. Die quantitative Expansion der Weiterbildungs-

branche hat jedoch bislang nicht dazu geführt, dass Versprechen von der Institutionalisierung der Erwachsenenbildung als vierter Säule des deutschen Bildungssystems erfüllt wurde. Heute bietet die Weiterbildungsbranche, folgt man gängigen Hochrechnungen, zwischen 325.000 (Martin/Langemeyer 2014) und 650.000 (WSF 2005) Beschäftigten berufliche Perspektiven innerhalb des Teilarbeitsmarktes Weiterbildung. Im Schatten des Bedeutungsgewinns des Lebenslangen Lernens als flankierendes Element der proklamierten Wissensgesellschaft, dem wachsenden Qualifizierungs- und Weiterbildungsdruck auf individueller Ebene wie auch dem Erfordernis nach Professionalisierung für das Weiterbildungspersonals, hat sich jedoch ein Trend zunehmender Prekarisierung in den Beschäftigungslagen herausgebildet (WSF 2005; Research voor Beleid/Plato 2008; Dobischat/Fischell/Rosendahl 2009; Alfänger/Cywinski/Elias 2014a). Der seit 2005 beobachtbare Aufwärtstrend der Erwerbsbeteiligung in Deutschland, der dem stetigem Rückgang des Normalarbeitsverhältnisses zwischen 1996 und 2005 folgte, wird begleitet von einer Zunahme atypischer Beschäftigungsverhältnisse (vgl. Schmeißer u.a. 2012, 30f.). Insbesondere durch Expansion von Teilzeitarbeit und Solo-Selbstständigkeit ist der Anteil atypischer Beschäftigung bis auf 36 Prozent der Gesamtbeschäftigung in 2009 gestiegen (vgl. Keller/Seifert 2011b, 17). Atypische Beschäftigung ist jedoch nicht per se als prekär einzustufen und ist erst durch entsprechende empirische Analysen voneinander abzugrenzen (vgl. Brehmer/Seifert 2008).

Professionalisierungs- und Prekarisierungsprozesse erscheinen auf den ersten Blick als ein Widerspruch; Profession und Prekarität als zwei Pole eines Berufsentwicklungsprozesses, die sich im Spannungsfeld der Weiterbildungsbeschäftigung entfalten. Die Weiterbildung in Deutschland ist im besonderen Maße von atypischen und prekären Beschäftigungsverhältnissen geprägt und insbesondere der Anteil an Solo-Selbstständigen liegt höher als in den meisten vergleichbaren Branchen (vgl. Martin/Langemeyer 2014, 48). Die Befunde zur prekären Beschäftigung beziehen sich zumeist auf die freiberuflich tätige Personengruppe, jene ehemals als „Kursleiter neuen Typs“ (Arabin 1996) bezeichneten Lehrkräfte, die heute mit dem Begriff der Hauptberuflichen Honorarkräfte (WSF 2005) erfasst werden (vgl. Mania/Strauch 2010, 79). Dennoch hat sich die freiberufliche Tätigkeit an vielen Stellen als erfolgreiches Modell etabliert, das nicht allein unter der Perspektive prekärer Arbeit zu beobachten ist; insbesondere da es von den Beschäftigten selbst nicht in dieser negativen Konnotation wahrgenommen wird (vgl. Nittel 2011, 353f.). Vielmehr bringt die freiberufliche Arbeit in der Weiterbildung auch Freiheiten und Professionalisierungschancen mit sich und nicht zuletzt in einzelnen Bereichen auch gute Einkommenschancen (vgl. Lenk 2010).

Auf Basis einer online-Umfrage der Universität Duisburg-Essen[1], an der sich über 2.200 Weiterbilderinnen und Weiterbildner bundesweit beteiligt haben, wird im Folgenden nach dem aktuellem Ausmaß prekärer Beschäftigung in der Weiterbildungslandschaft gefragt werden. Ein Beschäftigungsverhältnis wird als prekär angesehen, wenn es massiv von der Norm, also einem gesamtgesellschaftlichen Mittelwert, abweicht und die damit verbundenen Unsicherheiten die Gefahr bergen, auf Dauer nicht die Reproduktion der eigenen Arbeitskraft gewährleisten zu können. Als Vergleich wird hierzu oft das klassische Normalarbeitsverhältnis heran gezogen, wobei angemerkt werden muss, dass nicht alle atypische Arbeit gleich als prekär einzustufen ist (vgl. Keller/Seifert 2011a, 140). Gleichzeitig bedeutet eine prekäre Beschäftigungssituation unter diesem Verständnis nicht, dass diese zwangsläufig mit prekären Lebenslagen einhergehen. Dem hier gewählten Ansatz liegt also das Verständnis zu Grunde, dass die existenzielle und materielle Sicherheitsfunktion der Beschäftigung das wesentliche Fundament des Prekaritätsdiskurses bedeutet und erst danach nach subjektiv-sinnhaften Dimensionen der Tätigkeit als Prekarität der Arbeit (vgl. Paugam 2009, 176) zu fragen ist (vgl. Dörre 2009). Nach einer Einordnung des Themas in die aktuellen Professionalisierungs- und Prekarisierungsdiskurse in der Weiterbildung soll anhand der Kriterien (1) Einkommen, (2) Beschäftigungsstabilität, (3) soziale Absicherung und (4) Qualifizierung (vgl. Keller/Seifert 2007) Ort und Umfang prekärer Beschäftigung bestimmt werden und ein kritisches Fazit zur Entwicklung der Weiterbildungslandschaft und den Konsequenzen für das dort tätige Personal gezogen werden.

2. Datenlage und Forschungsstand zum Personal in der Weiterbildung

Die allgemeine Definition von Weiterbildung als der „Fortsetzung oder Wiederaufnahme organisierten Lernens nach Abschluss einer unterschiedlich ausgedehnten ersten Bildungsphase“ (Deutscher Bildungsrat 1970) täuscht über die segmentabhängigen Rahmenbedingungen der Beschäftigungslagen in den jeweiligen Teilbereichen der Weiterbildung hinweg. Die Weiterbildungslandschaft lässt sich auf unterschiedlichste Weise

ordnen und strukturieren. Allen Ordnungsprinzipien ist gemein, dass Sie je nach Interessenlage herangezogen und modifiziert werden (Nuissl 2005, 47). Auf Basis der Strukturprinzipien Subsidiarität, Pluralität und Marktorganisation und vor dem Hintergrund der viel zitierten Megatrends, wie demographischer Wandel, Individualisierung und Globalisierung, steht die Weiterbildung in Deutschland im Dienste unterschiedlichster Interessen, die sich insbesondere in den Finanzierungsströmen widerspiegeln. Eine im Jahr 2009 durchgeführte Untersuchung hat die besondere Bedeutung der Finanzierungsregularien in der Weiterbildung in ihren Auswirkungen auf die Chancen und Risiken von Polarisierung, Professionalisierung und Prekarisierung unterstrichen (vgl. Dobischat/Fischell/Rosendahl 2009). Die daraus resultierenden Schieflagen in Bezug auf Ungleichheiten in der Beschäftigung und deren Einfluss auf die Qualität der Bildungsarbeit gefährden das Gesamtsystem der Weiterbildung. Vom lange aufrecht erhaltenen Anspruch ein kohärentes System Lebenslangen Lernen zu implementieren (vgl. Fischell 2013) und das Weiterbildungssystem als vierte Säule des deutschen Bildungssystems auszubauen (Deutscher Bildungsrat 1970) ist vielerorts nicht viel geblieben. Fehlende rechtliche Absicherung des Angebots, sowie fehlende Autonomie und die Vereinzelung der Interessen sind der Spiegel der Strukturmerkmale der Weiterbildungsbranche und führen innerhalb des gesamten öffentlich finanzierten Bereichs dazu, dass das System meist nur reaktiv mit geänderten politischen Rahmenbedingungen umgehen kann. Forneck und Wrana (2006, 177) etikettieren die allgemeine Weiterbildung gar als „Modernisierungsverlierer“, da ehemalige Hoffnungen ein rechtlich und finanziell abgesichertes System zu schaffen bis heute nicht erreicht wurden (vgl. ebd.), für die öffentlich geförderte berufliche Bildung kommt hinzu, dass im Zuge des Reformdrucks – speziell seit der Hartz Gesetzgebung (vgl. Dobischat 2004) – Risiken zunehmend auf die Weiterbildungsanbieter verlagert werden und unsichere Geschäftslagen mit unsicheren Beschäftigungslagen eng korrespondieren (vgl. Rosendahl 2013).

Erste empirische Befunde haben eine Polarisierung der Beschäftigungsbedingungen zwischen den überwiegend öffentlich-finanzierten und den überwiegend privat-finanzierten Weiterbildungssegmenten nahegelegt. Ihre Auswirkungen lassen sich auf den verschiedensten Ebenen vermuten und stellen den Anspruch eines qualitativ hochwertigen Weiterbildungssystems in Frage, denn trotz der intensiv geführten Debatten mangelt es bis heute an fundierten Beschäftigungsdaten über das Weiterbildungspersonal. Dies erschwert eine Bestandsaufnahme zu den Professionalisierungschancen und den Prekarisierungsrisiken erheblich, da, wenn überhaupt nur Querschnittsuntersuchungen und sehr eingeschränkten Daten zur Verfügung stehen (z.B. Lenk 2010; WSF 2005). Die Analyse der Mikrozensus-Daten (vgl. Langemeyer/Martin 2014; Martin/Langemeyer 2014) bietet die Möglichkeit statistisch repräsentativer Aussagen, jedoch muss einschränkend angemerkt werden, dass mit der zugrunde liegenden Branchenbeschreibung nicht konkret die Personen erfasst werden, die nach den meisten gängigen Definitionen im Weiterbildungsbereich arbeiten. Allen Untersuchungen ist gemein, dass sie nur wenig, bis keine Vergleiche zwischen einzelnen Teilbereichen der Weiterbildung zulassen und die von Dobischat, Fischell und Rosendahl (2009) beschriebenen Polarisierungstendenzen zwischen den einzelnen Weiterbildungssegmenten nicht überprüfen können.

Der repräsentativen Erfassung der Beschäftigten in der Weiterbildung steht die bislang unbekannte Grundgesamtheit der Beschäftigten in diesem Bereich im Wege. Die einzige Untersuchung zum Personal in der Weiterbildung, die Anspruch auf Repräsentativität erhebt, ist die WSF-Studie aus dem Jahr 2005. Inwieweit die damals hochgerechneten 650.000 Beschäftigten im Feld heute noch der Realität entsprechen, ist unter dem Gesichtspunkt, dass die Erhebung noch vor den tiefgreifenden Transformationsprozessen in Folge der Hartz-Gesetzgebung im Jahr 2004 erfolgte, unsicher. Zugleich ist die betrieblich finanzierte Weiterbildung aus der Untersuchung, die sich ohnehin nur auf das lehrende Personal bezog, ausgeklammert. Legt man den damals erhobenen Mehrfachbeschäftigungsfaktor von zwei Tätigkeitsverhältnissen pro Beschäftigten zu Grunde, lassen die jüngsten Daten des wbmonitor (vgl. wbmonitor 2012) vermuten, dass die Gesamtbeschäftigtenzahl der Branche nach wie vor um diesen Wert bewegt, wobei es sich beim Großteil des eingesetzten Personals um Honorarkräfte handelt.

In der statistischen Erfassung wie beispielsweise in der Volkshochschul-Statistik (vgl. Huntemann/Reichart 2014) wird zwischen hauptberuflichem und Neben-/freiberuflichem Personal unterschieden. Dieser statistische Zugriff verschleiert jedoch den allgemeinen Trend zur Solo-Selbstständigkeit (Brenke 2013) im Bildungsbereich, da vormals als nebenberuflich konzipierte Tätigkeiten gleichsam in einer Metamorphose zu einem Hauptberuf verschmelzen. Dies bedeutet, dass mehrere nebenamtliche Tätigkeiten zu einem Hauptberuf jedoch ohne vergleichbaren sozialen Status einer hauptberuflichen Beschäftigung kumu-

lieren. Dies kann in Anlehnung an Wilensky (1964) als eine erste Stufe im Professionalisierungsprozess beschrieben werden, welche Konsequenzen dies für den Professionalisierungsprozess der Weiterbildung hat ist bisher als offene Frage zu markieren, denn in der Weiterbildung hat sich der Mainstream des Professions-Diskurse bisher maßgeblich auf die Hauptberuflichen Pädagogischen Mitarbeiter (HPM) bezogen (vgl. Nittel 2011).

Die unerwartet hohe Zahl an Hauptberuflichen Honorarkräften, die in der WSF-Studie (2005) geschätzt wurden, gibt Anlass, auch diese Beschäftigtengruppe genauer in den Fokus zu nehmen, zumal in Folge der Hartz-Gesetzgebung die Vermutung naheliegt, dass festangestelltes Personal entlassen und dieses auf der Basis von Honorarkräfte für die gleichen Tätigkeiten im Betrieb wieder kostengünstiger eingesetzt wurde. Es verwundert, dass Honorarkräfte in der Weiterbildung lange kein Thema im erziehungswissenschaftlichen Professionsdiskurs waren, obwohl freiberufliche Arbeit doch einen professionstheoretischen Bezug durch die semantische Abgrenzung gemeinwohlorientierter, akademischer Arbeit in den freien Berufen zur unternehmerischen Selbstständigkeit andeutet (vgl. Nittel 2011). Gerade der Prozess der zunehmend hauptberuflichen Ausübung vormals nebenberuflich konzipierter Tätigkeiten führt dazu, dass die Arbeitsbedingungen von außen als prekär bewertet werden, obwohl sie Ausdruck eines beginnenden Professionalisierungsprozesses sein können (vgl. Alfänger/Cywinski/Elias 2013). Für das festangestellte Personal ist auf der anderen Seite davon auszugehen, dass im Rahmen von Deprofessionalisierungtendenzen auch ein Prekarisierungsprozess angestoßen wird, der sich insbesondere in der öffentlich geförderten beruflichen Weiterbildung bemerkbar macht. Letztendlich ist die Prozessrichtung auf Grundlage aktueller Daten nicht zu beantworten, im Folgenden soll aber eine Bestandsaufnahme zur aktuellen Lage (2011) der Beschäftigungssituation erfolgen.

3. Beschäftigungstypen in der Weiterbildung

Unter der Voraussetzung eines zunehmenden Trends zur Solo-Selbstständigkeit in der Weiterbildung, also das vermehrt Personen als Hauptberufliche Honorarkräfte tätig sind und daher auch die bisherige Trennung in haupt- und nebenberufliches Personal nicht aufrechterhalten werden kann, stellt sich die Frage nach einer präzisierenden Typologie. Insgesamt lassen sich vier unterschiedliche Beschäftigungstypen in Abhängigkeit von ihrem Beschäftigungsstatus und ihrer Haupterwerbsquelle in der Weiterbildungslandschaft identifizieren. Zwei hauptberufliche Typen: (1) Sozialversicherungspflichtige Festangestellte, die aus der Weiterbildungstätigkeit ihren Haupterwerb erzielen. (2) Selbstständig/Freiberuflich Tätige, die aus der Tätigkeit in der Weiterbildung ihren Haupterwerb erwirtschaften. Daneben zwei nebenberufliche Typen, unabhängig von ihrem Vertragsstatus, die (3) ihren Haupterwerb aus einer Tätigkeit außerhalb der Weiterbildung erzielen und (4) Personen, die in der Weiterbildung tätig sind, ihren Lebensunterhalt aber hauptsächlich aus anderen Quellen oder Transferleistungen beziehen (bspw. Einkommen des Partners, Sozialleistungen, Renten, etc.). Den WSF Daten zufolge stellen die frei- und nebenberuflichen Typen den Hauptteil des Personals in der Weiterbildung. Das sozialversicherungspflichtige Festanstellungsverhältnis nimmt mit 14% einen eher kleinen Anteil der Beschäftigten ein (WSF 2005). Zu beachten ist dabei, dass sich die WSF-Studie auf die Gruppe der Lehrenden in der Weiterbildung beschränkte. Es ist aber zunehmend der Trend zu beobachten, dass die Tätigkeitsfelder auch nach Statusgruppen differieren und der Hauptamtliche Pädagogische Mitarbeiter (HPM) zunehmend ausschließlich organisatorische Aufgaben übernimmt und in der Lehre selbst nicht mehr vertreten ist.

4. Einkommenschancen

Betrachtet man die Weiterbildungslandschaft getrennt nach der Bedeutung der öffentlichen Finanzmittel (z.B. durch die BA und Jobcenter, ESF, Bund, Länder, Kommunen etc.)[2] und dem Schwerpunkt des inhaltlichen Angebots, so zeigt sich bezogen auf das Bruttoeinkommen der Weiterbildner und Weiterbilderinnen, dass sich die Einkommensunterschiede durch Beschäftigungstyp und Finanzierungssegment ergeben (vgl. Abb. 1). Während der monatliche Medianlohn der Angestellten (Typ 1) insgesamt in den Klassen zwischen 2.251 und 3.750 Euro liegt und damit durchweg im Mittel über dem Niveau der Einkommensprekaritätsgrenze[3] bewegt, fällt auf, dass der Großteil der Beschäftigten des Typs 2 im Bereich der öffentlich geförderten allgemeinen Weiterbildung unterhalb dieser Grenze liegen. Als besonders drastisch von dieser sozialen Lage gekennzeichnete Arbeitsfelder sind die Bereiche Deutsch als Zweit- und Fremdsprache und die Integrationskurse zu benennen. Dort beträgt der Wert der von Einkommensprekarität betroffenen Freiberufler 77 Prozent. Zwar ist es potenziell möglich, auch in der öffentlich finanzierten Weiterbildung einträgliche Einkommen zu erwirtschaften, neben der intersegmentären Polarisierung zwischen den Weiterbildungssegmenten fällt aber insbesondere die intrasegmentäre Polarisierung in der allge-

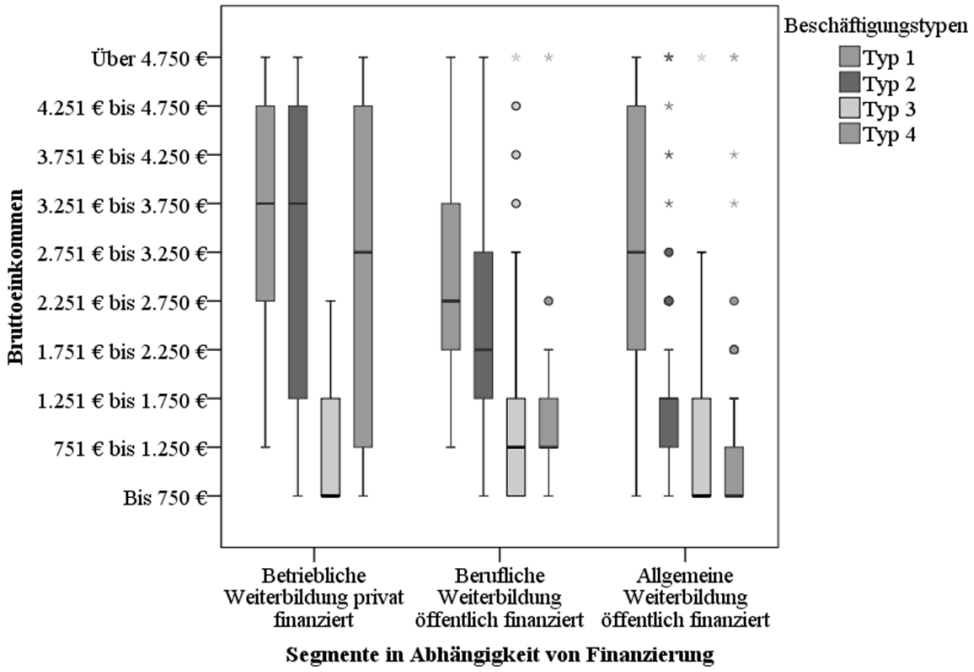


Abbildung 1: Monatliches Bruttoeinkommen nach Segment und Beschäftigungstyp

meinen Weiterbildung auf, denn hier sind die Einkommensunterschiede zwischen festangestelltem Personal, das meist organisatorisch tätig ist, und lehrend tätigen Freiberuflern besonders dramatisch.

Die klassische nebenberufliche Tätigkeit (Typ 3) erwirtschaftet erwartungsgemäß geringe Einkommen aus der Weiterbildungstätigkeit, wenn auch gerade in der beruflichen Bildung hier lukrative (Zu-)Verdienste erreicht werden können. In allen drei Weiterbildungssegmenten sind Beschäftigte vorzufinden, für die diese Tätigkeit nur ein Zuverdienst zu Transferleistungen (Renten) oder Einkommen des Lebenspartners darstellt (Typ 4), sie aber dennoch über 4.750€ verdienen.

Als Einflussfaktoren auf die Prekarität des Einkommens scheinen sich Vertragsstaus und Finanzierungssegment zu bestätigen (vgl. Alfänger/Cywinski/Elias 2014b), jedoch sind weitere Risikofaktoren bei der Betrachtung prekärer Einkommenschancen zu berücksichtigen. Insbesondere Geschlecht, Alter, die Dauer der Berufszugehörigkeit bzw. der Erwerbsperiode und die Arbeitszeit scheinen sich als erklärend zu erweisen (Martin/Langemeyer 2014).

5. Beschäftigungsstabilität

In Bezug auf die Befristungsquoten bei Neueinstellungen ist die Branche Erziehung und Wissenschaft mit bis zu 76% zum Negativbeispiel geworden (vgl. IAB 2013), wobei die typisch atypischen Beschäftigungsverhältnisse der Weiterbildungsbranche mittlerweile als „best practice“ in andere Bildungsbereiche auszustrahlen scheinen. Dort wo nicht ohnehin auf flexible Beschäftigungsformen zurückgegriffen werden kann, wird zunehmend mittels Befristungen Arbeit flexibilisiert. Nicht nur, dass die Befristungsquoten segmentübergreifend mit über 20% aller Anstellungsverhältnisse über dem Bundesdurchschnitt und auch über dem Branchendurchschnitt Erziehung und Unterricht liegt, gerade im Segment der öffentlich finanzierten beruflichen Bildung wird das befristetet Anstellungsverhältnis zunehmend zur Normalität. Dies zeigt sich noch deutlicher, wenn man nur die Gruppe der Berufseinsteiger betrachtet. Bei den Personen, die weniger als ein Jahr in der Weiterbildungsbranche beschäftigt sind, liegt der Anteil der befristeten Arbeitsverhältnisse unter den Angestellten bei 73%, in der öffentlich geförderten beruflichen Bildung sogar mit rund 84% über dem Branchenschnitt. In der öffentlich finanzierten allgemeinen Weiterbildung stehen die Beschäftigten mit einer Befristungsquote von rund 52% vergleichsweise gut dar, unverkennbar auf einem dennoch erschreckend hohen Niveau.

Dass bezogen auf alle Beschäftigten die Gesamt-Befristungsquoten (Abb. 3) mit rund 20% nicht so hoch ausfallen, wie dies mit Blick auf die Befristungen bei Neueinstellungen erwartet werden könnte, ist auf die Vielzahl von Altverträgen im Sample zurückzuführen. Denn, obwohl auch die Übernahmequoten innerhalb der Branche gering ausfallen (vgl. IAB 2013), arbeiten viele der erfahrenen Weiterbildner auf der Basis abgesicherter Beschäftigungsverhältnisse. Unter

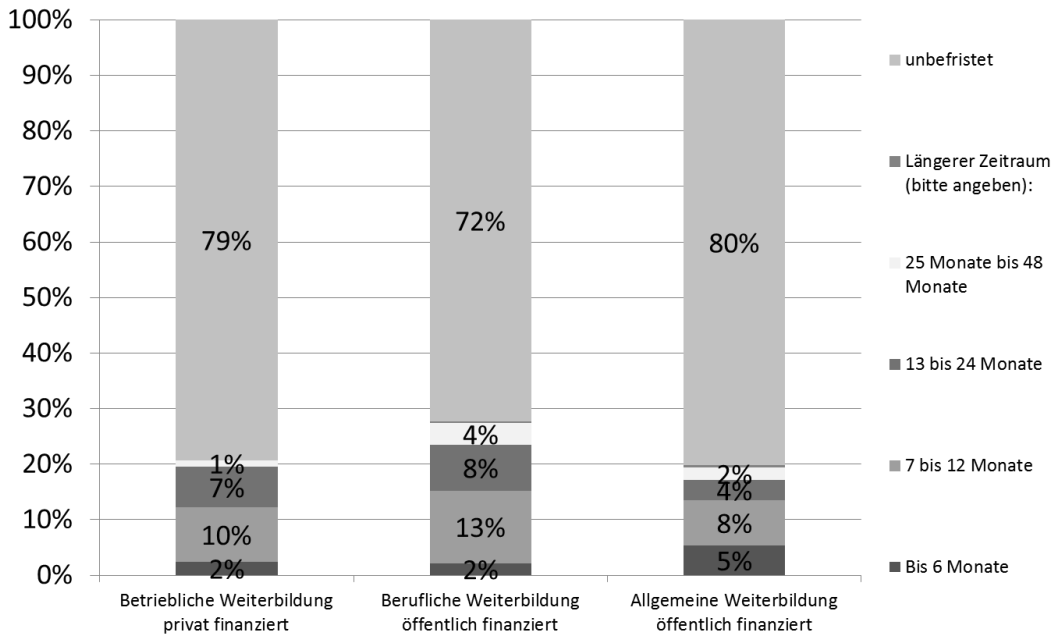


Abbildung 2: Befristungsquoten nach Weiterbildungssegment

den Transformationsprozessen der letzten Jahre hat sich die Lage für Neueinsteiger in das Berufsfeld jedoch massiv verschlechtert. Für die Gruppe der Festangestellten ist daher im Gegensatz zum zumeist lehrenden Personal nicht mehr von einem Professionalisierungsprozess im Sinne der Verberuflichung auszugehen. Die Prekarisierung in Bezug auf die Sicherheit der Beschäftigung ist vielmehr als Ausdruck eines Deprofessionalisierungsprozess der Branche zu deuten, innerhalb dessen der wenig regulierte Berufszugang bei zugleich sinkenden Beschäftigungsperspektiven dazu führen, dass die Beschäftigten nicht mehr in der Lage sind, über die Qualität ihrer Arbeit zu bestimmen; weder über die Qualität ihrer Arbeitsbedingungen noch über die Qualitätskriterien ihrer Leistung. Dies gilt insbesondere für Neueinstiege in den Teilarbeitsmarkt und droht erst langsam auf Altverträge und die gesamte Branche auszustrahlen.

6. Soziale Absicherung

Die prekäre Beschäftigungslage vieler Dozenten in der Weiterbildung wird umso deutlicher, wenn man neben dem Einkommen auch die Einbindung in die sozialen Sicherungssysteme betrachtet (vgl. Abb. 4). Trotz der Rentenversicherungspflicht für selbstständige Lehrer, die seit der Erweiterung des Invaliditätsversicherungsgesetzes von 1899 besteht, haben nur 55% der hauptberuflich auf Honorarbasis Lehrenden angegeben, in die gesetzliche Rentenversicherung einzuzahlen. Legt man die Zahlen der Mikrozensusauswertung von Langemeyer und Martin zu Grunde sind die Werte noch erschreckender. Innerhalb der Stichprobe des Mikrozensus gaben nur 24,23% der Weiterbildner und Weiterbildnerinnen an, in der Rentenversicherung pflichtversichert zu sein (Martin/Langemeyer 2014, 49).

Rund 23% der befragten Hauptberuflichen Honorarkräfte zahlen weder in die gesetzliche noch in die private Rentenversicherung ein oder sorgen anderweitig für Ihren Lebensunterhalt. Es mag zwar sowohl für Weiterbildungseinrichtungen als auch für die Beschäftigten von Interesse sein Wege zu finden, die gesetzliche Rentenversicherungspflicht für diese besonders schutzbedürftige Beschäftigtengruppe zu umgehen, dennoch: Hier droht die Gefahr von Altersarmut. Vielen Honorarkräften dürfte bewusst sein, dass sie trotz Rentenversicherung mit den geringen Honoraren nicht in der Lage sein werden, einen Rentenanspruch jenseits der Grundsicherung zu erarbeiten.

Betrachtet man die Statistik der Deutschen Rentenversicherung, so erscheint die Gruppe der pflichtversicherten Lehrer als eine Teilmenge anderer pflichtversicherter Selbstständiger und die Gesamtzahl der Einzahler wirkt mit rund 50.000 Einzahlern verhältnismäßig klein. Legt man die hochgerechnete Anzahl der Weiterbildner aus der WSF Studie zu Grunde (470.000 Honorarkräfte in der Weiterbildung, davon 150.000 Hauptberufler) und berücksichtigt die Versicherungsquoten, so lässt dies zwei mögliche Schlüsse zu:

(1) Die hochgerechneten Werte der WSF Studie stimmen nicht, oder nicht mehr mit der Realität der Weiterbildung überein, da die aktuellen Rentenversicherungszahlen ein Maximum von 250.000 Selbstständigen oder 100.000 Hauptberuflichen

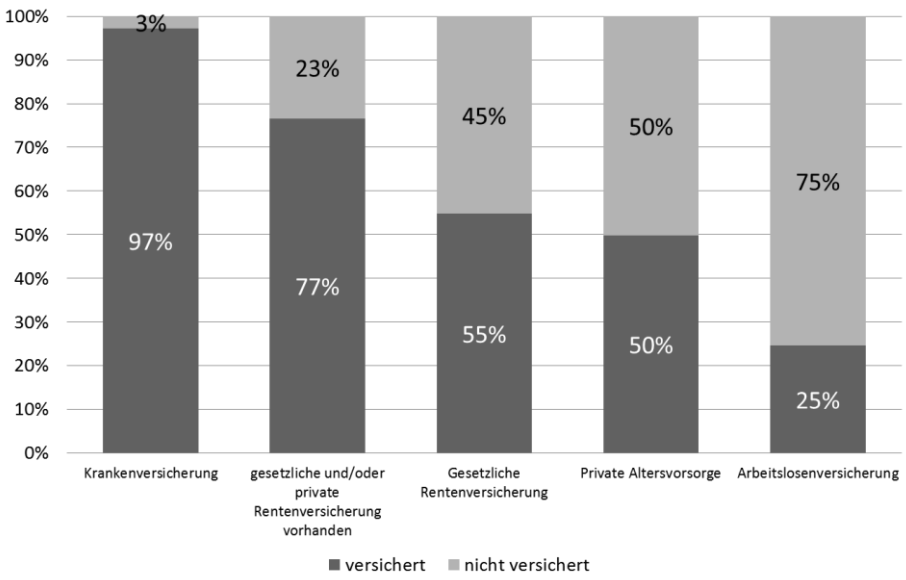


Abbildung 3: Soziale Absicherung Hauptberuflicher Honorarkräfte

Honorarkräften ergeben würden, oder

(2) Die gemessenen Quoten der Rentenversicherungseinzahler sind sowohl in der eigenen empirischen Untersuchung als auch der Mikrozensus-Auswertung noch viel zu hoch ausgefallen und es zahlen real weitaus weniger Personen in die Pflichtversicherung ein.

Für einen Großteil der Beschäftigten bedeutet die fehlende soziale Absicherung nicht nur das Risiko von Altersarmut, sondern die Aufforderung der Deutschen Rentenversicherung Beitragszahlungen auch nachträglich einzufordern, signalisiert zusätzliche Unsicherheit, die sich nicht nur auf spätere Lebenslagen auswirkt, sondern eine Beschäftigung in der Weiterbildung auf freiberuflicher Basis zunehmend unattraktiv macht. Der Versuch die Rentenversicherungspflicht zu umgehen gilt segmentübergreifend, wenngleich Honorarkräfte in besser finanzierten Segmenten wie der betrieblichen Weiterbildung die Folgen besser kompensieren können (und tendenziell eher zusätzlich privat vorsorgen.)

7. Teilnahme an eigener Weiterbildung als Grundlage der Beschäftigungsfähigkeit

Bei sich stetig ausdehnendem Tätigkeitsspektrum sind die Weiterbildner und Weiterbildnerinnen darauf angewiesen, ihr Wissen stets auf dem aktuellen Stand zu halten. Die ohnehin schon polarisierende Wirkung zwischen den Segmenten der überwiegend privat finanzierten beruflich/betrieblichen Weiterbildung und der öffentlich geförderten allgemeinen Weiterbildung hinsichtlich des Einkommens verschärft sich noch dadurch, dass die eigene Weiterbildung nicht oder nur unter erschwerten Bedingungen wahrgenommen werden kann. Insbesondere für die hauptamtlichen Honorarkräfte in der allgemeinen Weiterbildung ergibt sich ein Qualifikationsdilemma, in dem die niedrigen Löhne und der drohende Verdienstausfall zu einer erzwungenen Weiterbildungsabstinenz führen (Dobischat/Fischell/Rosendahl 2009, 15), zumindest aber eine Weiterbildungsteilnahme das Realeinkommen erheblich schmälert. 87% der Hauptberuflichen Honorarkräfte haben angegeben, in den letzten zwei Jahren selbst an organisierter Weiterbildung teilgenommen zu haben, was die hohe Weiterbildungsaspiration der Beschäftigten dieses Beschäftigungstyps belegt. Jedoch ist der Großteil von ihnen darauf angewiesen, die Kosten hierfür selbst aufzubringen. Nicht einmal jede Vierte (22 %) dieser Weiterbildungen wurde ganz oder anteilig durch die Arbeit- bzw. Auftraggeber getragen.

8. Zusammenfassung und Ausblick

Die Weiterbildung in Deutschland kann zwar per se nicht als prekäres Beschäftigungsfeld beschrieben werden, jedoch fällt es schwer, jungen Studierenden einen Karriereweg in der Weiterbildung zu empfehlen. Mit rund 24% sind die Erziehungswissenschaftler die größte Gruppe in den Beschäftigungsverhältnissen der Weiterbildung, jedoch differieren Karrierechancen und Beschäftigungsrisiken aller Weiterbildner massiv nach Weiterbildungssegment und Vertragsstatus. Während innerhalb der öffentlich geförderten beruflichen Weiterbildung sich allem Anschein nach Deprofessionalisierungstendenzen mit einhergehender Prekarisierung der Beschäftigungslagen der Festangestellten bemerkbar machen, die insbe-

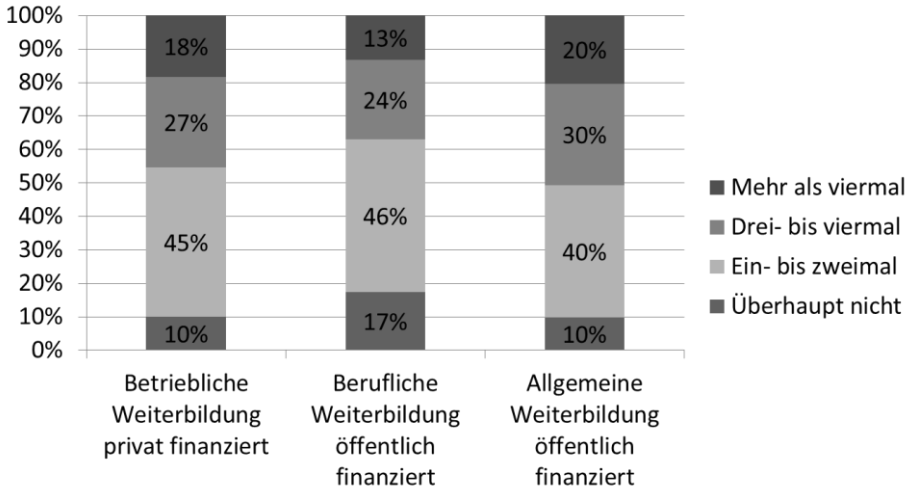


Abbildung 4:Eigene Weiterbildungsteilnahme

sondere auf die Transformationsprozesse in Folge der Hartz-Gesetzgebung zurückzuführen sind und bisher Erreichtes in der Institutionalisierung der Weiterbildung als vierte Säule des deutschen Bildungssystems in Frage stellen, verweisen die Ergebnisse der Umfrage für die öffentlich geförderte allgemeine Weiterbildung auf einen Trend zunehmender hauptberuflicher Solo-Selbstständigkeit der Lehrkräfte, die mit prekären Beschäftigungsbedingungen korrespondieren. Die letztere Gruppe ist jedoch nicht einem Prozess unterworfen, der ihre Beschäftigungsbedingungen zunehmend verschlechtern würde, sondern die unsicheren Beschäftigungsbedingungen sind in vielen Fällen darauf zurück zu führen, dass vormals als nebenberuflich konzipierte Tätigkeiten nun von Personen ausgeübt werden, die dies als Ihren Hauptberuf sehen. Sie stehen am Beginn eines Professionalisierungsprozesses, verstanden als Verberuflichungsprozess, der die Lehrtätigkeit in der Erwachsenenbildung als Beruf als fernes Ziel erahnen lässt.

Die aktuellen Daten lassen vermuten, dass die Lehrkräfte im Fach Deutsch als Zweitsprache bzw. in Integrationskursen am ehesten diesen Weg beschreiten können, da ihre Tätigkeiten im Zuge zunehmender Migration auf Dauer von der Gesellschaft nachgefragt und notwendig sein werden. Dass sich gerade bei dieser Gruppe die prekärsten Arbeitsfelder diagnostizieren lassen zeigt, dass zu Beginn des Professionalisierungsprozesses die Verberuflichung auch mit unsicheren Beschäftigungsperspektiven einhergeht. Wenn es dieser Gruppe gelingt, die Nachfrage nach ihrer Expertise dauerhaft zu sichern und zugleich den Zugang zu ihrem Berufsfeld zu regulieren, ist es denkbar, dass trotz der Verabschiedung des Professionalismus und der Abkehr von der Kategorie Profession in den Erziehungswissenschaften (vgl. Helsper/Tippelt 2013) ein erneuter Professionalisierungsschub in der Weiterbildung zu beobachten sein könnte.

In diesem Falle wird Professionalisierung jedoch nicht losgelöst vom Prekaritätsdiskurs diskutierbar sein.

Führt man sich vor Augen, dass die Weiterbildungsbranche nicht nur quantitativ einen nicht zu vernachlässigenden Teilarbeitsmarkt bildet, sondern zugleich als Funktionssystem auf den gesamten deutschen Arbeitsmarkt wirken soll wird deutlich, welche Brisanz die Vernachlässigung dieser Beschäftigtengruppe der Weiterbildner und Weiterbildnerinnen entwickeln kann. Ein Weiterbildungssystem, das von Deprofessionalisierungstendenzen und Prekarisierung bedroht ist, wird nur schwer die mannigfaltigen Erwartungen erfüllen können, die im System Lebenslangen Lernens gestellt werden. Dabei steht die Weiterbildungsbranche exemplarisch als „Laboratorium moderner Arbeitsformen“ (Alfänger/Cywinski/Elias 2014a) für die Effekte flexibilisierter Arbeitsorganisation.

Literatur

Alfänger J./Cywinski R./Elias A. (2013): Weiterbildung als Beruf. Zur Notwendigkeit, Profession und Prekarität gemeinsam zu denken, in: POLIS 3/2013, S. 10-12.

Alfänger J./Cywinski R./Elias A. (2014a): Weiterbildung im Wandel – Ein Laboratorium moderner Arbeitsformen?, in: Dobischat, R./Hufer, K.-P. (Hrsg.): Weiterbildung im Wandel. Profession und Profil auf Profitkurs, Schwalbach/Ts., S. 39-63.

Alfänger J./Cywinski R./Elias A. (2014b): Einkommensverhältnisse, Tätigkeiten und Selbstwahrnehmungen des Weiterbildungspersonals im Wandel – Ergebnisse einer Online-Befragung. In: DIE (Hrsg.). Trends der Weiterbildung. DIE-Trendanalyse 2014. Bielefeld, S. 69-79.

Arabin L. (1996): Unterrichtende an hessischen Volkshochschulen. Hessische Blätter für Volksbildung. Sonderband 1996. Frankfurt a.M.

Bolder A. (2010): Das lebenslange Lernen, die Beteiligung daran und die Bildungspolitik. Und das lebenslange Lernen, die Beteiligung… In: Holzer, D./Schröttner, B./Sprung, A. (Hrsg.): Perspektiven der Weiterbildungsforschung. Münster u.a.

Brehmer W./Seifert H. (2008): Sind atypische Beschäftigungsverhältnisse prekär? Eine empirische Analyse sozialer Risiken, in: Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung 41 (4), S. 501 – 531.

Brenke K. (2013): Allein tätige Selbständige: Starkes Beschäftigungswachstum, oft nur geringe Einkommen, in: DIW Wochenbericht, 7/2013, S. 3-17.

Dobischat R. (2004): Förderung der beruflichen Weiterbildung – Konsequenzen aus der „Hartz-Reform". In: WSI-Mitteilungen, Ausgabe 4, S. 199-205.

Dobischat R./Fischell M./Rosendahl A. (2009): Beschäftigung in der Weiterbildung. Prekäre Beschäftigung als Ergebnis einer Polarisierung in der Weiterbildungsbranche? Gutachten im Auftrag der Max-Traeger-Stiftung, Essen.

Dörre K. (2009): Prekariat im Finanzmarkt-Kapitalismus, in: Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage des 21. Jahrhunderts, Frankfurt/Main, S. 35-64.

Europäischer Rat (2000): Schlussfolgerungen des Vorsitzes – Europäischer Rat (Lissabon) 23. und 24. März.

Fischell M. (2013): Die Architektur Lebenslangen Lernens unter weiterbildungsrechtlicher Regulation. Baltmannsweiler.

Forneck H./Wrana D. (2006): „Professionelles Handeln und die Autonomie des Feldes der Weiterbildung". In: Friebertshäuser, B./Rieger-Ladich, M./Wigger, L.(Hrsg.): Reflexive Erziehungswissenschaft. Wiesbaden, S. 177–191.

Helsper W./Tippelt R. (2011): Ende der Profession und Professionalisierung ohne Ende? Zwischenbilanz einer unabgeschlossenen Diskussion. In: Dies. (Hrsg.): :Pädagogische Professionalität. 57. Beiheft. Zeitschrift für Pädagogik. Weinheim, S. 268-288.

Holzer D. (2010): Benennen wir doch endlich Defizite! Ein kritischer Kommentar zur Defizitorientierung in Zielgruppendiskussionen. In: MAGAZIN erwachsenenbildung.at. Das Medium für Forschung, Praxis und Diskurs. Ausgabe 10, Wien.

Huntemann H./Reichart E. (2014): Volkshochschul-Statistik: 52. Folge, Arbeitsjahr 2013. www.die-bonn.de/doks/2014-volkshochschule-statistik-01.pdf [17.11.2014].

Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB) (2013): Aktuelle Daten und Indikatoren. Befristete Beschäftigung – Aktuelle Zahlen aus dem IAB-Betriebspanel 2012. Nürnberg. http://doku.iab.de/aktuell/2013/befristung_2012.pdf [17.11.2014].

Keller B./Seifert H. (Hrsg.) (2007): Atypische Beschäftigung. Flexibilisierung und soziale Risiken, Berlin.

Keller B./Seifert H. (2011a): Atypische Beschäftigungsverhältnisse. Stand und Lücker der aktuellen Diskussion, in: WSI-Mitteilungen 3/2011, S. 138-145.

Keller B./Seifert H. (2011b): Atypische Beschäftigungsverhältnisse. Entwicklungen, Strukturen, Regulierung. Expertise im Auftrag der Abteilung Wirtschafts- und Sozialpolitik der Friedrich-Ebert-Stiftung. http://library.fes.de/pdf-files/wiso/08527.pdf [18.02.2015].

Langemeyer I./Martin A. (2014): Das Personal in der Erwachsenenbildung. Gemeinsamkeiten und Unterschiede zum Bildungs- und Dienstleistungssektor. In: Hessische Blätter für Volksbildung 01/2014, S. 17–28.

Lenk C. (2010): Freiberufler in der Weiterbildung. Empirische Studie am Beispiel Hessen. Bielefeld.

Mania, E./Strauch, A. (2010): Personal in der Weiterbildung. In: Deutsches Institut für Erwachsenenbildung (Hrsg.): Trends in der Weiterbildung – DIE-Trendanalyse 2010. Bielefeld, S. 75–93.

Martin A./Langemeyer I. (2014): Demografie, sozioökonomischer Status und Stand der Professionalisierung – das Personal in der Weiterbildung im Vergleich. In: Deutsches Institut für Erwachsenenbildung (Hrsg.). Trends der Weiterbildung. DIE-Trendanalyse 2014. Bielefeld, S. 43-67.

Nittel D. (2011): Freiberufliche Erwachsenenbildner – eine neue Pädagogen-Generation? In: Eckert, T./Hippel, A. von/ Pietraß, M./Schmidt-Hertha, B. (Hrsg.): Bildung der Generationen. Wiesbaden, 2011, S. 347-359.

Nuissl E. (2005): Professionalisierung in Europa. In: Report. Forschungs- und Literaturreport Weiterbildung 28, Nr4 (2005), S. 47-56. http://www.die-bonn.de/doks/nuissl0502.pdf [10.11.2014].

Paugam S. (2009): Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekarisierung von Arbeit und Beschäftigung, in: Castel, R./Dörre, K. (Hrsg.): Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts, Frankfurt/Main, S. 175-196.

Rosendahl A. (2013): Beschäftigungs- und Geschäftslage(n) in der öffentlich geförderten beruflichen Weiterbildung – Institutionelle Reaktionsmuster zur Kompensation von finanzierungs- und steuerungsbedingten Unsicherheiten?, in: bwp@ Berufs- und Wirtschaftspädagogik–online, Ausgabe 25, S. 1-25.

Schrader J. (2011): Struktur und Wandel der Weiterbildung. Bielefeld.

Schmeißer C., Stuth S., Behrend C., Budras R., Hipp L, Leuze K., Giesecke J. (2012): LänderprofilDeutschland, in: Atypische Beschäftigung in Europa 1996 – 2009, DiscussionPaper P 2012-001, Berlin: WZB, S. 190-198, www.wzb.eu/atypisch [18.02.2015].

Wilensky H. (1964): The Professionalization of Everyone? In: The American Journal of Sociology, 70(2), S. 137-158.

wbmonitor (2012): Hochgerechnete und gewichtete Grundauszählung 2011. http://www.bibb.de/dokumente/pdf/wbmonitor_umfrage-2011_grundauszaehlung_gewichtet.pdf [17.11.2014].

WSF Wirtschafts- und Sozialforschung (Hrsg.) (2005): Erhebung zur beruflichen und sozialen Lage von Lehrenden in Weiterbildungseinrichtungen, Kerpen.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА И ТИПОЛОГИЯ

© 2015 г.

Г.Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

galinasillaste@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Рассматривается малоизученная проблема социальных рисков финансово-экономических кризисов в российском обществе. В основу анализа положены эмпирические результаты социологического исследования, выполненного по государственному заказу. Раскрываются особенности развития и исследования социальных рисков в транзитивном обществе, сущность категории «социальный риск» и подходы к ее определению. Предлагается авторская концепция типологии и измерения комплекса социальных рисков; рассматриваются их объекты и субъекты, интенсивность распространенности в модусах прошлого, настоящего и будущего. Анализируется «социальная цена» пережитых финансово-экономических кризисов для населения и степень его социальной адаптации к условиям кризисной неопределенности.

Ключевые слова: социальные риски, финансово-экономический кризис, «жертва кризиса», социологическое измерение, гендерные риски, социологическая диагностика, «факты живые», «мертвые факты».

Можно по-разному подходить к изучению экономических явлений и экономики в целом. При этом аналитический экономический козырь в анализе происходящего всегда один и тот же: нормативно-количественные показатели, апелляция к «мертвым фактам», каковыми являются многообразные данные всех видов статистики. Это полезно знать; однако для изучения такого феномена, как социальные риски, «этого мало». Нужна апелляция к «фактам живым», т.е. эмпирическим, социологически замеренным, способным нейтрализовать экономические иллюзии и экономическую абсолютизацию.

Такая попытка была предпринята в ходе реализации правительственного государственного заказа (№574п-П17 от 09.02.2013) на социологический проект «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе» (выполнен временным научным коллективом Финансового университета при Правительстве РФ, руководитель – Заслуженный деятель науки РФ, профессор социологии Г.Г. Силласте).

Цель исследования – определение сущности социальных рисков, их типологии, видов и социологических показателей измерения; разработка матрицы последствий финансово-экономических кризисов в российском обществе. Для реализации целевой установки были разработаны 56 социальных показателей социологического измерения социальных последствий финансово-экономических кризисов и порождаемых ими социальных рисков.

При этом одной из задач проекта была конкретизация теоретической интерпретации понятия «социальный риск». Не станем открывать дискуссию по поводу определения этой категории, содержание которой зависит от того, с позиций какой научной теории она рассматривается: социальной философии, экономической теории (ее подходы наиболее разработанные), теории управления, социологического анализа. Исследование велось с позиций социологического подхода к анализу социальных рисков, порождаемых финансово-экономическими кризисами. Эта область слабо изучена социологами, поэтому изначально мы исходили из позиций С.А. Кравченко и С.А. Красикова, изложенной ими в монографии «Социология риска: полипарадигмальный подход»: *«Социальный риск есть возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных и коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего и осуществляется выбор альтернативы действия»* [1, с. 24].

Однако по результатам исследования мы пришли к выводу, что *социальный риск можно рассматривать как ситуацию неопределенности, в основе которой заключено столкновение реальной действительности и потенциальной*

Таблица 1

Иерархия источников поддержки россиян в условиях финансово-экономических кризисов (в % опрошенных)

Что помогло Вам выжить в условиях финансово-экономических кризисов?	
Семья	**40.6**
Родители	**39.8**
Собственная воля и предприимчивость	**38.8**
Накопленные сбережения	**20.2**
Личное подсобное хозяйство	12.3
Помощь друзей	10.9
Социальная ответственность работодателя	8.7
Кредиты	8.3
Помощь детей	5.3
Социальная поддержка государства	4.8
Помощь трудового коллектива	4.1
Продуманная государственная политика	3.1

возможности ее развития, ведущей к негативным последствиям для личности и социальных групп, и подтвердили известную позицию У. Бека о том, что все риски носят рукотворный характер [2, с. 12].

В основу социологического анализа положен ряд методологических посылок, среди которых:

1) парадигма модусов социального времени, отражающая эволюцию развития финансово-экономических кризисов и изменение положения населения в социальных координатах неопределенности и вероятности социальных рисков в настоящем, будущем и в оценках опыта прошлого;

2) парадигма конфликтогенеза финансово-экономических кризисов, изложенная в нашей монографии «Социальные конфликты в финансово-банковской сфере и их последствия», которая была издана по результатам аналогичного социологического проекта [3].

Среди подтвердившихся рабочих гипотез выделим две:

– социальный риск обладает качеством социологической измеряемости и может быть рассчитан с точки зрения выявления социальных последствий и угроз жизненно важным интересам личности, социальных групп и общностей;

– процессы глобализации и модернизации экономики создают новые рисковые ситуации и ведут к проявлению новых социальных рисков, обусловленных транзитивным характером развития системы.

Остановимся лишь на некоторых сюжетах по результатам социологического проекта.

Финансово-экономический кризис и социальные риски: «кто-то теряет, кто-то находит»

Исследование[1] выявило сильное возрастание позитивной роли семьи в кризисных ситуациях, усиление ее социально-адаптивной функции в условиях экономических кризисов. Об этом свидетельствует позиция россиян в выборе наиболее важных точек опоры, благодаря которым им удалось пережить предыдущие финансово-экономические кризисы (табл. 1).

Четыре базовые точки опоры большинства россиян (от 20% до 40%) в условиях финансовых кризисов – это *семья, родители, собственная воля с предприимчивостью* и *накопленные сбережения*. Это совсем иная шкала опоры, нежели шкала начала 1990-х годов. В меньшей мере (8–12% респондентов) полагаются на помощь личного подсобного хозяйства, друзей, социальную ответственность работодателя и кредиты. И лишь 3–4% рассчитывают на социальную поддержку государства и продуманную государственную политику. И хотя семья и родители – это социальные опоры, тесно связанные с институтом семьи, тем не менее они отражают два вектора «опорного поведения», так как многие респонденты отличаются по своему социально-демографическому состоянию (имеют собственную семью, уже лишились родителей; имея родителей, в силу их возраста, не могут опереться на их поддержку, сами для них стали основной опорой в жизни и др.).

Фактически горожане не считают, что в нашем обществе существует «продуманная государственная политика» по оказанию помощи населению для выживания в кризисных условиях. В массовом сознании сформировался своего рода *ценностный код кризисного выживания,* и его базисным акцентом стало изменение отношения к *значимости собственного здоровья* (повышение его ценности в кризисных условиях отмечает каждый второй респондент). Россияне начинают относиться к здоровью как к реальному социально-ценностному фактору успешности и выживания в кризисных условиях.

Второй акцент, укрепляющийся в массовом сознании, – *ценность опоры на семью*, которая обретает все большее значение в качестве «кризисного тыла» человека. Медленно, но последовательно усиливается социальная *ценность самой жизни*, которую в результате пережитых кризисов и потерь треть населения стала ценить как наиболее важное достояние (этот показатель стал намного выше, чем десять лет назад). По сравнению с началом 1990-х гг. в представлениях каждого третьего городского жителя усилилась социальная ценность благополучия детей, образования, защищенности родителей и личной безопасности (от 33% до 28%).

Третий новый акцент – повышение значения ценностной триады *деньги – политическая стабильность – честность.* При этом связующей нитью этой группы является возрастание ценности социальной ответственности от рядового гражданина до политического руководства страны.

Незначительная группа горожан (6–13%) стала больше ценить финансовую защищенность, наличие вкладов, западный опыт развития экономики, отечественный исторический опыт, а также отечественного производителя и богатство. 20-летняя социальная и экономическая транзитивность российского общества сформировала свой иерархический ряд социальных ценностей как опоры в условиях экономических кризисов и распадов.

Множественность и типологизация социальных рисков

Существует множество комментариев, утверждений, дискуссий относительно видов рисков. Одни говорят о более чем 200 видах, другие – о 500. Всемирный экономический форум, например, собрал мнения более тысячи респондентов примерно из 100 стран мира, которые оценивали 50 основных глобальных рисков[2]. Мы отталкивались не от дискуссий (в основном политических и экономических), а от возможности количественно-качественного измерения именно социальных рисков (а не хозяйственных, финансовых или экологических). Социологическая диагностика позволила выделить 20 наиболее распространенных по степени влияния видов социальных рисков последствий финансово-экономических кризисов (табл. 2)

Мы не ставим задачи раскрыть каждый из измеренных рисков. Это предмет отдельной статьи. Отметим лишь, что это риски не политические (как кажется некоторым), а сущностно социальные, являющиеся последствиями развития кризисов в сфере экономики и финансов, их, образно говоря, социально результирующей характеристикой. Кратко остановимся лишь на некоторых из распространенных по степени влияния социальных рисках.

Неопределенность ситуации и социальный риск невротизации

Самым распространенным к настоящему времени стал *социальный риск невротизации* (84%). Он обусловлен состоянием тревожности подавляющего большинства населения, снижением уровня социального оптимизма в обществе. С 2014 г. этот вид социального риска поддерживают ситуация неопределенности, усиление экономического и политического западного давления на Россию, поиск ею путей выхода из сознательно провоцируемого западными конкурентами «российского сдерживания».

Как свидетельствуют результаты исследования, самое уязвимое место в динамике социального оптимизма – это уверенность в будущем своих детей. У 58.3% респондентов за последние 2 года она либо ослабла, либо ее «как не было, так и нет» (у каждого пятого). На втором месте – снижение уверенности в будущем своей страны (56.8%). Вера в людей укрепилась у 8% респондентов, однако в четыре раза больше тех, у кого она ослабла, не говоря о 10% тех, у которых ее «как не было, так и нет».

Еще интенсивнее процесс ослабления веры в экономическую дееспособность России (53.7% респондентов) и скепсис в части веры в духовное возрождение общества (56.4%). Хотя группа укрепившихся в этой вере по отношению к другим и несколько шире (около 15%). Режим экономических санкций тем не менее не снизил катастрофически (как предсказывали некоторые), а усилил позитивную динамику уверенности в своем будущем. Тактика «опоры на собственные силы» сегодня в российском обществе стала наиболее распространенной. Именно «вера в себя» остается наиболее прочной и неизменной среди 56% респондентов. Более того, почти у трети горожан она окрепла.

Уровень социального оптимизма оказывает влияние на веру в людей в себя, в собственные силы, в дееспособность страны, ее духовное и экономическое возрождение, поэтому измерение уровня социального оптимизма населения позволяет судить о степени рисковости, сформировавшейся в обществе ситуации, вероятности смены поведенческих ориентаций групп населения, ставших *жертвами кризиса*.

По критерию *социального оптимизма восприятия действительности* российское население можно разделить на четыре сегмента.

Таблица 2

Шкала наиболее распространенных по степени влияния социальных рисков, порождаемых финансово-экономическими кризисами (в % опрошенных)

1	Риск невротизации	84.0
2	Риск потери работы и безработицы	68.4
3	Риск «жертвы кризиса»	48.1
4	Риск насилия и потери безопасности	48.0
5	Риск ущемления социальных прав и свобод	44.2
6	Риск потери доверия	46.0
7	Риск бедности	43.7
8	Риски гендерные (в т.ч. социальной дискриминации)	33.1
9	Риск неоплаты кредита (падения кредитоспособности)	30.8
10	Риск потери профессии и дисквалификации	30.0
11	Риск индивидуальной ненужности	21.0
12	Риск переквалификации	16.5
13	Риск недовольства и протестной активности	15.2
14	Риск одиночества	13.9
15	Риск банкротства	12.1
16	Риск социальной неустойчивости	10.4
17	Риск эконоцида	7.3
18	Риск маргинализации	7.1
19	Риск люмпенизации	6.3
20	Риск профанации	5.8

Россияне первого сегмента живут в ситуации неопределенности, не позволяющей им строить планы на будущее (50.1%). Представители второго сегмента испытывают чувство тревоги, вызывающей негативные ожидания (23.7%). Третий сегмент характеризуется состоянием напряженности, вызывающей недовольство и протестные акции (9.9%). Четвертый сегмент россиян отличается состоянием социального спокойствия и уверенности. Представители этого сегмента считают, что живут в ситуации *«стабильной, позволяющей оптимистично смотреть в будущее»* (14.3%).

Таким образом, даже спустя несколько лет после мирового финансово-экономического кризиса, большинство населения живет в ситуации высокой тревожности, которую характеризуют неопределенность и напряженность, усиленные режимом экономических санкций Запада против России. Вместе с тем события, связанные с западными экономическими и политическими санкциями, лишь подтвердили социальную чуткость россиян, их обостренное отношение к изменениям ситуации в стране и вокруг нее.

Социальные риски потери работы, безработицы, неоплаты кредита

Эти социальные риски продолжают оставаться довольно высокими. Социальные риски потери работы и безработицы наиболее распространены среди семейных россиян. Возникновение финансовых потерь на вкладах болезненно ощущается теми, кто не состоит в браке и реже – семейными респондентами. Это объясняется тем, что в России сбережения на вкладах большинства населения – минимальные. А «нет сбережений – нечего и терять».

Лица, имеющие высшее образование, чаще других сталкиваются с финансовыми потерями на вкладах, длительными поисками новой работы после ее потери и безработицей. Добавляются сюда и проблемы с оплатой образования подросших детей.

Выпускники магистратуры, например, по данным опроса, значительно чаще, чем россияне в среднем по массиву, несут финансовые убытки на вкладах, теряют возможность оплачивать ипотеку и иные обязательства по ранее взятым займам, испытывают сложности с оплатой обучения детей.

Социальный риск бедности

В представлениях респондентов даже сложные годы экономической и социально-политической неопределенности, кризисных жертв и потерь не смогли остановить распространения коррупции и криминализации. Три четверти респондентов считают, что кризис, напротив, расширил масштабы коррупции и взяточничества в российском обществе, а также «серый» рынок труда, увеличил количество нелегальных форм занятости.

По оценкам преобладающей части респондентов (от 63% до 70%), финансово-экономические кризисы отрицательно повлияли на межличностные, межнациональные и межэтнические отношения. Негативно сказались на увеличении количества богатых и сверхбогатых. Социальные риски бедности и поляризации общества значительно возросли, отразившись на снижении уровня жизни большинства населения, и, понятно, сокращению бедности в регионах не способствовали.

Кризисное состояние общества требует особого учета *социального риска бедности*. Кризисы в сфере экономики и финансов непосредственно связаны с задачами поддержания уровня жизни населения и сокращения бедности. Масштабы ее распространенности в период кризисов значительно расширяются, затормаживая и ограничивая возможности развития человеческого капитала как страны в целом, так и каждого региона в частности.

Достаточно вспомнить, что в период вступления России в фазу экономического кризиса и рыночных преобразований в начале 90-х гг. XX столетия наблюдалось существенное перераспределение ресурсов в пользу средне- и высокообеспеченных слоев населения. Наряду с *монетарной бедностью* появились новые формы бедности, которые нашли свое выражение в ограничении доступа к образованию и здравоохранению, приобретению жилья на рынке недвижимости, к улучшению жилищных условий.

Осмысление сущности и содержания социальных рисков финансово-экономических кризисов тесно связано с изменениями социальной структуры российского общества, с его стратификацией и распространенностью бедности. Все еще сохраняя низкий уровень доходов абсолютного большинства населения, высокую долю малообеспеченных граждан, живущих за чертой абсолютной бедности, финансово-экономические кризисы объективно замедляют решение в России сложнейшей задачи преодоления бедности.

Сокращение *общей бедности* и ликвидация *бедности экстремальной* объявлена приоритетом социально-экономического развития России в третьем тысячелетии в связи с принятием на Саммите Тысячелетия Стратегии развития человечества. Предполагалось, что к 2015 г. все государства – члены ООН достигнут поставленных целей и тем самым значительно улучшат условиях жизни населения своих стран [4]. Увы, этого не произошло, и возможность успешного решения этой стратегической задачи развития отодвигается на неопределенное время.

Социальный риск доверия

Под влиянием экономических кризисов снижение социального риска доверия населения к финансовым и производственным компаниям произошло только в отношении фирм с иностранным капиталом. В начале 2014 г. им доверяли 45–49% горожан. Скорее всего, это связано с усилением лояльного отношения россиян к иностранным компаниям и инвесторам во время кризиса.

Напротив, социальный диск доверия к крупным предпринимателям, профсоюзам, политическим партиям и движениям России под влиянием кризисов усилился. К настоящему времени устойчиво отрицательное отношение к отмеченным субъектам социальных рисков сохраняет каждый второй респондент. У 45% респондентов «как не было доверия к ним, так и нет».

Социальный риск доверия к банкам остается довольно высоким, а потому реальный уровень нынешнего доверия банкам – низкий. Меньше других потеряли в доверии крупные предприниматели, ибо доверие к ним в России и без того устойчиво очень слабое.

Социальный *риск доверия СМИ* довольно высокий. В результате средствам массовой информации стабильно не доверяет каждый третий российский горожанин. Среди 30.3% респондентов доверие к СМИ за последние годы снизилось. Но среди 30.4% населения уровень доверия прессе и телевидению довольно устойчивый.

Гендерные социальные риски

Каждый третий участник исследования отмечает влияние кризисов на распространение *гендерных социальных* рисков. Заметим, что гендерные риски отражают вероятность негативного влияния происходящих экономических изменений на положение гендерных общностей. Сила

этого влияния гендерно дифференцированная и зависит во многом от проводимой государством семейной, гендерной и социальной политики, прежде всего в сфере труда и занятости. Эта сфера остается областью социогендерных проблем, наибольшую значимость среди которых сохраняет отставание женщин по уровню оплаты труда, приоритетность их увольнения во время кризисов, ущемление принципа равноправия при приеме на работу и др.

Распространенность влияния *гендерных социальных* рисков отметил каждый третий респондент, концентрируя свое внимание на влиянии *риска социальной дискриминации* женщин. Негативное воздействие кризисов проявляется также в распространенности *социального риска насилия* в обществе, влияние которого отметили от 46% до 49% горожан.

Следует признать, что сильно возросший уровень феминизации сферы высшего образования, дихотомически противоположный процесс дефеминизации занятости в сфере финансовой деятельности, гендерная диспропорция преимущественной занятости мужчин на работах низкой квалификации и на рынке неквалифицированного труда усилили влияние гендерных рисков финансово-экономических кризисов, актуализируя задачу внедрения гендерного бюджетирования в экономическую практику.

Социальные риски недовольства и протестной активности

Поведенческой реакцией россиян на кризисные явления и последствия финансово-экономических кризисов стали, по признанию преобладающего большинства респондентов (74%), *социальные риски недовольства и протестной активности населения*. Переживаемые обществом финансово-экономические потрясения, как показывает социологический анализ, создают в обществе атмосферу неопределенности, которая вынуждает людей пересматривать прошлые модели поведения, сложившиеся ранее взгляды и оценки социальной реальности.

Сферой непосредственного негативного воздействия финансово-экономических кризисов является рост *социальных рисков ущемления социальных прав и свобод*. Это преимущественно проявляется в снижении уровня социальной безопасности и защищенности трех наиболее уязвимых категорий населения, составляющих группы рисков: пожилых людей, женщин и детей.

Социальный риск эконоцида

Эконоцид – социально-психологическое явление, связанное с всплеском суицида в обществе как результата глубинного стресса личности под влиянием резко изменившихся экономических условий, вызвавших жизненно важные для личности потери, несовместимые с продолжением жизни [5, с. 133]. Явление было замечено американскими психологами в контексте влияния мирового финансового кризиса на положение особо состоятельных и высоко статусных представителей делового мира (владельцев крупнейших компаний, собственников, миллиардеров). В России, как показывают исследования, эконоцид во времена крупных экономических кризисов активизирует рост самоубийств не столько среди очень богатых, сколько, напротив, среди очень бедных россиян или отдельных представителей среднего класса.

Эконоцид имеет многовекторные социальные последствия, так как сказывается на разных сферах жизнедеятельности личности и ее поведении в условиях глобальных экономических кризисов. Последние сильно изменяют отношение к жизни, ценностные ориентации и поведение личности, порождая ее социальный и психологический дискомфорт, депрессию и дезадаптивность, распространение фобий и социального пессимизма в обществе.

Надо заметить, что западные социопсихологи еще в 2008 г. предупреждали о том, что экономический спад, особенно неожиданный и серьезный, может привести к увеличению суицидов. Главная угроза для населения – это угроза безработицы. Процесс увольнений в конце 2008 – начале 2009 гг. затронул каждого четвертого россиянина. Столько же (25%) испытывали тревогу за сохранение своего рабочего места, опасаясь, что его утрата может произойти в ближайшие несколько недель или месяцев, причем четко разделились «столичная» и «региональная» Россия.

Так, в Москве в первые месяцы 2009 г. доля семей, в которых лишились работы муж или жена, увеличилась с 2% до 17% (в 6 раз). В крупных городах региональной России (с населением более полумиллиона человек) задержки выплат затрагивали в 2009 г. четверть семей. В марте 2009 г. по сравнению с февралем 2008 г. частота увольнений увеличилась с 18% до 29%, а уровень выплат с задержками составил 27%[3] В контексте социального времени и социальной реальности эти изменения обладают возвратным характером и приобретают новые масштабы, корректируясь действием западных экономических санкций.

Социальные риски как индикаторы угроз в жизни общества

Социальный риск, будучи, по определению У. Бека, агрегированным риском, или риском второго порядка [2], отличается отрицательны-

ми последствиями для функционирования всего общества и отдельных его институтов.

Все социальные риски отражают вероятность наступления возможного негативного события, которое связано с различного рода потерями для личности, социальной организации, группы или конкретного социального института. Образно говоря, социальный риск «сигнализирует» о возможной угрозе для социальных интересов личности, ее самореализации, жизнедеятельности и адаптации к условиям неопределенности, всегда сопровождающим транзитивную экономику как кризисную, переходную, неустойчивую.

Таким образом, анализ социальных рисков финансово-экономических кризисов непосредственно выводит исследователей на социологическую диагностику угроз и форм социальной адаптации к жизни в условиях неопределенности; вероятности перерастания социальных рисков в реальные угрозы безопасности личности, социальных групп и общностей, шире – угрозы социальной безопасности в обществе в целом.

Сохранение ситуации неопределенности говорит о том, что общество за последние годы не смогло (или не успело?) в полной мере преодолеть негативные последствия мирового финансового кризиса. В 2014 г. оно продолжало сохранять и репродуцировать социальные риски, объективно обострившиеся и разросшиеся до формата реальных угроз в связи экономическими санкциями Запада.

Горожан, сохранявших в начале 2014 г. чувство социального оптимизма и уверенности в том, что ситуация (до середины 2014 г.) *«стабильная, позволяющая оптимистично смотреть в будущее»*, было немного. Так, всего 3% респондентов (среди них абсолютное большинство с высшим образованием) считали, что последние два-три года экономического развития нашей страны были «очень успешными годами». Для каждого четвертого, напротив, это «годы потерь и разочарований».

Оценивая общую ситуацию в развитии экономики страны за 2011–2013 гг., большинство россиян (54.9%) признают, что, *«хотя это были сложные годы, но в целом для страны успешные»* – годы, позволившие россиянам укрепить свое материальное положение, обрести уверенность в своих силах, адаптироваться к ситуации имманентной неопределенности транзитивной экономики, нарастить определенный «финансовый жирок» в своих доходах, приобрести социальную, профессиональную и образовательную мобильность.

Представленные выводы нельзя распространять абсолютно на всех россиян (тем более что речь в исследовании шла преимущественно об их городской части). Но именно на эту созданную за последние годы «адаптационную подушку» относительного спокойствия и укрепившегося финансово-экономического благополучия, опирается в значительной мере российское общество в новом сложнейшем противостоянии реальным опасностям (экономическим, финансовым, социальным, духовным и политическим) в очередном общемировом, но теперь сознательно созданном, сконструированном по американским лекалам кризисе. Однако исторические аналогии, наш богатый социальный опыт и уроки прошлого в преодолении экстремальных политических и экономических кризисных ситуаций позволяют нам, как и большинству россиян, поддержать слова популярной ныне песни «*Нас бьют, мы летаем....».*

Примечания

1. Силласте Г.Г. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе». М., 2014.
2. Доклад ВЭФ «Глобальные угрозы-2013». В докладе наиболее вероятным глобальным риском, который проявится в течение ближайших 10 лет, назван слишком большой разрыв в доходах между бедными и богатыми. Этот фактор поставлен впереди угроз медицинского характера Чувиляев П., Бараникас И., Смирнов К. // Московский комсомолец. № 26144. 23.101.2013.
3. Данные социологического исследования 2008–2009 гг. «Профессиональная мобильность и социальная адаптация молодых матерей на московском рынке труда» (по заказу Департамента семейной и молодежной политики г. Москвы; научный руководитель – д.ф.н., профессор Г.Г. Силласте).

Список литературы:

1. Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход: Уч. пос. М.: Анкил, 2004. 385 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. / Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Силласте Г.Г. Социальные конфликты в финансово-банковской сфере и их последствия. В 2 частях. М.: ФА, 2004. 166 с.
4. Цели Развития Тысячелетия в контексте России: от экономического роста к устойчивому социальному развитию, основанному на правах человека. Современное положение, политика государства и возможная роль ООН. М.: Информ-Знание, 2005. 32 с.

5. Силласте Г.Г. Эконоцид − социальное последствие мирового финансового кризиса // Мониторинг общественного мнения. Март-апрель 2011. № 2 (102). С. 133–142.

SOCIAL RISKS OF FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS: SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS AND TYPOLOGY

G.G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

In this paper, we consider the scarcely studied issue of sociological study of social risks of financial and economic crises in Russian society. The analysis is based on the empirical results of sociological research carried out on the government order. The author reveals the features of the development and research of social risks in the transition society, the essence of the category of social risk and some approaches to its definition. The author also presents her concept of typology and measurement of complex social risks; their objects and subjects, the prevalence rate in the modes of the past, present and future. The "social cost" of financial and economic crises experienced by the population and the degree of social adaptation to crisis uncertainty are analyzed.

Keywords: social risks, financial and economic crisis, "crisis victim", sociological dimension, gender risks, sociological diagnosis, "living facts", "dead facts".

УДК 316

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ТУРИСТОВ ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

© 2015 г.

Г. Симановская, С. Степченкова

Университет Флориды, США

svetlana.step@hhp.ufl.edu

Поступила в редакцию 05.05.2015

Нижний Новгород является одним из одиннадцати городов России, в которых в 2018 г. пройдёт Чемпионат мира по футболу. Ожидается, что мероприятие увеличит число прибывающих в город внутренних и иностранных туристов и привлечёт внимание к вопросам совершенствования туристического предложения и к формированию положительных впечатлений от посещения города у туристов. В статье исследуются факторы эффективности дестинации, восприятия рисков, осведомлённости и профиля туристов, поскольку именно эти факторы влияют на отношение туристов к дестинации после ее посещения в рамках внутренних поездок. Данные были получены в 2013 г. через онлайн-опрос лиц, посетивших г. Нижний Новгород. Было установлено, что на намерение вновь посетить дестинацию и готовность рекомендовать город в социальных сетях, а также при личном общении влияют эффективность дестинации и проблемы, связанные с проездом. Результаты исследования могут помочь в формировании стратегии развития туризма в Нижнем Новгороде, определении областей для распределения ресурсов и позиционирования Нижнего Новгорода среди других исторических российских городов в Европейской части страны.

Ключевые слова: эффективность дестинации, отечественные туристы, Нижний Новгород, онлайн-опрос, отношение после посещения, восприятие риска, городская дестинация.

Being a vast country geographically, the Russian Federation has many tourist resources – historic, cultural, natural, ethnographic, etc. – at its disposal, but its potential as a premier tourism destination has not yet materialized (Horner & Swarbrooke, 2004). To realize that potential, attention should be given not only to traditional tourist centers such as Moscow and St. Petersburg, but to other regions as well. Cities have always been and continue to be popular tourist destinations, although different cities are visited for different reasons (Borg, 1994; Peters & Pikkemaat, 2003). “Big cities” and “interesting old cities” are part of the Russian destination image (Stepchenkova & Morrison, 2008), and Nizhny Novgorod (Nizhny) is considered one of these cities. Nizhny is among the five largest cities in Russia with a population of 1.3 million people, and it is often called the third capital of Russia, after Moscow and St. Petersburg. The city was founded in 1221 on two great rivers, the Volga and the Oka, and is famous for its historic places, cultural significance, outstanding architecture, and picturesque views. There are 874 objects of cultural and historic interest in the city of Nizhny Novgorod (Kuftiryov, 2011), with the Kremlin fortress epitomizing the city’s historic, architectural, and cultural heritage. The Nizhny Novgorod Region possesses several hundred museums, galleries, and exhibition centers, as well as important national and world heritage sites Makariev Monastery and Serafimo-Diveevsky Monastery (Avralev & Efimova, 2011).

Russia will host two mega-events which are expected to bring an influx of both international and domestic tourists to various parts of the country: the 2014 Winter Olympic Games in Sochi and the 2018 FIFA World Cup, where Nizhny Novgorod will be one of eleven cities to host the event. Besides building new tourist infrastructure, hosting mega-events sharply increases destination visibility and awareness, enhances destination image, and translates tourists’ evaluation of destinations performance into word-of-mouth post-visitation behavior (Gartner, 1989; Gibson et al., 2008; Kaplanidou, 2009; Ritchie & Smith, 1991). Prior to the mega-events of such scope and influence, studies of destination tourism from various perspectives are advisable. Tourism research potentially can help the Ministry of the Development of Small Business, Consumer Market and Services in Nizhny Novgorod Region, a government body responsible for development of tourism industry in the area, coordinate the tourism-development strategies in the city and better prepare to meet tourist needs in the future.

In the competitive marketplace, with many destinations for tourists to choose from, the destination management organizations pay attention to tourists’

evaluations of destination performance, risks associated with visiting the destination, and post-visitation behavior including word-of-mouth and intention to revisit. Destinations, as complex products, evaluated by current and potential tourists along a number of attributes (e.g., climate, hotels, attractions), compared to and contrasted against available alternatives, and results of this mental process form a basis of destination choice (Gensch, 1978). Making a final decision about the destination, travelers also consider risks associated with the trip (e.g., Sonmez, 1998; Sonmez & Graefe, 1998b; Floyd et al., 2004). Perceptions of high risks may result in a decrease in visitations to the destination, both for international and domestic tourists (Sonmez & Graefe, 1998a). In addition, tourists communicate destination image and their experiences with the destination to their friends, relatives, co-workers, and other people, both offline and online. This word-of-mouth has been recognized as a powerful factor in influencing destination perceptions and intention to visit (e.g., Opperman, 2000; Kozak, 2001; Simpson & Singuaw, 2008). In the "tourist-destination" relationship, characteristics of the tourists are very important. Familiarity with the destination (e.g., first-timers or repeat visitors), primary reason for visiting (e.g., leisure or business), overall risk profile, travel characteristics and party composition, demographic and psychographic information are all been shown to influence tourist behavior (e.g., Lehto et al., 2001; Sonmez & Graefe, 1998; Um et al., 2006).

Thus, given the need for studying tourists to Nizhni Novgorod, Russia, this study aims to answer the following research questions:

1. How do tourists to Nizhni evaluate destination performance?
2. How do tourists perceive risks associated with travel to Nizhni?
3. Which factors – destination performance, risk perceptions, familiarity, or tourist type – are the best predictors of intention to revisit Nizhni?
4. Which factors – destination performance, risk perceptions, familiarity, or tourist type – are the best predictor of positive word-of-mouth activity about Nizhni?

LITERATURE REVIEW

Destination Performance

The importance of destination performance construct has been recognized in academic literature (e.g., Kozak, 2002; Um et al., 2006), as the feedback from visitors show strengths and weaknesses of the destination and can be used to compare destinations to one another (Kozak, 2002). Performance evaluations bring attention to poorly performing attributes, so that these areas can be brought up to standard (Kozak, 2002). On the tourist part, the level of product and/or service performance can cause satisfaction or dissatisfaction with the experience at the destination (Kozak, 2002; Churchill & Surprenant, 1982; Tse & Wilton, 1988; Um et al., 2006). Two major schools in measuring customer satisfaction relevant to the tourism industry are identified in the literature (Kozak & Rimmington, 2000). One school measures the gap between expectations prior to the trip and the actual performance of the destination (Chon & Uysal, 2005; Churchill & Surprenant, 1982; Parasurman et al., 1985; Pizam & Milman, 1993). The other school, known as Nordic school, focuses on the destination performance only, stating that satisfaction is the result of the actual performance of the destination, thus, disregarding the expectations a person had before traveling (Pizam et al., 1993). The Nordic model shows that the destination performance evaluations and the initial expectations the person has about the destination prior to the visit should be considered independently (Tse & Wilton, 1988; Yoon & Uysal, 2005). The model that disregards expectations is often preferred because it can be used even in situations when visitors know little about the destination prior to visiting it (Yoon & Uysal, 2005).

Product performance can be characterized as post-consumption evaluative judgments (Mano & Oliver, 1993). While destinations are much more complex products than fast-moving consumer goods and are characterized by the high level of consumer involvement at all stages of product consumption, their performance is often measured as the sum of tourists' evaluations of various destination attributes (Danaher & Arweiler, 1996; Churchill & Surprenant, 1982; Qu & Li, 1997; Kozak & Rimmington, 2000). Some of these attributes like for example, climate, accommodations, or restaurants, are of a more tangible nature, while other attributes, like, for example, level of development, safety, or service, are of a more psychological nature (Echtner & Ritchie, 1993). Some attributes are common to all destinations (e.g., accommodations), while other are destination-specific (e.g., beaches). For the city of Nizhni Novgorod being an urban destination, the literature review was conducted with respect to the most parsimonious instrument to measure urban destination performance. The survey by Haywood & Muller (1988) was adopted for the study.

Risk Perception

Risks associated with travel to a particular destination influence the lasting destination image formation (Sonmez & Graefe, 1998b). These risks can even outweigh the favorably perceived features

that the destination possesses and alter the decision-making process (Floyd et al., 2004; Sonmez & Graefe, 1999a, 1998b). Tourism products are intangible for the most part and are consumed at the time of production; the consequence of this process is that the perceived risks are most likely to be high (Roehl & Fesenmaier, 1992). The higher the perceived risks, the more tourists will tend to avoid the destination, resulting in a decrease in visitations (Floyd & Pennington-Gray, 2004; Fuchs & Reichel, 2006). High perceived risks can influence tourists to pursue other travel plans, change their destination choice, modify their travel behavior, or search for additional information if they decide to continue with their travel plans (Reisinger & Mavondo, 2005).

The need for safety, security, and stress-free trips is one of the key determinants of future travel intentions (Reisinger & Mavondo, 2005). As a result, one of the factors that influence the process of decision-making is often associated with a choice, the consequences of which are uncertain, and some of these consequences are more desirable than others (Fuchs & Reichel, 2006; Roehl & Fesenmaier, 1992; Sonmez & Graefe, 1998b). Risk in tourism is defined as perceptions and experiences of tourists during the process of purchasing and consuming travel services (Tsaur et al., 1997). The degree of risk associated with traveling depends on several factors such as, for example, means of transportation used, the facilities and activities offered at the destination, and the customs and environment in the area, to name just a few (Tsaur et al., 1997). Perception of risks can vary according to the tourists' characteristics as well (Barker et al., 2003; Floyd et al., 2004; Reisinger & Mavondo, 2005; Roehl & Fesemaier, 1992; Simpson & Siguaw, 2008a; Sonmez & Graefe, 1998b). Another factor contributing to the differences in the level of risk perception among travelers is previous experience with the destination, which is believes to positively influence risk perception, as tourists tend to feel safer about traveling to a destination they have previously visited (Floyd et al., 2004; Lepp & Gibson, 2003).

There are several types of risks identified by the literature, and the importance of each depends on the situation (Maser & Weiermair, 1998; Roehl & Fesemaier, 1992). The risk types related to the tourism industry were identified as (1) time – not performing on time or wasting time; (2) financial – the risk of losing money invested in a product or service if the product or service fails to meet expectations; (3) physical – the risk of physical harm, such as injury or illness; (4) psychological – the fear that the purchased product will not be compatible with the self-image of the traveler or reflect negatively on him/her; (5) satisfaction – not living up to the traveler's expectations; (6) social – the risk that the purchase will not conform to the visitor's standards, lead to losing personal and social status, and/or lowering status; and (7) functional or performance – not performing or delivering the benefits to the tourists, and not meeting their needs (Floyd et al., 2004; Fuchs & Reichel, 2006; Roehl & Fesemaier, 1992). Three other types of risks, i.e., health, political instability, and terrorism, were added later, of which terrorism and political instability were found to be of particular concern (Lepp & Gibson, 2003; Sonmez & Graefe, 1998a; 1998b). The importance of specific types of risks depends on individual differences among travelers (Roehl & Fesenmaier, 1992; Sonmez & Graefe, 1998b).

Post-Visitation Behavior

The revisit intention, as well as positive word-of-mouth, are considered to be the most important behavioral consequences in destination experience (Chen & Tsai, 2007; Opperman, 2000; Simpson & Singuaw, 2008; Wang & Hsu, 2010). The intention to revisit has been studied in the tourism literature and is considered to be the sign of the destination loyalty (Assaker et al., 2011; Chi & Qu, 2008). Five main reasons why people revisit destinations were identified: (1) risk reduction associated with the content of the particular destination, including the unawareness of the alternatives or the fear that these alternatives are not as desirable as known destination; (2) risk reduction associated with finding the same kind of people; (3) emotional attachment to a destination; (4) further exploration of the destination; (5) showing the destination to other people and sharing the experience (Gitelson & Crompton, 1984). Based on the tourists' temporal destination revisit intention, the following tourists segmentation was proposed: (1) continuous repeaters – those who visit the destination with consistently high revisit intentions over time; (2) deferred repeaters – those tourists who have low level of revisit intentions in the short-term, but high revisit intentions in the mid-term and long-term; and (3) continuous switchers – travelers with consistently low revisit intentions over time (Feng & Jang, 2004). The timeframes can be considered as following: short-term – less than one year, mid-term – 1-3years, long-term – 3-5 years (Feng & Jang, 2004). Satisfaction with the trip and tourists' positive experience at the destination were found to be an important antecedent of repeat visitations (Bigne et al., 2001; Fakeye & Crompton, 1991; Hui et al., 2007; Kozak, 2001; Murphy et al., 2000; Pritchard & Havitz, 2006).

Word-of-mouth can be defined as "informal, person-to-person communication between a perceived noncommercial communicator and a receiv-

er regarding a brand, a product, an organization or a service" (Harrison-Walker, 2001, p. 63). Word-of-mouth is an indicator of the tourist's desire to continue the relationship with the destination as well as one of the most reliable sources of information that people take in considerations in their decision-making processs (Chi & Qu, 2008; Choi et al., 2011; Litvin et al., 2008; Opperman, 2000; Simpson & Singuaw, 2008; Wang & Hsu, 2010). The negative word-of-mouth has been shown to have a devastating impact on the destination selection process (Litvin et al., 2008; Morgan et al., 2003). Those who have visited the destination several times or have been to the destination recently tend to provide more positive word-of-mouth, simply because they can easily recall the experience (Oppermann, 2000). Word-of-mouth can be considered as the least expensive advertisement tools, as well as one of the most powerful, in affecting people's feelings and behavior, in particular, friends and family of those who visited the destination (Simpson & Singuaw, 2008; Tiefenbacher et al., 2000).

Familiarity and Tourist Types Factors

The literature review indicates that evaluations of destination performance and risks associated with travel to the destination influence each of the two types of post-visitation behavior: intention to revisit and positive word-of-mouth. Scholars also emphasize familiarity with the destination as an important factor influencing destination perceptions and the desire of tourists to revisit it (Baloglu, 2001; Milman & Pizam, 1995; Stepchenkova & Morrison, 2008). Familiarity represents a key marketing variable in segmenting and targeting the potential visitors. Familiarity can be understood as previous experience with a destination (experience dimension) and knowledge about it (information dimension). Familiarity as experience can be measured as the number of previous visits to the destination or as "first-timers" vs. "repeaters" distinction. The information dimension of familiarity has been previously operationalized as having friends or relatives at the destination (Stepchenkova & Morrison, 2008) or following news about the destination. Those tourists who are familiar with the destination are, generally, more favorable towards that destination and more likely to travel there (Baloglu, 2001; Milman & Pizam, 1995; Wang & Hsu, 2010). Primary purpose to visit destination, which has been conceptualized as tourist type, that is, leisure, business, VFR, or other, is another market segmentation variable, helpful for destination marketing organizations in their product development and communication efforts.

The study investigates factors of destination performance, risk perception, familiarity, and tourist type as they affect post-visitation behavior in the context of domestic travel to a large urban destination.

METHODS

Instrument

The instrument consisted of the following groups of questions: (1) respondents' profile, (2) evaluation of destination performance, (3) perception of travel risks, and (4) post-visitation behavior. The first group of questions asked about the purpose of the trip, the frequency of visitation in last 4 years, the length of stay during the latest trip, the primary purpose for visiting Nizhni Novgorod, as well as demographic information. The second group of questions asked about destination performance along 17 dimensions which were taken from the urban experience survey by Haywood & Muller (1988) with minor adaptation to the case of Nizhny. All destination performance items were measured on the 5-point Likert scale (1 = strongly agree; 5 = strongly disagree). The third group of questions dealt with perceptions of risks associated with travel to Nizhni. The items were taken from the literature (Floyd et al., 2004; Floyd & Pennington-Gray, 2004) with minor adaptations and used the 5-point Likert scale (1 = strongly agree; 5 = strongly disagree). The last group of questions included items that measured post-visitation behavior as intention to revisit the destination and as engaging into a positive word-of-mouth (PWOM) behavior after visitation. The intention to revisit measure consisted of three items (short-term, long-term, and overall intention to revisit) adopted from Lee et al. (2004) and used the 5-point Likert scale (1 = strongly agree; 5 = strongly disagree). Five PWOM "yes"/"no" items reflected whether a particular tourist engaged in speaking positively about Nizhni to their friends, family, and other people, as well as online (Jang & Feng, 2007; Lee et al., 2004). The number of "yes" answers represented the person's composite PWOM score.

Data Collection

The target population of the study was defined as Russian domestic tourists who have been to Nizhny Novgorod in the last 4 years (2009-2012). Domestic tourists were understood as people who travel away from home for a distance at least 50 miles (one way) for business, pleasure, personal affairs or any other purpose except to commute to work, whether s/he stays overnight or returns the same day. The time frame of four years was set to avoid difficulties in recalling tourist experiences with the destination (Kozak, 2002; Kozak & Rimmington, 1999). The data were collected in the last two weeks of January, 2013 through social networks Vkontakte and Facebook. Several "open"

Table 1: Respondents' Profile

Variable	Levels	Freq	Valid %	Variable	Levels	Freq	Valid %
Gender	Male	89	32.6	Familiarity	First-comers	70	25.0
	Female	181	66.3		Repeat visitors	210	75.0
	Prefer not to answer	3	1.1				
Education	Less than High School	3	1.1	Length of stay during the most recent visit	One-day trip	57	20.5
	High School Graduate	12	4.5		Overnight	221	79.5
	Some College	57	21.3				
	College Degree	166	62.3				
	Technical School	14	5.2				
	Advance Degree	9	3.4				
	Prefer not to answer	6	2.2				
Age	18-24	128	48.5	Primary reason for visiting Nizhni	Leisure	90	32.3
	25-34	93	35.2		Business	67	24
	35-44	16	6		VFR	104	37.3
	45-54	4	1.5		Other	18	6.4
	65 and older	2	0.8				
	Prefer not to answer	21	8				
Marital Status	Single	155	57.6	Number of visits in the kast 4 years	1-2	99	35.4
	Partnered/Married	93	34.6		3-5	52	18.6
	Divorced	15	5.6		6-10	70	25
	Separated	2	0.7		11 and more	59	21
	Prefer not to answer	4	1.5				
Income	Very good	17	6.4				
	Good	85	32				
	Average	136	51.1				
	Bad	11	4.1				
	Very bad	1	0.4				
	Prefer not to answer	16	6				

and "closed" groups and communities within these social networks were identified as suitable for the study, based on their primary purpose (i.e., travel, Nizhni Novgorod) and the number of participants. Moderators of the communities were approached with the request to help with the study and post the invitation to participate in the study on the group forums and community message boards. Two reminders were issued during the two weeks of data collection. The total number of qualified responses was 468. Responses that were less than 50% complete and responses that were filled out by those who stayed in Nizhny Novgorod for more than 6 months were removed. The number of usable responses was 283.

Data Analysis: Regression Model

To find out the best predictor of post-visitation behavior, the regression analysis was conducted. The first dependent variable was intention to revisit (REVISIT), and the second dependent variable was composite PWOM (positive word-of-mouth) score. Based on the literature review, several predictors of post-visitation behavior were identified, such as reasons for visiting, how well tourists know the destination, how risky they perceive the destination to be for travel, and how they perceive that destination's tourism offer. Reasons for visiting the destination were operationalized by the variable *tourist type* (TT) that reflected whether a person was leisure, business, or VFR (visiting friends and relatives) tourist. The *familiarity* variable was operationalized as the number of previous visits to Nizhny Novgorod (FAMILIAR). The *overall risk perception* (RISK) and the *overall destination performance* (PERFORM) variables were the averages of the respective survey items. Thus, the models were expressed as follows:

Model 1: $REVISIT = a + b_1\,TT + b_2\,FAMILIAR + b_3\,RISK + b_4\,PERFORM + e$

Model 2: $PWOM = a + b_1\,TT + b_2\,FAMILIAR + b_3\,RISK + b_4\,PERFORM + e$

RESULTS

Respondents' Profile

Questions about respondents' gender, marital status, age, education, and income were analyzed to obtain the respondents' demographic profile (Table 1). In the sample, two thirds were female (66.3%) and approximately one third was male (32.6%). A split between single and married or partnered was 57.6% and 34.6%, respectfully. Age was reported

Table 2. Destination Performance

Variable	N	Mean	St. Dev.	Skew	Kurt
Pleasurability of walking	280	4.43	0.97	-0.78	0.84
Scenic beauty	279	4.30	1.06	-1.75	2.62
Parks and greenery	279	3.81	1.30	-1.30	1.26
Choice of restaurants	278	3.69	1.44	0.08	-1.49
Crowding and congestion	279	3.66	1.39	-0.79	-0.20
Cultural amenities	279	3.66	1.32	-0.66	-0.72
Accessibility	280	3.60	1.31	-0.86	-0.02
Climate/weather	278	3.51	1.03	-0.74	-0.64
Cleanliness	279	3.49	1.32	-1.09	0.66
Friendliness of locals	280	3.49	1.29	-2.08	4.32
Nightlife and entertainment	280	3.38	1.55	-1.04	0.29
Pleasurability of shopping	280	3.33	1.53	-1.15	0.57
Price levels	280	3.29	1.29	-1.03	0.08
Friendliness of personnel	279	3.07	1.68	-0.84	-0.20
Safety from crime	277	3.03	1.66	-0.82	0.40
Hotel standards	279	2.03	1.78	-0.84	0.16
Availability of healthcare	280	1.91	1.79	0.17	-1.47
PERFORM	**267**	**3.39**	**0.78**	**-0.61**	**0.31**

as the number of full years (M=25.85; std.dev=8.010). For convenience of reporting, age was converted to an ordinal variable of 5 levels. Most frequently reported age groups were between 18 and 24 (48.5%) and between 25 and 34 (35.2%). With respect to education, most respondents had a college degree (62.3%). As far as the financial situation is concerned, 51.1% of the respondents reported their financial situation as ”neither good nor bad”, while 38.4% reported it as “good,” or “very good.” Only 4.5% defined their financial situation as “bad” and “very bad.” Overall, domestic visitors to Nizhni can be characterized as the younger, single, well educated, and financially well-off crowd.

The shares of leisure tourists (sightseeing, special event, entertainment, outdoor recreation, sporting event, and shopping), business tourists (business and education), and visiting friends and relatives (VFR) were 32.3%, 24.0%, and 37.3%, respectively. The split between first-timers and repeat visitors was 25.0% vs. 75.0%, respectively. The mean and standard deviation of the number of visits in the last four years were M=7.57 and std.dev=10.682. With respect to the most recent visit, 79.5% stayed overnight, while 20.5% came on a one-day trip. Most of the repeat visitors were VFR (43.2 %), while most of the first-timers were leisure travelers (44.3 %).

Destination Performance

Perceptions of destination performance were measured by 17 items on a 5-point Likert scale. Descriptive statistics for each item are given in Table 2; items are ranked from the most to the least favorably evaluated. Attributes with the highest scores were Pleasurability of walking in tourist areas, Scenic beauty, and Parks and greenery. The lowest evaluation was given to such attributes as Hotel standards and Availability of healthcare. Internal reliability of the performance scale was calculated using Cronbach’s alpha, which was 0.86. Item-to-total correlations indicated that no item could be removed without decreasing the overall internal consistency of the scale. The *overall performance* (PERFORM) variable was created by averaging means of all individual items (Table 2).

Risk Perception

Descriptive statistics were calculated to find out how tourists perceived risks associated with traveling to Nizhny (Table 3). Prior to their most recent trip, respondents thought of such risks as crime and terrorism as the most likely to occur. Disapproval of others and health risks were perceived as the least likely to occur. The survey also included an open-ended question “What is, in your opinion, the most risky thing about traveling to Nizhny Novgorod?” Among those who answered the question (30.6% of all respondents), the most common answers were crime (7.0 percent), bad traffic (3.9 percent) and bad weather (3.9 percent). Overall, for domestic tourists, risks associated with a trip to Nizhni were quite low, with a possible exception of crime. The *overall risk perception* (RISK) variable

Table 3: Risk Perception

Variable	N	Mean	St. Dev.	Skew	Kurt
Crime	277	2.33	1.08	0.40	-0.64
Terrorism	277	1.70	0.93	1.14	0.62
Waste of money	277	1.66	0.89	1.49	2.34
Disappointing trip	275	1.62	0.94	1.62	2.21
Crisis of surrounding infrastructure	277	1.54	0.89	1.75	2.61
Natural disaster	275	1.47	0.82	1.74	2.59
Health risks	276	1.42	0.81	2.03	3.96
Disapproval of others	276	1.31	0.67	2.85	9.97
RISK	**271**	**1.45**	**0.55**	**1.75**	**5.30**

Table 4: Regression Model Variables: Descriptive Statistics

Variable	N	Mean	St. Dev.	Skew	Kurt
REVISIT	254	4.11	1.14	-1.38	1.07
PWOM	257	3.45	1.25	-0.64	0.05
PERFORM	263	3.38	0.78	-0.61	0.32
RISK	271	1.45	0.55	1.75	5.29
FAMILIAR	274	6.89	7.26	2.23	7.18
	N	LEI	BUS	VFR	OTHER
TOURIST TYPE	279	89	66	102	18

was created by averaging means of all individual items (Table 3).

Post-Visitation Behavior: Regression Model

The dependent variables intention to revisit (REVISIT) and positive word-of-mouth (PWOM) were calculated as the average of the respective survey items. The initial runs of Model 1 and Model 2 indicated that the data contained outliers, i.e., cases whose standardized residuals were greater than 3.3. Four cases were removed from the data. The model was also examined to assure that the residuals were dispersed randomly. For Model 1, the plot of residuals against predicted values did not display a "funnel" shape, which is characteristic for non-constant variance. It was concluded that the homoskedasticity assumption was met for Model 1. For Model 2, moderate violations of homoscedasticity were detected, which may have had an impact on the regression estimates (Fox, 2005). Lastly, the data was examined for multicollinearity: the variance-inflation factor was around 1.0, which indicated the absence of multicollinearity. The descriptive statistics for all variables in regression analyses are given in Table 4.

For Model 1, three independent variables were found to be significant predictors of intention to revisit, namely, overall performance, overall risk perception, and number of previous visits to the destination. For the overall performance variable, the association is positive: the larger the overall performance score, the higher the intention to revisit. For the overall risk perception, the association is negative: the higher overall risk perception, the lower the intention to revisit. For the number of previous visits variable (FAMILIAR), the association is also positive: the larger the score, the higher the revisit intention. The dichotomous variable representing the primary reason to visit Nizhny (VFR versus all other categories combined) was not significant. Overall, the four variables explained about 24% of all variance in the dependent intention to revisit variable (R-square = 0.237) (Table 5).

For Model 2, two independent variables were found to be significant predictors for word of mouth, namely, overall performance and overall risk perception. For the overall performance variable, the association is positive, while for the overall risk perception, the association is negative. The tourist type variable (LEI versus other groups combined) was marginally significant. The number of previous visits was not significant in the model. Overall, the four variables explained only 17% of the variance in the dependent variable (R-square = 0.172) (Table 6).

DISCUSSION

The study looked at such constructs as destination performance, risk perceptions, and post-visitation behavior and investigated relationship between these constructs in the context of domestic tourism. Analysis on 17 performance attributes for Nizhny Novgorod, Russia showed that most attributes were assessed quite favorably, with the mean

Table 5: Intention to Revisit Factors: Performance Evaluation, Risk Perception, Tourist Type, and Familiarity with Destination

	DF	SS	MS	F	P-value
Regression	4	71.555	17.889	17.519	0.000
Residual	226	230.771	1.021		
Total	230	302.326			
	B	SE B	Std. B	t	P-value
Constant	3.311	0.402		8.235	0.000
TOURIST TYPE (VFR)	0.226	0.139	0.950	1.633	0.104
FAMILIAR	0.024	0.009	0.153	2.562	0.011
RISK	-0.634	0.126	-0.310	-5.042	0.000
PERFORM	0.436	0.090	0.290	4.832	0.000

R Sq/Adj R Sq = 0.237/0.223

Table 6: Positive Word-of-Mouth Factors: Performance Evaluation, Risk Perception, Tourist Type, and Familiarity with Destination

	DF	SS	MS	F	P-value
Regression	4	61.098	15.274	11.976	0.000
Residual	230	293.345	1.275		
Total	234	354.443			
	B	SE B	Std. B	t	P-value
Constant	2.031	0.445		4.561	0.000
TOURIST TYPE (LEI)	0.292	0.159	0.111	1.837	0.068
FAMILIAR	0.014	0.010	0.087	1.416	0.158
RISK	-0.369	0.140	-0.167	-2.634	0.009
PERFORM	0.520	0.101	0.318	5.139	0.000

R Sq/Adj R Sq = 0.172/0.158

higher than 3.0. Survey respondents evaluated pleasure of walking in the tourist areas, scenic beauty, and parks and greenery the highest; while hotel standards and availability of healthcare in case of emergency were evaluated the lowest. The study showed that Nizhny Novgorod generally performs well on the environmental type of attributes such as scenery, parks and greenery which were named to be one of the predictors of the quality of the trip (Murphy et al., 2000). However, low score received on the hotel standards attribute might be a serious concern, as previous research showed that accommodation is one of the most important destination attributes as evaluated by tourists (Pritchard & Havitz, 2006). While hotel standards may not be an important attribute for VFR tourists, for leisure and business travelers this is definitely a factor affecting destination choice. This study found that people who evaluated performance of Nizhny Novgorod higher reported higher intentions to revisit the destination.

Survey respondents were asked to report perceptions of risks associated with their travel to Nizhny Novgorod that they held prior to their most recent trip to the city. In general, risk perceptions were low on all individual items, but respondents evaluated risk of being a victim of a crime as the highest. Open-ended responses also mentioned the risk of being a crime victim most often. One of the reasons for low risk perceptions might be the fact that study was conducted among Russian domestic travelers who does not perceive the risk of travelling to Nizhni Novgorod as being higher than in the place where they currently reside. The fact that respondents did not express high levels of risk perceptions associated with travel to Nizhni Novgorod is a good sign for the destination DMO (Fuchs & Reichel, 2006). The evaluation of crime as the risk

that is most likely to happen reflects the awareness of domestic tourists of a relatively high level of crime in Nizhni Novgorod. Data show that there were 1,974.2 crimes committed per 100,000 people in Nizhny Novgorod region in 2011, while the average number of crimes in Russia was lower in the same year constituting 1,694.5 per 100,000 people (Smirnova, 2012). It is a serious concern, as the previous research shows that no matter whether a tourist or a local resident is a target of crime, if crimes occur with a relatively high frequency, it will affect the destination image and result in decline in the number of visitations to the destination (Pizam, 1999).

Destination performance, reasons for a trip, risk perceptions, as well as previous experience with the destination, affect future visits and positive word-of-mouth behavior (Haywood & Muller, 1988; Milman & Pizam, 1995; Sonmez & Graefe, 1998b; Um et al., 2006). Based on the data obtained in the study, Nizhni Novgorod has already had a base of loyal visitors, those who come to Nizhni again and again. To expand this base from primarily VFR tourist to leisure tourists and, ultimately, to business and corporate visitors is of high importance for the destination because (1) loyal customers are believed to spend more at a destination; (2) they are less sensitive to price changes; (3) they are a powerful source of PWOM, which is critical, since people tend to be influenced by negative assessments more than by positive ones (Weinberger et al., 1981); (4) they represent a stable source of revenue; and (5) they are more forgiving in case of error (Croes et al., 2010). The study also found that people who evaluated performance of Nizhny Novgorod higher, reported the higher levels of engagement in PWOM activity as well. This is in line with previous research which showed that destination performance contributes to the overall satisfaction with the trip, and overall satisfaction, in turn, is a predictor of post-visitation behavior (Chi & Qu, 2008; Haywood & Muller, 1988).

Overall risk perceptions were found to affect the revisit intention and positive word-of-mouth activity negatively: the higher the risk perception of travel to the destination was, the less likely respondents were to revisit the destination and to engage in PWOM. Familiarity with the destination, however, was found to affect intention to revisit positively: the more times respondents visited the destination in the last 4 years, the higher they evaluated their likelihood of return. Interestingly, the relationship between familiarity and PWOM was not significant in the model. While previous research showed that repeaters tend to engage in PWOM more than those who came to the destination for the first time (Oppermann, 2000; Um et al., 2006), the relationship between the previous visitations and PWOM variables has not been extensively tested yet. In addition, the factor of being a leisure tourist was marginally significant (p-value of 0.068) in affecting PWOM. The practice of posting reviews in the context of domestic travel is not yet widely accepted in Russia. Moreover, operationalization of the PWOM variable adopted in this study as actual behavior, not as the likelihood of behavior, may have also played a role. This is one area of future research, which potentially could bring new insights into the relationships between theoretical constructs of familiarity and PWOM.

Finally, the results of regression analysis indicate that destination performance and perception of risks are the strongest predictors of post-visitation behavior, compared to reasons for travel to Nizhny Novgorod (tourist type) and familiarity with the destination. It should be pointed out, however, that both Model 1 and Model 2 explained just a portion of all variance in the behavior variable, specifically 24% and 17%, respectively. This is an expected result, since numerous other factors such as financial factor, time, initial motivation for the trip, as well as other demographic, external and internal factors, influence travelers' destination choice (Yoon & Uysal, 2005).

A non-random, self-selected sample was a limitation of the study. While respondent profile in a number of characteristics (younger, educated, and financially well-off people) matched the general profile of Russian users of social networks, the gender composition of the sample was heavily tilted towards women. Studies found that women were more likely to disclose personal information to people whom they do not know, while men were more likely to share such information with those close to them (Dindia & Allen, 1992). This difference in attitudes may explain, at least partially, the gender discrepancy in the obtained sample. Self-selection may have also influenced the survey results because those interested in the topic were more likely to respond. Those who did not participated may have different perceptions of Nizhni Novgorod as a destination, as well as demographic and psychographic profile. Future studies may include a more representative sample by conducting data collection in Russia, for example, intercepting people on the streets of the city or by means of a mailed survey. Additionally, there was an issue of translation. The survey items were initially formulated in English (adopted from other studies, adapted with minor changes, or written by the researchers), while the actual survey was conducted in Russian. While care was taken to translate, items

could have been influenced by translation. Finally, with respect to risks perception, respondents gave their answers about how they felt about their last trip to Nizhny Novgorod after their trip had actually happened. Time that passed from their last trip may have skewed their responses. It might be valuable to conduct a study measuring perceptions and expectations before the visit and post-visitation risk perception and performance evaluation of the destination, and then measure the perception gap.

In conclusion, as far as the authors know, the study conducted the first research about the city of Nizhny Novgorod, Russia, using respondents from popular Russian social network sites. The data were collected and analyzed on how visitors evaluated the destination on their most recent trip, how they perceived risks associated with travel to the destination, and in what type of post-visitation behavior they engaged after their trip. The study tested several theoretically postulated relationships between destination performance, risk perception, and post-visitation behavior in the context of domestic travel. This is a theoretical contribution of the study, since previously these relationships were tested primarily in the international context. From a practical angle, it is hoped that the results of the study will aid in strategizing tourism development in Nizhny Novgorod, identifying areas for resource allocation, and positioning Nizhny Novgorod among other historic Russian cities in the European part of the country. They may help improve the city's tourist offer and make the destination more desirable for domestic tourists in preparation for the mega sport events that the city is to host in the near future.

References

Assaker G., Vinzi V.E. & O'Connor P. (2011). Examining the effect of novelty seeking, satisfaction, and destination image on tourists' return pattern: a two-factor, non-linear latent growth model. *Tourism Management, 32,* 890-901.

Avralev N.V. & Efimova I.V. (2011). Local authorities activity analysis in the Nizhny Novgorod region in the sphere of tourism. Retrieved from: http://www.unn.ru/pages/e-library/methodmaterial/files/166.pdf.

Baloglu S. (2001). Image variations of Turkey by familiarity index: informational and experiential dimensions. *Tourism Management, 22(2),* 27-133.

Bigne J.E., Sanchez M.I. & Sanchez J. (2001). Tourism image, evaluation variables and after purchase behavior: inter-relationship. *Tourism Management, 22(6),* 607-616.

Borg J. (1994). Demand for city tourism in Europe: tour operators' catalogues. *Tourism Management, 15(1),* 66-69.

Chi C.G.Q., & Qu H. (2008). Examining the structural relationships of destination image, tourist satisfaction and destination loyalty: An integrated approach. *Tourism Management, 29*(4), 624-636.

Churchill G.A. & Surprenant C. (1982). An investigation into the determinants of customer satisfaction. *Journal of Marketing Research, 19(4),* 491-504.

Danaher P.J. & Arweiler N. (1996). Customer satisfaction in the tourist industry: a case study of visitors to New Zealand. *Journal of Travel Research, 35,* 89-93.

Dindia K., & Allen M. (1992). Sex differences in self-disclosure: A meta-analysis. Psychological Bulletin, 112(1), 106-124.

Echtner C.M. & Ritchie J.R.B. (1993). The measurement of destination image: an empirical assessment. *Journal of Travel Research, 31(3),* 3-13.

Fakeye P.C. & Crompton J.L. (1991). Image differences between prospective, First-time, and repeat visitors to the Lower Rio Grande Valley. *Journal of Travel Research, 30(10),* 10-16.

Feng R. & Jang S. (2004). Temporal destination loyalty: a structural initiation. *Advances in Hospitality and Tourism Research, 9,* 207-221.

Floyd M.F., Gibson H., Pennington-Gray L. & Thapa B. (2004). The effect of risk perceptions on intentions to travel in the aftermath of September 11, 2001. *Journal of Travel & Tourism Marketing, 15,* 19-38.

Floyd M.F. & Pennington-Gray L. (2004). Profiling risk perception of tourists. *Annals of Tourism Research, 31(4),* 1051-1054.

Fox J. (2005). Linear models, problems. Pp. 515-522 In Kimberly Kempf-Leonard, ed., *Encyclopedia of Social Measurement*, Vol. 2, (pp. 515-522). Amsterdam: Elsevier.

Fuchs, G. & Reichel, A. (2006). Tourist destination risk perception: the case of Israel. *Journal of Hospitality & Leisure Marketing, 14(2),* 83-108.

Gartner W. (1989). Tourism image: attribute measurement of state tourism products using multidimensional scaling techniques. *Journal of Travel Research, 28(Fall)*, 16-20.

Gensch D.H. (1978). Image-measurement segmentation. Journal of Marketing Research, 15(3), 384-394.

Gibson H.J., Qi C.X. & Zhang J.J. (2008). Destination image and intent to visit China and the 2008 Beijing Olympic Games. *Journal of Sport Management, 22,* 427-450. Getz, D. (1991). Festivals, special events and tourism. New York, N.Y.: Cognizant Communication.

Gitelson R.J. & Crompton J.L. (1984). Insights into the repeat vacation phenomenon. *Annals of Tourism Research, 11,* 199-217.

Harrison-Walker L.J. (2001). The measurement of word-of-mouth communication and an investigation of service quality and consumer commitment as potential antecedents. *Journal of Service Research, 4(1),* 60-75.

Haywood K.M. & Muller T.E. (1988). The urban tourist experience: evaluating satisfaction. *Journal of Hospital & Tourism Research, 12,* 453-459.

Horner S., Swarbrooke J. (2004) Case study 12 – Tourism in Russia. *International cases in tourism management* (pp.137-146). Elsevier Butterworth-Heinemann: Burlington, USA.

Hui T.K., Wan D. & Ho A. (2007). Tourists' satisfaction, recommendation and revisiting Singapore. *Tourism Management, 28,* 965-975.

Jang S. & Feng R. (2007). Temporal destination revisit intention: the effects of novelty seeking and satisfaction. *Tourism Management, 28,* 580-590.

Kaplaidou K. (2009). Relationships among behavioral intentions, cognitive event and destination images among different geographic regions of Olympic Games spectators. *Journal of Sport & Tourism, 1*4(4), 249-272.

Kozak M. (2001). Repeaters' behavior at two distinct destinations. *Annals of Tourism Research, 28(3),* 784-807.

Kozak M. (2002). Measuring comparative destination performance: a study in Spain and Turkey. *Journal of Travel & Tourism Marketing, 13(3),* 83-110.

Kozak M. & Rimmington M. (1999). Measuring tourist destination competitiveness: conceptual considerations and empirical findings. *Hospitality Management, 18,* 273-283.

Kuftiryov I.G. (2011). Development of the tourism sector in the Nizhny Novgorod region as the market segment in the region innovation system. Retrieved from: http://www.unn.ru/e-library/methodmaterial.html?pscience=19.

Lee C.K., Lee Y.K. & Lee B. (2004). Korea's destination image formed by the 2002 World Cup. Annals of Tourism Research, 32(4), 839-858.

Lehto X.Y., Morrison A.M. & O'Leary J.T. (2001). Does the visiting friends and relatives' typology make a difference? A study of the international VFR market to the United States. *Journal of Travel Research*, 40(2), 201-212.

Lepp A. & Gibson H. (2003). Tourist roles, perceived risk and international tourism. *Annals of Tourism Research, 30(3), 606-624.*

Litvin S.W. Goldsmith R.E. & Pan B. (2008). Electronic word-of-mouth in hospitality and tourism management. *Tourism Management, 29,* 458-468.

Mano H. & Oliver R.L. (1993). Assessing the dimensionality and structure of the consumption experience: evaluation, feeling, and satisfaction. *Journal of Consumer Research, 20(3),* 451-466.

Maser B. & Weiermair K. (1998). Travel decision-making: from the vantage point of perceived risk and information preferences. *Journal of Travel & Tourism Marketing, 7(4),* 107-121.

Milaman A. & Pizam A. (1995). The role of awareness and familiarity with a destination: The Central Florida case. *Journal of Travel Research, 33(3),* 21-27.

Morgan N.J., Pritchard A. & Piggott R. (2003). Destination branding and role of stakeholders: the case of New Zealand. *Journal of Vacation Marketing, 9(3),* 285-299.

Murphy P., Pritchard M.P. & Smith B. (2000). The destination product and its impact on traveller perceptions. *Tourism Management, 21,* 43-52.

Oliver R.L. and De Sarbo W.S. (1988), — Response Determinants in Satisfaction Judgments. Journal of Consumer Research, Vol. 14, pp. 495-507.

Oppermann M. (2000). Tourism destination loyalty. *Journal of Travel Research, 39*(1), 78-84.

Parasurman A., Zeithaml V.A. & Berry L.L. (1985). A conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing, 49,* 41-50.

Peters M. & Pikkemaat B. (2003). Sports and more: a students' image analysis of the city of Innsbruck. 53rd Congress of AIEST in Athens (Greece), 7-11 September, 2003.

Pizam A. (1999). A comprehensive approach to classifying acts of crime and violence at tourism destinations. *Journal of Travel Research, 38,* 5-12.

Pizam A., Neumann Y. & Reichel A. (1978). Dimensions of tourism satisfaction with a destination. *Annals of Tourism Research, 5,* 314-322.

Pizam A. & Milman A. (1993). Predicting satisfaction among firs-time visitors to a destination by using the expectancy disconfirmation theory. *International Journal of Hospitality Management, 12(2),* 197-209.

Pritchard M.P. & Havitz M.E. (2006). Destination appraisal: an analysis of critical incidents. *Annals of Tourism Research, 33(1),* 25-46.

Reisinger Y. & Mavondo F. (2005). Travel anxiety and intentions to travel internationally: implications of travel risk perception. *Journal of Travel Research, 43,*212-225.

Ritchie J.R.B. & Smith H. (1991). The impact of a mega-event on host region awareness: a longitudinal study. *Journal of Travel Research, 30(3),* 3-10.

Roehl W.S. & Fesenmaier D.R. (1992). Risk perceptions and pleasure travel: an exploratory analysis. *Journal of Travel Research, 30,* 17-26.

Simpson P.M. & Siguaw J.A. (2008a). Perceived travel risks: the traveler perspective and manageability. *International Journal of Tourism Research, 10,* 315-327.

Smirnova M. (2012). Crime Nizhny Novgorod is increasing. But it does not make police concerned. *Komsomolskaya Pravda.* Retrieved from: http://nnov.kp.ru/daily/25848.4/2818156/

Sonmez S. & Graefe A.R. (1998a). Influence of terrorism risk on foreign tourism decisions. *Annals of Tourism Research, 25,* 112-144.

Sonmez S. & Graefe A.R. (1998b). Determining future travel behavior from past travel experience and perception of risk and safety. *Journal of Travel Research, 37,* 171-177.

Stepchenkova S. & Morrison A.M. (2008). Russia's destination image among American pleasure travelers: revisiting Echtner and Ritchie. *Tourism Management, 28*, 548-560.

Tiefenbacher J.P., Day, F.A. & Walton J.A. (2000). Attributes of repeat visitors to small tourist-oriented communities. *The Social Science Journal, 37(3),* 299-308.

Tsaur S., Tzeng G. & Wang K. (1997). Evaluating tourism risks from fuzzy perspectives. *Annals of Tourism Research, 24(4),* 796-812.

Tse D.K. & Wilton P.C. (1988). Models of consumer satisfaction formation: an extension. *Journal of Marketing Research, 25(2),* 204-212.

Qu H. & Li I. (1997). The characteristics and satisfaction of Mainland Chinese visitors to Hong Kong. *Journal of Travel Research, 35,* 37-41.

Um S., Chon K. & Ro Y. (2006). Antecedents of revisit intention. *Annals of Tourism Research, 53(4),* 1141-1158.

Wang C. & Hsu M.K. (2010). The relationships of destination image, satisfaction, and behavioral intentions: An integrated model. *Journal of Travel & Tourism Marketing, 27*(8), 829-843.

Weinberger M.G., Allen, C.T. & Dillon W.R. (1981). Negative information: Perspectives and research directions. *Advances in Consumer Research*, *8*(1), 398-404.

Yoon Y., & Uysal M. (2005). An examination of the effects of motivation and satisfaction on destination loyalty: a structural model. *Tourism Management*, *26*(1), 45-56.

FACTORS AFFECTING POST-VISITATION BEHAVIOR OF DOMESTIC TOURISTS: A CASE OF NIZHNI NOVGOROD, RUSSIA

G. Simanovskaya, S. Stepchenkova

University of Florida, USA

Nizhni Novgorod is one of eleven Russian cities to host the FIFA World Cup in 2018. The event is expected to increase tourist arrivals to the city, both domestic and international, and brings the attention to the improvement of the city's tourism offer and destination experiences of tourists. The study investigates factors of destination performance, risk perception, familiarity, and tourist type as they affect post-visitation tourist behavior in the context of domestic travel to a large urban destination. The data were obtained in 2013 through an online survey of domestic visitors to Nizhni Novgorod, Russia. Destination performance and concerns associated with travel were found to influence both the intention to revisit and the willingness to recommend the city in social networks as well as offline. The results of the study may aid in strategizing tourism development in Nizhni Novgorod, identifying areas for resource allocation, and positioning Nizhni Novgorod among other historic Russian cities in the European part of the country.

Keywords: destination performance, domestic tourists, Nizhni Novgorod, online survey, post-visitation behavior, risk perceptions, urban destination.

УДК 316.3

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПРОСА НА РАЗЛИЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В г. МОСКВА

© 2015 г.

Е.М. Колесникова, О.А. Гуркина

Московский городской психолого-педагогический университет

KolesnikovaEM@mgppu.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Представлены данные исследования сектора дополнительного образования детей в г. Москве, реализованного Лабораторией мониторинговых исследований МГППУ в марте–августе 2014 г. Основное внимание сосредоточено на освещении актуального состояния спроса на различные формы и направления дополнительного образования (ДО) детей и анализе факторов, способствующих его формированию. Методической основной исследования служит анкетный опрос учащихся 7-х и 10-х классов московских школ и их родителей, а также родителей учащихся 3-х классов. Исследование показало, что услуги дополнительного образования пользуются высоким спросом, однако в некоторых сегментах ДО наблюдается отток контингента за счет переориентации учащихся старших классов на предметную подготовку (у репетиторов или в вузах). Помимо этого на формирование спроса в сфере ДО оказывают влияние образовательный капитал родителей, а также финансово-материальное положение семей.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, социологический опрос, спрос на дополнительное образование, факторы спроса на образовательные услуги.

Введение

Увеличение доступности различных форм и направлений дополнительного образования является одной из приоритетных задач развития как общероссийского [1], так и московского образования [2]. В соответствии со статистикой, доля детей в России, получающих подготовку по программам дополнительного образования, составляет 49% [3]. Согласно Федеральной целевой программе «Развитие дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 г.» к 2018 г. данный показатель планируется увеличить до 70–75%.

По данным Департамента образования, в Москве в 2012 г. по программам дополнительного образования обучались 600 тыс. детей [4], что составляет 74% от числа учащихся в общеобразовательных учреждениях. Система учреждений дополнительного образования характеризуется разнообразием организационных форм и направлений. Так, в Москве в 2012 г. в системе образования функционировало 149 учреждений, в ведомстве Департамента культуры – 140 учреждений, в сфере физкультуры и спорта – 85 организаций, в рамках деятельности департамента семейной и молодежной политики – 141 учреждение. Всего в Москве насчитывалось 382 досуговых клуба по месту жительства. Наибольше число детей осваивает дополнительные общеобразовательные программы в учреждениях дополнительного образования – 350 тысяч обучающихся; 200 тысяч – на базе общеобразовательных школ, 35 тысяч – в вузах и колледжах. Согласно имеющимся данным, наиболее популярными направлениями являются музыкальное и художественно-эстетическое: в 2010 г. по ним проходили подготовку 130 тысяч детей, на втором месте по популярности находятся спортивные занятия – 21 тысяча детей [5, с. 70]. Однако из-за отсутствия сводной статистики различных ведомств, осуществляющих подготовку по дополнительным общеобразовательным программам, можно говорить лишь о приблизительном распределении.

Одной из главных задач данного исследования[1] был анализ того, насколько существующая система дополнительного образования удовлетворяет спрос различных участников образовательного процесса, и выделение наиболее проблемных точек и перспектив её развития. Основной метод исследования – анкетный опрос (учащихся московских школ и их родителей). Выборка репрезентирует 9 административных округов Москвы и различные типы средних общеобразовательных учебных заведений: обычные школы, гимназии и центры образования. Всего в исследовании приняли участие 500 учащихся 7-х и 10-х классов и 451 родитель (275 родителей уча-

щихся 7-х и 10-х классов и 187 родителей учащихся 3-х классов).

Спрос на услуги дополнительного образования учащихся и их родителей

При оценке структуры спроса школьников и их родителей принципиально обратить внимание на специфику дополнительного образования как особого сектора образовательных услуг. Двумя основными движущими факторами развития этого сегмента выступают образовательная/профориентационная составляющая в сочетании с образовательными стратегиями семей и запросами рынка труда и социализационный/развивающий компонент. Закономерным следствием является необходимость учета широкого диапазона направлений дополнительного образования и типичность одновременного участия школьников сразу в нескольких из них. К этому добавляется вариативность форм услуг, представленность сектора не только классическими учреждениями дополнительного образования и секциями/кружками в общеобразовательных учреждениях и при вузах, но и негосударственным сегментом услуг, а также репетиторством.

Обобщенные результаты опроса учащихся и их родителей свидетельствуют, что доля детей, посещающих дополнительные занятия, велика: 82% учеников 7-х и 10-х классов посещают дополнительные занятия в настоящее время, 17% посещали их в прошлом и только 1% не посещал никогда; 91% учеников 3-х классов посещает дополнительные занятия в настоящее время, 8% посещали в прошлом и только 1% не посещал никогда. Отдельно стоит отметить, что достаточно высокой популярностью пользуются услуги частных преподавателей: 62% учеников отметили, что занимаются с репетитором. При этом как родители, так и дети продемонстрировали также и высокий уровень потенциального спроса. Так, 70% школьников, принявших участив в опросе, и 80% их родителей подтвердили, что дети хотели бы посещать какие-то секции/кружки/репетиторов, которых не посещают в данный момент.

Большинство школьников реализует сразу несколько направлений дополнительного образования, ориентированных как на образовательную составляющую (репетиторство и занятия с целью повышения успеваемости и образовательных результатов), так и на личностное развитие (оздоровление, социализацию, самореализацию). Преобладающая доля респондентов (81% родителей учащихся 3-х классов и 74% учащихся 7-х и 10-х классов) отметила, что учащиеся посещают два и более вида занятий сектора дополнительного образования.

Отражением факта многофункциональности дополнительного образования является структура актуального и потенциального спроса на направления занятий. Анализ данных фактического выбора занятий дополнительного образования для посещений школьниками свидетельствует, что наиболее популярны в настоящее время «спорт» (43% подростков и 56% третьеклассников) и «иностранные языки» (42% подростков и 44% третьеклассников). Среди наиболее популярных направлений в такой форме дополнительного образования, как репетиторство, чаще всего респонденты-подростки отмечали: «иностранный язык» (72%), «математику» (41%) и «русский язык, литературу» (17%); среди учащихся 3-х классов большинство также занимается «иностранным языком» (57%). С позиций потенциального спроса лидирующие позиции также занимают «спортивные занятия» (62% подростков и 42% третьеклассников) и «иностранные языки» (45% подростков и 51% третьеклассников).

«Спорт» и «иностранные языки» можно отнести к категории востребованных инструментальных ресурсов и значимых социальных маркеров. Они соотносятся с такими весомыми составляющими человеческого капитала, как «здоровье» и «общение», что создает спрос на них при формировании практически любых успешных профессиональных и социальных траекторий. Закономерным следствием является потребление услуг этих направлений не только детьми школьного возраста, но людьми всех возрастов в сегодняшнем развитом мире. В нашем случае (напомним, что ощутимой частью нашей выборки были десятиклассники) они дополняются занятиями по предметам, которые являются обязательными для ЕГЭ – «русский язык» и «математика».

К разряду востребованных для посещения с позиций и школьников, и родителей относятся творческие направления дополнительного образования. Для учащихся 3-х классов высоко востребованы в актуальном посещении «изобразительные искусства» (31%), «хореография и танцы» (31%) и «музыкальные занятия» (20%). Для подростков «хореография и танцы» и «музыкальные занятия» относятся к категории направлений, которые они активно посещали в прошлом (48% и 35% соответственно) и хотели бы посещать с позиций потенциального спроса (38% и 34% соответственно). Их особенность, на наш взгляд, состоит в сочетании столь значимых функций рекреации, общего развития и социализации. Выраженные задачи существенно отличают их от других направлений, связан-

ных с профориентационной деятельностью и способствующих успешному продвижению образовательной стратегии подростков. Они также предлагают сочетание развития социальных связей со сверстниками и родителями посредством совместного творчества и воплощения результатов участия детей в занятиях этих направлений в наглядных, «красочных» мероприятиях с присутствием родителей. Данные факторы стимулируют спрос на этот сегмент дополнительного образования и активизируют интерес к нему. Эти направления были востребованы школьниками всех возрастов, но наибольшим актуальным спросом они пользуются у более юных респондентов.

В выборе актуальных и предпочтительных мест занятий наиболее стабильны позиции общеобразовательных учреждений и репетиторов (среди школьников старших классов на них приходится 41% и 38% соответственно, среди учащихся начальных классов – 52% и 40% соответственно).

В отношении некоторых форм дополнительного образования более очевидны тренды динамики спроса: выбор родителей и учащихся характеризовался желанием по мере взросления ребенка посещать занятия в условиях более профессиональной атмосферы и более развитой инфраструктуры. Так, занятия в учреждениях дополнительного образования (музыкальных школах, центрах детского творчества, станциях юных техников и т.д.) в целом являются востребованной формой. Но при этом вполне очевидна зависимость обращения к учреждениям дополнительного образования от возраста ребенка: актуальное посещение своими детьми отметили 56% родителей учеников 3 класса, 40% родителей семиклассников и только 18% родителей десятиклассников. Они занимают лидирующие позиции и среди типов учреждений, которые подростки посещали в прошлом (41% учеников) и которые хотели бы посещать (57% родителей и школьников).

Показательна позиция вузов и просветительских центров/музеев. Так, например, актуальное посещение своими детьми дополнительных занятий в вузах отметил 1% родителей учеников 3 класса, 5% родителей семиклассников и 11% родителей десятиклассников. Их весомые позиции в потенциальном спросе подростков (27% и 28% соответственно) при низких в актуальном посещении (12% и 9% соответственно) свидетельствуют о трактовке их как институтов, характеризующихся специализированным окружением, о желании включиться в них, когда образовательные и профессиональные траектории становятся более четкими.

Естественная концентрация более старших школьников (десятиклассников) на образовательных достижениях способствует их постепенному оттоку из рекреационных и общеразвивающих направлений, в основном сосредоточенных в учреждениях дополнительного образования. Отсутствие системы формального учета достижений детей в рамках внешкольного образования также стимулирует отказ от занятий в учреждениях дополнительного образования и потенциальной ориентации на вузы. Таким образом, именно учреждения дополнительного образования (из всех форм дополнительного образования) подвержены наибольшему риску, с точки зрения убывания контингента старшеклассников. Дополнительным стимулом к этому может служить разворачивание несомненно важных и востребованных государственных программ по развитию дополнительного образования при вузах.

Хотелось бы отметить некоторые тренды сходства и расхождения в представлениях подростков и их родителей о дополнительном образовании как части образовательных и начальных профессиональных траекторий. Родители в своих потенциальных предпочтениях дополнительного образования были более прагматичны, чаще выбирая школьные предметы как направление и образовательные учреждения как место для занятий. Так, например, 24% родителей хотели бы, чтобы из дети посещали занятия по «точным наукам» и 39% родителей выбрали бы «школу» как место занятий, в то время как только 11% и 22% подростков соответственно выразили аналогичное желание.

Факторы, определяющие формирование спроса на дополнительное образование детей

Спрос на дополнительное образование детей очень часто ситуативен, контекстуален. Нередко он складывается под воздействием сложного сочетания факторов и причин и выражается в трудно фиксируемом наборе мнений, желаний, установок субъектов образовательного процесса [6]. В исследовании данного вопроса мы исходили из учета двух категорий факторов, влияющих, на наш взгляд, на формирование спроса на дополнительное образование детей школьного возраста: ресурсов учреждений и педагогических кадров (их территориальная и стоимостная доступность, материально-техническое оснащение, программы обучения) и ресурсов семей (социальный и культурный капитал родителей и самого ребенка).

Что касается ресурсов и характеристик учреждений, то согласно данным опроса («Что для Вас наиболее важно при выборе дополнительных занятий (для ребенка)?»), для 67% учащихся и 71% родителей определяющим фактором при выборе дополнительного образования является наличие интересующих занятий и направлений. При этом родители существенно чаще обращают внимание на территориальную доступность места проведения занятий: расположение организаций ДО (или место проживания/работы репетитора) близко к дому или школе важно для 74% опрошенных родителей и только для 47% учащихся, выбравших данный пункт. На третьем месте в рейтинге значимых факторов выбора дополнительных занятий – профессионализм и квалификация педагогов (так ответили 71% родителей и 58% учащихся), при этом решающее значение данный показатель чаще имеет для родителей с более высоким уровнем образования (среди имеющих высшее образование – 75%, среди родителей со средним образованием и ниже – 47%). Необходимо также отметить, что родители с высоким уровнем образования чаще учитывают интересы ребенка при выборе занятий (73% по сравнению с 64% родителей со среднем специальным образованием и средним общим образованием).

На доступную оплату обучения или наличие бесплатных занятий ориентируется чуть более половины родителей (54%). При этом для семей с доходами ниже средних практически в 2 раза чаще оказывается важен данный показатель (так отметили 71% в этой группе по сравнению с 37% семей с высокими доходами).

Как и учащиеся, так родители при выборе дополнительных занятий менее всего учитывают состояние материально-технической базы учреждения (26% опрошенных родителей и 30% учащихся), оригинальность методики и программы обучения (24% родителей), простоту процедуры зачисления на занятия без необходимости прохождения конкурса (18% родителей и 14% учащихся).

Наряду с учетом характеристик территориальной, финансовой и «педагогической» (профессионализм и квалификация педагогических кадров) выбор дополнительных занятий может определяться возможностью получения своеобразных образовательных, культурных и социальных «дивидендов» от обучения. Так, 66% опрошенных учащихся отметили, что для них важно приобретение новых знаний и навыков (42% опрошенных родителей поддержали данное мнение), при этом формальное подтверждение образовательных достижений в виде победы на олимпиаде или конкурсе в случае с дополнительными образовательными занятиями оказывается не столь важным (данный пункт отметили 20% родителей). Социальная сторона получения дополнительного образования в виде возможность общения с другими учащимися имеет решающее значение только для трети школьников (32%) (перечень предложенных альтернатив не совпадает полностью у учащихся и родителей).

В силу необязательности, комплементарности дополнительного образования его получение часто связывают с досуговой, эмоциональной составляющей. Более половины родителей (57%) хотят, чтобы ребенок чувствовал удовлетворение и радость от посещения занятий. Дополнительное образование для детей школьного возраста именно в этом аспекте составляет отличительную часть и конкуренцию школьным образовательным институтам. Его особенной чертой зачастую считается возможность освоения неформализованного пространства, присутствие элементов развлечения и отдых от школьной рутины.

В связи с этим значимым фактором выступает личность педагога, к которому предъявляются достаточно серьезные требования. С одной стороны, по заявлениям родителей, педагоги должны заинтересовывать ребенка и обеспечивать желание ходить на занятия (45% родителей, 65% учащихся), но при этом и создавать психологически комфортную атмосферу во взаимоотношениях между учащимися и самим педагогом (43% родителей).

В целом опрошенные родители продемонстрировали позитивное отношение к системе дополнительного образования, о чем свидетельствует высокая степень согласия с суждениями, положительно характеризующими ее, и несогласия с отрицательными суждениями. Подавляющее большинство родителей признает роль дополнительного образования в реализации интересов и увлечений ребенка. Помимо этого, посещение дополнительных занятий способствует развитию коммуникабельности и умения общаться, в чем проявляется социализирующая функция дополнительного образования (с утверждением в сумме согласились 90% опрошенных родителей).

Неоднозначную реакцию вызвало суждение, касающееся компенсирующей функции дополнительного образования. Почти 50% опрошенных родителей согласны с тем, что *«дополнительные занятия в основном восполняют пробелы в школьном образовании детей»*; при этом столько же респондентов выразило несогласие с

данным утверждением. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что сообщество родителей сегрегировано исходя из понимания задач дополнительного образования: как компенсирующего недостатки школьного обучения или как комплементарного, расширенного образования, не связанного с обязательной программой в школе. В первом случае возможна более выраженная ориентация на обращение к репетиторам, чаще всего оказывающим помощь по предметам школьной программы, во втором – к педагогам организаций дополнительного образования, которые ведут подготовку по соответствующим направлениям (танцы, музыка и т.д.). Данная гипотеза получила подтверждение при анализе степени согласия с утверждением «Дополнительные занятия в основном компенсируют недостатки школьного образования» и выбора типа учреждения, которое посещает учащийся. Среди родителей детей, которые посещают учреждения дополнительного образования (музыкальные школы, центры, дома творчества и т.д.) в настоящее время, существенно большая доля не согласившихся с компенсирующим определением ДО (56%). Среди родителей, чьи дети в настоящее время занимаются с репетиторами, преобладает доля согласных с тем, что за счет дополнительных занятия ликвидируются пробелы и недостатки школьного образования (55% согласившихся против 40% среди родителей детей, не получающих услуги репетиторов).

Обращает на себя внимание и тот факт, что уровень образования родителей сказывается на актуальном спросе на дополнительные занятия в целом и на обращении к услугам репетиторов в частности. Среди детей, указавших уровень образования родителей как «высшее профессиональное и выше», 89% посещают дополнительные занятия и 55% пользуются услугами репетитора. Среди детей, чьи родители имеют среднее специальное или неоконченное высшее образование, 64% посещают дополнительные занятия и 44% занимаются у репетиторов. И только 50% детей с родителями, имеющими «среднее общее образование и ниже», актуально включены в дополнительное образование и 27% занимаются с репетитором. Помимо этого уровень образования сказывается на старте образовательного пути детей. Среди родителей с высшим образованием почти в три раза больше тех, кто отдал своих детей на дополнительные занятия, когда тем было от 2 до 3 лет (20%). Среди семей со «средним общим образованием и ниже» таких всего 6%. Соответственно в семьях, где у родителей сравнительно невысокий уровень образования, дети позже начинают посещать дополнительные занятия (в возрасте от 7 до 10 лет – 47% по сравнению с 21% учащихся, чьи родители имеют высшее образование). Можно предположить, что в представлениях родителей с более высоким уровнем образования приоритетно раннее развитие ребенка.

Помимо этого спрос на такую форму дополнительного образования, как репетиторство, складывается исходя из финансово-материальных возможностей конкретной семьи. Так, в группе семей с доходами выше средних («могут позволить себе покупку автомобиля») дети почти в два раза чаще пользуются услугами репетиторов по сравнению с детьми из семей, чьи доходы ниже средних (64% против 38%).

Проблематизация аспектов социального неравенства в секторе дополнительного образования

Формирование и развитие сектора дополнительного образования в России во многом является отражением процессов, протекающих в обществе и институте общего образования. Реализация задач повышения доступности образовательных услуг для всех категорий детей сочетается здесь с особенно высокими требованиями к кадровым и прочим ресурсам учреждений, призванным обеспечить индивидуальность и привлекательность процесса и результата работы и учебы.

Исследование свидетельствует, что дополнительное образование одновременно является источником востребованных инструментальных ресурсов для детей школьного возраста и выступает маркером социальных различий. Объединение его с терминальными ценностями эмоционального и физического здоровья соседствует с одновременным пониманием как источника различных образовательных успехов. Разные категории семей вариативны в определении понимания роли и задач дополнительного образования и ведущих факторов выбора его направлений и форм. Закономерным является, что для семей с более низкими показателями материальной состоятельности более значимыми оказываются государственные программы, обеспечивающие доступность дополнительного образования (бесплатность занятий в бюджетных учреждениях дополнительного и среднего общего образования). Для семей с высокими показателями социального и культурного капитала наиболее востребованными становятся те возможности, направления и задачи дополнительного образования, которые связаны с поддержанием их образовательных стратегий, рассчитанных на высокую включенность в непрерывное образование и статусный характер его потребления (для них более типично обращение к услугам репетиторов).

Одновременное присутствие на рынке дополнительного образования взаимопересекающихся интересов государства, среднего общего образования, социальных групп и конечных потребителей образовательных услуг – родителей и детей делает этот сегмент весьма вариативным как с точки зрения предложения направлений и форм, так и с позиций спроса на них. В данном случае государство и общество имеют возможность сочетать свои усилия по развитию всех составляющих, каждый посредством своих ресурсов.

Примечания

1. Госзадание Департамента образования г. Москвы «Доступность различных форм и направлений дополнительного образования в г. Москве с точки зрения основных участников образовательного процесса».

Список литературы

1. Федеральная целевая программа «Развитие дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3825 (дата обращения 02.11.2014).

2. Паспорт Государственной программы города Москвы на среднесрочный период (2012–2018 гг.) «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)» от 22 апреля 2014 г. № 206-ПП [Электронный ресурс]. – URL: http://dogm.mos.ru/gosprogramma/ (дата обращения 01.11.2014).

3. Соотношение числа детей, получающих дополнительное образование к числу детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37471&referrerType=0&referrerId=946979 (дата обращения 01.11.2014).

4. Дополнительное образование. Федеральный информационно-методический портал [Электронный ресурс]. – URL: http://dopedu.ru/rss (дата обращения 01.11.2014).

5. Московский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Мосгорстат, 2011. 224 с.

6. Лаврухина Е.А. Социальный заказ и спрос в образовании [Электронный ресурс]. – URL: http//:education.recom.ru/ (дата обращения 01.11.2014).

FACTORS DETERMINING THE DEMAND FOR DIFFERENT AREAS AND FORMS OF ADDITIONAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN IN MOSCOW

E.M. Kolesnikova, O.A. Gurkina

Moscow State University of Psychology and Education

The paper presents the results of research into the sector of additional education of schoolchildren in Moscow realized by the Laboratory for monitoring studies of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE) in March and August 2014. The main focus is on the current state of demand for various forms and areas of training in additional education of children and on the analysis of the factors that contribute to its formation. The research is empirically based on a survey of school students of the 7th and 10th grades of Moscow schools and their parents and of parents of the 3rd grade schoolchildren. The results show that the additional education is in high demand, but some of its segments suffer from outflow of students due to the reorientation of senior grade pupils to subject-focused preparation (to additional lessons with tutors or in universities). Besides, the demand for additional education is influenced by the educational background of parents, as well as financial well-being of families.

Keywords: additional education of children, sociological survey, demand for additional education, factors of demand for educational services.

УДК 316:172.12

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМ

© 2015 г.

О.А. Безрукова

Запорожский национальный технический университет, Украина

bezrukova_olga@inbox.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Анализируются различные аспекты проявления ответственности общества за сохранение окружающей среды и обеспечение будущим поколениям условий для достойного существования. Затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с восприятием времени, с контролем поведения человека, с трансляцией ответственности между поколениями. Делается попытка представить эмпирические замеры этики ответственности перед будущим жителей г. Запорожья (Украина, 2013 г.).

Ключевые слова: ответственность, безответственность, социальная ответственность, моральная ответственность, этика, поколения.

Социальная ответственность может быть дифференцирована по отношению к различным объектам ответственности в зависимости от сферы деятельности человека и уровня социальности. Так, ответственность человека за положение дел в стране может быть обозначена как социетальная ответственность; можно также выделить ответственность за свою семью, близких, за свою работу, за свое здоровье и т.д.

Исследование социальной природы, закономерностей, свойств такого важного ресурса морального сознания общества, как ответственность, является актуальной, насущной задачей современной науки.

Профессиональное изучение состояния социальной ответственности, ее форм, факторов и тенденций – важная задача социологии. Результаты такого изучения помогут реально оценить моральный потенциал общества. Однако в социологии проблематика ответственности изучается крайне редко.

Хотя, по обыкновению, ответственность изучается в рамках этики, философии или психологии, социологическое ее измерение тоже возможно и даже необходимо. Задачей современной науки является расширение границ изучения ответственности в существующей социологической традиции с привлечением методов эмпирического исследования.

Цель данной статьи – эмпирически исследовать отдельные проявления ответственности городских жителей перед будущим.

Степень научной разработанности темы. Проблемы ответственности чаще всего рассматриваются в категориях этики, морали. Изданы переводы иностранных авторов по этой тематике (Э. Левинас [1], Г. Йонас [2]). Наиболее широко проблематика ответственности рассматривается в философии (например, в работах А. Ермоленко [3]). В социологической науке категория «ответственность» активно используется при характеристике особенностей современного общества у зарубежных авторов (З. Бауман [4], К. Мангейм [5] и др.). Среди российских авторов следует отметить К. Муздыбаева [6], в Украине эту проблематику разрабатывают Е.И. Головаха [7; 8] А.О. Ручка [9], В. Степаненко [10]. В социологической науке по проблеме ответственности чаще всего выходят работы небольшого формата – статьи, авторефераты диссертаций. Например, в последние годы в Украине вышли работы Е. Плаховой, И. Рябец; в России – работы В.П. Козырькова [11], Л.Ю. Пушиной, П. Полосина.

В социологическом мониторинге, проводимом Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. и до сегодняшнего дня, прямых вопросов, направленных на измерение уровня ответственности граждан, нет. Возможно, в силу того, что трудно представить себе человека, который прямо заявит об отсутствии у себя ответственности или о ее низком уровне, современные украинские социологи используют косвенные вопросы, включая их в проблематику изучения жизненного мира человека, оперируя категориями «интернальность», «экстернальность» [12].

Метод исследования. Нами было проведено эмпирическое исследование различных аспектов социальной ответственности граждан в

г. Запорожье – крупном индустриальном центре Украины – в сентябре–октябре 2013 г. по репрезентативной для взрослого населения выборке (районированной, пропорциональной). Исследование проводилось методом анкетирования, поскольку при исследовании моральной сферы, к которой относится и ответственность, при использовании этого метода респонденты более открыто отвечают на вопросы. Это помогло сократить количество отказов от участия в исследовании, повысило репрезентативность его результатов. Опрошено 700 человек, которые представляют мнение рабочих, служащих, работников сферы обслуживания, врачей, учителей, учащейся молодежи, пенсионеров и неработающей части жителей города. Респондентами стали жители г. Запорожья всех основных возрастных категорий, с различным уровнем образования и материального положения.

Ответственность – социальное качество, так как оно не бывает без ситуации взаимодействия, взаимозависимости. Главным субъектом ответственности является человек, который зачастую переносит свое представление об ответственности на окружающих, на те социальные группы, в которые он входит, на общество в целом. Ответственность – состояние, свойство групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внутренних и внешних факторов, связанных с социально-экономической и социально-культурной трансформацией социальных связей, социальной и природной среды, а также смены системы ценностных ориентаций, брать на себя обязательство по сохранению условий жизнедеятельности социального и природного окружения. В рамках такой структурной модели ответственность может пониматься как способ взаимосвязи индивида и социальной среды, при которой деятельность индивида является условием сохранения жизнеспособности социальной и природной среды обитания. При этом закрепляются личностные, социальные, культурные связи между членами групп и преодолевается их разобщенность.

В распространенных словарных определениях ответственности заложен социальный подтекст этого качества человека: «Ответственность – положенное на кого-нибудь или взятое кем-нибудь обязательство отчитываться в каких-нибудь своих действиях и принять на себя вину за возможные их следствия» [13, стб. 1271]. Эта дефиниция подразумевает наличие определенной инстанции, перед которой человек «отчитывается в свои действиях» и перед которой ощущает себя виновным, если действие нанесло вред. Этой инстанцией может быть анонимное или конкретное сообщество или лицо, которое является референтным для человека, взявшего на себя ответственность.

Этика ответственности перед будущим является одной из ключевых для современного человека перед лицом грядущих экологических катастроф, хотя в данном случае сразу возникает вопрос об инстанции ответственности, требующей ответа. Обратимся к результатам нашего социологического исследования. *Подавляющее большинство людей, по крайне мере на словах, в принципе согласно, что «нынешнее поколение людей должно проявить ответственность перед будущими поколениями».* Согласных и полностью согласных с этим утверждением – 93.7%. Но все-таки небольшая дифференциация в ответе на этот вопрос есть: люди либо полностью соглашаются, либо соглашаются с некоторыми оговорками. Эта позиция отражается в варианте ответа «скорее согласен». Такое небольшое отклонение от категорического согласия на самом деле имеет подоплеку в разнице на ментальном уровне и в габитусе. Даже небольшое сомнение в этике ответственности перед будущим детерминировано довольно сильными различиями в характере общей ответственности человека.

Обратимся к более детальным эмпирическим данным. Рассмотрим ментальные различия людей, полностью согласных с этикой ответственности перед будущим (таких в выборке 50.8%), и согласных с некоторыми оговорками, «скорее согласных» (таких в выборке 42.9%). Есть и несогласные, хотя их и немного. «Скорее несогласных» – 4%, а «полностью несогласных» – всего 1.8%.

Среди тех, кто полностью согласен с утверждением, что «*нынешнее поколение людей должно проявить ответственность перед будущими поколениями*», индекс ответственности за положение дел в стране (или социетальной ответственности) составляет 8.2 пункта; среди тех, кто «скорее согласен» с данным мнением – индекс ответственности составляет 3 пункта. А у тех, кто «скорее не согласен» с тезисом об ответственности перед будущим, ответственность крайне низка, и составляет минус 39 пунктов.

Если привести данные в процентах, то среди полностью согласных с тезисом об ответственности перед будущим 35.1% социетально безответственных. Это меньше, чем в среднем по выборке. В среднем по выборке доля неготовых быть ответственными за положение дел в стране (в нашей терминологии «социетально

безответственных») составляет 40.1%. Среди тех, кто «скорее не согласен», доля социетально безответственных составляет 42.3%, т.е. больше, чем в среднем по выборке. Среди несогласных с тезисом об ответственности перед будущим социетально безответственных подавляющее большинство – 71%. Таким образом, ответственность перед будущим у человека теснейшим образом связана с общей социетальной ответственностью.

Рассмотрим, как зависит степень ответственности перед будущим от мнения людей по вопросу о степени ответственности государства перед гражданами или от социальной легитимности власти. По данным исследования, существует отрицательная корреляция между социальной легитимностью власти и мерой ответственности людей за будущее. Иными словами, чем меньше люди убеждены в ответственности государства перед гражданами, тем в большей мере они чувствуют свою ответственность перед будущим. То есть *перед лицом социальной безответственности властей люди считают необходимым взять ответственность перед будущим на себя,* иными словами ответственность ложится на гражданское общество. Если среди полностью согласных с тезисом об ответственности перед будущим 51% считает, что государство в целом безответственно перед гражданами, то среди «не в полной мере согласных» быть ответственными перед будущим таких меньше (44%).

Чтобы учесть данные по всей шкале, вычислим индекс оценки социальной легитимности властей. Этот индекс рассчитывается как сумма процентов лиц, выбравших вариант «полностью согласен» на вопрос «В какой мере государство ответственно перед своими гражданами?», с половиной процентов выбравших вариант ответа «В какой-то мере ответственное» минус процент выбравших вариант ответа «В целом безответственное». Чем выше индекс, тем выше социальная легитимность власти. Отрицательный показатель индекса свидетельствует о низкой социальной легитимности. В среднем по выборке индекс социальной легитимности власти составляет минус 13.6. Среди «ответственных» перед будущим индекс социальной легитимности власти составляет минус 17.4, то есть значительно ниже средней величины. Среди «не в полной мере» ответственных перед будущим индекс социальной легитимности власти выше среднего и составляет минус 7.7, что почти в два раз выше, чем у «полностью ответственных» перед будущим.

Эти данные подтверждают эмпирически тезис о том, что *чем больше люди чувствуют ответственность перед будущим, тем в большей мере они готовы компенсировать низкую легитимность власти. Если люди не верят или не доверяют власти, это побуждает их в большей мере опасаться за будущее и по возможности, хотя бы на уровне сознания, брать ответственность на себя.*

Согласие в общем виде с тезисом о необходимости быть ответственным за будущее еще не означает, что люди готовы приложить какие-либо ощутимые усилия для реализации этого тезиса. Большинство людей не готово поступиться определенными благами для реализации принципа ответственности перед будущим. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос нашего исследования «Готовы ли Вы к выполнению жестких экологических стандартов, даже если это повлечет за собой ухудшение некоторых жизненных условий (увеличение налогов, подорожание продуктов питания, повышение цен на товары первой необходимости, отказ от услуг экологически вредных видов транспорта?». Так, всего 29% респондентов готовы «к выполнению жестких экологических стандартов, даже если это повлечет за собой увеличение налогов». Правда среди лиц с высшим образованием положительные ответы дали 38% респондентов. И по другим аналогичным вопросам *люди с более высоким уровнем образования демонстрировали более высокий уровень деятельностной ответственности*. «К выполнению жестких экологических стандартов, даже если это повлечет за собой подорожание продуктов питания» готовы 18% респондентов, среди лиц с высшим образованием таких оказалось 24%, а среди студентов и того больше – 33%. Меньше всего люди готовы отказаться от товаров первой необходимости ради сохранения среды обитания для будущих поколений: положительно ответили на вопрос «Готовы ли Вы к выполнению жестких экологических стандартов, даже если это повлечет за собой повышение цен на товары первой необходимости?» всего 16% респондентов. Самый высокий процент положительных ответов был дан на вопрос, связанный с ограничением использования экологически вредных транспортных средств (66%).

Эти данные красноречиво говорят о том, что *абстрактное положение об ответственности перед будущим наполняется более конкретным содержанием, если речь идет о реальных действиях по охране природной среды, имеющих положительное влияние и на нынешнее поколе-*

ние, но при этом действия не ущемляют существенно достигнутый уровень благосостояния и комфорта. Иными словами, ответственность перед будущим должна сочетаться с реальными возможностями сегодняшнего поколения и с пользой, которую такая ответственность ему приносит.

Важно также мнение людей о распределении ответственности за заботу об окружающей среде. Половина опрошенных полагает, что это дело «каждого гражданина государства». Остальные ответы на вопрос «Как Вы считаете, чьей обязанностью должна быть в первую очередь забота об охране окружающей среды?» распределились следующем образом: «правительства» – 38%, «органов местной власти» – 35%, «производственных предприятий» – 20%, «общественных организаций» – 5%. Именно в ответах на этот вопрос отражается *понимание людей, что только общая воля граждан способна реально повлиять на субъектов, принимающих решение принимать меры по сохранению среды обитания, нужной как для нынешнего, так и для будущего поколения.*

Люди понимают, что будущее связано с серьезными проблемами и последующим поколениям придется решать сложные задачи по сохранению своей жизнеспособности. Так, на вопрос «Как Вы считаете, что принесет человечеству XXI век и третье тысячелетие?» получены довольно пессимистические ответы. По мнению почти половины (46%) респондентов, третье тысячелетие принесет «новые кризисы и проблемы». «Грядущие экологические катастрофы» ожидает 21% респондентов. Столько же (20%) считают, что произойдут новые «социальные и природные катаклизмы». Лишь 8% связывает с третьим тысячелетием «мир и благополучие». Четвертая часть респондентов (26%) полагает, что в третьем тысячелетии возникнут «новые формы взаимодействия человека, общества и природы», которые могут помочь решить возникающие экологические проблемы.

Подавляющее число респондентов оптимистически настроено в отношении возможности решать возникающие экологические проблемы. 75.8% опрошенных выбрали утвердительный вариант ответа на вопрос «Можно ли что-то сделать для сохранения условий для жизни будущих поколений?». И лишь относительно немногие оказались полными пессимистами: 13% респондентов выбрало вариант ответа «Человечество бессильно в своих усилиях по сохранению условий для жизни будущих поколений». Еще меньше людей полагает возможным полностью переложить на будущее поколение решение их проблем. Так можно интерпретировать мнение 10.3% респондентов, что «будущие поколения сами разберутся».

Рассмотрим далее, как соотносится ответственность перед будущим с иными видами и уровнями ответственности, а именно с личной и корпоративной ответственностью. Для этого проанализируем ответы на вопрос «Перед кем вы себя считаете ответственным в своей работе?»; варианты ответов: «перед собой», «перед своим товарищами», «перед начальником», «перед государством», «перед своей профессией», «перед богом». Каждый из этих вариантов отражает инстанцию ответственности и соответственно ее вид – личную, корпоративную, административную, этатистскую, профессиональную и религиозную.

Рассчитаем индекс ответственности перед будущим (ИОБ), чтобы учесть данные по всей шкале. Индекс рассчитывается как сумма процентов отметивших пункт «Полностью согласен» с мнением быть ответственным перед будущим, плюс половина процентов ответов с пунктом «Скорее согласен», минус половина процентов ответов с пунктом «Скорее не согласен» и минус проценты пункта «Полностью не согласен».

Индекс ответственности перед будущим у тех, кто ориентирован на:

– *личную* ответственность – 72.2 (полностью согласных – 56.3% и скорее согласных – 38.9%);

– *корпоративную* ответственность перед своими товарищами по работе – 66.8% (полностью согласных – 45.3%, скорее согласных – 48.8%);

– *административную* ответственность перед начальником – 70.8% (полностью согласных 57.1%, скорее согласных 35.7%);

– *этатистскую* ответственность перед государством – 55.3% (полностью согласных – 47.4%, скорее согласных – 36.8%);

– *профессиональную* ответственность перед своей профессией – 69.8% (полностью согласных – 45.8%, скорее согласных – 52.1%);

– *религиозную* ответственность перед богом – 78.8% (полностью согласных – 57.6%, скорее согласных – 42.4%).

Как видим, наиболее высокие показатели ответственности перед будущим демонстрируют люди, чьей инстанцией ответственности является Бог. Здесь в каком-то смысле подтверждается тезис М. Вебера о значимости религиозной ответственности для хозяйственной деятельности. В данном случае речь идет об ответственности перед будущим, которая прежде всего связана с экологической проблемати-

кой, с заботой о среде обитания, о климате, о природных ресурсах.

Второе место рейтинга ответственности перед будущим занимают люди, чьей инстанцией ответственности является сама личность. Ответственность перед собой, личная ответственность является важным фактором формирования ответственности перед будущим.

Третье место занимает *административная* ответственность перед начальником. Иерархическая подчиненность как источник ответственности отражает наличие определенных норм дисциплинированности, конформизма. Эти нормы приобщают личность к организационным формам социального взаимодействия. Как видим, организационная дисциплина формирует и более высокие уровни социальной ответственности – перед будущим.

Самые низкие показатели демонстрируют люди, обладающие *этатистским видом* ответственности перед государством. Здесь, на наш взгляд, проявляются особенности украинского общества с его низким уровнем социальной легитимности власти. Недоверие к власти, отчуждение от власти побуждает людей не возлагать особых надежд на государство в его способности и желании проявлять ответственность перед будущим. Поэтому *люди с высоким потенциалом социальной ответственности не считают необходимым быть ответственными перед государством.* Вот почему контингент этатистски ответственных лишен значительной доли людей с высоким уровнем ответственности перед будущим. Нельзя, конечно, сказать, что чем ниже доверие к власти, государству, тем выше ответственность перед будущим. Но то, что *существует более низкая зависимость ответственности перед будущим с ответственностью перед государством* по сравнению с личной, религиозной и организационно-корпоративной ответственностью, – очевидный факт.

Ответственность перед будущим у человека тем выше, чем выше его личная ответственность. Среди полностью согласных с необходимостью ответственности перед будущим 41.2% лиц с внутренним локусом контроля, который интерпретируется как показатель высокий личной ответственности; а среди тех, кто не полностью согласен с необходимостью ответственности перед будущим, доля лиц с внутренним локусом контроля ощутимо меньше – 33.5%. И наоборот, *чем меньше согласны респонденты с необходимостью ответственности перед будущим, тем выше среди них доля лиц с внешним локусом контроля, то есть ниже общий уровень личной ответственности.* Эти выводы подтверждаются результатами исследования: 7.9% у полностью согласных с ответственностью перед будущим, 9.5% у не полностью согласных с этим, 33% – у тех, кто не согласен с необходимостью быть ответственным перед будущим.

Наивысшая степень ответственности перед будущим у людей, которые считают, что только от самого человека, а не от каких-либо внешних обстоятельств зависит положение дел в его жизни.

Среди лиц с внутренним локусом контроля индекс ответственности перед будущим составляет 69.8, а среди лиц с внешним локусом контроля – 46.6. Эти данные эмпирически подтверждают положение, что *человек, в полной мере ответственный перед собой и контролирующий свою жизнь, в большей мере считает необходимым быть ответственным перед будущими поколениями, чем человек, который свою жизнь ставит в зависимость от внешних обстоятельств.*

Рассмотрим, как влияет состояние ответственности перед будущим от размера социального капитала. Для этого используем ответы на вопрос «В целом большинство людей доверяет или не доверяет друг другу?» (варианты ответа: «в целом доверяют», «в какой-то мере доверяют», «не доверяют»). Вопрос о взаимном доверии является индикатором общего состояния морального сознания сообщества, отражающего в каком-то смысле объем социального капитала. Чем больше люди доверяют друг другу, тем выше объем социального капитала. При изучении проблемы ответственности перед будущим *интересно выявить, в какой мере размер социального капитала влияет на состояние ответственности перед будущим.* Данные исследования подтверждают гипотезу, что *величина социального капитал влияет на состояние ответственности перед будущим.* Так, среди полностью согласных с ответственностью перед будущим респондентов 17.7% не доверяют друг другу, среди не полностью согласных с ответственностью перед будущим таких уже 19.6%. А среди несогласных с ответственностью перед будущим процент не доверяющих друг другу респондентов резко возрастает – 31%. В среднем по выборке респондентов, доверяющих друг к другу, 17.7%, в какой-то мере доверяющих – 63% и не доверяющих друг другу – 19.3%.

Чтобы учесть данные по всей шкале социального капитала, вычислим индекс социального капитала или индекс доверия. Индекс соци-

ального капитала вычисляется как сумма процентов лиц, доверяющих друг другу, плюс половина процентов тех, кто в какой-то мере доверяет, и минус процент тех, кто не доверяет друг другу. Общий индекс социального капитала в данном исследовании составляет 29.9 пунктов при максимальном показателе 100 пунктов.

Индекс социального капитала тех, кто полностью согласен с ответственностью перед будущим, составляет 32.1 пункта, то есть выше среднего показателя. Индекс социального капитала тех, кто не полностью согласен с ответственностью перед будущим составляет 29.8, то есть на уровне средних показателей и ниже, чем у полностью согласных с ответственностью перед будущим. Особенно низок социальный капитал у тех, кто не согласен с ответственностью перед будущим – 11.5 пункта, то есть почти в три раза меньше, чем у респондентов, согласных с ответственностью перед будущим.

Таким образам, *эмпирически подтвердилась гипотеза, что величина социального капитала прямо влияет на состояние ответственности перед будущим. Социальный капитал у ответственных перед будущим в три раза выше, чем у тех, кто отрицает необходимость быть ответственным перед будущим.*

Рассмотрим, в какой мере влияет религиозность человека на его ответственности перед будущим. Мы предположили, что *религиозные люди более ответственны перед будущим.* Эмпирические данные подтверждают эту гипотезу. Среди полностью согласных с ответственностью перед будущим 66.7% верующих в бога респондентов, среди не полностью согласных – 53.3%, а среди несогласных и того меньше – 38.9%.

Но здесь есть интересная и неожиданная особенность. *Неверующих в бога респондентов в два с половиной раза больше среди тех, кто не согласен с ответственностью перед будущим по сравнению с согласными с данным утверждением.* Это логично и ожидаемо. Но среди тех, кто не полностью согласен с ответственностью перед будущим, одинаковый процент не верующих в бога по сравнению с теми, кто полностью согласен с ответственностью перед будущим (соответственно 10.8% и 10%). Существенная разница обнаруживается в категории людей, которые затрудняются ответить на вопрос «Считаете ли вы себя верующим в бога человеком?». *Среди тех, кто согласен с ответственностью перед будущим, сомневающихся в своей религиозности значительно меньше, чем среди тех, кто не полностью согласен с ответственностью перед будущим* (соответственно 23.4% и 35.9% при среднем по выборке показателе сомневающихся в своей религиозности – 29.6%). Получается, что существует некая категория людей, которые по многим вопросам не могут четко определить свою позицию. Они колеблются в своем отношении к ответственности перед будущим и не могут определиться со своей религиозностью. Это некое сообщество людей без четких нравственных ориентиров. Нельзя сказать, что они лишены нравственных норм, они не разделяют их полностью, сомневаются в их ценности, не в состоянии четко стать на сторону добра или зла. Они боятся признаться в своем неверии в бога, но и не хотят слыть верующими. Но эта половинчатая позиция распространяется на весь круг нравственных норм человека, включая ответственность перед будущим. И здесь они не придерживаются четких позиций. Эта категория сомневающихся неодинакова в разных ситуациях нравственного выбора. В некоторых ситуациях категория людей с нечеткими позициями возрастает, а в некоторых уменьшается. По данным нашего исследования, диапазон людей с нечеткими позициями в отношении социальной ответственности по разным ситуациям колеблется от 25% до 40%.

Рассмотрим, как влияет на ответственность перед будущим материальное положение человека. Рассчитаем индекс ответственности перед будущим для групп респондентов с разным уровнем дохода. У респондентов, указавших, что «материальное положение хорошее», ИОБ равен 68 пунктам; у лиц, отметивших ответ «в целом на жизнь хватает», ИОБ равен 67; у тех, кому «хватает лишь на самое необходимое», ИОБ равен 67.4 пункта;, у лиц, кому «не хватает и на самое необходимое», ИОБ равен 60.4 пункта. Как видим, *только самые бедные отличаются своим относительно низким уровнем ответственности перед будущим.* То есть забота о хлебе насущном, борьба за выживание не оставляют человеку душевных сил заботиться о будущем. *Все остальные категории респондентов, отличающиеся по материальному положению, имеют практически одинаковый уровень ответственности перед будущим.* Однако здесь есть небольшой нюанс. Доля лиц, полностью согласных с ответственность перед будущим, ниже среднего уровня не только у самых бедных (41.2%), но и у самых богатых (47.4%), при среднем показателе 51.1%. Наибольший уровень по этому пункту имеют лица, которые отметили, что им «хватает лишь на самое необходимое» (53.5%). Можно пред-

Таблица 1

Зависимость ответственности перед будущим от уровня образования (сентябрь–октябрь 2013 г., N = 700, в % от числа опрошенных данной категории по строке – верхний ряд, от числа опрошенных данной категории по столбцу – нижний ряд)

В какой мере вы согласны с утверждением, что нынешнее поколение должно проявлять ответственность перед будущими поколениями	Ваше образование					Итого
	общее среднее	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее	ученая степень	
полностью согласен	14.7%	18.6%	14.7%	48.5%	3.5%	100.0%
	54.8%	50.6%	43.0%	52.3%	72.7%	51.2%
скорее согласен	12.9%	18.6%	20.6%	46.4%	1.5%	100.0%
	40.3%	42.4%	50.6%	42.1%	27.3%	43.0%
скорее не согласен	11.1%	22.2%	16.7%	50.0%	.0%	100.0%
	3.2%	4.7%	3.8%	4.2%	.0%	4.0%
полностью не согласен	12.5%	25.0%	25.0%	37.5%	.0%	100.0%
	1.6%	2.4%	2.5%	1.4%	.0%	1.8%
Итого	13.7%	18.8%	17.5%	47.5%	2.4%	100.0%
	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%

положить, что *богатые более эгоистичны, чем люди с относительно низким достатком, но не совсем уж бедные. Если слишком бедным людям не до заботы о будущем, то у богатых эгоизм препятствует формированию ответственности перед будущим в полной мере.* Они лишь согласны частично уделить свое внимание будущему, не пренебрегают им полностью. Благодаря высоким средним показателям интегральный индекс ответственности перед будущим богатых равен по величине индексам других, но не самых бедных групп населения.

Рассмотрим, как влияет на ответственность перед будущим уровень образования человека. Рассчитаем индекс ответственности перед будущим для групп респондентов с разным уровнем образования. Для респондентов с общим средним образованием ИОБ равен 71.8, что выше среднего показателя, который составляет 68.9 пункта. ИОБ для лиц со средним специальным образованием равен 67.1; для лиц с незаконченным высшим образованием – 63.9; для лиц с высшим образованием – 69.9, для лиц с ученой степенью – 86.4.

Самые высокие доли полностью согласных с необходимостью быть ответственными перед будущим у лиц с ученой степенью – 72.75% и со средним образованием – 54.8%. Далее идут лица с высшим образованием – 52.3%. Данные свидетельствуют, что образование влияет на отношение к будущему, если это образование значительно выше среднего показателя (табл. 1). То, что ИОБ у лиц со средним образованием выше, чем у лиц с более высоким уровнем образования (кроме ученой степени), говорит, что существует некая скрытая переменная, скорее всего связанная с возрастом, которая обусловливает парадоксальное положение, что по формальным показателям образование не влияет на отношение к будущему.

Результаты исследования показали, что у мужчин ИОБ равен 65.3, а у женщин он значительно выше – 73.7. Доля полностью согласных с необходимостью быть ответственными перед будущим у мужчин 47.8%, у женщин – 53.8%. Таким образом, на основе эмпирических показателей конкретного исследования можно утверждать, что *ответственность перед будущим у женщин заметно (примерно на 15%) выше, чем у мужчин.*

Также данные красноречиво свидетельствуют о том, что род занятий фактически не влияет на оценку респондентами ответственности перед будущим. Так, с утверждением, что нынешнее поколение должно проявлять ответственность перед будущими поколениями, полностью согласны не менее 40% респондентов – таков показатель у работников сферы торговли и обслуживания. Наибольший показатель (67.9%) у представителей инженерных специальностей. Полностью согласных и скорее согласных – подавляющее большинство респондентов всех категорий (табл. 2). Полное несогласие выразили лишь неработающие респонденты (чуть более 10%) и работники сферы услуг (15%), но в целом по выборке таких респондентов меньшинство.

Таблица 2

Зависимость ответственности перед будущим от рода занятий (сентябрь–октябрь 2013 г., N = 700, в % от числа опрошенных данной категории по столбцу)

В какой мере Вы согласны с утверждением, что нынешнее поколение должно проявлять ответственность перед будущими поколениями	Род занятий									Итого
	рабочий	служащий	инженер	специалист-гуманитарий (врач, учитель и др.)	бизнесмен, предприниматель	работник сферы торговли и обслуживания	учащийся	пенсионер	не работаю	
полностью согласен	45.1%	53.8%	67.9%	50.0%	58.1%	40.0%	57.6%	47.4%	42.1%	51.1%
скорее согласен	46.5%	43.1%	28.6%	47.2%	35.5%	40.0%	33.3%	50.0%	42.1%	43.1%
скорее не согласен	7.0%	3.1%	3.6%	.0%	3.2%	5.0%	9.1%	2.6%	5.3%	4.0%
полностью не согласен	1.4%	.0%	.0%	2.8%	3.2%	15.0%	.0%	.0%	10.5%	1.8%
Итого	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%	100.0%
ИОБ	63.4	73.8	80.4	70.8	56.6	42.5	69.7	71.1	50.4	100.0%

Итак, ответственность становится одним из наиболее актуальных моральных качеств, которые общество требует от своих граждан. Но безответственность, будто вирус, заражает сообщество, грозя целостности социального организма и его самосохранению. Острая заинтересованность ученых в состоянии ответственности в разных сферах и институтах общества порождает ряд исследований этого качества. Рассмотрение ответственности/безответственности в социологическом дискурсе позволяет раскрыть дополнительные аспекты этого качества человека и общества.

Таким образом, проблематика ответственности затрагивает широкий аспект вопросов, связанных с восприятием времени, с контролем поведения человека, с механизмами межпоколенной трансляции ответственности, с ответственностью поколения за принимаемые коллективные решения и за судьбу страны. Необходимо исследовать ответственность с точки зрения существующей теории и практики социологической науки с целью изучения каналов ее трансляции, основных механизмов ее формирования у молодого поколения. Рассмотрение ответственности/безответственности в социологическом аспекте позволяет раскрыть дополнительные стороны этого качества человека и общества. Данные эмпирического исследования убедительно демонстрируют, что разные уровни ответственности связаны между собой. Однако нами выявлены зоны относительной автономии, в которых ответственность может быть и минимальной, и довольно высокой. Такой зоной является прежде всего семья.

Важно изучать представление населения о правах и ответственности человека, чтобы эмпирическим путем выявить распределение разных видов ответственности, распространенных в сообществе. В ходе исследования нами было установлено, что представители разных поколений различаются своими оценками социальной ответственности по причине разности в жизненном опыте и разности общественно-экономического устройства страны в периоды их активной социализации.

При рассмотрении зависимости степени ответственности перед будущим от мнения людей относительно вопроса о степени ответственности государства перед гражданами была выявленная отрицательная корреляция между социальной легитимностью власти и мерой ответственности людей за будущее. Чем меньше люди убеждены в ответственности государства перед гражданами, тем в большей мере они ощущают свою ответственность перед будущим.

Эмпирически был подтвержден и тезис, что чем больше люди ощущают ответственность перед будущим, тем в большей мере они готовы компенсировать низкую легитимность власти. Если люди не доверяют власти, то это побуждает их в большей мере опасаться за будущее и по мере возможности, хотя бы на уровне сознания, брать ответственность на себя. Укажем также, что большинство людей не готово отказаться от определенных

благ для реализации принципа ответственности перед будущим.

Недоверие к власти побуждает людей не возлагать особых надежд на государство в его способности и желании проявлять ответственность перед будущим, поэтому люди с высоким потенциалом социальной ответственности не считают необходимым быть ответственными перед государством.

Было зафиксировано, что ответственность перед будущим у человека тем выше, чем выше его личная ответственность. Эмпирически был подтвержден тезис, что человек, который в полной мере ответствен перед собой и контролирует свою жизнь, в большей мере считает необходимым быть ответственным перед будущими поколениями, чем человек, который свою жизнь ставит в зависимость от внешних обстоятельств.

Список литературы

1. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 403 с.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Абрис-пресс, 2004. 480 с.
3. Ермоленко А. Этика ответственности и социальное бытие человека (современная немецкая философия). К.: Наукова думка, 1994. 200 с.
4. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.И. Левиной. М.: Юристъ, 1994. 693 с.
6. Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Наука, 1983. 240 с.
7. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. К.: Абрис, 1994. 168 с.
8. Головаха Е.И. Феномен «аморального большинства» в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2002. № 6. С. 20–22.
9. Ручка А.О. Природа людини як предмет теоретико-соціологічного дискурсу // Методологічні проблеми культурної антропології та етнокультурології: Збірник наукових праць. К.: Інститут культурології НАМ України, 2011. С. 22–31.
10. Степаненко В. Безвідповідальне суспільство? // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін. К.: Інститут соціології НАН України, 2009. С. 358–369.
11. Козырьков В.П. Разработка социологической категории ответственности // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2007. № 3–4. С. 45–53.
12. Українське суспільство 1992–2010. Динаміка соціальних змін / За ред. В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2009. 636 с.
13. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Академия наук СССР, 1959. Т. 8. 770 с.

EMPIRICAL MEASUREMENT OF INDIVIDUAL MANIFESTATIONS OF THE ETHICS OF RESPONSIBILITY FOR THE FUTURE

O.A. Bezrukova

Zaporizhzhya National Technical University (Ukraine)

The author notes the social character of ethical responsibility. Various aspects of the manifestation of society's responsibility for preserving the environment and ensuring the conditions for a decent life of future generations are analysed. A wide range of issues related to the perception of time, the control of human behavior, the transition of responsibility between generations is covered. The results of the analysis of the sociological survey focused on ethics of responsibility conducted in Zaporozhye (Ukraine) in 2013 on a representative sample of adult population are presented.

Keywords: responsibility, irresponsibility, social responsibility, moral responsibility, ethics, generation.

УДК 316.1

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

© 2015 г.

Л.М. Злотникова

Белорусский торгово-экономический университет, Гомель

lidia_zlotnikova@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Институты социальной сферы активно подвергаются коммерциализации в отсутствие теоретического обоснования ценности услуг здравоохранения, образования, науки и культуры. В социальной сфере производятся общественные блага, которыми пользуются многие поколения. Отождествление механизмов ценообразования общественных и частных благ противоречит качественной социализации и постоянному технико-технологическому обновлению. Автором предпринята попытка осуществить анализ процесса коммерциализации здравоохранения, образования, культуры, науки. Постановка проблемы технико-технологического обновления производства в контексте диверсификации экономической эффективности социальной сферы носит закономерный характер. Динамизм и непрерывность изменений материального производства усиливают требования к социальной компоненте человека. Ее системное изучение позволит усилить научное и практическое значение экономической социологии.

Ключевые слова: социальная сфера, коммерциализация, противоречия, общественные блага, частные блага, человеческий потенциал, социализация, экономическая эффективность, технико-технологическое обновление.

В течение длительного времени социальная сфера в общественном сознании и государственной экономической политике находится на вторых ролях. Законы об образовании, здравоохранении определили их социально-правовой статус в форме услуги. В толковом словаре С.И. Ожегова представлено несколько определений понятия «услуга». Объединяет их выражение «работа, выполненная для удовлетворения чьих-то нужд, потребностей или обслуживания кого-то» [1]. Низведение образования, науки, здравоохранения, культуры до уровня удовлетворения потребностей материального производства формирует латентную систему сложных противоречий между источниками, тенденциями развития цивилизации и отношением к процессам социализации человека. Человек рождается как биологическое существо. Превращение человека в гражданина, личность представляет собой длительный, высокозатратный процесс и служит объективной оценкой уровня общественного развития. В XX в. наука и практическая политика начали использовать понятие «человеческий капитал». Впервые его применил американский ученый Теодор Шульц в 1961 г. [2]. Его последователь Гэри Беккер, сформулировав экономический подход к человеческому поведению, теоретически обосновал эффективность вложений в его развитие. Нобелевский комитет в 1992 г. присудил ему премию по экономике «За исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничивающегося только рыночным поведением» [3].

Однако до настоящего времени без ответа остаются вопросы реальной стоимости человеческого капитала, методологической обоснованности инвестиционных вложений в развитие человека, формирование его социальных качеств, а также окупаемости затрат. Сегодня сложно указать количество определений человеческого капитала в опубликованных статьях и монографиях по обозначенной проблеме. Объединяющими их признаками можно считать, во-первых, использование методологии трех факторов производственной деятельности, во-вторых, арифметический расчет затрат на социальные компоненты. Отсутствие методологии стоимости человеческого потенциала, отвечающей требованиям стратегического развития общества, затрудняет решение насущных проблем финансирования институтов социальной сферы и повышает актуальность исследований коммерциализации.

Потребность в оценке имеющихся ресурсов обострилась в середине XX в. Стало очевидно, что все природные ресурсы исчерпаемы. Постоянно растут затраты на поиск новых источников существования цивилизации и подходов к их рациональному использованию. Высокий уро-

вень развития технологий, использование все более сложного оборудования радикально меняют уровень профессиональной ответственности человека. Социальные составляющие (профессионализм, гражданская позиция и мораль), оставаясь латентными, все чаще оказывают решающее воздействие на получаемые результаты. Однако человеческий потенциал остается мало изученным. Сложно, но необходимо признать, что человек как самая большая ценность до настоящего времени подвергается некорректному отношению не только в экономической политике, но и со стороны самого человека. По-прежнему остаются актуальными слова, написанные Э. Дюркгеймом в XIX в. в работе «Самоубийство» (которую он назвал социологическим этюдом): «…мы воспроизводим поступок, совершившийся у нас на глазах или дошедший до нашего сведения, только потому, что он случился в нашем присутствии или доведен до нашего сведения»» [4, с. 94]. Воспроизводство низких оценок самого себя как норма остается малоизученным. Возвышение роли материального богатства и мифологизация рыночных отношений – господствующие направления в науке и практике. Идеологи и организаторы радикального слома социалистической системы хозяйства использовали теоретически не доказанную способность рынка к улучшению жизни человека.

В силу ограниченности формата статьи сложно представить развернутый анализ нарастающего расслоения между богатыми и бедными. По различным оценкам, в настоящее время «61 млн человек в мире получают доход такой же, как и 3.5 млрд человек с наиболее низкими доходами. То есть на каждый доллар, получаемый наиболее состоятельными людьми мира, наиболее бедные получают 1.7 цента» [5].

История развития экономики свидетельствует о том, что рыночные отношения более или менее успешно функционируют только в условиях низкого уровня развития общества, неизменных потребностей, преобладания индивидуальной деятельности. Рынок, рыночные отношения, рациональный потребитель и производитель – в большей степени абстрактные понятия экономической теории, нежели реальные факты жизнедеятельности. Так называемые рыночные реформы отождествлены с полномасштабной коммерциализацией. Коммерциализация – это только одна, причем незначительная, составляющая рыночных отношений. Коммерциализация нацеливает производителя на получение прибыли на небольшом временном интервале, при этом полностью игнорируются морально-нравственные компоненты человеческой деятельности. Отождествление коммерциализации с рыночными отношениями привело к тому, что государство постоянно стремится к получению быстрой прибыли и сокращению затрат. Великий ученый и политический деятель XX в. Ф. Хайек уделял много внимания проблеме соответствия экономических решений требованиям практики и разработанной теории, делая акцент на постоянных изменениях поведения субъектов. Макроэкономическое равновесие базируется на стабильности поведения и используемых знаний, в определенной степени противоречит целям обновления. Динамическое развитие технико-технологической составляющей общественного производства носит объективный характер и гипотетически возможно только на основе опережающих изменений в социальной сфере [6].

Социальная сфера, выделившаяся из общественного производства, представлена системой институтов социализации человека. Процессы и результаты ее функционирования принципиально отличаются от производства товаров массового потребления. Во-первых, они не имеют материально-вещественной формы. Во-вторых, собственно процесс производства требует обязательного, активного и ответственного участия потребителя, характеризуется их неотделимостью друг от друга. Даже теоретически сложно обозначить границы между уровнем образования, профессионализмом и ответственностью, активностью, мотивацией основного потребителя. Даже лучший врач не сможет вернуть трудоспособность или продлить полноценную жизнь человеку, если последний отказывается от медицинской помощи. Можно купить товар в материально-вещественной форме, но сложно купить образованность, высокий профессионализм, трудоспособное здоровье и высокий уровень культуры. Данное утверждение не означает, что перечисленные составляющие жизни человека возникают без значительных временных, морально-нравственных и материальных затрат. Не отрицается необходимость объединения усилий и огромных материальных ресурсов для строительства дорог, трубопроводов и других объектов, используемых обществом. Оплата образовательного процесса, получение медицинской помощи все чаще переносятся на конкретного человека.

Коммерческий обмен (коммерциализация) – это обмен между частными благами, которые удовлетворяют индивидуальные потребности, зависят от эмоционального состояния, личных вкусов и предпочтений отдельного человека.

Основные институты социальной сферы производят блага, которыми пользуется все общество, и практически безвозмездно передает их следующим поколениям. Непрерывность, отсутствие методологии формализации результатов интеллектуальной собственности, культурного и научного богатства создают идеальные условия эмпирической бесценности. Социальные блага находятся в очень тесной взаимосвязи, а высокий уровень абстрагирования не позволяет оценить механизмы влияния уровня образования на состояние здоровья и продолжительность трудоспособности. К тому же возникают вопросы, каким образом будет осуществляться политика радикального технико-технологического обновления производства, требующего значительных инвестиций. Единственным реальным источником финансирования был и останется человек, разделяющий доход на потребление и сбережения. Отвлечение части дохода человека на образование, поддержание здоровья неизбежно приведет к сокращению инвестиций в обновление и модернизацию производства. Если человек встанет перед выбором приобретения новой бытовой техники или оплаты лечения, в подавляющем большинстве случаев он отдаст предпочтение восстановлению здоровья. В случае выбора между доходом и получением высшего образования (отдача от него может наступить в отдаленном периоде, а низкоквалифицированный труд позволяет удовлетворять потребности в большем объеме, чем высшее образование), человек будет склонен отдать предпочтение сиюминутному потреблению. Решающее значение для экономической и социальной жизни приобретают знания, способы их производства, потребления и постоянного обновления. Нацеленность на материальное, часто праздное потребление культивирует особое мировоззрение. Социологии в ближайшее время (экономика этим не занимается) придется все больше внимания обращать не только на получение субъективных оценок происходящих событий, но и на то, что гуманитарная сфера характеризуется неопределенностью, процесс ее формализации влечет за собой социальные и экономические риски. Так, например, нормативы наполняемости аудиторий, успеваемости, стационарных медицинских учреждений и посещения поликлиник закономерно снижают качество производимой услуги.

Сегодня сложно дать однозначный ответ о причинах, по которым подрастающее поколение отдает предпочтение удовлетворению материальных потребностей в максимально короткие сроки. Государство, стимулируя личную ответственность человека в получении высшего образования, не учитывает многие факторы. С конца XX в. в разных странах проводятся социально-экономические и социологические исследования, показывающие наличие прямой корреляционной зависимости между образованием и продолжительностью трудоспособной жизни человека. Виктор Риос Рулл из Университета Миннесоты и Джозеф Пижоан-Мас из CEMFI (Centro de Estudios Monetarios y Financieros) выяснили, от чего зависит ожидаемая продолжительность жизни тех, кому уже исполнилось 50 лет. Они проанализировали влияние четырех основных факторов: уровня образования, богатства, занятости и семейного положения. Как оказалось, богатство не имеет решающего значения: тот, кто относится к 10% самых богатых, скорее всего, будет жить на 3.8 лет больше, чем тот, кто относится к 10% бедных. Человек, работающий полный рабочий день или активно ищущий работу, живет в среднем на 3.4 года больше своего неактивного безработного сверстника. Выпускник колледжа в среднем живет на 6.1 года больше, а человек, имеющий высшее образование, на 10–12 лет больше, чем тот, чье образование ограничилось лишь школой. Специалисты из университета Мичигана уже в течение многих лет ежегодно проводят исследования о состоянии здоровья в пенсионном возрасте. В опросе принимают участие около 25 тысяч американцев старше 50 лет. Это позволяет ученым оценивать получаемые результаты как максимально объективные. Они свидетельствуют о наличии прямой зависимости между состоянием здоровья людей в солидном возрасте и уровнем образования: чем выше уровень, тем лучше состояние здоровья и дольше трудоспособная жизнь [7].

Приведенные данные не очень убедительны для тех, кто измеряет экономические достижения общественного производства количественным объемом ВВП (валовый внутренний продукт). Использование современных методик расчета экономической эффективности не позволяет установить наличие прямых связей между образованием и состоянием здоровья одного человека или группы. Упрощенное толкование коммерческих отношений противоречит не только экономической теории, но и здравому смыслу. Принципиальное отличие общественных благ от частных состоит в том, что ими пользуется не один человек, а – без преувеличения – цивилизация в целом. Только образованный человек создал и создает все блага цивилизации.

Состояние здоровья все в меньшей степени зависит от человека. Высокоразвитые средства

транспортных коммуникаций ускоряют перемещение не только людей, но и инфекций. Лечение и предупреждение заболеваний давно и прочно зависит от уровня развития мировой науки, нравственных ценностей и бытового поведения других людей. А уровень образования, культуры, моральные и этические приоритеты, формируя структуру потребления, закладывают источники и механизмы его удовлетворения.

Оппоненты могут задать вопрос о наличии связей между технико-технологическим обновлением, образованием и здоровьем человека. Ответ можно сформулировать следующим образом. Во-первых, уровень образования и состояние здоровья формируют реальную структуру общественного производства. Во-вторых, люди с высшим образованием и трудоспособным здоровьем гипотетически быстрее адаптируются к новым технико-технологическим условиям производства. В-третьих, они являются создателями и катализаторами постоянного обновления производства. Пытливость развитого ума – основа всех совершенных и будущих открытий. В XXI в. ставить процесс формирования и развития ума в зависимость от материальных возможностей человека, юношеских ценностей и стремлений значит обесценивать человеческий потенциал. Теоретически дальнейшее развитие общества напрямую зависит от уровня социализации человека. К сожалению, гуманитарные науки не принимают участия в анализе последствий различных техногенных катастроф. Одной из причин этих катастроф часто называют «человеческой фактор». Позволим небольшое рассуждение в контексте коммерциализации не только процесса лечения, но и профилактики. Человек, который в условиях бесплатной медицины нечасто обращался в лечебные учреждения для проведения полномасштабной диспансеризации и раннего выявления заболеваний, в условиях платности будет делать это еще реже либо вообще откажется. Экономия средств на профилактические обследования, несвоевременное лечение, по мнению врачей, создают опасную ситуацию, которая получила название «третье состояние», или предболезнь. Здоровье или болезнь человека выражают социально-детерминированные состояния личности. Человек – это единство тесно переплетенных социальной сущности и биологической природы. Его физическое социальное состояние регулярно подвергается латентным изменениям. Ежедневно в «третьем состоянии» работает сложно определяемое количество человек. Общей характеристикой «латентной подвижности считается усталость» [8]. Уставший человек обязан ежедневно управлять сложными технико-технологическими процессами, требующими постоянного, напряженного внимания, быстрой и адекватной реакции. Одно неверное движение, вызванное снижением трудоспособности, может привести (и уже неоднократно приводило) к потере человеческих жизней, многочисленным случаям инвалидности и уничтожению материального богатства.

История развития экономики показывает, что появление новой техники и технологии – это результат умственного труда. Ни одно техническое усовершенствование невозможно без соответствующего образования и познания интеллектуального наследия. На первый взгляд, может показаться, что наука идет вслед за производством, выполняет заказы производителя. Однако подавляющее большинство научных открытий – это форма удовлетворения личного интереса, высокой ответственности, дисциплинированности. В приветственном обращении к участникам четвертой Петербургской встречи лауреатов Нобелевской премии «Экономика и социология в XXI веке» (21–25 сентября 2009) Жорес Алферов охарактеризовал работу ученых как постоянные усилия духа, самосовершенствования и самоконтроля. Он отметил, в частности, что всем его единомышленникам потребовались огромные человеческие усилия, чтобы их исследование было доведено до логического завершения (оно неоднократно подвергалось закрытию), а мир получил возможность пользоваться мобильной связью. Многие ученые, подарившие миру великие открытия, отличались фантастической преданностью любимому делу, иногда расплачивались собственной жизнью, как медики, испытывавшие на себе новые препараты и вакцины. Талант, жертвенное отношение, безграничное желание к познанию позволяют сформулировать группу противоречий между реальными достижениями и потребностями производства. Коммерческая деятельность, нацеленная на выгоду, не финансирует исследования с непредсказуемыми результатами, требующими дополнительных затрат на разработку технологий. Все чаще между научным решением проблемы и практическим воплощением временные интервалы увеличиваются. Противоречие между тенденциями развития и сиюминутными потребностями производства усиливается еще и тем, что «исследования не могут вестись отдельными и безденежными учеными, какими бы изобретательными они ни были» [9, с. 813].

Обозначенные качества человека возвышают значимость гуманитарного знания. Коммерциали-

зация научной деятельности в гуманитарной сфере ведет к сокращению финансирования. Социологические, экономические, психологические, культурологические и т.п. исследования априори неприбыльны, в отличие от прикладного естествознания представляют собой набор фактов, абстрактных рассуждений и моделей. Утилитарно либеральное толкование экономической выгоды поддерживается тиражированием численных достижений: объем, цена, прибыль, диверсификация рынка. Они не выражают отношение производителя к профессиональным, гражданским обязанностям, морально-нравственные ценности. Но общественное мнение часто проявляет теоретически не подтвержденные притязания и некорректные оценки институтов социальной сферы. Средства массовой информации переполнены требованиями «выучить», «вылечить», «создать», «повысить доход» и т.д.

Зародившаяся на этапе становления капиталистических отношений экономическая наука остается верной могуществу материального производства и частному благу. В учебниках по макро- и микроэкономике отсутствует понятие «общественное благо». Несмотря на рост влияния образования, этических правил, норм коммуникации, только незначительное количество ученых пытается изучать роль общественных благ. В частности, Арье Хильман отметил: «Общественный характер блага зависит не от того, из каких источников оно финансируется…, а от того, потребляется оно одним человеком или же всеми» [10, с. 83]. В условиях постиндустриальной экономики человек перестает жить и трудиться, как Робинзон Крузо. Его социальное здоровье, образование, культура, профессионализм оказываются в прямой зависимости от окружающих людей и условий. Стремление собственника к минимизации затрат повсеместно сопровождается отказом в приеме на работу молодых специалистов (аргументом часто служит отсутствие у них практических навыков). На высокий уровень абстрактного практицизма коммерциализация нацеливает всю систему образования. При этом инициаторы проводимой социально-экономической политики упускают из вида, что на территории бывшего СССР промышленные предприятия отличаются не только структурой, оснащенностью, материальными возможностями, уровнем профессиональной трудоспособности, морально-психологическим климатом. Этап адаптации был и останется необходимым в трудовой деятельности человека. Сокращение временных рамок либо полный отказ от него неизбежно влечет за собой фундаментальные социально-экономические противоречия между полноценной структурой общества, целями конкретного человека и реальными условиями осуществления технико-технологического обновления. Получив готового специалиста сегодня, завтра работодатель закономерно сталкивается с проблемой затрат на его переобучение. В связи с этим правомерен вопрос о способности специалиста, обученного определенным навыкам, быстро, в требуемом объеме осваивать новые знания, адаптироваться к новым условиям хозяйствования, нести личные расходы на переобучение или получение новой профессии. Беглый анализ тенденций развития производства в последние десятилетия XX в. говорит о невозможности на протяжении всей трудоспособной жизни пользоваться единожды полученными профессиональными знаниями и навыками.

Массовое производство функционирует на основе коллективной ответственности за конечный результат. В период его становления были заложены определенные морально-нравственные нормы и механизмы социального контроля. Реформирование экономики на принципах индивидуальной свободы создало комплекс противоречий между декларируемыми индивидуальными приоритетами и коммерциализацией общественных отношений. Человек оказался перед жестким выбором между семейными ценностями, деньгами, собственным совершенствованием. Разрешение обозначенных противоречий часто идет по пути распространения агрессивного и асоциального поведения. Потеря нравственных ориентиров отмечается не только в сознании отдельных социальных слоев, но и в социальной политике. Полномасштабная коммерциализация, ограничивая доступность качественного образования, медицинской помощи, создает систему финансово-экономических барьеров на пути развития гуманитарной науки и образования. Занятость в социальной сфере априори сопровождается появлением нового социального слоя бедных. Работники, формирующие фундамент будущего, вынуждены для поддержания минимального уровня потребления работать по 50–60 часов в неделю. В обществе сложилась уникальная ситуация: вербальное признание высокой ценности жизни человека не находит адекватного подтверждения на практике. Широко употребляемые экономические понятия не имеют теоретического определения и эмпирического наполнения. Разночтения между теорией и практикой лежат в основе особой, присущей только гуманитарной сфере, системы противоречий. По этому поводу Л. Мизес писал: «“Практичный” человек гор-

дится своим пренебрежением к теории и безразличием к учениям “кабинетных” экономистов. Экономическая политика последних десятилетий – результат умонастроений тех, кто всеми способами издевается над последовательно логической экономической теорией и возвышает ложные доктрины» [9, с. 13]. Эти слова в полной мере отражают широко распространенное отношение значительной части общества к гуманитарным исследованиям. Воспользуемся помощью великого социолога П. Сорокина: «Часто мы не знаем, где «добро», где «зло», а если и знаем, то сплошь и рядом не способны бороться с искушениями» [11, с. 100]. Понятие «искушение» можно трактовать поразному. Политика коммерциализации, на наш взгляд, это особая форма официально разрешенного быстрого обогащения и удовлетворения искушения и, по выражению П. Сорокина, «более яркого доказательства нашего невежества нельзя придумать» [11, с. 100]. Сегодня с высокой долей уверенности можно сказать, что человек много времени, сил потратил и продолжает тратить на изучение и совершенствование материально-технических компонентов жизнедеятельности, но при этом очень мало знает о самом себе. Древние философы, стремясь познать мир, сформулировали одно из важных правил жизни человека: человек живет тем, что знает о себе. Если он соглашается быть только фактором производства, то вся его жизнь будет подчинена материальному богатству.

В современном мире цивилизация вынуждена решать комплекс социально-гуманитарных проблем, ранее неизвестных. Многие государства предпринимают попытки по совершенствованию функционирования систем здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т.д. В работе «Система современных обществ» Т. Парсонс назвал преобразования в образовании «революцией, оказывающей глубокое и все возрастающее воздействие на общественную структуру занятости… революция в образовании дала старт преобразованию всей структуры современного общества» [12, с. 131]. Рост удельного веса платности, расширение ее видов в социальной сфере не просто увеличивают нагрузку всех работающих, но и подрывают основы дальнейшего развития человека и общества.

Особое место занимает взаимосвязь и обусловленность продолжительной трудоспособной занятости и состояния здоровья. Постсоциалистические государства озабочены вопросами пенсионного обеспечения. Но до настоящего времени нет гуманитарных исследований причин инвалидности в трудоспособном возрасте. Так, например, социальная статистика Республики Беларусь представляет информацию об общем количестве инвалидов. По официальным данным, на учете состоит около полумиллиона инвалидов, из них детей в возрасте до 18 лет около 25 тысяч [13]. Общая численность населения страны на конец 2014 г. составила 9 361 311 человек [14]. Ответ на вопрос о социальных причинах инвалидности отсутствует. Медики часто акцентируют внимание на наличии корреляционной зависимости между систематическими стрессами в быту, на работе и сердечно-сосудистой патологией. Инфаркты и инсульты как основные формы ее проявления служат причинами высокой смертности и инвалидности. Без научного обоснования, широкомасштабных социологических исследований, общественного обсуждения здравоохранение, образование, наука, культура превращаются в рыночные субъекты, обязанные зарабатывать, возмещая затраты и принося прибыль. В Республике Беларусь ежегодно корректируется количество обучающихся на платной основе. В течение года несколько раз пересматривается стоимость обучения, услуг в здравоохранении и социальной работе.

Идеологическое обоснование коммерциализации общественных благ базируется на иррациональном поведении человека. Гипотетически возможно установить жесткую материальную ответственность человека за состояние здоровья. Но как при этом можно игнорировать влияние внешних факторов?! Каким образом человек будет формировать и поддерживать здоровье в одиночку? Дети, рождающиеся инвалидами, в определенной степени отражают состояние внешней среды, условия производственной деятельности родителей, качество их питания и т.д. Все без исключения находятся в прямой зависимости от условий жизни, производства, общественного мнения, доходов и т.д. По этому поводу Ален Турен писал: «Одним из самих важных примеров, которым уделяют еще мало внимания, является здоровье» [15, с. 152]. Здоровье на протяжении всего существования человека не считалось собственностью человека, личным благом, которое он может потреблять по своему усмотрению. На разных этапах существования цивилизации общество поразному относилось к здоровью. Древняя Греция дала примеры отбора родившихся младенцев. Многие кочевавшие народы оставляли на пути слабых, неспособных двигаться дальше, с небольшим запасом продуктов. Люди всегда находились в тесной зависимости друг от друга,

от природных условий, полученных по наследству физических и умственных способностей. Столетия различные инфекционные заболевания уносили жизни сотен тысяч человек. Во многих городах Европы воздвигнуты чумные или холерные столбы, служащие ярчайшим подтверждением иррациональности личной материальной и моральной ответственности человека.

Низведение науки вообще, и гуманитарной прежде всего, до роли служанки материального производства сохраняет идеальные условия для некорректного использования социальных понятий и категорий. Экономическая теория рационального потребления давно опровергнута временем. Коммерциализация выражает новую форму противостояния объективному ходу развития, форму его торможения. Население, формируя свое отношение к потреблению, направляет максимум усилий на поддержание статуса и престижа, игнорируя теоретическую рациональность, включающую значительные затраты на сохранение здоровья и постоянное обновление знаний. Человек, приобретая продукты питания, одежду, редко задумывается над потребленным образованием, профессионализмом, состоянием здоровья и морально-нравственными принципами производителя. Практически невозможно произвести качественный продукт питания, если производитель игнорирует требования технологии и элементарные правила гигиены. Упование на штрафные санкции не привели к радикальным изменениям. В буквальном смысле слова с завидным постоянством сохраняется количество пищевых отравлений с неустановленными причинами. Использование алгоритма процесса любого производства позволяет установить (к сожалению, только теоретически) влияние общественных благ на конечное потребление. Добросовестное отношение к профессиональным обязанностям, строгое соблюдение технологии обеспечивают необходимые качественные характеристики и потребительские свойства товара.

Латентный характер социального влияния, синергетически усиливая социальные, экономические и технологические взаимосвязи, характеризуется противоречивым многообразием. В отличие от технико-технологического воздействия оно трудно формализуется и воспроизводится. Люди, пытаясь внедрить социальные нормы и нормативы, не владеют в настоящее время едиными технологиями. Наиболее влиятельные исследователи социальных норм, стимулов, мотиваций и оценок – социологи и экономисты – используют разные механизмы социального порядка. Экономисты все сводят к количественным измерениям и поддержанию ценового равновесия. Социологи нацелены на рассмотрение качественного содержания реально действующего объекта или процесса, познание закономерностей его проявления. Несколько перефразировав слова О. Конта, можно утверждать, что точность и количество фактов представляют собой необходимый, но необработанный материал. Лишь сформулированные законы выражают суть научного знания [17]. Преобладание количественных норм и показателей, эмпирически оправдывая экономико-правовые принципы коммерциализации социальной сферы, формирует институциональные противоречия между количественными достижениями общественного производства и качественным содержанием человеческого потенциала.

Реализация государственных программ технико-технологического обновления в заявленном объеме проблематична по многим причинам. Во-первых, модернизация общественного производства вне изучения процессов социализации человека противопоставляет «homo sociologicus» и «homo economicus», увеличивает разрыв между экономической теорией и экономической социологией. Во-вторых, закрепляет широко распространенное использование стереотипов о положительной силе влияния материального богатства на социальное поведение человека. В-третьих, «homo economicus», следуя принципам классической экономической теории, способен не только получать выгоду, но и наносить при этом огромный ущерб себе и окружающим условиям. Противоречивость параллельно проводимой коммерциализации и технико-технологического обновления в определенной степени можно объяснить тем, что экономическая наука и социология базируются на принципах автономного и рационально действующего человека. Экономическая теория объясняет, прогнозирует поведение индивидуума, опираясь на эгоистические интересы. Социология абсолютизирует интеграцию в социальную группу и ее влияние. В обеих науках преобладает объяснительный характер действия.

Небольшой анализ социально-экономических условий технико-технологического обновления и коммерциализации социальной сферы позволяет сформулировать новые принципы социологического познания общественного производства. Социология вообще и экономическая социология в частности должны переориентироваться с описания имеющей место комплементарности в адрес экономической

практики на выявление проблем и противоречий между социальными процессами и экономической результативностью. Социологов не должны смущать некоторые успехи экономической науки, и, как отмечено М. Грановеттером, «в центре внимания такой теории должна находиться динамика в противоположность большей части неоклассических экономических трудов об институтах, которые (подобно многим отраслям экономики) подчеркивают сравнительную статику равновесных состояний. …Но недостаточно только устранить недостатки неоклассической экономики. Теоретически убедительная экономическая социология должна обеспечить привлекательную альтернативу» [17].

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения: 10.10.2014).

2. Щульц Т. Хрестоматия по экономической теории. – URL: http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-teoriya-3/178.htm (дата обращения 11.10.2014).

3. Список лауреатов Нобелевской премии по экономике. Библиотека Гумер – Наука. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Scince/nob_prem/ekon.php (дата обращения 12.10.2014).

4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

5. Число бедных в мире прибавляется в 4 раза быстрее, чем богатых // Новости NEWSru.com 25.01.2012. – URL: http://www.newsru.com/finance/25jan2012/ricjpeople.html (дата обращения 25.10.2014).

6. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

7. Высшее образование продлевает жизнь. Интерфакс. Экономика. 02.10.2012. – URL: http://www.interfax.ru/business/268598 (дата обращения 12.10.2014).

8. Валеология как наука. – URL: http://nss.in.ua/index.php?part=447 (дата обращения 01.11.2014).

9. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: НПО «Экономика», 2000. 878 с.

10. Хильман А. Государство и экономическая политика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 879 с.

11. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового социального явления). М.: Наука. 447 с.

12. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

13. Численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду и социальной защите // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/chislinv (дата обращения 01.11.2014).

14. Население Беларуси. – URL: http://countrymeters.info/ru/Belarus (дата обращения 01.11.2014).

15. Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

16. Конт О. Дух позитивной философии. – URL: https://docs.google.com/document/d/1q-IS2euLRqdB671SQ7JkDPJpukJ_EzigVpllfCyEByU/edit (дата обращения 14.10.2014).

17. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/407/746/1231/Grannoveter.pdf (дата обращения 15.10.2014).

COMMERCIALIZATION OF THE SOCIAL SPHERE IN THE CONTEXT OF TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL RENOVATION OF PRODUCTION

L.M. Zlotnikova

Belarusian Trade and Economics University

In the absence of theoretical justification for the values of the services of healthcare, education, science and culture, institutions of the social sphere are exposed to large-scale commercialization. Public benefits that are produced in the social sphere are enjoyed by many generations. When identical pricing mechanisms are applied to public and private goods, it is contrary to the goals of high-quality socialization and continuous technical and technological renewal. In our small-scale research, we have attempted to carry out the analysis of process of commercialization of healthcare, education, culture, science, etc. In the context of diversification of the economic efficiency of the social sphere, it is quite logical to pose the problem of technical and technological renovation of production. Due to the dynamism and continuous changes in material production, the requirements to the social component of an individual constantly grow. A systemic study of this component will enhance the scientific and practical significance of economic sociology.

Keywords: social sphere, commercialization, contradictions, public benefits, private benefits, human potential, socialization, economic efficiency, technical and technological renewal.

УДК 316.444

ИНСТИТУТ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ КАК АГЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

© 2015 г.

Г.Г. Сорокин

Тюменский государственный нефтегазовый университет

sgena1@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Тенденция к демографическому старению населения заставляет общество по-новому взглянуть на проблемы старшего поколения, требует инновационных, нестандартных подходов к их решению. Проблема социальной адаптации геронтов становится всё более актуальной: достаточно часто источником трудностей, с которыми сталкиваются пожилые люди в повседневной жизни, является неспособность адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей социальной среды. Автором анализируется опыт отечественных и зарубежных специализированных образовательных программ, определяются возможные направления влияния геронтообразования на процесс социальной адаптации пожилых граждан.

Ключевые слова: геронтообразование, социология образования, социальная адаптация пожилых.

Демографическое старение населения ставит перед современным обществом ряд новых задач, для решения которых необходимы инновационные, нестандартные подходы. Так, всё большую актуальность сегодня приобретают проблемы интеграции пожилых граждан в производственно-экономическую сферу, проблемы повышения уровня их социальной активности и функциональной грамотности. Значительная часть проблем, связанных с возрастанием доли пожилых людей в обществе, при ближайшем рассмотрении оказывается обусловленной отсутствием у геронтов эффективных адаптивных механизмов. Многие пожилые люди испытывают серьезные трудности при адаптации к изменяющимся условиям окружающей социальной среды. Данное обстоятельство существенно ограничивает их возможности для реализации себя в различных сферах жизни и деятельности, не позволяет полноценно и независимо функционировать в современном социуме. В условиях глобального старения населения поддержка процесса социальной адаптации все увеличивающейся когорты пожилых людей не только выступает важным направлением социальной работы, но может также рассматриваться как мера стимулирования развития экономики, повышения уровня гражданственности, улучшения социального самочувствия представителей всех возрастных групп. Проблема поддержки адаптивных механизмов старшего поколения выходит за рамки сферы ответственности учреждений социальной защиты. Её решение требует привлечения ресурсов других учреждений, организаций и институтов. В связи с тем что институт образования всегда выступал главным инструментом адаптации общества к инновациям и переменам, значительный научный и практический интерес сегодня представляет изучение его потенциала как агента социальной адаптации старшего поколения. Между тем на сегодняшний день в отечественной социологической науке почти не исследуется влияние образовательных практик на адаптивные механизмы пожилых граждан. В данной статье нами предпринята попытка выявления и оценки адаптивного потенциала программ геронтообразования. В качестве эмпирической базы выступала деятельность 104 специализированных образовательных учреждений для пожилых граждан из 71 города РФ.

Под социальной адаптацией понимают процесс приспособления индивида (группы) к социальной среде, предполагающий взаимодействие и постепенное согласование ожиданий обеих сторон. Данный процесс имеет целью обеспечение устойчивости, традиционности, повторяемости социального опыта, а также его изменение на основе инновационного обогащения [1, с. 17]. С необходимостью приспособления к изменениям в условиях жизнедеятельности индивид сталкивается достаточно часто. Переезд на другое место жительства, изменение семейного положения, вхождение в новый трудовой коллектив требуют от него поиска путей интеграции в незнакомую социальную среду. Дж. Мид отмечал, что человеческое поведение, вообще, имеет адаптивный характер [2, с. 28].

Современное общество характеризуется резким повышением динамики изменений во всех сферах, поэтому потребность в адаптации становится постоянной даже для людей, не испытывающих, казалось бы, никаких кардинальных изменений в своём образе жизни. При этом неотъемлемым элементом социальной адаптации становится совершенствование самих адаптивных механизмов.

С выходом на заслуженный отдых естественным образом снижается потребность индивида в приспособлении к инновациям в технологиях и производственных отношениях, освоении новых профессиональных ролей. Поскольку процесс адаптации к изменениям в профессиональной сфере постепенно прекращается, соответствующие приспособительные возможности индивида ослабляются. Следует отметить, что в процессе профессиональной адаптации используются те же механизмы, что и в ходе приспособления к изменениям в социальной среде. Более того, профессиональная адаптация индивида является движущей силой для реализации процессов приспособления к трансформациям во всех остальных сферах его жизнедеятельности. Поэтому ослабление адаптивных возможностей индивида, вышедшего на пенсию, имеет место не только в профессиональной, но и в непрофессиональной сфере. Несмотря на очевидное снижение эффективности приспособительных механизмов, в пожилом возрасте потребность в социальной адаптации приобретает такую значимость, что активность в направлении её удовлетворения может претендовать на роль ведущего вида деятельности на данном жизненном этапе. Подтверждением обоснованности данной позиции могут служить мнения многих признанных учёных, отводящих данному виду активности исключительную роль в жизни пожилого человека. В частности, интересна точка зрения И.В. Давыдовского, который рассматривал старость как «специфическую, возрастом обусловленную форму приспособления к внешней среде» [3, с. 14]. Напомним, что на сегодняшний день в науке отсутствует более или менее ясное представление о ведущем виде деятельности в пожилом возрасте. Большинство исследователей старости и старения воздерживается от выделения ведущего вида деятельности на данном периоде жизни из-за его неопределённости или использует абстрактные философские категории («поиск смысла», «поиск себя» и т.д.).

Социальной адаптации представителей старшего поколения присущи следующие отличительные черты.

1. Специфические направления адаптации. Пожилые люди вынуждены приспосабливаться не только к изменениям внешней среды, но и к физическим, физиологическим, психологическим и социальным изменениям в себе. По мнению Е.И. Холостовой, социальная адаптация для пожилого человека – это приспособление: а) к представителям новых, молодых когорт; б) к «обобщенным другим», которые в данном случае выступают как изменившееся общество в целом; в) к самому состоянию старости, т.е. к самому себе в новом качестве [4, с. 17].

2. Отсутствие непосредственных стимулов для адаптации. Мотивация адаптационной активности в старости существенно отличается от мотивации на предшествующих жизненных этапах. Обычно в пожилом возрасте дополнительные усилия социального субъекта по интеграции в общество не несут для него очевидного вознаграждения в виде перспектив карьерного роста, увеличения дохода, уважения со стороны окружающих. Во многом успешная социальная адаптация пожилого человека является признаком сформированности определённого набора личностных качеств и установок. При этом, как правило, данные качества и установки формируются у социального субъекта на предшествующих жизненных этапах. Так, Д.А. Крюкова убеждена в том, что история приспособления к жизни в молодом возрасте в значительной мере предопределяет адаптацию в старости. Лучше адаптируются лица, легко устанавливающие контакты с окружающими, те, у кого сложились хорошие отношения в семье и на работе [5, с. 349].

3. Гендерная специфика. Ряд авторов указывает на чёткую выраженность гендерной специфики адаптации к старости. О.В. Краснова объясняет данный феномен различиями в стиле жизни представителей обоих полов: более сильной самоидентификацией мужчин с профессиональными социальными ролями, а женщин – с семейно-домашними. «Замечено, что если женщина свою ценность и жизненные успехи связывает с такими социальными ролями, где акцент делался на красоту, привлекательность (роковая женщина), то осознание старения воспринимается зачастую как поражение и конец всей жизненной карьеры. В то же время в случаях, когда женщина ассоциирует себя, прежде всего, с ролями «матери», «жены», процесс адаптации к старости происходит менее болезненно» [6, с. 161]. Е.С. Балабанова считает, что мужская модель предполагает жесткую направленность на собственные усилия, под-

крепленные «стартовым капиталом» в виде связей, собственности, власти. Женская адаптация гибче, но успешные её образцы представлены обычно «зависимой адаптацией» на уровне индивидуальных социальных связей [7, с. 40]. Учитывая, что женщин в старшей возрастной группе значительно больше, чем мужчин, можно предположить, что характер адаптации старшего поколения в целом больше тяготеет к женскому варианту.

4. Наличие большого количества факторов, затрудняющих социальную адаптацию. М.Д. Александрова недвусмысленно называет старость «возрастом плохой адаптации», которая происходит вследствие различных соматических и психических изменений личности, а также в связи с переменами в семейной жизни и окружающей обстановке [8, с. 31]. Рассматриваемый жизненный этап характеризуется наличием большого числа факторов, осложняющих интеграцию в новую социальную среду, адаптацию к социальным ролям и возрастным изменениям в организме. Наиболее очевидными из них являются снижение когнитивных способностей, ослабление здоровья, ухудшение экономического положения. Даже наличие большого жизненного опыта может выступать своеобразным барьером на пути социальной адаптации пожилых граждан. Так, К. Мангейм, признавая некоторые преимущества возрастного опыта, тем не менее сравнивал его с балластом, осложняющим жизнь в меняющемся мире [9, с. 33]. М. Мид также обращает внимание на то, что в условиях стремительного развития современного общества прошлый опыт уже не только недостаточен, но часто оказывается даже вредным, препятствует нормальному протеканию процессов десоциализации и ресоциализации [10, с. 350]. Отдельно следует отметить такой фактор, как сужение круга общения. Дефицит общения неблагоприятно влияет на эмоциональную сферу и психику представителей старшего поколения; кроме того, снижается степень их информированности об изменениях в социальной среде, что дезориентирует процесс адаптации.

5. Предрасположенность к пассивной стратегии адаптации. Из определения, приведённого в начале статьи, можно сделать вывод, что социальная адаптация представляет собой своеобразное «соответствие», «согласие» человека с окружающим миром. Но следует отметить, что баланс между условиями социальной среды и возможностями человека может быть достигнут также в результате поиска ниши, функционирование в которой возможно без существенных изменений его привычного образа жизни. К примеру, иммигрант, оказавшийся вдали от родины, для функционирования в новой среде не обязательно должен изучать язык страны пребывания, её законы, культуру и т.д. Он может локализовать свою жизнь в рамках национальной диаспоры, ограничив до минимума контакты с внешней средой. Для обозначения этого феномена в социологии культуры используется термин «геттоизация». Жизнь пожилого человека нередко локализуется как территориально, так и социально. Последнее проявляется в сужении круга общения, ограничении перемещения в пределах района проживания. Такой своеобразный защитный механизм, представляющий собой замыкание интересов на проблемах узкого социального пространства, получил название «инкорпоризация» [11, с. 62]. Е.Ф. Молевич считает, что в старости адаптация личности к новым для неё общественным условиям может происходить как в активной, так и в пассивной форме. Пассивная адаптация к старости связана с нарастающей утратой социальных связей, растущей социальной изоляцией личности, т.е. с более или менее выраженными процессами десоциализации, а в крайних случаях – и люмпенизации личности. В основе подобной адаптации – специфические условия жизни (утрата семейных связей, затрудненность общения, плохое здоровье, особо выраженные материальные трудности и т.д.), значительный возраст, особенности личного характера, невысокий уровень культуры. Для активного приспособления к старости, по мнению учёного, напротив, характерно сохранение относительно высокого уровня социальных связей при обязательной смене их конкретного содержания: выдвижении на первый план семейных, родственных интересов, всякого рода увлеченности общественной работой, туризмом, домашними и любительскими видами труда, самообразованием, культовой деятельностью и т.п. Иными словами, при активной адаптации к старческим условиям существования имеют место, и даже могут усиливаться, процессы ресоциализации личности, развития ее социальной включенности в общественную жизнь [12, с. 63]. Как можно заметить, условия и образ жизни большинства пожилых россиян предрасполагают процесс их адаптации, скорее, к пассивному варианту. Достаточно интересной представляется точка зрения С.Г. Вершловского, который рассматривает в качестве индикатора характера адаптации отношение индивида к образованию и самообразованию. Он утверждает, что «активная жизненная позиция предполагает в каче-

стве обязательного условия образовательную деятельность, разнообразную по содержанию, формам и видам. В свою очередь, пассивное приспособление к жизни резко сужает значимость образовательной деятельности, актуализируя лишь её сугубо утилитарные возможности» [13, с. 40]. С этой позиции интеграция старшего поколения в образовательную деятельность может рассматриваться как стратегия повышения социальной активности геронтов, в основе которой лежит воздействие на характер процесса социальной адаптации пожилого человека.

Степень социальной адаптации старшего поколения во многом определяется характером протекания процессов взаимного приспособления общества и социального субъекта. Т.Г. Дичев и К.Е. Тарасов видят её в том, «как они (*пожилые люди – Г.С.*), получив в силу своего возраста новые качества, приспосабливаются к обществу и как общество приспосабливает пожилых и престарелых людей к себе» [14, с. 134]. В соответствии с данной точкой зрения, причины социальной эксклюзии значительной части пожилых граждан следует искать не только в их поведении, установках и личностных качествах, но и в недостаточной гибкости общества, его ключевых институтов. Е.И. Холостова по этому поводу пишет: «Если приспособительные способности стариков вырабатывались веками, то общество с необходимостью приспособиться к собственной старости столкнулось впервые и во многом оказалось к этому неготовым ни на уровне социума, ни на уровне индивидов» [4, с. 17]. Действительно, с древнейших времён социальная политика в отношении пожилых сводилась к оказанию денежной и натуральной помощи, освобождению от обязательств, предоставлению льгот. Преимущественно в таком же виде она реализуется и сегодня. Социальные институты ориентированы не на помощь пожилому человеку в адаптации к изменяющимся условиям, а на устранение внешних стимулов, побуждающих социального субъекта к активизации приспособительных механизмов. При этом, с одной стороны, старшее поколение получает гарантии помощи в преодолении проблем, вызванных ограничением трудоспособности, ослаблением здоровья и т.д.: но с другой – социальная поддержка старшего поколения в том виде, в каком она существует сегодня, институционально закрепляет за пожилыми людьми статус иждивенцев, навязывает пассивную стратегию социальной адаптации, ослабляет их адаптивные способности и снижает мотивацию к сохранению социальной активности, что неминуемо приводит к социально нежелательным последствиям. В частности, по мнению некоторых ученых, внедрение пенсионных систем имело негативный побочный эффект для демографии. Пенсии ослабили мотивацию к рождению детей, поскольку в них перестали видеть главную опору в старости [15, с. 56].

Приспособление общества к происходящим демографическим и социальным изменениям должно, на наш взгляд, выражаться в открытии пожилым людям доступа в сферы, из которых они сегодня исключены (прежде всего это производственно-экономическая сфера и образование). Политика в направлении социальной поддержки старшего поколения должна усилить внимание к мерам, направленным на поддержание различных видов активности геронтов: профессиональной, социальной, творческой и др. Институты, обеспечивающие социальную поддержку пожилых людей, до сих пор не ставили перед собой такой задачи. Но даже если бы такая задача стояла, при её решении возник бы ряд проблем, связанных с необходимостью формирования у представителей старшего поколения широкого спектра умений и качеств (от валеологических до профессиональных), а также нового мировоззрения, стержнем которого стало бы понимание личностно-ответственного отношения к собственной жизни. В связи с этим к трём институтам, традиционно осуществляющим социальную поддержку пожилых (семья, церковь и государство), должен подключиться социальный институт образования. Оговоримся, что интегрировать старшее поколение в образовательное пространство вряд ли удастся посредством «традиционных» образовательных форм. Подавляющее большинство социально активных пожилых людей, демонстрирующих ярко выраженные установки на продолжение образования, связывает перспективы своей образовательной деятельности только с обучением в кругу сверстников. Участие в программах геронтообразования, наряду с самообразованием, становится ведущей формой образовательной активности в пожилом возрасте. Поэтому именно геронтообразование является сегодня наиболее эффективным инструментом реинтеграции старшего поколения во все сферы общественной жизни. Образовательные программы для пожилых граждан уже более полувека реализуются во многих странах мира. Предпосылками их возникновения послужили трансформация социального статуса старшего поколения, изменение традиционных императивов поведения в пожилом возрасте, развитие в обществе идей гуманизма и всеобщего просвещения. Общее

число граждан, ежегодно принимающих участие в программах геронтообразования по всему миру, превышает 3.5 млн человек [16, с. 47]. Опыт работы специализированных образовательных проектов для пожилых граждан свидетельствует о наличии у геронтообразования большого адаптирующего потенциала. Условно можно выделить четыре направления влияния геронтообразования на процесс социальной адаптации представителей старшего поколения.

1. Адаптация к состоянию старости и процессу старения. В работах, посвящённых исследованию адаптации социального субъекта при переходе в группу пожилых людей (как правило, за начало старости берётся выход на пенсию), в качестве средства облегчения интеграции в новую среду часто предлагаются специальные образовательные курсы для лиц предпенсионного возраста. Обычно авторы говорят о необходимости образовательных мероприятий, нацеленных на формирование у пожилых людей установок на ведение активного образа жизни, психологическую адаптацию, информирование о различных формах организации досуга, мерах профилактики возрастных заболеваний. И.С. Кон, подчёркивая взаимосвязь процессов социальной адаптации и социализации, отмечал, что «подготовка к выходу на пенсию – столь же необходимый элемент социализации в старости, как профессиональная ориентация в юности» [17, с. 83]. Общепризнано, что десятилетие перед выходом на пенсию является наиболее благоприятным для адаптации к старости. Многие исследователи обращают внимание на то, что психологическая, физическая и прочая подготовка к выходу на пенсию должна проводиться не менее чем за год до прекращения трудовой деятельности (И. Кемпер, И.С. Кон). Существующие предпенсионные программы обычно представляют собой образовательные курсы, включающие лекции, беседы, работу в группах и индивидуальные консультации. Популярной формой реализации предпенсионных программ являются также семинары, охватывающие вопросы стиля жизни, коммуникативных практик, специфические стороны пенсионной жизни, вопросы, касающиеся льгот, налогов и инвестиций. К примеру, предприниматели США организуют специальные семинары для своих работников, находящихся в предпенсионном возрасте. На таких семинарах рассказывается, как применять правила социального обеспечения и системы медицинской помощи, каково обеспечение дохода пенсионеров со стороны предприятия. Службы социальной помощи, работающие с пожилыми людьми, берут на себя юридические, финансовые и психологические консультации. В некоторых случаях администрация требует от сотрудников обязательного присутствия [2, с. 91]. В Российской Федерации также функционирует несколько проектов, ориентированных на подготовку «молодых пожилых» к жизни на пенсии. Одним из них является Школа молодого пенсионера в г. Ревда, где слушателей знакомят с принципами начисления пенсий, возможностями дополнительного заработка для пенсионеров, методами преодоления психологических проблем [18, с. 7].

2. Предоставление актуальной информации и обучение конкретным навыкам, необходимым для решения жизненных задач. Важным элементом социальной адаптации выступает обучение знаниям, необходимым для повседневной жизни. Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что большинство обучающихся пожилых обращается к образованию для получения знаний и умений, актуальных в повседневной жизни, и видит главную социальную функцию геронтообразования в формировании у старшего поколения соответствующих навыков. На сегодняшний день достаточно много специализированных образовательных учреждений предлагает своим слушателям курсы, на которых они могут получить необходимые юридические, экономические, медицинские знания, научиться работать с современной техникой, проконсультироваться со специалистом и многое другое. В целом в программах образовательных учреждений курсы, направленные на помощь в решении повседневных жизненных задач, встречаются значительно чаще, чем «традиционные» учебные дисциплины или курсы, ориентированные на развитие прикладных навыков и умений.

3. Организация досуга. Организация свободного времени лиц третьего возраста представляет собой серьёзную социальную проблему. Досуг может оказаться одним из ресурсов развития человека в старости или же тяжким бременем, обрекающим его не «жить, а доживать». Между тем значительная часть лиц, вышедших на заслуженный отдых, не в состоянии наполнить освободившееся время новыми смыслами. Уже сам факт того, что досуг нужно как-то организовывать, может повергать пожилого человека в состояние шока. Геронтообразование предоставляет широкие возможности для решения проблемы организации досуга пожилых граждан. Во-первых, образовательные проекты для третьего возраста довольно часто включают хобби-курсы (рукоделие, живопись,

народное творчество, фотография, танцы, краеведение и т.д.). Таким образом, участвуя в образовательных программах, индивид получает знания и навыки, позволяющие самостоятельно организовать свободное время, реализовать себя в творчестве, хобби и т.д. Во-вторых, само участие в любой образовательной деятельности является формой проведения досуга, именно в данном контексте геронтообразование рассматривается как в массовом сознании, так и в сознании многих его субъектов. Для значительной доли участников образовательных программ обучение – это, в первую очередь, возможность интересно и с пользой провести свободное время. Обычно организация досуга как направление не декларируется в качестве основной цели работы образовательного учреждения. Тем не менее оно всегда будет присутствовать в любой форме образования в третьем возрасте. С этой точки зрения социальная значимость образования старшего поколения заключается уже в том, что оно задаёт пожилым людям установки на активный образ жизни, ориентирует их на всесторонний поиск полезных и значимых занятий, соответствующих их индивидуальным склонностям, интересам, способностям.

4. Расширение социальных контактов и удовлетворение потребности в общении. Уменьшение социальных контактов отрицательно сказывается на протекании процесса социальной адаптации граждан третьего возраста. Образовательное учреждение – это как раз то место, где пожилой человек может расширить круг знакомств, найти новых друзей, удовлетворить потребность в общении. Несмотря на то что контингент специализированных учреждений сильно дифференцирован по социально-демографическим признакам, учащиеся вполне могут найти в учебной группе людей, близких по возрасту, имеющих схожие интересы. Факторами, способствующими завязыванию товарищеских отношений, в данном случае являются включённость в совместную деятельность, а также то обстоятельство, что процесс установления и развития дружеских отношений здесь происходит естественно, без внешнего форсирования, как, например, в клубах встреч и знакомств. Как показывает практика, довольно часто слушатели образовательных курсов продолжают поддерживать связь и после их окончания.

Итак, в современных условиях интеграция в образовательную деятельность является одной из наиболее действенных стратегий повышения эффективности адаптивных механизмов старших членов общества. Анализ опыта работы отечественных образовательных учреждений для пожилых граждан выявил наличие у геронтообразования большого потенциала поддержки процесса социальной адаптации геронтов. Образовательные программы для старшего поколения способны оказывать как непосредственное воздействие на механизмы социальной адаптации в пожилом возрасте (обучение различным навыкам, необходимым в повседневной жизни), так и опосредованное, которое заключается в формировании условий, благоприятных для приспособления к социальным изменениям, процессу старения и состоянию старости (организация досуга, расширение круга общения, самореализация и т.д.). Учитывая высокую эффективность образовательной деятельности как средства социальной адаптации в третьем возрасте, а также большую популярность специализированных образовательных курсов у пожилого населения, можно констатировать, что сегодня геронтообразование является одним из наиболее перспективных агентов социальной адаптации старшего поколения. Названные обстоятельства можно рассматривать как очередные аргументы, подтверждающие целесообразность включения образовательного компонента в комплекс мер, направленных на преодоление и предотвращение негативных последствий демографического старения населения.

Список литературы

1. Ковалева А.И. Адаптация социальная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В.Н. Иванова. М: Мысль, 2003. С. 17–18.
2. Альперович В.Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1998. 104 с.
3. Давыдовский И.В. Геронтология. М.: Медицина. 1966. 300 с.
4. Холостова Е.И., Егоров В.В., Рубцов А.В. Социальная геронтология: учебное пособие. М.: Дашков и К°, 2005. 296 с.
5. Крюкова Д.А., Лысак Л.А., Фурса О.В. Здоровый человек и его окружение. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 383 с.
6. Краснова О.В. Личность пожилого человека: социально-психологический подход: Дис. … докт. псих. наук. М.: Московский педагогический гос. университет, 2006. 525 с.
7. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М.: МОНФ, 1999. С. 40–48.
8. Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 136 с.

9. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблемы поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000. 162 с.

10. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. М.: Наука, 1988. 429 с.

11. Ермолаева М.В. Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 320 с.

12. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 61–64.

13. Вершловский С.Г. Образование в жизни пожилых людей // Новые знания. 2009. № 2–3. С. 38–41.

14. Дичев Т.Г., Тарасов К.Е. Проблемы адаптации и здоровья человека. М.: Наука, 1976. 173 с.

15. Feldstein M., Social security, Induced retirement, and aggregate capital formation // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 82. P. 55–57.

16. Сорокин Г.Г. Образование пожилых граждан в условиях демографического старения. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 140 с.

17. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988. 272 с.

18. Добрынина С. Уроки третьего возраста // Российская газета – Неделя – Урал (Урал). 2009. № 4979. С. 5–7.

THE INSTITUTION OF SENIORS' EDUCATION AS AN AGENT OF SOCIAL ADAPTATION OF THE ELDERLY

G.G. Sorokin

Tyumen State Oil and Gas University

The article studies the role of seniors' education as an agent of social adaptation of the elderly. The author analyzes the experiences of domestic and foreign specialized educational programs and identifies possible areas where seniors' education can influence the process of social adaptation of the elderly.

Keywords: seniors' education, sociology of education, social adaptation of the elderly.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

© 2015 г.

Е.В. Баханова

Общественный совет при Управлении Федеральной службы исполнения наказаний России по Ульяновской области

bakhanova@inbox.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Рассматриваются социальные аспекты функционирования уголовно-исполнительной системы. Приводится авторское определение категории общественного контроля системы исполнения наказаний. Общественный контроль системы исполнения наказаний рассматривается как взаимодействие ассоциированных субъектов контроля, обеспечивающих эффективное использование социальных ресурсов (информационных, трудовых, пр.) для ресоциализации осужденных. Определяется его место в обеспечении эффективности уголовно-исполнительной системы. Описываются и анализируются действия субъектов и механизмы социального участия в реализации общественного контроля за системой исполнения наказаний в странах ЕС и США. Проводится сопоставление условий социального пространства деятельности уполномоченных структур по исправлению осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: социальный контроль, общественный контроль, система исполнения наказаний.

Одним из показателей эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы как «социального института ограждения общества от влияния лиц, совершивших правонарушения, и возвращения их к нормальному, то есть соответствующему нормам поведению» [1] является рецидивная преступность. В России за три года рецидивная преступность выросла на 12.5% (49.6% от всех совершенных преступлений в 2013 г.); во Франции за этот же период она выросла на 10.3% и достигла 38%; в США рецидивная преступность составляет 52%; в Германии – 26.7%; в Швеции в 2013 г. из 1390 тыс. преступлений 64% были совершены осужденными, вышедшими на свободу в течение трех предыдущих лет [2–6]. Несмотря на активное внедрение мер гуманизации уголовного законодательства, улучшения условий отбывания наказания, совершенствования методов психолого-исправительной работы с осужденными, все большее распространение получает, как говорят в Швеции, «уголовный образ жизни» (*crime prevention study*), образ «привычного преступника» (*habitual criminal*) в Англии и Германии.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых еще в 1955 г. на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобренных в мае 1977 г., определяется, что «целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование» [7].

Одним из механизмов достижения данной цели является социальный контроль деятельности государственных учреждений исполнения наказаний. Он позволяет сравнить фактически достигнутые результаты с поставленными целями, определить степень и факторы отклонения. Несмотря на близость понятий «социальный» и «общественный», традиционным для отечественных исследований является выделение в социальном контроле общественной и государственной форм. Однако, несмотря на теоретически обоснованное разделение общественного и государственного контроля, в современной практике организации контроля учреждений уголовно-исполнительной системы субъекты общественного контроля часто дублируют методы и сферы осуществления государственного контроля [8]. Члены российских общественных организаций проверяют соблюдение норм права так же, как и органы прокуратуры, но не обращают внимания на некоторые аспекты, которые принято контролировать в странах ЕС и США.

Исследование структуры и форм общественного контроля, осуществляемого членами общественных наблюдательных комиссий (далее ОНК) в 9 регионах РФ за последние 6 лет, позволило сделать вывод, что общественный контроль системы исполнения наказаний к настоящему времени представляет собой взаимодействие ассоциированных субъектов контроля, использующих различные социальные ресурсы (информационные, трудовые и пр.) для ресоциализации осужденных. Тюрьмы, как отмечает Э. Койл, это не общественные места [9]. Общественный контроль здравоохранения, образования, других социальных сфер как в России, так и в США, странах ЕС реализуется путем повышения открытости информации органов государственной власти (см., например, [10–12]); однако доступ в учреждения системы исполнения наказаний может быть открыт далеко не всем субъектам контроля. Общественный контроль, с одной стороны, должен осуществляться, но, с другой стороны, необходимо обеспечить прежде всего соблюдение требования изоляции и ограждения общества от преступников.

В зарубежной практике по отношению к общественному контролю системы исполнения наказаний чаще используются понятия *civil engagement* (гражданское участие), *public participation* (общественное участие), *public watch* (общественное наблюдение), *public advocacy* (общественная защита), *formal and informal monitoring* (формальный и неформальный мониторинг) [13–16]. В рекомендациях 2014 г. Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) по организации взаимодействия правительственных и неправительственных органов в решении вопросов правопорядка «Civil society and prison: the invisible bars challenge» указывается, что субъекты контроля учреждений исполнения наказаний должны:

– быть независимы;
– иметь четкий авторитет в области права;
– быть обеспечены ресурсами;
– достаточно долго работать в данной сфере и гарантировать устойчивость своей работы [17].

Негосударственные организации привлекаются для дополнения работы официальных контрольных органов путем проведения интервью с заключенными, составления ответов на жалобы и организации содействия в исправлении нарушений. Социальными механизмами реализации контрольных функций являются:

– социальное участие общественных структур в реализации интересов широкого круга граждан;
– социальное партнерство государства и общества.

В настоящее время деятельность общественных структур в пенитенциарной системе регламентируется положениями национальных превентивных механизмов в контексте Факультативного протокола к «Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» 1984 г.

Наиболее длительный и разнообразный опыт привлечения общественности к контролю за местами содержания осужденных накоплен в Великобритании. Независимое инспектирование тюрем началось в 1860 г. с создания Комитета мировых судей для надзора за тюрьмами. Он представлял собой взаимодействие граждан-волонтеров и специальных судей (магистрантов) по надзору за деятельностью тюремщиков. Волонтеры добровольно и бесплатно осуществляли наблюдение и инспектирование: принимали жалобы от заключенных, выносили суждения об обоснованности этих жалоб. Затем они передавали их группе судей, которые посещали тюрьмы и, при необходимости, выносили предупреждения тюремщикам. Были созданы местные гражданские советы, члены которых могли посещать тюрьмы так же, как волонтеры. В 1898 г. Палата общин приняла «Prison Act» («Акт о тюрьмах»), определивший основные принципы и механизмы системы «визитирования» – постоянного контроля общества за содержанием заключенных.

В настоящее время Комитеты трансформировались в созданные в 2003 г. «Independent Monitoring Boards (England and Wales)» – Советы независимого мониторинга тюрем. Советы действуют во всех тюрьмах Великобритании. В состав совета входят более 1600 человек из числа учителей, бизнесменов, других специалистов в возрасте от 35 до 60 лет, а также бывшие заключенные при условии примерного поведения в течение 5 лет после освобождения или бывшие надзиратели, но не в тюрьме, в которой работали.

Визитеры проходят специальное обучение. Им объясняют, как посещать тюрьму, на что обращать внимание, какие помещения в тюрьме надо посещать постоянно, как налаживать отношения с сотрудниками, как вести записи на аудио- и видеоаппаратуре, которые затем могут служить доказательствами допущенных нарушений. В каждом совете есть координатор по образованию, который должен оценить пробелы в подготовке визитеров. Через каждые 2–3 года каждый визитер направляется на курсы для

опытных визитеров. Существует и особая подготовка для председателей советов, где изучаются вопросы по взаимодействию с начальниками тюрем, разбирается практика рассмотрения инцидентов. Визитеры должны уметь общаться, слушать, не удовлетворяться первым полученным ответом [18].

В задачи Советов входит проверка соблюдения требований к питанию, образованию, трудовой деятельности, медицинскому обеспечению осужденных. Визитеры должны не менее 8 часов в месяц навещать осужденных в любое время суток. Для встречи с визитером осужденные могут обратиться лично, подать письменное заявление или опустить жалобу в специальный ящик. Омбудсмен не будет рассматривать жалобы осужденных без предварительного рассмотрениях их визитерами. Визитерам предоставляются ключи от всех помещений, комната для работы, в которой они могут принимать осужденных. Советы ежегодно предоставляют доклад руководству тюрьмы и МВД относительно существующих проблем, а также предложения по их устранению.

Члены Совета визитеров работают на общественных началах, но государство может компенсировать им расходы на проезд, содержание няни или потерю визитером зарплаты на работе. Однако бюджет визитеров достаточно скромен, и большинство из них не обращается к государству за компенсацией расходов.

Важное место работы с правонарушителями занимает система поручительства. Она заключается в принятии обязательства *to keep the peace* (блюсти мир) или *to be good behaviour* (вести себя должным образом), устанавливается по усмотрению суда и не может превышать одного года. Нарушение поручительства допускает применение меры наказания в виде тюремного заключения на срок до шести месяцев. Подобный институт действует и в США.

Тюремная система Великобритании реформируется. Например, с 2010 г. в частной тюрьме г. Питерборо действует шестилетний экспериментальный проект, призванный снизить число заключенных-рецидивистов [19]. Частные инвесторы вкладывают 5 млн фунтов в «социальные облигации», за счет которых проходит реабилитация 500 осужденных. Осужденным на сроки меньше года после выхода на свободу помогут найти работу и крышу над головой, оплатят образование и другие социальные нужды. Кроме того, каждого вышедшего на свободу будет встречать у ворот тюрьмы наставник – бывший заключенный, прошедший процесс реабилитации. По мнению К. Ламбета из благотворительной организации «St Jiles Trust», участвующей в проекте, такая поддержка должна принести свои плоды: «Когда с бывшим заключенным беседует человек, который знает, что такое тюрьма не понаслышке, и которому удалось вырваться из порочного круга, это во многом меняет взгляд бывшего осужденного на открывающиеся перед ним возможности». Как показала прошлая работа «St Jiles Trust», подобный подход снижал число рецидивов на 40%. В случае успеха инвесторы получат от государства и из Фонда Национальной лотереи 8 млн фунтов.

В целом исследователи отмечают, что основным достижением английской пенитенциарной системы являются комплексный мониторинг и открытость системы, так как именно ежедневное вовлечение в работу пенитенциарных учреждений широкого круга лиц позволяет выявлять существующие проблемы и оперативно с ними справляться [20].

В Уголовном Кодексе Франции (ст. 132–144, 145, 146) предусмотрены возможности использования мер «содействия усилиям осужденного по своей ресоциализации». Это может быть обязанность продолжить образование или профессиональную деятельность, проживать в определенном месте, пройти курс лечения, возместить полностью или частично ущерб даже при отсутствии гражданского иска, не посещать места продажи спиртных напитков, не иметь оружия, не посещать других осужденных, в частности соисполнителей или соучастников и др.

В Германии обучающимся осуждённым выплачивается пособие *Ausbildungsbeihilfe* в виде государственной выплаты, по сумме равной вознаграждению за работу. После освобождения здесь наиболее значимо участие церкви в оказании социальной помощи осужденным [21].

В Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции развита сеть полугосударственных образований помощи осужденным. В Финляндии в 1975 г. была основана Ассоциация по делам испытания и последующего ухода для помощи в решении социальных проблем условно освобожденных и бывших заключенных. Деятельность организации находится под контролем и руководством Министерства юстиции. В Швеции с 2011 г. реализуется проект «Команда социального вмешательства». В нее входят менеджеры по развитию от муниципалитетов, пробации, полиции, государственной службы занятости, Агентства социального страхования и другие. Согласно результатам мониторинга SGI (*Sustainable Governance Indicators* – Показатели устойчивости управления) 2014 г., эти страны

занимают четыре лидирующие позиции по показателю общего состояния осуществляемого контроля за органами власти [22].

Внимания заслуживает деятельность швейцарского пенитенциарного учреждения в г. Вицвиль, где разработана концепция образовательной и трудовой терапии *Arbeitsagogik*. 175 осужденных, связанных «общественным договором», работают на полях, в свинарнике, в конюшне, производят продукты питания (хлеб, колбасные изделия, сыр) вместе с 140 жителями близлежащей деревни. Территория учреждения занимает 825 гектаров. Осужденные, отбывающие наказание в тюрьме открытого типа, отбираются сюда с учетом степени их опасности для окружающих. По прибытии в Вицвиль они в течение нескольких дней проходят дополнительное тестирование, в котором учтены «когнитивные способности» (вычисления, вопросы о Швейцарии, ее кантонах и ее рельефе), беседа с психологом, тесты, связанные с моторикой личности. «Эта модернизация методов наблюдения – единственная в Европе», – говорит Поль-Роже Гонтар – директор учреждения. На одного заключенного государство тратит здесь 317 швейцарских франков (222 евро) в день, тогда как их содержание в закрытой тюрьме обходится от 400 до 1000 швейцарских франков (от 280 до 700 евро)». В 2009 г. потратили 21 миллион и заработали тоже 21 миллион за счет работы заключенных и дотаций от кантона. Таким образом, баланс соблюден [21].

Анализ показал, что система тюрем подобного типа существует также в Дании, Финляндии, Швеции, Австрии и ряде других европейских стран. Во Франции такой вид тюрем представлен учреждением «Касабьянда», расположенным на острове Корсика. Во Франции социальная работа с осужденными является направлением социальной политики и осуществляется муниципалитетами на региональном уровне.

В США взаимодействие государства и общественности реализуется в виде Центров *Halfway houses*, трудовой терапии, содействия службам пробации и центрам принудительного лечения. Суды, тюрьмы и наблюдающие за досрочниками полицейские стали координировать усилия, передавая каждого клиента с рук на руки вместе с подробным персональным профилем (от оценки опасности, содержащейся в нём, зависят индивидуальные условия досрочного освобождения). Перед освобождением все проходят полугодовую программу адаптации к жизни на воле, в ходе которой, кроме прочего, учатся взаимодействовать со своим куратором из полиции [23].

Так, более 30% правонарушителей разрешается без сопровождения на определенное время покидать охраняемую территорию, с тем чтобы работать по найму или обучаться какой-либо профессии и таким образом готовиться к возвращению в общество. Решение, в каких реабилитационных программах осужденному желательно участвовать, принимается в Центре приема, диагностики и классификации заключенных.

В центры принудительного лечения (*Court residential treatment centers*, *Substance abuse treatment facilities*) направляются нуждающиеся в лечении от алкоголизма и наркомании. В этих центрах действуют образовательные программы и программы социализации, а ближе к окончанию срока заключенный может пройти курс профессионального обучения и получить помощь в трудоустройстве. Штат Мичиган снизил число рецидивов благодаря мерам индивидуального профилирования, расширения области применения условно-досрочного освобождения, программы адаптации к жизни на свободе [24].

В 2011 г. в штате Кентукки был принят Акт об ответственности за общественную безопасность (HB 463), который направлен на увеличение общественной части в исправительной деятельности государства. Нормативный акт закрепил обязательную политику «спускаемого надзора» – необходимость каждому заключенному быть под общественным надзором после освобождения. Заключенные не могут быть освобождены из тюрьмы без обязательства контроля, поручительства или поддержки [25].

Осужденные США, впервые совершившие правонарушение, трудоспособные и психически здоровые, не имеющие проблем с наркотиками и алкоголем, могут направляться в центры реституции (*Restitution centers*), но только в том случае, если они сами выбрали такую альтернативу тюремному заключению. Сюда же попадают осужденные, срок тюремного заключения которых подходит к концу, если суд постановил смягчить условия их содержания под стражей и дать возможность подготовиться к жизни на свободе. Лица, содержащиеся в этих центрах, обязаны пройти курс социализации, посещать занятия по специальной образовательной программе, ходить на работу (по найму на полный рабочий день) и выполнять бесплатно общественные работы. Из заработанных денег они оплачивают свое проживание в центре, судебные издержки и возмещают ущерб пострадавшему.

37 штатов легализовали использование труда заключенных частными корпорациями. В список этих корпораций входят IBM, Boeing, Motorola, Microsoft, AT&T, Wireless и многие другие. Как пишет *Left Business Observer*, тюремная индустрия США производит 100% всех военных касок, форменных ремней и портупей, бронежилетов, идентификационных карт, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек [26]. Помимо военного снаряжения и обмундирования, тюрьма производит 98% от рынка монтажных инструментов, 46% пуленепробиваемых жилетов, 36% бытовой техники, 30% наушников, микрофонов, мегафонов и 21% офисной мебели, а также авиационное и медицинское оборудование и многое другое; заключенные занимаются даже дрессировкой собак-поводырей для слепых.

В Пенсильвании и Нью-Джерси проводится эксперимент по функционированию Центров *Halfway houses* (дома на полпути), куда попадают заключенные сразу после освобождения или для проведения финального отрезка срока. Период содержания там составляет от одного до шести месяцев, заключенные обязаны ночевать в учреждении, у них развивают социальные навыки, обучают ремеслам и проводят профилактику наркомании [18].

В зарубежных странах широкое внимание уделяется предотвращению совершения преступлений и работе с молодежью. В УК Франции предусматривается применение к несовершеннолетним, совершившим общественно опасные деяния, мер защиты, помощи, надзора и воспитания в виде передачи на воспитание семье либо лицу, заслуживающему доверия. В графстве Уайт в Великобритании подростки, уличенные в каких-либо хулиганствах, обязаны ездить в школу на специальном автобусе, выкрашенном ярко-розовой краской. Школьники прозвали унизительный автобус «розовой угрозой» и, правда, согласно статистике, стали гораздо реже нарушать дисциплину [21].

Довольно необычный способ побороть подростковую преступность предложили английские магазины. В мае 2005 г. торговый центр *Bluewater* в графстве Кент отказался обслуживать покупателей в капюшонах. Универмаг рассчитывал оградить торговый зал от появления уличных хулиганов, излюбленной одеждой которых являются куртки и толстовки с капюшонами. Обычно нарушители порядка натягивают капюшоны на голову, чтобы их сложнее было опознать на записях из камер наблюдения (кстати, эти камеры, расположенные в Британии на каждом шагу, еще один бескровный способ остановить преступность). Что интересно, способ сработал. Представители универмага утверждают, что с момента введения запрета случаи хулиганских нападений на магазин значительно сократились. При этом в первый же месяц после нововведения количество покупателей в торговом центре *Bluewater* увеличилось на 23%. Журналисты быстро узнали об этом начинании, и вскоре сам Тони Блэр поздравлял администрацию торгового центра и поддерживал всеобщее введение запрета на капюшоны в магазинах Великобритании [21].

Как показал проведенный анализ, схемы взаимодействия общественности и правоохранительных органов достаточно разнообразны. Страны развиваются различными путями с учетом культуры и национальных особенностей. Однако есть ряд общих структур, принципов деятельности (наблюдательные комиссии, мониторинг), доказавших свою эффективность в общественном контроле. В настоящее время в России активно развивается система общественного контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. Вероятно, некоторые зарубежные механизмы и методы привлечения общественности к снижению уровня рецидивной преступности могут быть так же успешно внедрены, как создание в 1819 г. по инициативе Дж. Веннинга и кн. А.Н. Голицына Попечительского о тюрьмах общества на основании лучших практик Лондонского общества улучшения мест заключения и Французского королевского попечительного общества о тюрьмах.

Список литературы

1. Потоцкий Н.К. Уголовно-исполнительная система в реализации функций российского государства // Правовая инициатива. 2014. №1. – URL: http://www.49e.ru/ru/2014/1/20 (дата обращения: 26.11.2014).

2. Показатели преступности России. – URL: http://www.crimestat.ru (дата обращения: 25.11.2014).

3. Ministère de la Justice. – URL: http://www.justice.gouv.fr (дата обращения: 25.11.2014).

4. Brottsförebyggande rådet (Brå). – URL: http://www.bra.se/bra/brott-och-statistik/statistik/aterfall-i-brott.html (дата обращения: 25.11.2014).

5. Des deutschen Bundeskriminalamts. – URL: http://www.bka.de/ (дата обращения: 25.11.2014).

6. Réitération statistiques. – URL: //www.lejsl.com/faits-divers/2012/09/15/les-chiffres-de-la-recidive-en-france (дата обращения: 25.11.2014).

7. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. – URL: //www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 06.11.2014).

8. Баханова Е.В. Гуманизация пенитенциарной системы: социологический аспект. М.: Изд-во СГУ, 2013. 108 с.

9. Coyle A. Understanding Prisons: Key Issues In Policy And Practice. Berkshire: Open University Press, 2005. 224 p.

10. http://data.gov.uk (дата обращения: 12.11.2014).

11. http://www.data.gov (дата обращения: 12.11.2014).

12. http://www.foia.gov (дата обращения: 12.11.2014).

13. 2013 год: Франция, социальный портрет. – URL: http://lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/portrait-de-la-societe-francaise-en-10-chiffres-insolites_1354568.html#xtor=AL-189 (дата обращения: 12.11.2014).

14. УК Дании. – URL: https://www.forum.yurclub.ru (дата обращения: 12.11.2014).

15. УК Бельгии. – URL: https://www.ugolovnykodeks.ru/ugolovny – kodeks belgii (дата обращения: 12.11.2014).

16. УК Франции. – URL: https://www.constitutions.ru. (дата обращения: 12.11.2014).

17. Working Paper Series On Prison Reform. – URL: https://www.unodc.org/ropan/en/working-paper-series/working-paper-serires.html (дата обращения: 19.11.2014).

18. Бабушкин А.В. Тюрьмы Великобритании // Российский тюремный журнал. 2009. № 2. – URL: http://zagr.org/474.html (дата обращения 19.11.2014).

19. В частной тюрьме британского города Питерборо запущен экспериментальный проект, призванный снизить число заключенных-рецидивистов // BBC-Russan. – URL: http://www.bbc.co.uk (дата обращения: 26.11.2014).

20. Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование: Дисс. … канд. юр. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 180 с.

21. Мир и Тюрьма // Альманах «Неволя». 2010. № 5. – URL: http://www.index.org.ru/nevol/2010-23/05-alexan.html (дата обращения: 26.11.2014).

22. Sustainable Governance Indicators. – URL: http://www.sgi-network.org/2014/ (дата обращения: 19.11.2014).

23. Ковалев О.Г., Шереметьева М.В. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 19–22.

24. The Rise in Prison Inmates Released Without Supervision / The Pew Charitable Trusts. – URL: http://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/reports/2014/06/04/max-out (дата обращения: 06.11.2014).

25. Kentucky House Bill (HB 463). – URL: http://www.lrc.ky.gov/record/11rs/HB463/bill.doc (дата обращения: 26.11.2014).

26. The Prison Industry in the United States: Big Business or a New Form of Slavery? // Left Business Observer. 10.03.2008. – URL: http://www.globalresearch.ca/the-prison-industry-in-the-united-states-big-business-or-a-new-form-of-slavery/8289 (дата обращения: 12.11.2014).

27. Романов Д. Как потратить $100 млн. на рост рецидивной преступности // Право.ru. – URL: http://pravo.ru/interpravo/practice/view/84374/ (дата обращения: 25.11.2014).

SOCIAL POTENTIAL AND PROSPECTS OF PUBLIC CONTROL OF THE PENAL SYSTEM

E.V. Bakhanova

Public Council under the Office of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ulyanovsk region

The article considers the social aspects of the functioning of the penal system. The author offers her definition of the category of public control of the penal system. Public control of the penal system is seen as the interaction of associated control subjects aimed to ensure the effective use of social resources (information, labor, etc.) for the re-socialization of convicts. The role of public control in ensuring the effectiveness of the penal system is discussed. The author describes and analyzes the activities of the subjects and the mechanisms of social participation in the implementation of public control of the penal system in the EU and the US. A comparison is made of the conditions of the social space where authorized institutions function to achieve correction of convicts.

Keywords: social control, public control, penal system.

УДК 316.1

АПРОБАЦИЯ МЕТОДА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРТ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ МЕНЕДЖЕРОВ В ВУЗАХ

© 2015 г.

Н.В. Абрамова

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва

urannew@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Рассматривается процедура построения концептуальных карт для программы переподготовки менеджеров в вузах. Данный метод применяется в российской практике впервые. Он позволяет повысить валидность инструментария исследования и может быть использован для разработки образовательной программы. Проведена апробация метода концептуальных карт для программы переподготовки менеджеров в вузах. В построенной модели представлены основные эффекты образовательной программы. Для вузов данная модель может стать основой для разработки компетентностно-ориентированных программ обучения.

Ключевые слова: концептуальные карты, оценочные исследования, повышение валидности.

Оценочные исследования в сфере образования стали очень актуальны и востребованы в России в последние годы, что связано с проведением масштабных образовательных реформ. Особый интерес представляют исследования программ переподготовки взрослых в высших учебных заведениях, поскольку в ситуации быстрых экономических и технологических изменений существует потребность в непрерывном обновлении знаний и навыков у специалистов. При анализе оценочных исследований мы опирались не только на российские, но и на зарубежные работы [1]. Анализ литературы позволил установить недостаточность проработки методологии оценочных исследований в рассматриваемой сфере, а также недостаточность исследований в сфере образования взрослых (при этом имеются исследования в следующих сферах: в дошкольной подготовке, в школьном обучении, в обычном вузовском обучении).

Оценочными исследованиями называют особый тип прикладных социальных исследований, в которых методология социальных наук используется для изучения эффективности и других важных аспектов социальных программ.

Оценочные исследования в сфере образования проводились в англосаксонских странах в разные годы, но в большинстве этих исследований имелась одна проблема- отсутствие связи между теоретической рамкой и практическим результатом. Одним из ярких примеров этого стало оценочное исследование, проводившееся в процессе реализации программы «Хед Старт» [1], где отсутствовала теоретическая модель и оценивались только явные индикаторы (когнитивные способности детей) и не были учтены неявные результаты (повышение мобильности, отсутствие ранних беременностей). Анализ работ по оценочным исследованиям позволил установить, что в большинстве из них не применялись теоретические модели и возникла потребность в построении «вспомогательной теории измерения», то есть методики, связывающей теорию с эмпирикой [1].

Чтобы рассмотреть эффект от использования социальных программ при обучении взрослых в высших учебных учреждениях в России, обратимся к одной из них – к программе переподготовки менеджеров. В программе принимает участие большое количество стейкхолдеров: менеджеры, преподаватели высших учебных заведений, представители администраций, чиновники. И с нашей точки зрения, очень важно учитывать мнения всех акторов при определении эффекта данной социальной программы. Мы провели вторичный анализ инструментария и отчётов указанной программы и пришли к выводу, что при создании инструментария не было учтено мнение основных стейкхолдеров. Мы обратились к данной программе, чтобы предложить модель по связи теории и практики, то есть методику построения вспомогательной теории измерения, поскольку без чётко определённых, измеряемых и надёжных конструктов, ожидаемых в качестве прогнозируемых изменений, которые также чётко выражены и непрерывно контролируются, сложно получить значимый результат. Необходимо заранее иметь

чёткое представление о модели измеряемого процесса, будь то оценка эффективности социальных программ или классическое социологическое исследование. Для построения модели измеряемого процесса американский социолог У. Трочим в 1989 г. предложил метод построения концептуальной карты, который имеет относительное преимущество в стандартизации и структурировании, а также в наглядном представлении [2].

Концептуальная карта – это графическое представление экспертного заключения, отражающего основные идеи, выработанные группой в ходе обсуждения проблемы, а также показывающие связи одних положений с другими. Концептуальная карта визуально отражает набор смысловых единиц (концептов), объединённых в конструкты с целью более точного отслеживания прогнозируемых результатов.

Апробация метода концептуальных карт

Апробация метода концептуальных карт проводилась применительно к практической задаче – оценке полноты методологической корректности образовательной программы. Программа подготовки управленческих кадров началась в 1997 г. Цель программы – обеспечение отраслей народного хозяйства высококвалифицированными менеджерами среднего и высшего звена.

Программа предназначена для специалистов, имеющих высшее образование, но желающих усовершенствовать свои управленческие навыки. В ней принимают участие менеджеры среднего и высшего звена, которые несколько лет проработали на предприятиях и у которых возникла необходимость в дополнительных знаниях по менеджменту и маркетингу. Зачисление в программу происходит на основе конкурсного отбора по результатам экзаменов.

Обучение происходит в вузах, аккредитованных для работы в проекте, удовлетворяющих определённым требованиям к преподавательскому составу, методической базе, планам учебных программ и техническим возможностям учебного заведения, от наличия необходимой литературы до возможности обеспечить доступ к международным и национальным электронным ресурсам.

Итак, перечислим основных участников данной образовательной программы: вузы (предоставляют образовательные услуги), учащиеся-менеджеры (получают образование), работодатели (получают компетентных управленцев), государство (инвестор данной программы). Работодатель – это реальный игрок на рынке образовательных услуг. Он рассчитывает получить готового управленца, который немедленно включится в управленческий процесс. Помимо общих и специальных знаний работодатель ожидает от молодого управленца следующих компетенций: контролировать совершенствование услуг, контролировать ресурсы, нанимать кадры, собирать внутреннюю информацию, укреплять рабочие связи. Компетентностный подход во главу угла ставит не наличие определенных научных знаний, а способности человека осуществлять конкретную производственную деятельность в рамках принятых стандартов. Компетентностный подход напрямую связан с образовательным процессом и требует особого подхода. При разработке компетентностно ориентированных образовательных программ любая компетенция представляется как синтез трёх компонентов: когнитивного, включающего систему предметных («знаю, что»), процедурных («знаю, как») и методологических («знаю, как узнать») знаний конкретной области; деятельностного (уметь, владеть, приобрести опыт деятельности), состоящего из совокупности профессионально-ориентированных умений; мотивационно-ценностного (отношение, стремление), позволяющего соотносить профессиональную реальность со взглядами, представлениями и убеждениями студента [3].

Теперь обратимся к самой методике.

Шаг 1. Подготовка

На первом шаге проводилась подготовка к исследованию: во-первых, определялись будущие участники, а во-вторых, определялся фокус мозгового штурма.

Отбор участников – это один из важных этапов. В нашем исследовании приняли участие социальные исследователи, специализирующиеся на изучении социальной политики. Большая часть участников имеет преподавательский стаж и большой опыт в проведении исследований, а также академические степени в области социальных наук. Участники приехали из многих российских регионов и стран бывшего СНГ (Республика Беларусь и Республика Кыргызстан). Исследование было осуществлено в июне 2010 г. в санатории «Волжские дали» во время проведения летней школы для социологов и социальных работников. Была выбрана эта группа, поскольку эти специалисты уже имели опыт планирования и реализации проектов в социальной сфере и в сфере образования. Количество участников на этапе генерирования идей – 20 человек. Хотя для более полного представления оценки программы нужно было включить администраторов программы, клиентов и чле-

нов целевых сообществ, мы были вынуждены ограничиться только доступной нам группой.

Фокус «мозгового штурма». В нашем исследовании было сфокусировано внимание на вопросе эффективности обучения по программе подготовки управленческих кадров. Поскольку участники данного исследования являются независимыми экспертами, вначале они были ознакомлены с историей, целями и задачами программы подготовки (ПП). В качестве фокуса обсуждения был взят результат проведения обучающей программы для всех участников этого процесса. Участники в основном слышали о существовании данной программы, но имели ряд вопросов относительно формата обучения и требований к потенциальным участникам.

Шаг 2. Генерирование утверждений

После небольшого вступительного слова экспертам было предложено принять участие в проведении мозгового штурма по теме «Эффективность обучения в программе переподготовки управленческих кадров». Были описаны его правила. В ходе проведения мозгового штурма участники могли высказывать свои утверждения и понимали, что их утверждения не будут подвергнуты критике. Утверждения записывались на флип-чарте, чтобы все участники могли их видеть во время дискуссии. Кроме того, все участники получили листки чистой бумаги и им было предложено записать свои утверждения на этих листках, если они не хотят высказывать их публично. В результате мозгового штурма было сгенерировано 70 утверждений. Затем все утверждения были зачитаны участникам и из них были выбраны несколько утверждений, которые участникам были непонятны. Авторов высказываний попросили дать пояснения по каждому из них.

Шаг 3. Структурирование утверждений

После того как были сформулированы высказывания по ключевой области, мы приступили к выявлению связей между утверждениями. Кроме того, осуществлялась оценка каждого утверждения (по пятибалльной шкале Лайкерта, где 1 представляет наименьшую значимость для результата ПП, а 5 – наибольшую значимость для результата ПП).

Проводилась сортировка сгенерированных утверждений. Каждое из утверждений было написано на листке размером 3×5 см. Кроме карточек с утверждениями каждому участнику выдавалась карточка со шкалой важности. Набор выдавался каждому участнику на руки. Затем ведущий зачитывал инструкцию по проведению сортировки. Участнику нужно было объединять карточки в группы «способом, который имеет смысл для самого участника». Имелось несколько ограничений: каждое утверждение могло быть помещено только в одну группу; все утверждения не могли быть помещены в одну группу; каждое утверждение не могло образовывать отдельную группу.

После проведения сортировки каждым участником результаты всех участников объединялись. Это делалось в два этапа. Сначала результаты сортировки преобразовывались в индивидуальную бинарную матрицу, где количество срок и столбцов равно количеству утверждений (в нашем случае – 70 на 70). На пересечении столбца и строки ставится 1 или 0.1, если одно утверждение помещено в одну группу с другим утверждением.

Затем индивидуальные матрицы объединялись. Для процедуры агрегирования достаточно представить трёхмерный параллелепипед данных с ответами участников. Эта матрица имеет столько же колонок и столбцов, сколько есть утверждений. Цифра в матрице означает, сколько людей поместило утверждение в эту позицию.

Шаг 4. Статистическая обработка

Прежде чем перейти к шагу 4, нужно принять во внимание очень важное дополнение У. Трочима о создании «реляционной концептуальной карты» (которая изоморфно отражает отношение между понятиями), а не о воссоздании из данных о различиях/сходствах точной карты расстояний (как это обычно делается в многомерном шкалировании).

На данном шаге проводилось непараметрическое многомерное шкалирование, в результате которого получили карту точек (каждая точка – это утверждение). Затем был осуществлён иерархический кластерный анализ методом Варда на основе координат точек, полученных в непараметрическом многомерном шкалировании. Далее – последовательно реализован анализ количества кластеров, начиная с двадцати кластеров. С точки зрения возможностей интерпретации, оптимальным оказалось решение, содержавшее 9 кластеров.

У. Трочимом установлено, что двухмерное решение универсально и приемлемо, поэтому при построении нашей концептуальной карты было использовано двухмерное шкалирование, чтобы нанести точки на карту (уровни стресса при двумерном и трёхмерном шкалировании были практически одинаковыми).

Второй вид анализа, который проводился для представления концептуальной области, называют иерархическим кластерным анализом. В результате кластерного анализа происходили

группировка или разделение точек на карте, которая была построена в результате многомерного шкалирования. Для этого использовались координаты точек, полученные в результате многомерного шкалирования (а не оригинальная матрица подобия), как основа для кластерного анализа. Кроме того, алгоритм Варда был применён для кластерного анализа. Результаты кластерного анализа хуже поддаются интерпретации по сравнению с результатами многомерного шкалирования, поскольку кластерный анализ используется как наводящий на размышления и в некотором роде «визуально определяет» группы для разделения результатов многомерного шкалирования. Ключевая идея заключалась в том, чтобы поддержать целостность результатов многомерных шкалирования, то есть найти решение, при котором группы не перекрывают друг друга (например, оптимальное разделение пространства).

После проведения многомерного шкалирования и кластерного анализа мы в состоянии интерпретировать концептуальную карту группы.

Шаг 5. Интерпретация результатов

В связи с тем что не было возможности повторно собрать вместе всех участников первоначальной группы, каждому участнику были высланы все результаты по электронной почте, а также даны подробные пояснения по картам и спискам высказываний. Участникам предлагалось дать название каждому из кластеров.

Чтобы интерпретировать результат, мы отправили определенный набор материалов, состоящий из следующих материалов:

– лист утверждений (лист с утверждениями участников после проведения мозгового штурма);

– лист с кластерами (лист, где утверждения объединены в кластеры после кластерного анализа);

– карта с точками (которая получена после проведения многомерного шкалирования);

– кластерная карта (рисунок, где показано, как утверждения объединялись в кластеры);

– карта точек с оценками важности;

– карта кластеров с оценками важности.

Карта кластеров с названиями представляет собой концептуальную основу и ключевой результат процесса картографии. Заключительная карта – это собственный продукт участников. Карта полностью основана на утверждениях, которые участники исследования сгенерировали своими словами и которые они сгруппировали. Названия кластеров на карте – это также итог их работы. У участников исследования была также возможность изменять или перестраивать карту – до тех пор, пока все элементы не станут понятны для них и будут соответствовать задаче, которая сформулирована участниками.

В процессе интерпретации участники внесли ряд изменений в первоначальные кластеры. Кластер 9, в который было включено два фактора (развитие международных связей и межотраслевые связи), был слит с кластером 8. С чем это было связано? Участники затруднялись дать какое-либо название этому кластеру, и, внимательно изучив карту с точками, они пришли к выводу, что этот кластер семантически близок кластеру 8 «Коммуникации и сети». Кроме того, в результате анализа карты с точками утверждение 59 «катарсис» было перенесено из исходного кластера в кластер «Альтернативные личные выгоды», так как на карте это утверждение расположено ближе к данному кластеру.

Участники обратили внимание на кластер «Преимущества для организации». Дело в том, что внутри этого кластера выделяются две подгруппы: «преимущества» и «недостатки». В подгруппу «преимущества» вошли следующие утверждения: увеличение доходов компании, ротация кадров, рост статуса организации, модернизация структуры управления организацией. В подгруппу «недостатки» были отнесены инновационные методы управления, повышение премий топ-менеджерам, расслоение сообщества управленцев, давление со стороны компании. Это говорит о сложностях, с которыми сталкивается слушатель программы после окончания обучения.

Участники выделили один интересный момент: кластер «Карьера и мобильность» близко расположен к кластеру «Коммуникация и сети», что, по мнению наших экспертов, говорит о большой взаимосвязанности этих кластеров. То есть чем лучше человек способен налаживать новые связи и обмениваться опытом, тем выше его мобильность.

Шаг 6. Применение карты

Участникам было предложено определить, каким образом можно использовать концептуальную карту для проведения оценки результатов программы переподготовки. Участники предложили разработать анкету и провести опрос специалистов. Так как анкета уже существовала, было предложено повысить ее содержательную валидность с помощью концептуальной карты.

В результате обсуждения было получено 8 кластеров: «Совершенствование собственных качеств» (3.58), «Коммуникации и сети» (3.39), «Преимущества для организации» (3.20), «До-

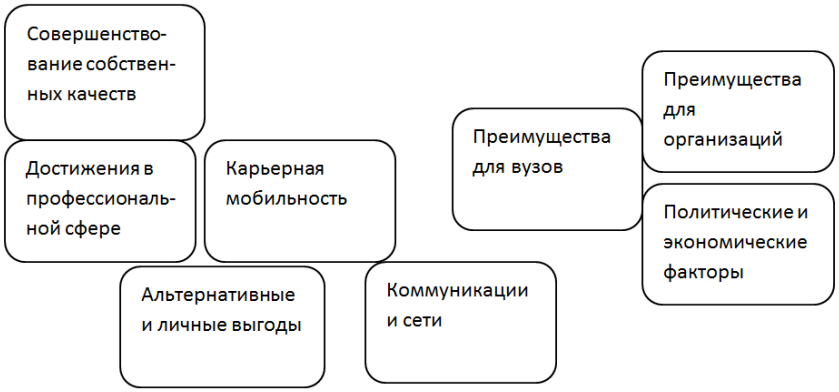


Рис. 1. Концептуальная карта «Эффективность программы подготовки менеджеров»

стижения в профессиональной сфере» (3.19), «Преимущества для вузов» (2.91), «Карьерная мобильность» (2.79), «Политические и экономические факторы» (2.73), «Альтернативные и личные выгоды» (2.43). Результат построения концептуальных карт схематически представлен на рис. 1.

Четыре кластера из восьми связаны непосредственно с результатами слушателя программы: совершенствование собственных качеств, достижения в профессиональной сфере, карьерная мобильность, альтернативные личные выгоды. Можно сделать вывод, что, с точки зрения наших экспертов, важнейшим результатом является развитие профессиональных качеств слушателей. Можно сказать, что эти четыре кластера являются сформированной компетентностной картой профессиональной деятельности выпускника данной программы.

Участники построения концептуальных карт для ПП предложили также следующие *области применения*.

Для слушателей. В начале каждого учебного года можно применять этот метод для построения концептуальной карты группы слушателей. Люди, пришедшие в программу, имеют смутные представления о целях своей дальнейшей учёбы, и поэтому если построить концептуальную карту, то это очень поможет слушателям чётко и более детально представить свои цели. Концептуальная карта позволит слушателям понять ожидания своих однокурсников, также это станет своеобразной визитной карточкой группы. Располагая концептуальной картой, в течение года слушатели могли бы расставить приоритеты своей дальнейшей учёбы и обсудить с преподавателями наиболее важные направления. Например, в кластере «Совершенствование собственных качеств» самыми важными были названы такие качества: аналитическое мышление, получение новых знаний, коммуникативные навыки. Эти вопросы могут более детально быть обсуждены в группе слушателей. Если речь идёт о коммуникативных навыках, то, вероятно, очень важна работа в группе, когда участники могут обсуждать совместно какие-то вопросы. Участники могут написать свои ожидания на бумаге и передать всю информацию в учебный отдел. То есть, по сути, это поможет адаптировать учебный процесс под ожидания слушателей.

Для преподавателей. Преподаватели в начале учебного года получают концептуальную карту, и данная карта может стать основой для разработки компетентностно ориентированной программы обучения. Преподавателям предоставляется структурированное описание программы профессиональной деятельности выпускника, включающей профессиональные умения, профессиональные знания. Карта профессиональной деятельности выпускника является важным методическим пособием, учитывающим потребности рынка труда.

Для администрации программы. Одним из возможных направлений применения концептуальных карт для данной группы является подготовка рекламного буклета, рекламного ролика и информации на сайте вуза. На этапе выбора образовательного центра потенциальный слушатель подробно изучает информацию о нём. Перед слушателем стоят конкретные жизненные проблемы, и он будет искать информацию, какой образовательный центр лучше всего ему подходит. Например, слушателю очень важно расширить свои профессиональные связи, и, если в описании курса он прочтёт, что в определенном вузе данному вопросу уделяется большое внимание, слушатель с большой вероятностью остановит свой выбор именно на этом вузе.

Для предприятия. Предприятие также может использовать концептуальную карту в своей работе. Слушатель может принести концептуальную карту в свою кадровую службу и согласовать, какие вопросы актуальны для развития его отдела в данный момент. На основе данной карты может быть составлен план развития профессиональных навыков отдела и конкретных специалистов. Кроме того, слушатель программы может обсуждать результаты своей научной работы со своим непосредственным руководителем.

В построенной модели представлены основные эффекты образовательной программы для взрослых и наиболее значимые факторы, формирующие результат от прохождения подготовки. Участники построения модели предложили направления применения данной модели для слушателей программы, для преподавателей, для организаторов проведения программы, для предприятий. Для вузов построенная модель может дать основу для разработки компетентностно ориентированных программ обучения.

Список литературы

1. Cicirelli V.G. The impact of Head Start. Athens, OH: Westinghouse Learning Corporation and Ohio University, 1969. 148 p.
2. Trochim W. Concept mapping: soft science or hard art? // Evaluation and Program Planning. 1989. V. 12. P. 87–110.
3. Петухова Т.П., Глотова М.И. Самостоятельная работа как средство развития информационной компетенции // Высшее образование в России. 2008. № 12. С. 121–126.

TESTING THE CONCEPT MAPPING METHOD FOR EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE EDUCATIONAL PROGRAM FOR MANAGERS IN UNIVERSITIES

N.V. Abramova

State Academic University for the Humanities

The article discusses the procedure for constructing concept maps for the retraining program of managers in universities. This technique is used for the first time in Russian practice. We present the results of the testing of this method in the form of a concept map that shows the effect of an educational program for adults. This technique allows to increase the validity of research instruments and can be used to develop an educational program at the university.

We have tested the method of concept mapping for a managers retraining program at the university. The constructed model shows the main effects of the educational program. For universities, this model can provide the basis for the development of competence-oriented training programs.

Keywords: concept maps, evaluation studies, validity enhancement.

УДК 316.4

КАДРЫ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ОЖИДАНИЯ И НАДЕЖДЫ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

© 2015 г.

А.Р. Заляев

Казанский государственный медицинский университет

arthyran@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

С целью выявления трудовых и профессиональных стратегий молодых людей, связывающих себя с отраслью медицины, был проведен опрос среди студентов выпускных курсов, интернов, ординаторов вузов, ссузов Республики Татарстан, обучающихся по медицинским направлениям (∑= 776). Для выявления мнения работодателей о трудовых предпочтениях выпускников медицинских учебных заведений были проведены анкетный опрос и полустандартизированное интервью с главными врачами и заведующими отделениями государственных медицинских организаций Республики Татарстан (∑= 198). На основе анализа результатов социологического исследования показаны основные факторы, влияющие на выбор медицинской специальности, ожидания и надежды студентов на будущее место работы; рассмотрены установки на смену профессии, причины ухода молодых специалистов из отрасли здравоохранения.

Ключевые слова: медицинские кадры, профессия врача, профессионально-трудовая мотивация, трудоустройство выпускников медицинских специальностей, смена места работы, условия труда, ожидания студентов-медиков.

В современном российском обществе наблюдается парадоксальная ситуация. С одной стороны, в отечественном здравоохранении существует проблема нехватки кадров: по официальным данным Минздрава России, общий дефицит врачей исчисляется примерно в 40 тыс. человек. Медицинские вузы страны ежегодно выпускают около 37 тыс. молодых специалистов. Дефицит среднего медицинского персонала – 270 тыс. кадровых единиц. Медицинские училища и колледжи, а также специальные факультеты медицинских вузов выпускают более 59 тыс. медсестер, фельдшеров и акушерок ежегодно [1]. С другой стороны, конкурс на медицинские специальности в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования остается наиболее высоким. Так, по мнению исследователей из Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), самые сильные выпускники школ, если брать за основу баллы ЕГЭ, выбирали для обучения медицинские университеты [2]. Как показывает мониторинг качества бюджетного приема в вузы, подготовленный НИУ ВШЭ и РИА Новости в рамках проекта «Общественный контроль за процедурами приема в вузы как условие обеспечения равного доступа к образованию» по заказу Общественной палаты России, медицинские вузы из года в год продолжают укреплять свои позиции. Около трети (7 из 20) вузов – лидеров мониторинга – медицинские. По мнению директора Института развития образования НИУ ВШЭ И.В. Абанкиной, это следствие того, что россияне считают профессию врача достойной, имеющей хорошие перспективы трудоустройства и карьерного роста [3].

Специалисты и широкая общественность задаются вопросом, почему при такой популярности медицинской профессии, наличии мощной системы профессионального образования, стремлении молодых людей стать врачами и медицинскими сестрами в стране не хватает медицинских кадров? Стало ли это результатом сокращения приема по медицинским специальностям, или причину необходимо искать в чем-то другом?

Что касается приема, анализ статистики показывает, что контрольные цифры приема на бюджетные места не уменьшаются. С 1991 г. российские вузы получили право осуществлять прием по договорам на оказание платных услуг. Доля студентов, обучающихся на коммерческой основе, различается по образовательным организациям, но колеблется в диапазоне 40–50%. Из этого следует, что подготовка врачей в стране не уменьшается.

Возможным объяснением нехватки медицинских работников является отток специалистов из отрасли. На заседании правительства России при рассмотрении разработанного Минздравом России комплекса мер по обеспечению

здравоохранения медицинскими кадрами в качестве проблемы обозначена тенденция перехода медицинских работников из государственного здравоохранения – в частную медицину, в бизнес, в другие отрасли. По некоторым оценкам, 30% выпускников медицинских вузов даже не начинают медицинскую практику. «Заработки нищенские», «условия труда очень тяжелые», – объясняет этот тренд президент Некоммерческого партнерства «Национальная Медицинская Палата» Л.М. Рошаль [1].

Профессионально-трудовая ориентация молодых врачей в России в последние годы стала предметом довольно масштабных исследований.

Оценке современного состояния престижа профессии врача и определящих его факторов посвящено социологическое исследование «Высшая медицинская школа глазами преподавателей, студентов, врачей и населения», проведенное Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по инициативе Комиссии по охране здоровья, экологии, развитию физической культуры и спорта Общественной палаты Российской Федерации [4]. В работе выделяются основные причины невысокого уровня престижа профессии врача, описываются основные показатели качества высшего медицинского образования и его вклад в уровень статусных позиций профессии врача в российском обществе.

Трансформации профессии врача в условиях реформы здравоохранения посвящены исследования Д.И. Присяжнюк [5]. Автор считает, что в современном российском обществе происходит снижение авторитета профессии врача в связи с низким экономическим ресурсом, усилением дискурса внешнего контроля.

Исследование мотивов выбора высшего сестринского образования и восприятия профессиональной деятельности, профессиональная занятость, удовлетворенность занимаемыми профессиональными позициями, отношение к повседневным обязанностям на рабочем месте специалистов с высшим сестринским образования представлены в работе Л.М. Мухарямовой и Г.А. Моисеевой [6].

В работе Р.А. Садыкова «Социальное положение и профессионализация врачей альтернативной медицины: аналитические перспективы» с позиции социологии профессий обсуждается положение врачей альтернативной медицины [7]. С помощью классических категорий – автономия, социальное закрытие – рассматриваются варианты профессионализации гомеопатов, и в этой связи отмечаются тенденции трансформации специфического гомеопатического знания.

Н.В. Гуляевская рассматривает проблемы формирования профессиональной идентичности студентов медицинского вуза в условиях модернизации высшего медицинского образования. По мнению автора, профессиональную идентичность студентов медицинского вуза формируют следующие факторы: профессионализм преподавателей, наличие разработанного, развитого и верифицируемого объема знаний, профессиональные стандарты, развитие профессионального самосознания [8].

Однако, как нам представляется, эти работы не дают ответа на вопрос о том, почему выпускники медицинских вузов не идут в медицину или уходят из этой отрасли, какие именно факторы влияют на выбор молодыми специалистами трудовой траектории, насколько этот выбор обусловлен наличием/отсутствием семейного капитала, основой обучения (бюджетной или коммерческой), гендерными различиями.

С целью выявления трудовых и профессиональных стратегий молодых людей, связывающих себя с отраслью медицины, был проведен опрос студентов выпускных курсов, интернов, ординаторов вузов Республики Татарстан (ГБОУ ВПО «Казанский ГМУ», ГБОУ ВДО «Казанская ГМА»), студентов ссузов Республики Татарстан (ГАОУ СПО РТ «Казанский медицинский колледж», ГАОУ СПО «Набережночелнинский медицинский колледж», ГАОУ СПО «Чистопольское медицинское училище», ГАОУ СПО «Буинское медицинское училище»), обучающихся по медицинским направлениям. Выборку составили 776 респондентов-выпускников указанных учебных заведений.

Для выявления мнения работодателей о трудовых предпочтениях выпускников медицинских учебных заведений были проведены анкетный опрос и полустандартизированное интервью с главными врачами и заведующими отделениями государственных медицинских организаций Республики Татарстан (N=198).

Опрос проводился методом основного массива. Обработка данных осуществлялась в программе SPSS (версия 17.0). Исследование проводилось в период с октября 2013 г. по март 2014 г.

Мотивы абитуриентов

При поступлении в медицинские учебные заведения одним из главных факторов выбора абитуриентов является интерес к профессии.

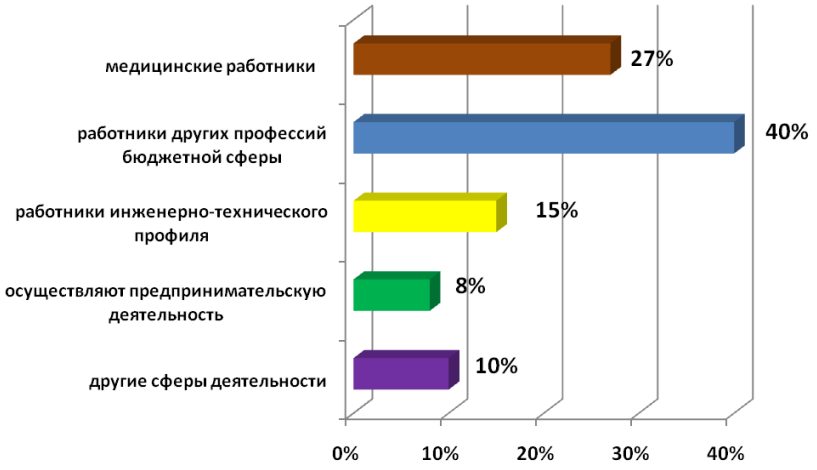


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кем работают Ваши родители?»

Молодые люди еще на этапе поступления в медицинскую образовательную организацию в большинстве своем не ожидают высоких доходов от осуществления профессиональной медицинской деятельности. Отвечая на вопрос «Когда Вы выбирали для обучения медицину, Вы исходили из…», больше половины респондентов (61%) указали на возможность творческой и интересной работы, говорили о мечте с детства; каждый третий (34%) говорил о престиже, высоком социальном статусе медицинского работника в обществе, и лишь 15% опрошенных отметили возможность получения высоких доходов в будущем. При этом показательно, что для студентов ссузов престиж, социальный статус медицинского работника в обществе является более значимым критерием, чем для студентов вузов. О возможности гарантированного трудоустройства как фактора выбора профессии никто из опрошенных респондентов не заявил.

Можно сделать вывод, что на этапе выбора медицинской специальности для абитуриента главными являются интерес к профессии, ценности и моральные установки, эмоциональные переживания.

Семейный капитал

Проведенное исследование показало, что у 40% опрошенных родители являются представителями бюджетной сферы, у каждого четвертого респондента (27%) родители – медицинские работники, у 15% – работники инженерно-технического профиля, у 8% опрошенных выпускников школ родители осуществляют предпринимательскую деятельность. Пример профессиональной деятельности родителей – медицинских работников, по всей видимости, оказывает существенное влияние на выбор специальности (рис. 1).

Материальное положение семей респондентов выглядит следующим образом: большая доля опрошенных (57%) материальное положение семьи оценивает как среднее, каждый четвертый респондент – выше среднего («живем в достатке») и 9% – ниже среднего. Низким материальное положение своих семей назвали только 4% респондентов; на высокое материальное положение («ни в чем себе не отказываем») указали 3% опрошенных.

Для сравнения: по общероссийским исследованиям более двух третей россиян (71%) удовлетворительно оценивают материальное положение своих семей. По утверждению генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) В.В. Федорова, на конец 2013 г. 11% определяли его как «в целом хорошее», 71% – как «среднее», а 17% – как «в целом плохое». Таким образом, среди студентов-медиков оценивают материальное положение семьи как плохое в 4 раза меньше лиц, чем в целом по стране.

Самооценки экономических ресурсов семей респондентов существенно не различаются в зависимости от уровня образования (высшее или среднепрофессиональное).

Является ли этот факт отражением того, что студенты медицинских университетов (академий) и училищ (колледжей) относятся к одной и той же социальной страте по имущественному критерию, или это следствие разного «понимания» среднего, высокого и низкого уровня материального положения – вопрос, требующий дальнейшего изучения. Очевидно, что в перспективе необходимо бо-

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, можно включить в понятие «хорошее» место работы?»

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, можно включить в понятие «плохое» место работы?»

лее детальное изучение семейного капитала студентов-медиков.

«Хорошее»/«плохое» место работы глазами студентов-медиков

Для того чтобы система трудоустройства выпускников медицинских специальностей была эффективной, по нашему мнению, необходимо выявить критерии, которыми руководствуется будущий специалист при выборе будущего места работы. Опрос показал, что большинство выпускников в понятие «хорошее» место работы включает современное оснащение, применение высоких медицинских технологий в медицинской организации (76%), высокий уровень дохода/занимаемую должность (64%), сплоченный, дружный коллектив (57%), наличие возможности профессионального и карьерного роста (53%). Каждый пятый респондент при выборе медицинской организации для осуществления трудовой деятельности руководствуется таким фактором, как престижность медицинской организации в профессиональных кругах (рис. 2).

Для сравнения: «плохое» место работы для большинства молодых людей ассоциируется с низким уровнем дохода и/или занимаемой должности (71%). Показательно, что больше половины опрошенных считает значимыми отрицательными признаками «несплоченный, недружелюбный коллектив» и отсутствие современных технологий в медицине; половина опрошенных (51%) вкладывает в понятие «плохое» место работы отсутствие карьерного и профессионального роста (рис. 3).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для Вас является главным при выборе будущего места работы?»

При ответе на контрольный вопрос «Что для Вас является главным при выборе будущего места работы?» подавляющее большинство респондентов указало на размер заработной платы (66%) и возможность приобрести опыт и профессионализм (58%) (рис. 4).

Таким образом, уровень дохода, занимаемая должность, возможность профессионального и карьерного роста, а также наличие современных технологий оказывают решающее влияние на выбор молодыми людьми того или иного места работы.

Размер заработной платы: ожидания молодых специалистов

При ответе на вопрос «Какой размер заработной платы был бы для Вас приемлемым при трудоустройстве?» почти половина (47%) студентов выпускных курсов отметила самый высокий из предложенных вариантов размеров оплаты труда в 30 тысяч руб. и более; от 20 до 30 тысяч руб. за осуществляемую профессиональную деятельность хотели бы получить 33% опрошенных; и лишь каждый седьмой (16%) ожидает размер зарплаты от 15 до 20 тысяч руб.

Для сопоставления «ожидаемых» размеров оплаты труда и предлагаемых главными врачами и заведующими отделениями учреждений здравоохранения Республики Татарстан заработных плат мы попросили ответить наших экспертов на аналогичный вопрос: «Какой размер заработной платы Вы предлагаете начинающим специалистам?». Так, четверть опрошенных главврачей предлагает заработную плату в размере от 12 до 20 тысяч руб., каждый шестой – от 5 до 8 тысяч руб., и 13% опрошенных указали на размер от 10 до 12 тысяч руб.

Из приведенных результатов опроса видно, что границы размера оплаты труда от двенадцати до двадцати тысяч рублей удовлетворят лишь 19% опрошенных студентов выпускных курсов и молодых специалистов. Другими словами, подавляющее большинство (81%) ждет разочарование от реально предлагаемых размеров оплаты труда в медицинских учреждениях Республики Татарстан при трудоустройстве.

Уход из отрасли: Думают ли молодые специалисты о смене профессии?

В ходе исследования было изучено мнение молодых людей, занятых в отрасли медицины, по вопросу о смене профессиональной деятельности. Почти у половины опрошенных (44%) таких мыслей не было, каждого третьего посещают мысли о смене профессиональной деятельности, 21% из опрошенных респондентов затруднился ответить. При этом необходимо отметить, что студенты ссузов более склонны к смене профессиональной деятельности: 38.9% указали на возможную смену профессии. Еще более высокие показатели готовности к уходу из отрасли здравоохранения показывают специалисты с высшим сестринским образованием. По данным социологического исследования обучающихся по программе высшего сестринского образования, проведенного Л.М. Мухарямовой и Г.А. Моисеевой, 71.6% респондентов с высшим сестринским образованием хотели бы сменить место работы, из них 12% не видят себя в дальнейшем в профессии [6]. Анализ полученных данных показал, что уже на этапе обучения студенты, интерны, ординаторы задумы-

Таблица 1

Посещают ли Вас мысли о смене профессиональной деятельности?

Уровень образования	да, посещают	нет, таких мыслей у меня не было	затрудняюсь ответить
Высшее образование	35.0	44.2	20.7
Среднее спец. образование	38.9	36.5	24.6
Интерны, ординаторы	32.0	49.6	18.0

ваются о смене профессии, которая влечет за собой одну из основных проблем – уход из отрасли медицины и, как следствие, кадровый дефицит медицинских работников (табл. 1).

С чем же это связывают выпускники? К большей части опрошенных (71%) приходит осознание того, что уровень дохода не будет удовлетворять потребностям, соответствовать сложности и ответственности работы; каждый четвертый уже отмечает тяжелый режим работы (*«дежурства трудно совмещать с семейной жизнью»*), 13% респондентов понимают, что *«медицина не моё призвание»* и 2% опрошенных указывают на другие интересы. Показательно, что мысли о смене профессиональной деятельности возникают у респондентов, которые при выборе для обучения отрасли медицины исходили из высоких доходов в будущем (54.4%) и желания родителей (53.8%).

Резюмируя, можно констатировать, что молодые люди выбирают для обучения медицинскую специальность по романтическим представлениям (*«творческая и интересная работа», «мечта детства»*). Однако в процессе обучения в медицинской образовательной организации, по мере взросления, происходит переоценка ценностей. Молодые специалисты ожидают от будущего места работы интересной деятельности в области высокотехнологичной медицины, возможности приобрести опыт и профессионализм, высокий уровень дохода и статус профессии. По мере профессионализации надежда на возможность всем выпускникам устроиться в современные, оснащенные организации уходит. К некоторым студентам медицинских вузов и ссузов приходит осознание того, что уровень дохода не будет удовлетворять потребности, соответствовать сложности и ответственности работы. В современных условиях дефицита кадров в здравоохранении чрезвычайно важно поддерживать профессиональные ориентации студентов и молодых специалистов с учетом их индивидуальных потребностей и ожиданий от трудовой деятельности.

Список литературы

1. Батенёва Т.А. Проблему дефицита медиков надо решать деньгами // Российская Бизнес-газета № 892 (14) от 16 апреля 2013 г. – URL: http://www.rg.ru/2013/04/16/vrachi.html (дата обращения: 15.08.2014).

2. Дуэль А. Самые умные пошли во врачи? // Комсомольская правда – Москва. 10.09.2012. (№ 133-п. С. 24. – URL: http://www.examen.ru/main2/news_and_articles/articles/16462 (дата обращения: 17.08.2014).

3. Курская А. Мониторинг качества бюджетного приема в вузы: отличники идут во врачи // РИА Новости. – URL: http://ria.ru/sn_edu/20130905/960958308.html (дата обращения: 17.08.2014).

4. Высшая медицинская школа глазами перподавателей, студентов, врачей и населения. Информационно-аналитические материалы по результатам социологического исследования / Н.Д. Ющук, Е.Е. Ачкасов, Ю.В. Мартынов, И.В. Мерсиянова, И.И. Солодова. М.: Триада – Х, 2011. 128 с.

5. Присяжнюк Д.И. Вызовы профессиональному статусу врачей в условиях реформы здравоохранения // Сборник научных статей аспирантов факультета экономики ГУ-ВШЭ. Вып. 3. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 150–161.

6. Мухарямова Л.М., Моисеева Г.А. Высшее сестринское образование и профессиональная карьера специалистов // Социология медицины. 2012. № 1. С. 29–33.

7. Садыков Р.А. Социальное положение и профессионализация врачей альтернативной медицины: аналитические перспективы // Сборник статей аспирантов – 2011 [Электронный ресурс] / Науч. ред. К.А. Букин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 80–96. – Электрон. текст. дан. (5.6 Мб).

8. Гуляевская Н.В. Проблемы формирования профессиональной идентичности студентов медицинского вуза в условиях современного российского общества // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 42–44.

**WORKFORCE FOR RUSSIAN HEALTHCARE:
EXPECTATIONS AND HOPES OF RUSSIAN MEDICAL STUDENTS**

A.R. Zalyaev

Kazan State Medical University

Based on the results of the sociological analysis of the survey among graduate students of universities and colleges, interns, residents of medical educational institutions of the Republic of Tatarstan aimed at studying their employment and professional strategies, we show the main factors influencing the choice of medical specialty, hopes and expectations of students regarding their future place of work. We also consider the motives for changing their profession and the reasons why some young professionals leave healthcare industry.

Keywords: medical personnel, medical profession, professional work motivation, employment of graduates of medical specialties, changing jobs, working conditions, expectations of medical students.

УДК 316.1

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

© 2015 г.

Д.С. Ипатов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

dima_110190@mail.ru

Поступила в редакцию 05.05.2015

Осуществлена попытка на основе анализа статей, интервью, выступлений на конференциях российских социологов целостно представить проблемы и тенденции современной российской теоретической социологии. Выделенные проблемы (отсутствие интереса общества к теоретической социологии; восприятие социологии как исключительно эмпирической науки; зависимость от государственного заказа; разрозненность социологического сообщества; отсутствие в России сегодня крупных, признанных теоретиков; упадок «больших» теорий и др.) повторяются в высказываниях социологов уже на протяжении почти полутора десятилетий, что свидетельствует о том, что российская теоретическая социология находится в состоянии кризиса. Однако попытки создания социологических теорий будут продолжаться, и данная статья, где указаны ее проблемные зоны, может помочь в создании обновленной социологии.

Ключевые слова: теоретическая социология, Россия, история социологии, научное сообщество.

Первым из российских мыслителей, кто обратил внимание на новую науку, названную О. Контом социологией, был В.Н. Майков. Его статья 1845 г. «Общественные науки в России» стала первой, где четко заявлено об идее создания новой науки об обществе и где российской публике были представлены идеи позитивизма [1, с. 122]. С тех пор прошло более полутора веков. В течение этого времени социология занимала разное место в обществе и состояла в разных отношениях с властью. Развитие российской теоретической мысли в России можно разделить на четыре этапа.

На первом этапе с 60-х гг. XIX века по 1922 г. происходило развитие социологии, сопоставимое с развитием социологии в других странах. Она прошла этап своего становления, создания своих оригинальных концепций и в итоге – институционализации в качестве научной дисциплины.

На втором этапе с 20-х по 60-е гг. XX века теоретическая социология была вычеркнута из науки. Место всех социологических теорий занял исторический материализм.

На третьем этапе с 60-х гг. по 1991 г. происходило медленное возрождение социологии, но диктата исторического материализма никто не отменял, и социология была, в большей степени сконцентрирована на разработке и проведении эмпирических исследований.

С 1991 г. по сегодняшний день – новый, четвертый, этап развития. Социология освобождается от идеологического и политического давления. Российские социологи встраиваются в общемировой социологический процесс.

Развитие теоретической социологи в России происходило не линейно, а как бы по дуге. На начальном этапе развития можно наблюдать большое количество разных направлений и талантливых теоретиков. Затем, с начала советского периода до 60-х гг. XX века, произошло почти полное забвение социологии, и теории в том числе. Постепенное возрождение социологии в 60-е гг. связано почти исключительно с эмпирическими исследованиями. На новом этапе, начиная с 90-х гг. XX века, в отношении социологии были сняты все запреты. Российскими социологами было многое упущено, но социология получила самое главное – свободу.

Однако большинство современных российских социологов, как бы ни различались их позиции по указанному вопросу, говорит о кризисных, застойных тенденциях в теоретической социологии. Существует мнение, что сходная ситуация имеет место и в мировой социологической теории, а Россия является лишь частью этого процесса. Однако развитие российской социологической мысли имеет и свои особенности, на которых мы остановимся. Выделим основные проблемы и тенденции российской теоретической социологии, на которые чаще всего обращают внимание российские социологи.

1. Начнем с самой парадоксальной тенденции в области российской теоретической социологии, которая, однако, заставляет о многом

задуматься. Уже больше полутора десятилетий идет дискуссия по поводу того, а существует ли вообще российская теоретическая социология сегодня?

Л.М. Семашко в 2002 г. писал, что теоретической социологии нет ни в форме институционализированного спроса, ни в форме институционализированного предложения – существуют отдельные 40–50 теоретиков, не больше. Нет ни одной кафедры или института, которые целенаправленно занимались бы теоретическими проблемами [2]. Л.А. Козлова и А.А. Петрова пишут: «Одно из слабых мест современной российской социологии – недостаточная теоретико-методологическая обоснованность данных и объяснительных схем. Можно говорить о широкой распространенности стиля социологической деятельности, который не включает в качестве обязательного элемента анализ используемых теоретических средств» [3, с. 117]. Позиция В.Г. Ионина еще более пессимистична: «В общем, как мне кажется, отечественная социология находится в состоянии какого-то полураспада. Теоретически она полностью дезориентирована» [4].

В 2007 г. на конференции «Харчевские чтения» опять были представлены противоречивые мнения, в числе которых выражалась мысль о том, что теоретической социологии в России нет. А.А. Давыдов, как и В.Г. Немировский, сделал акцент на том, что «теоретическая социология в современной России находится на начальной стадии становления»: мало социологов-теоретиков, в мировой социологической периодике их работы представлены крайне незначительно, редки ссылки на них [5, с. 148]. С другой стороны, ряд выступавших (В.А. Ядов, И.Ф. Девятко, В.К. Левашов, Н.И. Лапин) констатировал, что в последние десять лет положение стало меняться и сегодня идея о небытии русской социологии вряд ли способна найти себе поддержку. «В отечественной теоретической социологии кризиса нет», – констатировал В.А. Ядов [5, с. 148].

2. В качестве главнейшей тенденции и проблемы многими учеными называется отсутствие интереса и спроса общества на теоретическую социологию. Л.Д. Гудков отмечает неразвитость и слабость самого общества, не испытывающего нужды в социальном знании и в интерпретации социальной реальности. Произошла попросту дегенерация сферы публичности, так что фактически отсутствуют институты для публичных дискуссий и участия граждан в политической жизни, и отсюда, соответственно, вытекает отсутствие потребности в социальном знании [6, с. 107].

Сам статус социологии в обществе низок. Основная причина этого, по мнению Д.Г. Подвойского, в «социологическом невежестве». «О достижениях социологии в нашей стране никто ничего не знает, кроме самих социологов» [7, с. 47] – ни простые граждане, ни чиновники, ни журналисты, ни ученые других специальностей. Одним из факторов этого является общая слабость гуманитарной культуры населения.

3. Третья тенденция и проблема теоретической социологии тесно связана с предыдущей. Она заключается в том, что социологию в обществе воспринимают только в контексте конкретных социологических исследований. Социолог – это тот, кто раздает анкеты и дает статистическую информацию. Социологию воспринимают однобоко, хотя социология не только описывает социальную реальность, она должна ее объяснять, интерпретировать, понимать. По мнению Д.Г. Подвойского, проблема ассоциирования в массовом сознании социологий только с количественными опросами уходит корнями в развитие науки еще во время СССР. Любая теория, кроме диамата, была запрещена, социологам оставили только разработку конкретных социологических исследований, поскольку они могли быть полезны в решении конкретных практических задач. Общество (политики, журналисты и т.д.) привыкло к определению социологии только как эмпирической науки. В результате незнание опять привело к отсутствию спроса на теорию [7, с. 48–50].

Возрастание роли эмпирической социологии и эмпирических исследований в последние годы не приводит к возрастанию «качественной» составляющей. Руководители предприятий, фирм и т.д. заинтересованы только в количественных показателях. Интерпретация никому не нужна. Сами авторы исследований не собираются заниматься серьезной теоретической работой. Знания о социальной реальности не поднимаются над «общим уровнем массовых предрассудков и коллективных банальностей» [6, с. 105].

4. Четвертая проблема связана с взаимоотношением социологии и власти. «Сегодня развитие социологии блокируется ее государственно-академическим статусом» [6, с. 124], – пишет Л.Д. Гудков. Производство социологического знания ориентировано на практические интересы номенклатурного руководства. Сама власть поддерживает только тех социологов, чьи исследования соответствуют ее интересам, служат целям пропаганды. Социологи перестают интересоваться другими «не обслуживаю-

щими власть» проблемами, их выводы неглубоки, так как лишь отвечают требованиям властных интересов. И в сознании людей социология становится служанкой властных элит, с помощью которой осуществляется манипуляция людьми. Политические новости переполнены социологическими данными, часто сфабрикованными, с элементарной методологией, служащими интересам электоральной и других кампаний. Социологи, не заинтересованные в работе на власть, оказываются на периферии.

5. Пятая тенденция и проблема связаны с самим социологическим сообществом. Авторы отмечают, что развитию социологической теории мешает отсутствие общих теоретико-методологических оснований, что препятствует интеграции разных исследовательских парадигм, и отсутствие общего коммуникативного поля для решения теоретических задач.

В.В. Радаев еще в 2001 г. выразил тревогу по поводу того, что в социологии исследовательские работы ведутся вокруг многих методологических ядер, предвещая образование нескольких социологий, которые не смогут соединиться. Происходит регионализация социологии: в каждом регионе своя социология [8, с. 2].

Если раньше исследовательские проекты делались большими коллективами, то сейчас грантовая система предполагает работу в маленьких (3–5 человек) группах. И, по мнению С.Ю. Барсуковой, «целостные структуры распадаются на ряд отдельных исследовательских ячеек» [9, с. 107], что мешает образованию общих сопоставимых теоретико-методологических установок.

С другой стороны, мультипарадигмальность многими рассматривается как несомненный плюс современной социологии. Есть возможность свободного, личного выбора той теории, которая в наибольшей степени соответствует мировоззрению социолога или решаемым им задачам. Кроме того, множество оправдавших себя теорий могут положительно взаимодополнять друг друга в рамках одного исследования.

«Признаками того, что у нас нет потребности в теории, я считаю отсутствие дискуссий, прежде всего, по расходящимся интерпретациям одних и тех же данных, одних и тех же подходов, описаний, обсуждений корректности использования тех или иных предметов описания» [6, с. 110], – пишет Л.Д. Гудков. По мнению ученого, полностью отсутствуют дискуссии по парадигмальным противоречиям. Он отмечает, что поскольку слабы дискуссии, слабы механизмы селекции наилучших результатов. Положительные теоретические результаты не получают распространения и остаются делом одного конкретного автора.

6. Как и на Западе, у нас обсуждается (с положительным или отрицательным знаком) упадок «больших теорий». Невозможно уже создать теорию, заключающую в себе объяснение всех сфер общества. Структурный функционализм уже в прошлом. Более современные теории Э. Гидденса, П. Бурдье, Ю. Хабермаса не являются общепризнанными социологическими теориями [10, с. 21]. Французский социолог Ш.-А. Кюэн, поддерживая стремление к построению «высоких теорий» Ч.Р. Миллса, полагает, что попытки эти недостаточно успешны: имеет место «упадок общей теории и разрыв микро- и макроуровней анализа» [11, с. 17]. Слабость «общетеоретических амбиций» он связывает с относительными неудачами известных «высоких теорий» [11, с. 17]. Слабость «больших теорий» Т. Парсонса, П. Бурдье, Н. Лумана и др., по мнению Ш.-А. Кюэна, заключается в их плохой операционализации (то есть связи с эмпирическими фактами). Это привело к тому, что среди социологов возникает недоверие к зыбким обобщениям. И сами социологи стараются оперировать только «приземленными» идеями. Это ведет к тому что, «с одной стороны, выдвигаемые ими гипотезы достаточно слабо включены в более широкие знания, с другой – они слишком робки в переработке своих результатов в теоретические синтетические построения несколько более высокого уровня» [11, с. 18].

Э. Гидденс считает, что причиной этого является то, что социология распалась на множество специализмов: изучение СМИ, гендерные исследования, политическая социология и т.д. Другой зарубежный социолог Н. Ислам в росте количества журналов и специализаций вообще усматривает возможный конец социологической теории [12, с. 29].

7. Одна из проблем, на которую часто обращают внимание отечественные социологи, – огромное количество западной социологической литературы, западных теорий и концепций, которые хлынули в Россию после развала СССР. Произошло, по мнению отечественных социологов, бездумное их принятие и механический перенос на российскую действительность того, что к ней не может быть применимо в силу инородности. Эти теории в России не работают. «Для российской социологии ныне характерна вторичность. Все, что у нас есть, – это, в основном, переложение западных моделей и направлений социологического мышления, и в этом смысле современная российская

социология практически целиком несамостоятельна», – считает И.Г. Ионин [4]. Для молодых социологов развивающихся и переходных стран, где не сформировалась или прервана традиция национальных социальных исследований, чтобы идти в фарватере мировой социологии, нужно ориентироваться на западных теоретиков. Так их заметят, и это, по мнению С.Г. Кирдиной, будет содействовать более успешной карьере [13, с. 20].

«А пока мы не можем обойтись без того, чтобы при объяснении происходящих изменений не прибегать к многочисленным ссылкам на коллег-социологов за рубежом. Создается впечатление, что мы, российские социологи, не можем выдвинуть ни одной новаторской идеи, ни одного достойного вывода по изучаемой проблеме. Особенно это ощущается в материалах, которые присылаются в наш журнал. Даже самый незначительный анализ нередко сопровождается перечнем и цитированием имен американских, английских, французских или немецких ученых» [14, с. 4], – пишет главный редактор журнала «Социс» Ж.Т. Тощенко.

Все это можно объяснить тем, что господствовавшая марксистско-ленинская теория полностью ушла в прошлое вместе с падением СССР. Своей теории наши социологи долгое время не вырабатывали, а связь с российской дореволюционной социологией была почти полностью утрачена. И с 1990-х гг. «пустое» место диамата заполнили западные теоретические концепции. Российская социология не производит своей истины, как говорит Ю.Л. Качанов: «Российской социологии чужда истина. Это утверждение звучит как приговор, обжаловать который можно, лишь предъявив хотя бы одну истину отечественной социальной науки. Именно истину, а не «рецепцию западной мысли» [15, с. 36]. Социологи отмечают: «Нет собственно российской теоретической социологии как некоего единого целого». У социологов каждой из стран (Франции, Германии или США) есть некое теоретическое, тематическое и стилевое единство, однако в российской социологии оно отсутствует [4].

С другой стороны, все понимают, что без использования теоретических достижений Запада российская социология вообще перестала бы существовать. Западом созданы и апробированы многие интересные концепции, которые необходимо и возможно применять в России, но при этом разумеется учитывая специфику страны и создавая на этой основе что-то новое, свое. Нужно все время сопоставлять «свои» и «чужие» концепции. И нужно занять свое особое место в этом общемировом социологическом процессе [16, с. 33]. Ни только национальная социология, ни социология, ориентированная только на Запад, не может быть адекватной современным условиями, – таков итог дискуссий.

Социологам нужно попробовать изучить тот специфический опыт, который приобрела русская история в XX веке. До сих пор нет практически никаких исследований, касающихся развития СССР. Не исследовались пропаганда, ошибки экономики, социальные достижения или упущения. Кому как не российским социологам подводить итоги столь масштабного эксперимента, как построение коммунизма в одной стране.

8. Еще одна проблема, которая затрудняет построение социологических теорий, заключается в сложности самого современного общества, чрезвычайно динамичного. Социологи просто не успевают за его изменениями. Интерпретации социологов запаздывают и не предсказывают происходящих изменений.

В.В. Козловский видит причину всех этих бед «в приверженности отечественной социологии классическим концепциям мира, в изображении мира системным, функциональным, структурированным и статичным, в то время как он стремительно меняется. Поэтому социология не влияет на формирование подрастающего поколения, в том числе и через высшую школу. Она просто не отражает современных реалий» [15, с. 38].

Ставится вопрос, возможно ли вообще объективное познание законов общества в эпоху постмодерна, в эпоху релятивизации всех ценностей? Современные социологи все время лавируют между двумя крайностями: признанием всего в мире относительным и хаотичным и признанием всего мира упорядоченным и функциональным.

9. В интересном исследовании С.Ю. Барсуковой выделено несколько необычных причин того, почему теоретическая социология не развивалась в 1990-е годы. Она отмечает, что затруднениям в изучении общественных процессов был сам «теневой», криминализированный характер этих процессов. Социологи просто не могли добраться до изучения скрытых и скрываемых от общества закономерностей того или иного процесса [9, с. 106]. Думается, и сейчас имеется множество мест, куда социологам нет доступа.

10. Еще одной характеристикой социологии сегодня является существование социологических исследований на грантовой основе. Проблема состоит в том, что фонды, дающие день-

ги, определяют для исследователя выбор той или иной теории и методологии. Происходит изменение самой логики ученого: он ориентирован в своих исследованиях экономикой. «Работа, которая может принести известность спустя какое-то время, откладывается в сторону ради работы, которая принесет заработок немедленно. Эти изменения трансформируют всю систему обменов вниманием, составляющую научную коммуникацию. Результатом становится общее снижение ее эффективности, сокращение совокупного интереса, который работы российских социологов представляют для их коллег. Многократно констатированное не-возникновение в России самостоятельных теоретических групп, фрагментация «пространства внимания» дисциплины, приводящая к многократному дублированию результатов, не завершающемуся кумуляцией, наконец, появление огромного количества чисто ритуальных публикаций и ритуальных мероприятий, никем не рассматриваемых как средство обмена информацией, являются составными частями этого положения вещей», – пишет М.М. Соколов [17, с. 52–53].

11. Остановимся также на тенденциях, которые были отмечены известным социологом, исследователем западной теоретической социологии А.Б. Гофманом. Он выделил в современной российской теоретической социологии различные «моды», такие как:

– туманность, расплывчатость и противоречивость теоретических конструкций;

– мода на критику «позитивизма» в социологии и его громогласное опровержение;

– мода на провозглашение или предсказание упадка, конца или смерти чего-либо (социальных явлений, институтов или процессов);

– мода на провозглашение чего-либо несуществующим, например общества (вместо этого сегодня пытаются использовать понятия национальное государство, общность, гражданское общество);

– мода на самобичевание, обличения, жалобы, обвинения и упражнения в доказательстве того, что социология вообще и (или) российская социология в частности ничего или почти ничего не смогла, не может и никогда не сможет сделать;

– мода на всеохватность и хроническая претензия на радикальный и тотальный пересмотр теоретических оснований всего и вся;

– мода на эпатаж, радикализм и претенциозность теоретических суждений;

– мода на утилитаризм (она состоит, в частности, во всяческом подчеркивании и пропаганде полезных свойств предлагаемых или проводимых исследований, позиций, учебных программ, курсов и т.д., которые непосредственно обращены к практике и незамедлительно дадут практический эффект, если только их принять и поддержать тем или иным, в первую очередь финансовым, образом);

– мода на консерватизм в самых разных версиях;

– мода на критику либерализма [18, с. 20–35].

12. Важной тенденцией современного этапа развития современной российской теоретической социологии является смена поколений. Выдающиеся социологи советского периода (И.С. Кон, Ю.А. Левада, А.Г. Здравомыслов и др.) уходят. Формируется новое, совершенно иное поколение социологов, выросшее в совершенно других условиях. Они должны были бы обновить современную социологию, внести специфический взгляд своего поколения. Но новизны в работах молодых социологов не просматривается. «Судя по массиву «сырых» (серых?) поступлений в редакцию «Социологических исследований», беспокойство оправданно. Прорывных достижений в последние годы эта отрасль знаний не демонстрирует», – заключает заместитель главного редактора этого журнала Н.В. Романовский [12, с. 34].

В целом мы можем наблюдать разнообразие мнений. Проблема задевает многих современных социологов за живое. Статус науки, ее достижения, место в обществе все время ставятся под вопрос. И говорить о решении проблем, поднятых выше, в ближайшее время не приходится.

На протяжении последнего десятилетия кажется, что в представлениях о российской теоретической социологии ничего не меняется. Остаются те же проблемы, которые многократно повторяясь социологами, дают ощущение безысходности положения. Проблемы низкого статуса социологии в обществе, невостребованности государством; внутренние проблемы (отсутствие дискуссий по теоретическим проблемам, отсутствие единого методологического аппарата, слабость российских теоретических разработок) отмечаются многими социологами, но серьезных изменений не происходит. Кроме того, стоит отметить, что и в западной социологии обсуждаются схожие проблемы: упадок генерализирующих теорий, тотальное преобладание эмпирических исследований над теоретическими, размытость теоретических понятий, отсутствие дискуссий, слабость современных теорий. Все это может свидетельствовать о том, что теоретическая социология и не только в России находится в состоянии кризиса.

Современная социология все бьется и бьется и никак не может сломать стену, которая отделяла бы ее от подлинно своего, оригинального, нового, значимого социологического знания. Почему эти попытки никак не реализуются? С одной стороны, здесь можно отметить, что на теорию нет запроса в обществе и у власти; нет своей непрерывной российской теоретической традиции; нет материальных условий; высока загруженность ученых бюрократической работой в своих университетах и т.д. С другой стороны, сама логика современного, очень сложного общества, в эпоху релятивизации ценностей и недоверия ко всем универсальным теориям не позволяет создать единую концепцию объяснения общественных процессов.

В тупике находится сама логика развития теоретического социологического знания. Социология появилась на волне успехов естествознания. О. Конт и Г. Спенсер и их многочисленные последователи были уверены, что объективными методами естественных наук можно объективно познать общественные процессы. Затем вера в это была поколеблена: естественные науки – это одно, а общество – это другое. Под общество трудно подобрать формулу, оно изменчиво, многогранно, противоречиво. «Общество описать невозможно». Обобщающим теориям никто не поверит.

Таким образом, кроме институциональных проблем существуют проблемы развития самой социологической теории в условиях современного общества постмодерна. Современное общество с его мозаичностью, отказом от универсальных объяснений и ценностей не исчезнет в ближайшее время, и, по-видимому, не изменится и социология. Скорее всего, она будет вынуждена остановиться на изучении исключительно локальных, отраслевых проблем. Социологическая теория станет такой же мозаичной, как и общество. Будут проводится социологические исследования, результаты которых не будут соотносимы с чем-то большим.

Это не значит, что попытки создания социологической теории нужно отбросить. И не значит, что сами попытки прекратятся. Социологии нужна живительная вода, чтобы она смогла обновиться и существовать по-новому.

Список литературы

1. Новикова С.С. Особенности развития социологической мысли в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 122–130.

2. Семашко Л.М. Российская теоретическая социология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=246, (дата обращения: 17.11.2014).

3. Козлова Л.А., Петрова А.А. Концептуальная рефлексивность и ее измерение: анализ журнала «Социологические исследования» за 2007 год // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 117–140.

4. Докторов Б.З. Интервью с Л.Г. Иониным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Ionin.pdf (дата обращения: 17.11.2014).

5. Романовский Н.В. Современная теоретическая социология в России: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 147–149.

6. Гудков Л.Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 104–126.

7. Подвойский Д.Г. Социология в современной России. «Непричесанные мысли» // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 47–53.

8. Романовский Н.В. Преемственность и новаторство в российской социологии // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 134–136.

9. Барсукова С.Ю. Из истории социальной мысли: болезни российской социологии // Альманах социологических исследований. 1999. № 13–14. С. 104–112.

10. Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–21.

11. Кюэн Ш.-А. В каком состоянии находится социология? // Социс. 2006. № 8. С. 13–19.

12. Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 26–35.

13. Кирдина С.Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социс. 2008. № 8. С. 18–28.

14. Тощенко Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 3–6.

15. Тихонов А.В. Посткризисный синдром отечественной социологии и ее проблемы // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 34–46.

16. Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.

17. Соколов М.М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorum. 2009. № 1. С. 20–57.

18. Гофман А.Б. Мода, наука, мировоззрение: о теоретической социологии в России и за ее пределами // Социологический ежегодник. 2009. С. 19–55.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF MODERN RUSSIAN THEORETICAL SOCIOLOGY

D.S. Ipatov

Kazan (Volga Region) Federal University

Based on the analysis of articles, interviews, presentations at conferences of Russian sociologists, we attempt to give an overall picture of the problems and trends of contemporary Russian theoretical sociology. For almost a decade and a half, sociologists have been addressing the same issues: lack of public interest in theoretical sociology; perception of sociology as an exclusively empirical science; the dependence on the state order; the fragmentation of the sociological community; the lack of recognized major theorists in Russia; the decline of the role of the "big" theories, etc. This indicates that the Russian theoretical sociology is in a state of crisis. However, attempts to create sociological theories will continue and our article that highlights some problem areas may contribute to creating an updated sociology.

Keywords: theoretical sociology, Russia, history of sociology, academic community.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.4:373.58 (470.56)

МОДЕЛИ ДОВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2015 г.

В.П. Ковалевский, Т.П. Петухова

Оренбургский госуниверситет

inform@mail.osu.ru

Поступила в редакцию 04.02.2015

Представлены модели довузовского образования, которые были реализованы в практике работы Оренбургского государственного университета в последние десятилетия. Наиболее перспективной и эффективной в современных условиях функционирования региональных образовательных систем является кластерная модель, которая позволила создать динамичную, открытую территориально распределенную систему довузовского образования. Функционально она ориентирована на выявление и поддержку одаренных детей, создание условий для осуществления преемственности обучения в системе «школа – вуз» и совершенствование профессионального мастерства учителя.

Ключевые слова: начальная инженерная школа, лицей-интернат для одаренных детей, университетский образовательный кластер, университетские профильные классы, филиалы кафедр.

Реализация приоритетного национального проекта «Образование», Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, Концепции развития математического образования в Российской Федерации, а также образовательная парадигма информационного общества актуализировали рассмотрение вопросов качественного функционирования системы довузовского образования школьников. Следует отметить, что изучение данной проблемы имеет многолетнюю историю [1–9]. Научно-педагогические исследования осуществляются по таким направлениям, как анализ концептуальных основ довузовской подготовки (М.С. Капелевич и др.), изучение роли довузовской подготовки в условиях модернизации высшего образования (В.Я. Бобриков, О.Н. Викарчук, А.Н. Соловьев, Т.С. Сумская и др.), ранняя профессиональная подготовка школьников (Г.А. Бокарева, Е.М. Ибрагимова и др.), разработка педагогических условий формирования готовности старшеклассника к выбору профессии и продолжению образования (А.П. Беляева, Н.Ю. Бугакова, Т.Ю. Волгина, Н.Н. Загузина, Г.В. Мухаметзянова и др.), изучение сущности и особенностей учебной деятельности школьников и студентов (Т.В. Габай, С.А. Гапонова, А.К. Дусавицкий, В.Я. Ляудис, П.И. Пидкасистый и др.), изучение проблемы преемственности между двумя образовательными системами – довузовской и вузовской, организация самообразования старшеклассников, развития их познавательных способностей, формирования готовности к исследовательской деятельности в конкретной предметной области, применение оптимальных технологий обучения и т.д. Разработаны методы и формы довузовской подготовки, структура и способы отбора учебной информации, технологии опережающего обучения [6], технологии индивидуализации довузовской подготовки.

Анализ научно-педагогических исследований по данной проблеме [1–6; 8 и др.] показывает, что под довузовским образованием, как правило, понимается самостоятельный, самоценный вид образования, направленный на удовлетворение индивидуальных образовательных и творческих потребностей школьников, обеспечивающий саморазвитие личности, ее раннюю профессиональную ориентацию, самоопределение и инновационное мышление. При этом в качестве основных функций системы довузовского образования обычно выделяют осуществление ранней профессиональной ориентации и создание условий для соблюдения принципа преемственности образования в системе «школа-вуз». Аналогичные целевые установки были характерны и для моделей Началь-

ной инженерной школы и лицея-интерната для одаренных детей сельских районов и малых городов Оренбуржья, реализованных на базе Оренбургского государственного университета.

Вместе с тем следует заметить, что роль довузовского образования в современных образовательных условиях становится более многоаспектной. Нужно создать такую модель довузовского образования, чтобы оно оказывало влияние не только на систему высшего образования, но и на систему школьного образования, являясь инструментом ее развития и совершенствования. В Оренбургском государственном университете для решения поставленной задачи был использован кластерного подхода в образовании [5; 7; 9; 10], что позволило создать образовательный кластер «университет – школы» как динамичную, открытую, территориально распределенную систему довузовского образования, обладающую синергетическим эффектом. Рассмотрим реализованные модели довузовского образования более подробно.

В период с 1990 года по 1999 год в составе Оренбургского государственного университета, именовавшегося до октября 1994 года политехническим институтом, функционировала Начальная инженерная школа (НИШ), основной целью которой были выявление, обучение и адаптация к вузу одаренных детей. Название школы было навеяно идеями начальных инженерных школ эпохи Петра Великого. Учебный процесс в ней реализовывался по технологии вуза: пары (сдвоенные уроки по одному и тому же предмету), зачеты, экзамены и т.д. Руководством и преподавателями вуза НИШ позиционировалась в качестве дополнительного факультета, работающего по специальной программе. В связи с этим обучающиеся принимали активное участие наряду со студентами во всех внеучебных мероприятиях вуза: фестивалях, конкурсах, концертах.

В НИШ осуществлялось обучение лучших десятиклассников и одиннадцатиклассников г. Оренбурга на пяти профилях: физико-математическом, естественно-научном, информатики и вычислительной техники, социально-экономическом, гуманитарном. Конкурс при поступлении на самые востребованные профили (физико-математический, социально-экономический, информатики и вычислительной техники) в отдельные годы достигал до 9 человек на место. Выпуск в НИШ одиннадцатиклассников в среднем составлял не менее 150 человек.

В 1999 году Начальная инженерная школа была преобразована в муниципальное образовательное учреждение «Лицей № 4», которое в 2002 году вошло в состав лицея № 2 г. Оренбурга.

Второй моделью реализации довузовского образования явилось создание в 2000 году лицея-интерната для одаренных детей сельских районов и малых городов Оренбуржья, учредителями которого были Главное управление образования Оренбургской области и Оренбургский государственный университет. Наравне со студентами лицеисты пользовались учебными аудиториями, лабораториями университета, фондами библиотеки. Практические и лабораторные занятия по физике, химии, биологии, информатике проходили в лабораториях соответствующих факультетов; астрономия – в планетарии Дворца юных техников «Прогресс» университета, аэробика и плавание – во дворце спорта «Пингвин» ОГУ. Учебные занятия и научно-исследовательская деятельность учащихся преимущественно осуществлялись преподавателями университета.

Организация научно-исследовательской деятельности в лицее-интернате проходила в рамках научного общества учащихся «Интеллектуалы XXI века», девизом которого были слова «Скажи мне – и я забуду, покажи мне – и я запомню, дай действовать самому – и я научусь!». Деятельность научного общества учащихся была интегрирована с научно-исследовательской деятельностью кафедр университета. По результатам работы за период с 2003 года по 2006 год лицей-интернат стал победителем конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы в рамках Национального приоритетного проекта «Образование». В 2007 году изменился статус лицея: из подразделения ОГУ он превратился в самостоятельное общеобразовательное учреждение.

Параллельно развивалась третья модель реализации довузовского образования, базирующаяся на идеях кластерного подхода в образовании, что означает объединение образовательных организаций: школ, учреждений дополнительного образования детей (ДОД) и среднего профессионального образования (СПО), муниципальных образований вокруг интеллектуального мозгового центра – образовательной организации высшего образования (ВО) [3; 10].

Фактически речь идет о новой системе образовательной деятельности, в которой имеется неформальный центр (образовательная организация ВО), консолидирующий различные образовательные и управленческие структуры в единый организм с общностью целей и сбалан-

сированным представлением интересов каждого субъекта.

В настоящее время в региональном образовательном пространстве Оренбуржья на базе Оренбургского государственного университета функционирует образовательный кластер «университет – школы», названный по интеллектуальному центру и основной группе субъектов, участвующих в инновационном образовательном процессе. Структура существующего образовательного кластера приведена на рис. 1.

Для адресной и системной совместной деятельности заключаются договоры либо со школами (гимназиями, лицеями и т.д.), либо с муниципальными образованиями городов и районов области. Курированием работы университета со школами занимается управление довузовского образования. В настоящее время заключено 63 договора со школами и муниципальными образованиями, из них с двумя муниципальными образованиями городов, напрямую с 24 школами, гимназиями и лицеями области. В г. Оренбурге заключены договоры с 6 гимназиями, 5 лицеями, 25 школами и Оренбургским президентским кадетским училищем.

При функционировании образовательного кластера, как правило, появляются дополнительные, непрофильные для университета подразделения, являющиеся результатом взаимодействия субъектов. Они могут располагаться как на территории университета, так и в помещениях школ. В нашем случае такими подразделениями являются:

– университетские профильные классы, функционирующие на базе общеобразовательных учреждений;

– филиалы кафедр университета, действующие на базе общеобразовательных учреждений;

– школа юных математиков, реализующая программы дополнительного образования по углубленному освоению математики учащимися конкретного микрорайона г. Оренбурга;

– лаборатории ранней профессиональной ориентации.

В настоящее время реализуется две модели университетских профильных классов, из которых первая ориентирована на углубленное изучение школьниками определенных областей знания, а вторая направлена на профессиональное самоопределение школьников и их дальнейшую успешную социализацию на рынке труда.

На основе первой модели созданы и функционируют университетские физико-математические и информационно-технологические классы на базе лицея № 8 (ранее СОШ № 7). Данная модель является достаточно традиционной и широко апробированной в условиях гимназий и лицеев. Для нас представляла интерес ее реализация в условиях обычной средней школы, не имеющей особых заслуг и достижений.

Согласно первой модели продолжительность обучения в университетских профильных классах составляет 4 года (8–11 классы). Профильные предметы и элективные курсы в данных классах ведутся преподавателями университета. При этом основным принципом является принцип непрерывности образования в системе «школа – вуз».

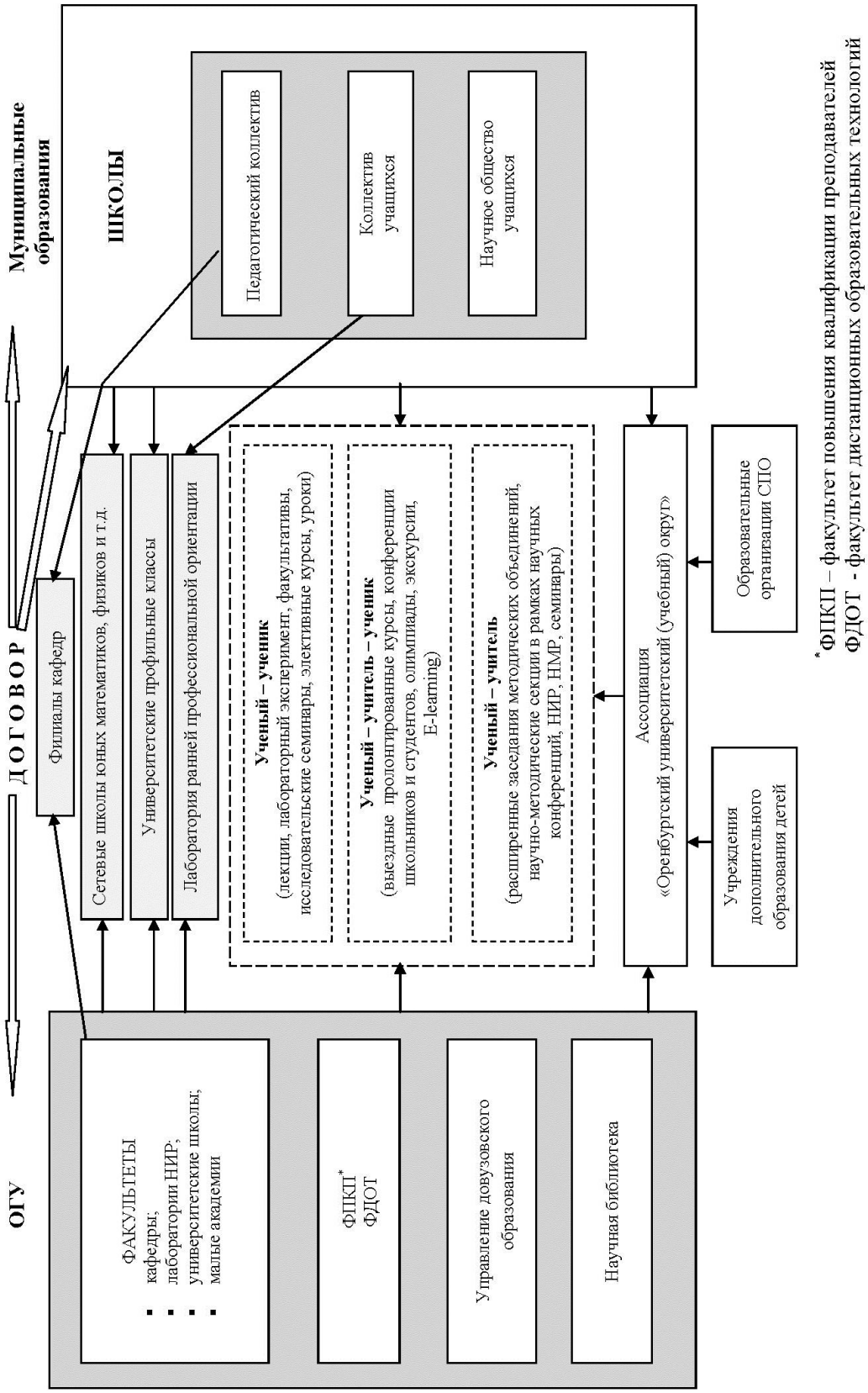
В ходе реализации первой модели университетских профильных классов пройден путь от общеобразовательной школы № 7 до лицея № 8. В 2002 году распоряжением управления образования администрации г. Оренбурга на базе СОШ № 7 была открыта муниципальная экспериментальная площадка по профильному физико-математическому образованию. В школе были сформированы классы с углубленным изучением физики, математики, информатики. В 2005 году, благодаря достигнутым успехам, СОШ № 7 стала школой с углубленным изучением физики, математики, информатики. В 2008 году в конкурсе школ, внедряющих инновационные программы, в рамках Национального приоритетного проекта «Образование» она получила грант Президента Российской Федерации. В 2010 году в СОШ № 7 были открыты университетские профильные информационно-технологические классы, а в 2012 году школа получила статус лицея.

В ходе реализации данной модели университетских профильных классов большое внимание уделяется предпрофильной подготовке, которая в 1–7 классах осуществляется через базово-инвариантный модуль и модуль расширенного обучения. В начальной школе учащиеся осваивают предметы «Логика» и «Основы информатики», в 5–6 классах ими изучается курс «Введение в физику», а в 7 классе – элективный курс «Компьютерная графика».

Во всех университетских профильных классах активно используются такие образовательные технологии, как:

– метод проблемного изложения нового материала, позволяющий ученику выявить противоречия между знаниями и необходимостью решения поставленной задачи;

– исследовательские, эвристические, поисковые методы, позволяющие мотивировать ученика к поиску путей решения поставленной задачи;



*ФПКП – факультет повышения квалификации преподавателей
ФДОТ - факультет дистанционных образовательных технологий

Рис. 1. Структура образовательного кластера «университет – школы»

– метод проектов, обеспечивающий индивидуальную образовательную деятельность ученика;

– методы технологии критического мышления.

Эффективное функционирование университетских профильных классов в лицее № 8 обеспечивается реализацией следующих педагогических условий:

– разработаны модель профильного обучения и положение о профильном обучении;

– организовано психолого-педагогическое сопровождение учащихся;

– создана система образовательного мониторинга;

– организована работа научного общества учащихся «Интеллект»;

– реализуются индивидуальные образовательные маршруты учащихся на основе интеграции их урочной и внеурочной деятельности, ориентированные на подготовку к олимпиадам, конкурсам, турнирам;

– создана система взаимодействия школы с математическим и физическим факультетами университета, позволяющая реализовывать программу углубленного изучения физики, математики, информатики;

– организована летняя профильная практика учащихся на базе университета.

Реализуемые элективные курсы позволяют учащимся развить свой интерес к предмету, определить наличие способности и мотивации осваивать выбранный предмет на повышенном уровне, создают условия для подготовки к экзаменам. Индивидуальная творческая работа, организуемая в рамках научного общества учащихся, способствует повышению мотивации, социальному, профессиональному и культурному самоопределению учащихся, а также реализации их потенциальных возможностей. Учащиеся приобщаются к учебно-исследовательской деятельности, работают под руководством учителей и ученых, с которыми сотрудничает школа.

Психолого-педагогическое сопровождение профильного обучения осуществляется под руководством психолога школы. Проводится системная диагностическая работа по выявлению профессиональных склонностей, интересов и намерений учащихся. Результаты диагностических исследований рассматриваются на психолого-педагогических консилиумах, проводимых совместно с университетом, родительских собраниях, во время индивидуальных консультаций психолога с учащимися и родителями.

Проведенные мониторинговые исследования выявили высокую степень удовлетворенности родителей качеством образовательных услуг (100%), системой взаимодействия родителей со школой, построенной на сотрудничестве (95%). Родители достаточно хорошо осведомлены о стратегии развития школы, о содержании образования, об образовательных технологиях (90%).

Вторая модель университетских профильных классов реализуется с 2011 года на базе лицея № 1 для учащихся 10–11 классов. Она предполагает построение учебного плана в частично модульном формате, постоянное обновление модулей на основе их взаимозаменяемости. Каждый модуль ориентируется на пропедевтику будущей профессиональной деятельности или некоторого ее аспекта и является междисциплинарным. Например, в социально-экономическом классе профильное обучение осуществляется на основе реализации следующих модулей:

– социально-психологического модуля «Я в мире и мир во мне», целью которого является развитие у старшеклассников способности к самопознанию, профессиональному самоопределению; формирование умений конструктивно строить свои взаимоотношения с окружающими, осознавая необходимость быть субъектом общественной жизни и деятельности;

– социально-экономического модуля, построенного на основе интеграции экономики, обществознания, экономической географии, основной целью которого является рассмотрение сущности и роли региональной и мировой экономики в социально-экономическом развитии страны, проблем глобализации, тенденций, механизмов и результатов взаимосвязи международного рынка товаров и услуг;

– модуля социальной практики (включающего в себя практико-ориентированные разделы «Введение в маркетинг», «Маркетинговые коммуникации», «Основы коммерции», «Проектная деятельность»), целью освоения которого является формирование у учащихся первоначального представления о деятельности менеджера по маркетингу, коммерции и рекламе (учащиеся получают базовые представления о маркетинговой, коммерческой и рекламной деятельности, роли и значении маркетинга, коммерции и рекламы в рыночной экономике; знакомятся с содержанием концепций управления предприятием, этическими нормами ведения бизнеса, правами и обязанностями сотрудников маркетинговых служб, профессией менеджера по маркетингу; приобретают опыт коммуникативной деятельности).

В образовательном процессе активно используются работа в команде и индивидуальная проектная деятельность, профориентационные экскурсии, конференции по итогам социальных практик, форум «Самоопределение лицеиста в образовательной среде «вуз – лицей» как институт личностного и социального развития» и др.

Важным в реализации проекта университетских профильных классов является постоянный мониторинг, осуществляемый на основе опроса учащихся, педагогов и родителей. Так, анкетирование учащихся показало, что большинство респондентов смогло самоопределиться благодаря университетским модулям; овладеть навыками проектной и научно-исследова-тельской деятельности; развить такие важные качества, как самостоятельность и инициативность. Важно, что учащиеся видят перспективы своей индивидуальной профильной траектории, определяют роль профильных предметов в своем личностном развитии, понимают и оценивают уровень качества знаний, значение изученного материала в формировании ключевых компетенций лицеиста.

В 2012 году на основе данной модели в лицее № 1 были созданы еще два университетских профильных класса: социально-гуманитарный и информационно-технологический.

Заметим, что университетские профильные классы как особые «точки роста» способствуют обновлению содержания и структуры образовательной среды школы. Сразу же начинает функционировать научно-методический семинар для учителей, осуществляется систематизация исследовательской деятельности учащихся, организуются школьные конференции юных исследователей, активизируется олимпиадная работа и постепенно создаются условия для организации филиалов кафедр университета.

Филиал кафедры – это совместное научно-методическое подразделение университета и образовательного учреждения, с которым есть договор. В состав филиала кафедры входят преподаватели вуза и ведущие учителя. Таким образом, ученые и учителя здесь работают вместе.

Данное структурное подразделение создается и реорганизуется приказом ректора на основании представления администрации школы и решения Ученого совета университета. В рамках университета разработана нормативная база функционирования филиалов кафедр в школах.

Основными направлениями деятельности филиала кафедры являются:

– обновление и совершенствование содержания общего образования;

– развитие системы поддержки талантливых детей;

– повышение квалификации учительского корпуса.

Задачи, решаемые филиалом кафедры, их связь с реализацией Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» отражены в табл. 1.

Роль филиала кафедры, функционирующего на базе общеобразовательного учреждения, становится неоценимой в связи с реализацией ФГОС в образовательных организациях общего образования и возможностью школы формировать существенную часть содержания образования самостоятельно. Здесь филиал кафедры выступит и в роли разработчика программ, и в роли консультанта. В аспекте качества школьного образования это самое важное звено сотрудничества университета со школами.

В настоящее время на базе 10 общеобразовательных учреждений г. Оренбурга функционируют 15 филиалов кафедр университета (табл. 2).

На основе взаимодействия с учреждениями дополнительного образования детей при кафедрах университета функционируют лаборатории ранней профессиональной ориентации, реализующие уровневые программы развития учащихся, направленные на вовлечение их в исследовательскую деятельность за счет использования проектных технологий.

Перспективным направлением поддержки интеллектуально одаренных детей представляется создание вузом совместно с управлением образования администрации города сетевых школ углубленного изучения отдельных предметов (математики, физики и т.д.) с использованием электронного обучения и (или) дистанционных образовательных технологий. Формально сетевая школа может располагаться на базе одной из школ микрорайона. Обучающимися в ней будут лучшие учащиеся всех школ данного микрорайона.

Для поддержки талантливых детей в университете работают очные физико-математическая (10–11 классы) и компьютерная (5–7 классы) школы.

В образовательном кластере «университет – школы» существенное внимание уделяется развитию системы олимпиадной работы со школьниками, которая имеет двухуровневую структуру. Первый уровень данной системы представляет собой совокупность университетских и областных олимпиад, интегрированных с профильными конкурсами и конференциями. Здесь на базе университета проводятся:

Таблица 1

Задачи филиала кафедры, действующего на базе общеобразовательной организации, по реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа»

№ п/п	Задачи, выполняемые филиалом кафедры	Направления развития общего образования
1	Обновление и корректировка учебно-тематических планов и программ дисциплин	Переход на новые образовательные стандарты
2	Разработка элективных курсов	
3	Разработка и совершенствование форм контроля знаний учащихся	
4	Внедрение новых образовательных технологий (в том числе E-learning)	
5	Научно-методическое обобщение передового опыта	
6	Систематизация исследовательской деятельности учащихся	Развитие системы поддержки талантливых детей
7	Индивидуальное консультирование учащихся по исследовательской работе	
8	Подготовка учащихся к олимпиадам	
9	Оказание помощи в организации и проведении научно-практических конференций учащихся	
10	Осуществление руководства научно-методической и исследовательской деятельностью учителей	Совершенствование учительского корпуса
11	Регулярное проведение тематических проблемных семинаров по изучению передового опыта	

Таблица 2

Перечень филиалов кафедр университета, функционирующих на базе общеобразовательных учреждений г. Оренбурга

№ п/п	Наименование филиала кафедры	Год создания
1	Филиал кафедры социальной психологии на базе МОАУ «Лицей № 1»	2001
2	Филиал кафедры общей педагогики на базе МОАУ «Лицей № 1»	2001
3	Филиал кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка на базе МОАУ «Лицей № 1»	2008
4	Филиал кафедры алгебры и математической кибернетики на базе МОБУ «Лицей № 8»	2008
5	Филиал кафедры маркетинга, коммерции и рекламы на базе МОАУ «Лицей № 1»	2011
6	Филиал кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка на базе МОАУ «Гимназия № 7» (полного дня)	2011
7	Филиал кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка на базе МОБУ «Лицей № 3»	2011
8	Филиал кафедры общей физики на базе МОБУ «Физико-математический лицей»	2011
9	Филиал кафедры компьютерной безопасности и математического обеспечения информационных систем на базе МОБУ «Лицей № 8»	2012
10	Филиал кафедры компьютерной безопасности и математического обеспечения информационных систем на базе МОАУ «Лицей № 1»	2012
11	Филиал кафедры прикладной информатики в экономике и управлении на базе МОБУ «Лицей № 5»	2012
12	Филиал кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка на базе МОБУ «Лицей № 6 им. З.Г. Серазетдиновой»	2013
13	Филиал кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка на базе МОАУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением немецкого языка № 61 имени А.И. Морозова»	2013
14	Филиал кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка на базе МОАУ «Гимназия № 1»	2014
15	Филиал кафедры программного обеспечения вычислительной техники и автоматизированных систем на базе МОАУ «Лицей № 7»	2014

– университетская многопрофильная олимпиада старшеклассников (15 профилей, в том числе междисциплинарных);

– открытая областная командная олимпиада школьников по программированию по правилам ACM;

– открытая областная командная олимпиада школьников по информатике;

– творческий конкурс компьютерных работ школьников «Университетская IT-весна»;

– конкурс исследовательских работ учащихся и студентов;

– областной дистанционный конкурс компьютерных работ школьников «Компьютер и Ко»;

– научная конференция школьников «Университетские школы» (в рамках недели студенческой науки) и ряд других подобных мероприятий, при проведении которых университет стремится, чтобы студенты и школьники участвовали в них вместе, хотя и в разных возрастных категориях. Это способствует созданию специфической творческой среды для учащихся, активизирует их субъектную позицию и стимулирует к достижению более высоких результатов.

Второй уровень системы олимпиадной работы составляют межрегиональные олимпиады, дающие победителям и призерам право на льготы при поступлении в образовательные организации высшего образования РФ. Университет является соучредителем межрегиональной олимпиады школьников по математике «САММАТ», а также региональной площадкой для таких олимпиад школьников, как «Турнир имени М.В. Ломоносова» (9 предметов), «Будущие исследователи – будущее науки» (физика, химия, биология), Региональный конкурс школьников Челябинского университетского образовательного округа (английский, немецкий, французский языки), многопрофильная инженерная олимпиада «Будущее России».

Уделяя основное внимание мероприятиям по выявлению и поддержке талантливых детей, университет тем не менее считает достаточно важным направлением своего взаимодействия со школами осуществление научно-методического сопровождения деятельности учительского корпуса.

Учителями школ города и области востребованы расширенные заседания методических объединений, проводимые на базе университета и подготовленные ведущими преподавателями вуза по актуальным вопросам общего образования. Следует отметить, что эффективным является включение специализированных педагогических секций и мастер-классов во Всероссийские научно-практические и научно-методические конференции, проводимые на базе университета. Например, в ходе научно-методической конференции «Многопрофильный университет как региональный центр образования и науки» для педагогов школ работают секции «Университет и школы: образовательный кластер», «Университетский учебный округ в региональном образовательном пространстве». Здесь учителя школ совместно с преподавателями вузов обсуждают проблемы совершенствования качества образования. Эффективность данной работы состоит в том, что учитель под руководством преподавателя вуза обобщает свой опыт, доводит его до уровня научно-методического знания и тем самым по-иному смотрит на свои собственные практические результаты, видит перспективы своего профессионального совершенствования.

Особую роль в образовательном кластере играет ассоциация «Оренбургский университетский (учебный) округ», созданная в 2000 году.

В настоящее время ассоциация включает в себя 144 субъекта, из них общеобразовательные школы, лицеи, гимназии и учреждения дополнительного образования составляют свыше 80%. Деятельность ассоциации «Оренбургский университетский (учебный) округ» базируется на ведении социально значимых общеобразовательных проектов, руководителями которых являются ведущие ученые и специалисты-практики.

В образовательном кластере ассоциацией реализуются такие проекты, как «Педагогический Олимп», «Педагогика медиаобразования», «Интеллектуальное будущее Оренбуржья», «Оренбуржье: знаем, любим, бережем», «Оренбуржье многонациональное», «Восхождение к слову», «Открытие таланта», «Университетский тьюториал для одаренных учащихся», «Университетский лекторий для старшеклассников», кинолекторий «За возвышение души человеческой».

Отметим, что реализуемое университетом в рамках кластера взаимодействие со школами, учреждениями дополнительного образования детей, учреждениями среднего профессионального образования и муниципальными образованиями городов и районов области способствует:

– распространению передовых педагогических технологий, внедрению опыта педагогов-новаторов, его обобщению и доведению до научного знания;

– локальному решению проблемы преемственности всех уровней образования, совершенствованию содержания образования субъектов кластера;

– созданию творческой среды для учащихся и педагогов.

Роль университета в кластере состоит в обеспечении сотрудничающих субъектов инновациями, научными и научно-методическими знаниями, передовыми педагогическими и информационными технологиями, преподавателями-консультантами, преподавателями-тьюторами.

Список литературы

1. Бобриков В.Я. Система подготовки инженера в условиях в условиях непрерывного технического профессионального образования: Дис. … д-ра пед. наук. Кемерово: КемГУ, 2003. 458 с.
2. Волгина Т.Ю. Адаптация старшеклассников в университетской среде в процессе довузовской подготовки: Дис. … д-ра пед. наук. Омск: ОмГПУ, 2005. 204 с.
3. Загузина Н.Н. Довузовская подготовка как условие содействия профессиональному самоопределению старших школьников: Дис. … д-ра пед. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 200 с.
4. Капелевич М.С. Концептуальные основы довузовской подготовки: Дис. … д-ра пед. наук. Калининград: КГУ, 2001. 206 с.
5. Ковалевский В.П. Развитие университетского комплекса как фактор повышения инновационного потенциала региона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2(1). С. 17–22.
6. Матекина Т.В. Система довузовской подготовки как технологическая модель опережающего обучения: Дис. … д-ра пед. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. 229 с.
7. Петухова Т.П. Университет и школа: образовательный кластер // Высшее образование в России. 2010. № 7. С. 113–121.
8. Соловьев А.Н. Моделирование процесса подготовки абитуриентов в условиях модернизации инженерного образования: Дис. … д-ра пед. наук. Калининград: Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, 2012. 265 с.
9. Чванова М.С., Малышева Н.В., Киселева И.А. и др. Проектная деятельность студентов и школьников на основе кластерного подхода // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 240–253.
10. Деменчук П.Ю. Образовательный кластер как институциональная система интеграции образования // Интеграция образования. 2013. № 4 (73). С. 27–30.
11. Матушанский Г.У., Гарифуллина Р.Р., Бакеева Р.Ф. Инновационные территориальные образовательные кластеры: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 1. С. 354–359.

PRE-HIGHER EDUCATION MODELS: THE EXPERIENCE OF ORENBURG STATE UNIVERSITY

V.P. Kovalevsky, T.P. Petukhova

Orenburg State University

The article describes pre-higher education models which were implemented in the practice of Orenburg State University over the last decades. Under modern conditions, in which regional educational systems function, the most promising and effective model is a cluster model that has allowed to create a dynamic, open and geographically distributed system of pre-higher education. In its function it is focused on revealing and supporting talented children, creating conditions for succession of education in the system “school – university” and improving professional skills of a teacher.

Keywords: elementary engineering school, boarding school for gifted children, university educational cluster, university-governed high school programs, university department branches.

УДК 512(072.3)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ ШКОЛЬНЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

© 2015 г.

А.А. Аксёнов

Орловский госуниверситет

aksenovaa@inbox.ru

Поступила в редакцию 12.01.2015

Представлен один из альтернативных концептуальных подходов к построению теории школьных математических задач. Суть этой теории состоит в том, чтобы, во-первых, с общих позиций теоретически описать все возможные разновидности математических задач, которые методически целесообразно использовать в обучении школьников, а во-вторых, охарактеризовать то, как специфика задач обусловливает особенности процедуры обучения школьников их решению. В качестве конструктивного основания теории выбрана трактовка категории «задача», предложенная Ю.М. Колягиным, дополненная В.И. Крупичем и скорректированная с учётом исследований А.В. Брушлинского.

Ключевые слова: математическая задача, решение, теория задач, методологический базис теории.

Введение

Любая наука проходит три этапа своего становления: этап накопления первоначальных сведений; эмпирический этап; теоретический этап. В настоящее время относительно молодая педагогическая наука находится на начальной стадии теоретического этапа, поскольку в ней активно предпринимаются попытки теоретически переосмыслить и описать практически все накопившиеся за несколько десятилетий эмпирические разработки. В частности, одной из наиболее теоретически переосмысленных проблем является проблема обучения школьников решению задач. Есть основания утверждать, что в настоящее время назрела необходимость построения теории, с общих позиций описывающей всё многообразие школьных математических задач и сущность процесса обучения их решению.

В настоящей статье излагается методологический базис построения теории школьных математических задач. Для достижения этой цели необходимо: а) обосновать необходимость и своевременность разработки этой теории; б) описать её конструктивное и концептуальное основания; в) представить методологический инструментарий, с помощью которого она может быть построена; г) предложить разветвлённую структуру разрабатываемой теории, включающую в себя общелогический аспект (описание сущности и назначения её основных составных частей) и конструктивный аспект (декомпозиция её основных частей и более подробная характеристика их предметного содержания); д) охарактеризовать основные атрибуты теории (свойства, функции, категориальный аппарат); е) выявить специфические особенности построения теории, характерные для избранного концептуального подхода к её построению.

В дополнение к такой теории необходимы ещё и многие эмпирические исследования, которые учли бы специфику предметного материала (например, тематическую принадлежность задач) или особенности применения данных задач на различных этапах обучения (например, решение задач на доказательство в планиметрии или стереометрии). Подобные эмпирические наработки призваны адаптировать теорию к применению в практике школьного обучения. Только совместное использование результатов теоретических и эмпирических исследований может дать педагогической науке полноценный базис, опираясь на который учителя смогут в полной мере осмыслить сущность проблемы применения задач в обучении математике и более эффективно реализовывать такое обучение на практике. Однако в настоящее время проблема построения такой теории не решена, но к её решению в науке предпринималось несколько попыток.

Основания теории школьных математических задач

1. Исторический аспект построения теории. В последней трети XX века методистами-математиками были защищены четыре диссертации на соискание учёной степени доктора

педагогических наук, посвящённые различным аспектам проблемы использования задач в обучении школьников. Авторы этих работ – Л.М. Фридман (1971 г.), Ю.М. Колягин (1977 г.), Г.И. Саранцев (1987 г.), В.И. Крупич (1992 г.). Они на теоретическом уровне рассмотрели ряд важных аспектов проблемы использования задач в обучении математике [1–5].

Далее исследования Л.М. Фридмана преимущественно были дополнены им и адаптированы к опубликованию в качестве книг для учителей и учащихся. Г.И. Саранцев выполняет свои исследования в русле, которое в определённой мере берёт своё начало в книгах Д. Пойа. Г.И. Саранцеву удалость переосмыслить методические начинания Д. Пойа, вывести их на высокий научный уровень. Ю.М. Колягин избрал иной подход. Им были заложены основы теории, в которой проблема применения задач в обучении школьников математике решается исходя из теоретической сущности самих задач (их информационной структуры) в контексте системного подхода. Далее эту теорию развил В.И. Крупич, рассмотрев понятие внутренней структуры задачи. Таким образом, трудами Ю.М. Колягина и В.И. Крупича в науке оформилось отдельное научное направление (в рамках которого своё диссертационное исследование выполнил автор этой статьи [6]). Таким образом, к настоящему моменту в методике обучения математике чётко обозначились два различных подхода к теоретическому описанию проблемы обучения решению задач: подход Г.И. Саранцева и подход Ю.М. Колягина – В.И. Крупича. Само по себе это немаловажно: во многих науках с развитым теоретическим аппаратом часто создаётся несколько альтернативных теорий для одной предметной области.

Остановимся на подходе Ю.М. Колягина – В.И. Крупича, сущность которого может быть представлена следующим образом. В качестве конструктивного основания разрабатываемой теории следует взять категорию «задача» в её трактовке, предложенной Ю.М. Колягиным и дополненной В.И. Крупичем. Также нужно учесть замечание А.В. Брушлинского о том, что в задачах искомое и требование – разные реальности [7]. Описываемый подход позволит построить теорию школьных математических задач в классической методологической традиции, характерной для ***диалектической логики***, в которой под научной теорий принято понимать лишь такое построение, которое выполнено с помощью метода восхождения мысли от абстрактного к конкретному на основе одного исходного конструктивного основания, то есть монистически. Предметным содержанием такой теории может быть лишь то, что диалектически выведено из исходного конструктивного основания. Всё перечисленное относится к атрибутам диалектико-материалистической научной методологии, роль которой в научном познании в настоящее время возрастает [8, с. 318]. Заметим также, что вся отечественная методика обучения математике прошла своё научное становление в рамках этой научной методологии (в то время в нашей стране просто не было альтернативных научно-методологических направлений). Поэтому построение теории школьных математических задач на основе диалектико-материалистической методологии позволит соблюсти методологическую преемственность со всеми научными разработками, выполненными по данной и смежной тематике ранее, что, разумеется, немаловажно.

Если в указанной методологической традиции предметным содержанием теории может быть лишь то, что диалектически выведено из исходного её основания, то теория школьных математических задач должна включать в себя следующее:

а) выявление и описание всевозможных разновидностей школьных математических задач, которые могут быть названы их теоретико-методическими характеристиками (поскольку исходным конструктивным основанием является категория «задача»);

б) описание детерминации специфики использования задач в обучении математике их теоретико-методическими характеристиками (поскольку в состав указанной категории «задача» входит субъект, но лишь как носитель действий (некий оператор), а не как личность).

2. Концептуальное и конструктивное основания теории. Исходя из описанного выше подхода к установлению предметного содержания теории школьных математических задач, в качестве её ***концептуального основания*** (то есть ведущего замысла, конструктивного принципа исследования) в настоящее время вполне можно принять стремление вывести как можно большее количество следствий из конструктивного основания (разумеется, с помощью и в рамках диалектической логики). Конечно, окончательное построение такой теории требует того, чтобы учёные последующих поколений преобразовывали созданное их предшественниками, выкристаллизовывая инвариантные во времени научные положения.

Представим трактовку категории «задача», которая выбрана в качестве ***конструктивного основания*** теории.

Рассмотрим сложное замкнутое образование «человек – задачная система», в котором задача тоже понимается как объект, являющийся системой. Схематически оно изображается «S–P». В нём задачная система определяется на множестве:

$$P = \{a_{f_1}\tau_1, a_{f_2}\tau_2, ...\},$$

где a, b – элементы множества; f_1, f_2 – свойства элементов; τ_1, τ_2 – отношения между элементами или их свойствами. Под человеком понимается абстрактный субъект. Ситуация в образовании «S–P» называется стационарной по отношению к данному субъекту, если ему известны все элементы, их свойства и отношения между ними. В противном случае имеет место нестационарная, или проблемная ситуация. Она становится задачей, если у субъекта возникает потребность найти неизвестные элементы. Решить задачу – значит в образовании «S–P» привести проблемную ситуацию к стационарной. Для существования задачи необязательно само её решение. Необходимо лишь осознание субъектом нестационарности ситуации [1; 2].

В образовании «человек – задачная система» задача как сложный объект представлена диалектическим единством информационной структуры, которая фактически является формой её представления субъекту, и внутренней структуры, выявляемой в задаче на основе осмысления основного отношения в ней (отношения между условием и искомым, которое находится на верхнем уровне иерархии в системе отношений, реализованных в задаче, и управляет процессом поиска её решения) [3].

Информационную структуру любой задачи можно рассматривать как систему S = (A, B, E, C, D, R), замкнутую в том смысле, что все её компоненты могут быть определены в системе «человек – задачная система». Смысл этих компонентов следующий:

A – условие (условия) задачи, то есть данные и отношения между ними;

B – требование задачи, то есть то, что нужно сделать в данной задаче (выражается вопросом или побудительным предложением);

E – искомое в задаче, то есть то, что в ней требуется найти, доказать или выяснить;

C – базис решения задачи (теоретическая и практическая основа, с помощью которой обосновывается решение);

D – способ, определяющий процесс решения задачи, то есть способ действия по преобразованию условия (условий) задачи для выполнения требования;

R – основное отношение в отношениях между данным и искомым в задаче.

Заметим, что любой научной теории должны быть присущи некоторые методологические реалии, которые позволяют заключить, что данный научный текст действительно представляет собой обособленную научную теорию. В частности, ими являются:

а) наличие трёх основных составных частей: методологической части, собственно теоретической части и технологической части (в которой обычно описывается прикладной аспект теории);

б) фундаментальная и частные теоретические схемы как средство структурного упорядочивания научной теории;

в) свойства научной теории;

г) функции научной теории;

д) категориальный аппарат научной теории.

Опишем каждую из этих составляющих подробнее.

Структура теории школьных математических задач

Структура описываемой в статье теории не может быть представлена в единственном ракурсе из-за её многоаспектности. Поэтому логично избрать представление её структуры в виде двух страт. Первая страта – основные составные части теории: методологическая, собственно теоретическая, технологическая. Вторая страта – представление структуры теории с помощью фундаментальной и частных теоретических схем.

Содержанием первой страты является выявление сущности теории, определение направления её внутреннего развития в контексте представленных в предыдущем разделе статьи концептуального и конструктивного оснований, а также избранного методологического подхода к её построению. Здесь же конкретизируется методологический инструментарий, выявляются параметры, которые, во-первых, определяют суть предметного содержания теории, во-вторых, могут использоваться в оценке её структурной и логической целостности.

Содержание второй страты призвано конкретизировать и упорядочить в теории всё то, что было выявлено в первой страте, причём этот процесс выполняется совместно с осуществлением контроля наличия в теории структурной и логической целостности. Неотъемлемой частью этого процесса является выяснение вопросов о том, какими свойствами обладает данная теория, какие соответствующие ей функции (и в какой мере) она должна выпол-

нять. Ответы на эти вопросы могут быть найдены только при условии выявления взаимосвязей основных её теоретических конструктов, что неизбежно приводит к необходимости разработки чёткого категориального аппарата теории. Это проблема в статье будет описана далее в последующем разделе.

1. Основные составные части теории. ***Методологическая часть*** базируется на принятой в настоящее время многоуровневой концепции методологического знания. Её суть в том, что все методы научного познания могут быть разделены на следующие основные группы: а) философские методы; б) общенаучные подходы и методы исследования; в) частнонаучные методы; г) дисциплинарные методы; д) методы междисциплинарного исследования [8, с. 317–325]. Теория школьных математических задач должна включать в себя философские методы и общенаучные методы. Частнонаучные и дисциплинарные методы обычно применимы для наук с высокоразвитым теоретическим аппаратом. В междисциплинарных методах построение теории на современном этапе не испытывает необходимости. В частности, основным инструментом избрана диалектико-материалистическая методология, которая функционирует в русле своих важнейших принципов: объективности, всесторонности, конкретности, детерминизма, историзма, противоречия и др.

Среди общенаучных методов выделим следующие:

– методы эмпирического исследования: наблюдение, сравнение, эксперимент;

– общелогические методы и приёмы исследования: анализ, синтез, классификация, методология системного подхода, абстрагирование и идеализация, моделирование, генетически-конструктивный метод (его проявлением является мысленный эксперимент с идеализированными объектами), аналогия, индуктивный и дедуктивный методы в их диалектической взаимосвязи и единстве, метод конструктивного введения абстрактных объектов, вероятностно-статистические методы;

– методы теоретического исследования: формализация, метод восхождения мысли от абстрактного к конкретному.

С помощью последнего метода на основе категории «задача» посредством синтеза и дедукции необходимо рассмотреть ряд частных проблем, возникающих в обучении школьников общему умению работать над задачей, что и позволит в целостной теории изложить предмет исследования. По сути, этот метод для построения теории является основным. Фактически он представляет собой общий контекст и направление применения всех остальных перечисленных выше методов научного познания в деле создания теории.

Собственно теоретическая часть представляет собой комплекс всех тех научных положений, которые могут быть диалектически выведены из её конструктивного основания – трактовки категории «задача», в русле её концептуального основания. Не вдаваясь в подробности предметного содержания этой трактовки, можно утверждать, что в построении собственно теоретической части теории школьных математических задач необходимо выполнить следующее:

– во-первых, в полной мере теоретически описать школьную математическую задачу, то есть выявить все разновидности задач, зафиксировав их теоретико-методические характеристики;

– во-вторых, сопоставить эти характеристики, найти их взаимосвязи;

– в-третьих, поскольку в трактовке конструктивного основания теории присутствует абстрактный субъект, выяснить, как все теоретико-методические характеристики задач обусловливают специфические особенности обучения школьников общему умению работать над математической задачей, указать и сами эти особенности;

– в-четвёртых, установить взаимосвязь задач, обладающих данными теоретико-методичес-кими характеристиками, с их местом в структуре школьного курса математики и их ролью в обучении, воспитании и развитии учащихся;

– в-пятых, теоретически обосновать соотнесение специфических особенностей математических задач с так называемыми среднестатистическим интеллектуальными возможностями школьников (в настоящем исследовании речь идёт об описании проблемности, трудности и сложности задач);

– в-шестых, разработать модель общего умения школьников работать над математической задачей.

Можно обосновать, что этими шестью пунктами исчерпывается вся основная проблематика разработки собственно теоретической части данного исследования, однако рамки настоящей статьи не позволяют привести соответствующую развёрнутую аргументацию.

Разрабатывая ***технологическую часть*** теории, необходимо прежде всего в собственно теоретической части выделить те научные по-

ложения, которые в принципе не предназначены для практического применения. После выделения в собственно теоретической части указанных выше теоретических конструктов в ней остаются лишь те, которые могут и должны быть использованы в практике обучения. Разрабатывая технологическую часть теории, для всех таких конструктов нужно ответить на вопросы о том, как методически наиболее рационально внедрить их в процесс обучения, то есть выяснить, в каком объёме, на каких этапах, какими методическими средствами и т.п. следует реализовывать все теоретические замыслы.

Разумеется, указанные вопросы должны быть адресованы ко всем аспектам предметного содержания каждого из представленных выше шести пунктов, то есть в технологической части теории необходимо:

а) разработать прикладной аспект всех разновидностей школьных математических задач (описанный посредством их теоретико-методических характеристик);

б) учесть прикладную составляющую взаимосвязей теоретико-методических характеристик задач;

в) описать детерминацию некоторых аспектов процесса обучения общему умению работать над задачей специфическими особенностями самих задач;

г) установить правила построения школьного курса математики в контексте структурного места в нём задач с данными теоретико-методическими характеристиками, их роли в обучении, воспитании и развитии учащихся;

д) соотнести проблемность, трудность и сложность задач с их местом в структуре учебного предмета и математическими способностями учащихся;

е) выявить сущность, предметное содержание и последовательность действий, совместно составляющих постепенное изучение школьниками модели общего умения работать над математической задачей, её освоение и умение применять к различным школьным математическим задачам.

Заметим, что ответы на эти вопросы не являются лишь простой адаптацией теоретических разработок к их практическому использованию. Технологическая часть теории потому и является частью *теории*, что в ней тоже разрабатываются теоретические конструкты, имеющие свою специфику, ядром которой является их прикладной аспект.

2. Фундаментальная и частные теоретические схемы (эти понятия в научную методологию введены академиком В.С. Стёпиным [9]). Разумеется, логично было бы представить эти схемы так, чтобы они конкретизировали каждую из трёх основных частей теории школьных математических задач: методологическую, собственно теоретическую и технологическую. Ниже кратко опишем их.

Можно обосновать, что фундаментальная теоретическая схема на уровне ***методологической части*** теории представляется так.

I. Метод восхождения мысли от абстрактного к конкретному (как всеобъемлющий методологический инструментарий).

II. Идеализация (и формализация) (как форма представления исходного основания и большинства выводимых из него следствий).

III. Системный подход:

а) вариация компонентов категории «задача» в соответствии с трактовкой системы, предложенной В.Г. Афанасьевым;

б) использование структурно-функционального метода в соответствии с трактовкой системы, предложенной А.И. Уёмовым.

IV. Генетически-конструктивный метод:

а) классификация;

б) метод конструктивного введения абстрактных объектов;

в) моделирование.

По сути, это основной методологический инструментарий, используемый в построении теории. Применяя этот инструментарий для ***собственно теоретической части*** теории, можно получить следующие компоненты фундаментальной теоретической схемы:

I – ТМХЗ (теоретико-методические характеристики задач);

II – СТМХЗ (сопоставление теоретико-методических характеристик задач);

III – СЗ (составление задач (как разновидность учебной деятельности школьников));

IV – ДЗДС (детерминация задачей действий субъекта);

V – ПТСЗ (проблемность, трудность, сложность задач);

VI – СМЗ (структурное место задачи в школьной математике);

VII – РВПС (реализация внутрипредметных связей);

VIII – ПООД (полная ориентировочная основа действий по выполнению работы над школьной математической задачей).

Для ***технологической части*** получаем следующий результат:

I – ЭИС ПООД (этапы изучения содержания ПООД);

II – ЭОП ПООД (этапы овладения применением ПООД);

III – ОиОУП ПООД (освоение и овладение умением применять ПООД);

IV – ДП (деятельностный подход);

V – СШКМ (структурирование школьного курса математики);

VI – ПЗвШКМ (приоритет задач в школьном курсе математики).

Частные теоретические схемы представляют собой детализацию каждой из перечисленных составляющих фундаментальной теоретической схемы. Например, ТМХЗ (теоретико-методические характеристики задач) можно конкретизировать, выявив все основные характеристики, основываясь на конструктивном основании теории – трактовке категории «задача». Заметим, что в результате такой работы могут быть выявлены новые крупные компоненты, которые можно рассматривать как второстепенные составляющие фундаментальной теоретической схемы. В частности, в процессе исследования данной проблематики было установлено, что компонент ТМХЗ будет включать в себя две крупных составляющих – ИСЗ (информационную структуру задач) и ВСЗ (внутреннюю структуру задач).

Изначально разработанные фундаментальная и частные теоретические схемы фактически совместно являются структурой теории. Дальнейшее её построение фактически сводится к заполнению конкретным предметным содержанием каждой из схем, выявленных изначально. По сути, это и есть действие в рамках метода восхождения мысли от абстрактного к конкретному.

Основные атрибуты теории школьных математических задач

1. Свойства теории. Научные теории, создаваемые с помощью диалектической логики, фактически обладают только двумя свойствами: непротиворечивости и полноты. Заметим, что в математике после работ К. Гёделя [10, с. 45–46, 141] (теорема Гёделя о полноте и две теоремы Гёделя о неполноте) стало очевидным, что невозможно строго доказать непротиворечивость и полноту данной теории, не выходя за её пределы (то есть лишь её собственными средствами), необходимо сопоставлять эту теорию с другой, принятой в качестве эталонной (как известно, в математике разработаны методы такого сопоставления). Однако здесь речь идёт о ***формальных*** системах, к которым ни в коей мере нельзя отнести теоретические разработки в педагогических (и вообще в гуманитарных) науках. Для них ещё не создан методологический аппарат, позволяющий с той или иной степенью уверенности заключить, что данная теория является непротиворечивой или полной. Однако это не означает, что нет необходимости задумываться над этими свойствами теорий и приводить достаточно убедительную аргументацию в пользу тезиса о том, что данная теория этими двумя свойствами, возможно, обладает.

Теориям свойственно развитие, поэтому по мере их совершенствования в ходе критического анализа такой аргументации может быть выявлено противоречие в теории или её неполнота, что позволит принять меры для устранения этих изъянов. Этот фактор тем более справедлив для педагогических теорий, поскольку они разрабатываются посредством диалектической логики, а она, в свою очередь, учитывает эволюционное развитие предмета исследования. Таким образом, для педагогических теорий, по крайней мере на современном этапе развития науки, нет возможности ставить вопрос об обосновании их непротиворечивости или полноты с учётом их последующего развития, которое в ряде случаев трудно прогнозировать. Можно лишь выяснять вопрос о том, в какой мере можно считать непротиворечивой и полной данную теорию в современном её состоянии. Из изложенного выше делаем вывод о необходимости введения двух понятий – ***актуальной непротиворечивости*** и ***актуальной полноты*** теории (они, очевидно, могут применяться к любым наукам, в которых теории разрабатывают с помощью диалектической логики).

В частности, нами предложен метод аргументации тезисов об актуальной непротиворечивости и актуальной полноте педагогических теорий, который основан на следующих факторах:

– во-первых, на трёх методах научного познания: формализации, классификации, конструктивного введения абстрактных объектов;

– во-вторых, на четырёхмерной модели развития педагогических теорий, в соответствии с которой построение любой теории средствами диалектической логики может выполняться в четырёх основных направлениях, которые условно были названы развитием по горизонтали, развитием по вертикали, развитием вглубь, развитием на основе сопоставления.

Подробное описание этого метода аргументации требует написания отдельных статей по каждому из показателей – актуальной непротиворечивости и актуальной полноте. Поэтому здесь ограничимся лишь констатацией наличия самого метода. Суть же его заключается в том, что он позволяет привести аргументы, которые,

разумеется, не гарантируют того, что данная теория непротиворечива или полна (напомним, что такие методы в полной мере не разработаны даже в математике), но позволяют с большей уверенностью заключить, что теория по основным своим положениям обладает этими двумя свойствами.

2. Функции теории. Любая научная теория выполняет пять основных функций: синтетическую, объяснительную, методологическую, предсказательную (или прогностическую, предписывающую), практическую [8, с. 196–197].

Прежде всего отметим, что современные педагогические теории являются феноменологическими, или описательными. Это соответствует начальным стадиям становления теоретического этапа в развитии наук. Педагогическая наука относительно молода, поэтому она в настоящее время находится на этом этапе. Из этого следуют два главных вывода.

Во-первых, по своему значению синтетическая функция абсолютно доминирует над всеми остальными функциями современных педагогических теорий. Следовательно, описание всего многообразия задач посредством выявления их разновидностей – это самое главное как в самом предметном содержании разрабатываемой теории, так и в осмыслении этого содержания.

Во-вторых, роль объяснительной функции для данной теории значительно скромнее. Тем не менее на основе анализа всего того, что непосредственно относится к синтетической функции теории, целесообразно объяснить следующие реальности:

– количество разновидностей школьных математических задач, выявленных в качестве теоретико-методических характеристик задачи (то есть следует обосновать, почему согласно конструктивному и концептуальному основаниям теории их не может быть меньше или больше и т.п.);

– структурное место каждой разновидности задач в школьной математике;

– причины затруднений, испытываемых современными школьниками в процессе выполнения поиска решения математических задач (речь идёт о логических аспектах поиска, то есть детерминируемых спецификой самих задач, прочие аспекты поиска не имеют отношения к данной теории);

– действия учителя, которые следует предпринять, обучая школьников решению задач, чтобы школьники могли в определённой мере овладеть общим умением работать над задачей;

– предметное содержание модели общего умения школьников работать над математической задачей, этапы ознакомления с основными составляющими этой модели и т.п.;

– изменения (разумеется, частичные), которые необходимо произвести в структуре и частично содержании школьного курса математики, чтобы получить возможность целенаправленного обучения школьников решению задач (любых разновидностей).

Нетрудно заметить, что перечисленные выше компоненты объяснительной функции непосредственно связаны с предсказательной (предписывающей) функцией. Тем не менее в теории школьных математических задач эта функция может проявлять себя в полной мере как прогностическая, однако имеется в виду прогноз качественный, но вполне чёткий, а в ряде случаев и опирающийся на количественные характеристики. Речь идёт о целесообразности или нецелесообразности применения в обучении некоторых разновидностей задач, например эвристических. Помимо подобных прогнозов, которых может быть в теории немного, предписывающая функция данной теории должна реализовываться в двух основных направлениях.

Во-первых, внутри самой теории она должна проявляться в обосновании предметного содержания её технологической части, то есть с учётом объясняющей функции необходимо выяснить, что и на каких этапах обучения следует использовать в целенаправленном обучении школьников общему умению работать над задачей.

Во-вторых, эта функция может реализовываться и вне теории. Это может иметь место в выполнении научных исследований эмпирического характера, которые реализуются в контексте данной теории. Кроме того, предписывающая функция теории школьных математических задач может использоваться в процессе выполнения научных исследований, осуществляемых на стыке смежных научных проблем.

Методологическая функция теории школьных математических задач была достаточно подробно описана ранее (в плане её имманентных свойств и качеств), когда речь шла о методологической части теории.

Под практической функцией теории школьных математических задач понимается возможность её опосредованного применения в практике реального обучения.

3. Категориальный аппарат теории. Теория школьных математических задач помимо конструктивного и концептуального оснований содержит основные понятия и термины, кото-

рые используются в её построении. В частности, это такие понятия, как идея, метод и способ решения задачи, проблемность, трудность и сложность задач. Также к категориальному аппарату относятся термины, описывающие теоретико-методические характеристики задач и т.д.

В отечественной науке неоднократно предпринимались попытки такого подхода к построению научных теорий. В частности, М.Н. Скаткин и И.Я. Лернер в таком методологическом ключе представили весьма удачную теоретическую интерпретацию общедидактических методов обучения, актуальную и по сей день. В контексте подобного методологического подхода в середине 80-х годов XX века отечественными педагогами (М.Н. Скаткин и др.) была предпринята попытка построения теории воспитания, однако она не получила должного развития из-за социальных и политических событий, которые произошли в те и последующие годы в нашей стране. Наиболее последовательным в методологическом плане примером подобного построения теории по праву можно считать труд «Теория развивающего обучения», написанный в 1996 году вице-президентом РАО В.В. Давыдовым, в котором автор, в частности, прямо указывал на монистический характер теорий, построенных с помощью диалектической логики. Более того, вся отечественная психология строится на основе единственной категории – «деятельность».

Заключение

В настоящей статье представлен один из концептуальных подходов к построению теории школьных математических задач. В частности, получены следующие результаты.

1. На основе осмысления литературных источников и основных этапов развития методико-математических исследований по проблеме использования задач в обучении математике обоснована необходимость и своевременность разработки целостной теории, с общих позиций описывающей обучение школьников общему умению работать над задачей.

2. В качестве конструктивного основания теории предложено использовать категорию «задача», современная формулировка которой получена совместными усилиями Ю.М. Колягина, В.И. Крупича, А.В. Брушлинского. Концептуальным основанием теории заявлено стремление с помощью диалектической логики вывести как можно большее количество следствий из конструктивного основания, которое должно быть реализовано в контексте метода восхождения мысли от абстрактного к конкретному.

3. Представлен методологический инструментарий построения теории, включающий в себя эмпирические методы (наблюдение, сравнение, эксперимент); общелогические методы (анализ, синтез, классификация, системный подход, абстрагирование, идеализация, моделирование, генетически-конструктивный метод, аналогия, индукция, дедукция, конструктивное введение абстрактных объектов, вероятностно-статистические методы); теоретические методы (формализация, восхождение мысли от абстрактного к конкретному).

4. Предложен стратифицированный подход к составлению структуры теории школьных математических задач. Первая страта – описание основных составных частей теории: методологической, собственно теоретической, технологической. Вторая страта – представление теории с помощью фундаментальной теоретической схемы и конкретизирующих её состав частных теоретических схем. В статье показаны взаимосвязи этих страт.

5. В качестве основных свойств теории описаны её актуальная непротиворечивость и актуальная полнота. Обосновано, что теория школьных математических задач может выполнять все пять функций, традиционно считающихся основными (синтетическая, объяснительная, методологическая, предсказательная, практическая), причём основной акцент сделан на синтетической и методологической функциях. Показано, что разрабатываемая теория содержит объёмный категориальный аппарат.

6. Главная специфическая конструктивная особенность теории в контексте избранного концептуального подхода состоит в том, что в её построении следует исходить из сущности объекта – задачи, то есть необходимо описать многообразие теоретико-методических характеристик задач и влияние этих характеристик на специфику процесса обучения школьников общему умению работать над задачей. Разумеется, это не единственно возможный подход к теоретическому исследованию проблемы обучения школьников решению задач. Можно исходить и из сущности субъекта, решающего задачу. Тогда следует теоретически описывать такие присущие ему феномены, как интуиция, память, внимание, ассоциативное мышление и т.п., и их роль в работе над задачей. Однако таким образом можно построить принципиально иную теорию с другими конструктивным и концептуальным основаниями, которая во многом будет

дополнять теорию, суть которой описана в настоящей работе.

В завершение отметим следующее. Теория школьных математических задач, основанная на трактовке категории «задача», предложенной Ю.М. Колягиным и В.И. Крупичем и скорректированной с учётом исследований А.В. Брушлинского, в настоящее время ещё не разработана. Её построение составляет основу предмета научной деятельности автора этой статьи, в рамках которой предпринята попытка в целом описать и охарактеризовать сущность выполняемой работы. Конечной целью построения теории школьных математических задач является приведение её к эквифинальному состоянию, то есть такому, при котором нет необходимости в каких-либо существенных ее изменениях. Разумеется, эта цель может быть достигнута только усилиями многих учёных – методистов-математиков, которые на разных этапах процесса научного познания в рамках этой проблематики будут вносить свой вклад в развитие теории школьных математических задач. Учёными, разрабатывавшими эту теорию в последней трети XX века, сделано немало для создания её категориального аппарата, определения структуры, функций, эмпирических интерпретаций и т.п. Поэтому в распоряжении современных исследователей имеется весьма обширный теоретический материал, который позволяет начать работу по построению теории школьных математических задач на принципиально ином уровне, то есть в контексте представленной в данной статье концепции построения этой теории: выведение как можно большего количества следствий из конструктивного её основания с помощью и в рамках диалектической логики. То есть сейчас вполне своевременным и актуальным является начало исследовательской работы в данной предметной области в свете такого подхода.

Список литературы

1. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. I. М.: Просвещение, 1977. 110 с.
2. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. II. М.: Просвещение, 1977. 144 с.
3. Крупич В.И. Теоретические основы обучения решению школьных математических задач. М.: Прометей, 1995. 166 с.
4. Саранцев Г.И. Упражнения в обучении математике. М.: Просвещение, 1995. 240 с.
5. Фридман Л.М. Логико-психологический анализ школьных учебных задач. М.: Педагогика, 1977. 208 с.
6. Аксёнов А.А. Теория обучения логическому поиску решения школьных математических задач. Дис. … д-ра пед. наук. Орёл: ОГУ, 2010. 460 с.
7. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970. 202 с.
8. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фахти Т.Б. Основы философии науки: Учеб. пособие для аспирантов. 5-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 603 с.
9. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
10. Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.

SOME METHODOLOGICAL PECULIARITIES AND SPECIFIC FEATURES OF THE THEORY OF SCHOOL MATHEMATICAL PROBLEMS

A.A. Aksyonov

Oryol State University

We present an alternative conceptual approach to development of the theory of school mathematical problems. The essence of this theory consists in giving a general theoretical description of all possible types of mathematical problems that should be used to teach school students and in characterizing the peculiarities of the teaching procedure due to the specific features of problems. We have chosen the interpretation of the category "problem" offered by Yu.M. Kolyagin, supplemented by V.I. Krupich and corrected with the account of A.V. Brushlinsky's research, as the constructive basis for the theory.

Keywords: mathematical problem, solution, theory of problems, methodological basis of the theory.

УДК 372.851, 378.147

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

© 2015 г.

П.Б. Болдыревский, В.К. Винник, М.Э. Григорян

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sitnova66@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2015

Процессы, происходящие в системе высшего образования, в основе которых лежит самоорганизация студентов университета, заставляют по-новому взглянуть на самостоятельную работу и её возможности для формирования профессиональных компетенций студентов. Выдвигается концепция организации самостоятельной работы студентов с применением учебной платформы Moodle, базирующаяся на необходимости и возможности создания междисциплинарной системы проектных заданий, нацеленных на формирование общекультурных и профессиональных компетенций студентов. Представляется разработанный авторами информационно-проектный метод обучения, предполагающий выполнение студентами постепенно усложняющихся профессионально-значимых междисциплинарных проектных заданий. Приводятся примеры выполнения разноуровневых проектных заданий, нацеленных на использование информации учебных курсов в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: информационно-проектный метод обучения, уровневые проектные задания, структура и содержание проектных заданий, электронная система Moodle.

В условиях перехода на двухуровневую систему подготовки специалистов и внедрения компетентносного подхода интегративные тенденции в обучении становятся одним из актуальных направлений развития теории и методики обучения математике в системе высшего образования.

Одним из средств педагогической интеграции является система творческих заданий, позволяющих осуществлять интеграцию внутри курса математики, интеграцию курса математики с другими дисциплинами, а также применять содержание курса математики при решении профессиональных задач [1].

Новые перспективы для разработки заданий, обеспечивающих внутреннюю интеграцию курса математики и взаимосвязь с другими дисциплинами, открывают информационные технологии, и в частности применение электронной системы обучения Moodle [2–4]. Для реализации данной задачи мы разработали информационно-проектный метод, сущностью которого является формирование компетенций в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических профессионально-значимых заданий – проектов, выполняемых с применением информационно-коммуникационных технологий на основе электронной системы обучения Moodle. Специфика метода связана с тем, что проектные задания межпредметны. Решение профессионально-значимой проблемы, заложенной в проект, требует привлечения интегрированного знания. Метод позволяет развить профессиональную и учебную мотивацию студентов, сформировать систему знаний и умение применять эти знания для решения профессионально-значимых задач, а также ориентироваться в информационном пространстве. Специфические умения являются интергативными, межпредметными, так же как и обобщенные, межпредметные умения, поэтому требуют знания разных учебных дисциплин в процессе своего формирования. Приобретаемые студентами межпредметные умения должны стать инструментом для решения задач других дисциплин и будущей профессии. Поэтому в ходе учебной деятельности мы выстраиваем работу в соответствии с последовательностью уровневых проектных заданий [5].

Задания первого уровня – информационные проектные задания – нацелены на сбор информации, ее анализ и обобщение, а также на ознакомление участников проекта с этой информацией. Результатом выполнения заданий являются: освоение студентами совокупности приемов и операций работы отдельных курсов в системе Moodle, подчиненных решению конкретной задачи, поставленной преподавателем, а также освоение содержания отдельных курсов; формирование общеучебных умений (воспринимать, структурировать, преобразовывать, запоминать научную информацию и уметь

оформлять и представлять результат своей работы). Кроме общеучебных, идет формирование умений и знаний, состав которых определяется профессией: выполнение заданий по образцу, выполнение чертежей, рисунков, расчетно-графических работ, организация экспериментальной работы и т.д.

Примеры заданий первого уровня для студентов первого курса гуманитарных специальностей:

- социально-исторический, логико-лингвистический анализ математических понятий (этимология, различные определения и трактовки, антонимы и синонимы, динамика формирования понятия и т.д.): каждый студент выбирает одно математическое понятие для анализа (число, вероятность, функция, производная, интеграл, логарифм и т.д.);
- математические основы построения кадра в фотоискусстве;
- ритмика в музыкальном искусстве и ее влияние на человека;
- золотое сечение в изобразительном искусстве и архитектуре;
- роль теории вероятностей в эволюции формирования научной картины мира;
- роль *математики в профессиональной деятельности и в освоении профессиональной образовательной программы*;
- бином Ньютона, треугольник Паскаля и связь между ними;
- аксиоматический метод в математике.

Задания второго уровня – исследовательские проектные задания – отличаются повышенным уровнем сложности и носят междисциплинарный характер. Одно задание охватывает различные дисциплины, формирует единые конструктивно-технические, расчетно-измерительные, вычислительные, экспериментальные умения и знания межпредметного характера.

Примеры заданий второго уровня для студентов первого курса гуманитарных специальностей:

- функции в экономике (каждый студент выбирает функцию для исследования – полезности, выпуска, издержек, спроса, потребления и предложения и т.д.);
- экономический смысл производной (использование понятия производной в экономике;
- экономическая интерпретация теоремы Ферма;
- экономический смысл определённого интеграла;
- модель Леонтьева многоотраслевой экономики (балансовый анализ);
- линейная модель обмена (модель международной торговли) как пример математической модели экономического процесса, приводящейся к понятию собственного вектора и собственного значения матрицы.

Задания третьего уровня – междисциплинарные проекты, представляющие собой самостоятельную учебно-исследовательскую работу и предполагающие углубленное изучение студентами отдельных проблем профессиональной деятельности. Междисциплинарный проект является одним из способов подчеркнуть взаимозависимость предметов, помогает понять, что многие проблемы можно решить, если рассматривать их с точки зрения разных дисциплин, а также помогает осознать, что знания и навыки, приобретенные и сформированные при изучении одной дисциплины, могут облегчить изучение другой. Результатом выполнения задания является создание новых изделий, объектов, моделей или совершенствование уже существующих; при этом идет закрепление знаний и умений, направленных на развитие профессиональных компетенций студентов.

Применение метода требует алгоритмизации действий студента и преподавателя, этапности его реализации. На первом этапе осуществляется внутриучебная и профессиональная мотивация студентов к проектной деятельности, осуществляется выбор темы проекта, определяется цель выполнения проекта, создается рабочая группа по реализации проекта либо определяется индивидуальный исполнитель. Темы выкладываются преподавателем на веб-странице курса или в элементе курса «Задание». Кроме того, студенты могут сами предложить интересную для них тематику работы. Обсуждение темы, выбор группы происходит через элемент курса «Форум» или «Чат».

Проектировочный этап подразумевает построение плана деятельности, обсуждение возможных способов получения и обработки информации; поиск творческих решений. План оформляется через блок – «Календарь», где прописываются все этапы деятельности группы. Таким образом, студент видит когда необходимо сдать определенную часть работы на проверку преподавателю.

На деятельностном этапе происходит выполнение проекта. Студенты занимаются сбором необходимой информации, используя все возможности дистанционной системы Moodle. При сборе и обработке информации осуществляются консультации с руководителем проекта в системе Moodle на соответствующих курсах,

через блок «Обмен сообщениями». После консультаций вносятся корректировки в выполнение проекта. Предварительные результаты могут быть представлены руководителю через элемент курса «Задание». Для обсуждения работы студенты могут общаться между собой через элемент курса «Чат» или «Форум». Информация, полученная отдельными исполнителями, объединяется в общий проект, который выкладывается в элементе курса «Wiki» (для ознакомления и руководителя проекта, и студентов). На данном этапе создается объективно или субъективно новое знание. При этом формируются поисковые и исследовательские навыки у студентов.

Полученные результаты подвергаются анализу и коррекции на контрольно-коррекционном этапе. На этом этапе студенты работают над созданием программного продукта (средствами Delphi, Pascal, Visual Basic for Applications и т.д.) или оформляют работу в виде электронной презентации (средствами Microsoft Office Power Point).

Реализация этого этапа способствует формированию навыков по использованию информационно-коммуникационных технологий в учебной деятельности, а также развитию способностей к аналитическому, критическому и творческому мышлению студентов и преподавателя.

Предпоследний этап – презентационный. На этом этапе происходит защита проекта. Представленная работа выкладывается в курсе Moodle для ознакомления. Обсуждение может проходить как аудиторно на занятиях, так и дистанционно при помощи элемента курса «Семинар».

В завершение обязателен оценочно-рефлексивный этап, на котором осуществляется оценка студентами и преподавателями выполненного проекта, а при необходимости – корректировка содержания или форм представления проекта. Этап можно реализовать, используя элементы курса «Опрос», «Рабочая тетрадь». В этих элементах удобно провести анкетирование и выяснить отношение студентов к выполненной работе. На данном этапе формируются навыки самооценки и самоанализа, умение отстаивать свою позицию.

Разработка проекта (работы) решает проблему взаимосвязи теории и практики, придает профессиональную направленность обучению и повышает его качество. Кроме того, защита проекта с обязательным предложением конкретных конструктивных рекомендаций учит студентов технологически грамотно, логично излагать свои мысли, убеждать в необходимости и правильности принятого решения.

В настоящий момент осуществляется разработка уровневых междисциплинарных профессионально-значимых заданий, выполняемых с применением информационно-коммуникационных технологий на основе электронной системы обучения Moodle [2; 5].

Активное внедрение в педагогичную практику интегративных заданий в форме проектов позволяет повысить качество подготовки студентов в области математики, обеспечить реализацию компетентностного подхода в вузе.

Список литературы

1. Болдыревский П.Б., Григорян М.Э., Зимина С.В. Ситуационные задачи в процессе обучения теории вероятностей как одно из средств реализации проектно-ориентированного метода в высшей школе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3–4. С. 28–31.

2. Винник В.К., Григорян М.Э. Система Moodle в процессе обучения теории вероятностей как средство организации самостоятельной работы студентов в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 217–221.

3. Генике Е.А. Активные методы обучения: новый подход. М.: Сентябрь, 2013.

4. Гриценко В.И., Кудрявцева С.П., Колос В.В., Веренич Е.В. Дистанционное обучение: теория и практика. К.: Наук. думка, 2004. 375 с.

5. Толстенева А.А., Винник В.К., Терехина О.С., Кривенкова Е.Н., Куликов А.А. Проектные задания как средство реализации информационно-проектного метода обучения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 94–99.

INFORMATION-PROJECT TEACHING METHOD AS A MEANS FOR ORGANIZING STUDENTS' INDEPENDENT WORK

P.B. Boldyrevsky, V.K. Vinnik, M.E. Grigoryan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

With the processes taking place in the system of higher education, which are based on the idea of self-organization of university students, it is necessary to take a fresh look at independent work and its potential for developing professional competencies of students.

This article presents the organization of students' independent work using the Moodle teaching platform. The authors have developed an information-project teaching method. In its framework, students perform gradually more and more complicated professionally significant interdisciplinary project tasks. The method is based on the idea of focusing the learning cognitive activity of students on the results obtained by the solving this or that practically or theoretically significant problem. We give some examples and implementation stages of the multi-level project tasks aimed at the use of the training courses' information in professional activities.

Keywords: information-project teaching method, level project tasks, structure and content of project tasks, Moodle electronic system.

УДК 372.851

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ

© 2015 г.

Л.Ю. Нестерова, С.В. Напалков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

nsv-52@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2015

Рассмотрена технология реализации проектного метода при изучении математических дисциплин в вузе. Обосновывается актуальность и необходимость создания проектов студентами младших курсов. Доказывается эффективность реализации проектной деятельности посредством рабочей тетради с печатной основой.

Ключевые слова: проектный метод, деятельность, студенты младших курсов, рабочая тетрадь с печатной основой, технология.

Введение

Изменения, происходящие в системе высшего образования, диктуют новые требования к выпускникам вузов: формирование у них соответствующих уровней общих и специальных профессиональных компетенций и развитие необходимых в дальнейшей работе качеств личности (коммуникативность, креативность, самоорганизация и др.). В связи с этим в профессиональной подготовке необходимо использовать специальные методы, направленные на достижение соответственных результатов. Преподаватели высшей школы (С.В. Арюткина [1], И.В. Гребенев [2], Н.Д. Кучугурова [3], С.В. Напалков [4] и др.) считают целесообразным в процессе обучения студентов и школьников различным учебным дисциплинам применять современные информационные технологии, опираясь на инновационные методы и средства образовательного назначения. Одним из таких методов, несомненно, может служит метод проектов. Проектную деятельность можно рассматривать как один из эффективных методов обучения в высшей школе, который позволяет формировать знания, умения и навыки и преобразовать академические знания в реальный профессиональный опыт студентов. Ценность его состоит в том, что он ориентирован на формирование у обучающихся навыков целеполагания, планирования и осмысления результатов проектной деятельности; а также на развитие личности в ходе групповой или коллективной деятельности продуктивного, творческого или исследовательского характера.

Метод проектов при изучении математики

Проекты, предназначенные для обучения студентов математическим дисциплинам, обладают как общими для всех проектов чертами [5–7], так и отличительными особенностями, среди которых главными являются следующие:

– использование элементов высшей математики в ситуациях, максимально приближенных к условиям решения поставленной проблемы;

– приоритет самостоятельной работы студентов в различных формах (индивидуальной и групповой; аудиторной и внеуадиторной);

– самостоятельное определение темы, вызывающей большой интерес у студентов, соответствующей цели, непосредственно связанной с условиями, в которых выполняется проект;

– поиск необходимого математического материала, определение основных видов заданий и плана работы в соответствии с темой и целью проекта;

– наглядное представление результата; возможность его обсуждения, корректировки и самооценки.

Наиболее эффективным средством реализации метода проектов при изучении дисциплин высшей математики, и в частности теории чисел, учитывающим указанные особенности проектной деятельности, является рабочая тетрадь с печатной основой.

Педагогический опыт показывает, что при самостоятельном изучении математического материала лекций или учебных пособий студенты часто «скользят» по тексту, не замечая многих важных положений. Обращаясь к дополнительной литературе, они зачастую не могут систематизировать основные сведения, изложенные в ней. Следует отметить также некоторое несоответствие текстовой и логической сложности содержания учебников уровню восприятия и осмысления математической информации

обучаемыми. Особенно это относится к студентам младших курсов, у которых недостаточно сформированы навыки самостоятельной математической деятельности. Поэтому рабочая тетрадь с печатной основой эффективно способствует преодолению указанных затруднений, так как в ней предусмотрены задания на заполнение пропусков в определениях, формулировках свойств и теорем; оформление доказательств свойств, теорем и решений задач. Использование тетради избавляет студентов от большого объема механической работы, поскольку задания рассчитаны на краткие и в то же время емкие ответы. Целиком заполненная рабочая тетрадь является отличным конспектом, необходимым для подготовки к контрольной работе, межсессионной аттестации, тестированию или зачету.

Использование рабочей тетради в методе проектов

Центральное место в рабочей тетради отведено реализации учебных проектов, которые состоят из пяти пунктов [8]: *проблема → проектирование → поиск информации → продукт → презентация*.

Внедрение такой технологии позволяет студенту при решении определенной проблемы использовать интегрированные знания и исследовательские навыки, проектировать модель конечного результата (продукта), самостоятельно планировать ход проектной деятельности, создавать конкретный продукт, представлять и защищать его. Задания, включенные в рабочую тетрадь, учитывают специфику такой деятельности и направлены на повышение уровня владения системными, теоретическими и практическими знаниями по организации и проведению проектной деятельности, которые могут быть использованы при изучении других дисциплин. В процессе изучения курса «Теория чисел» студенты создают и защищают несколько проектов, выполняют специальные задания, поэтому рабочая тетрадь содержит методические рекомендации по пяти пунктам реализации технологии проектной деятельности.

Кроме того, в структуру каждого занятия включены задания для аудиторной и самостоятельной работы, комментарии и ответы к задачам, что позволяет научить будущих учителей работать над реальными задачами; анализировать реальные проблемы, участвуя в их решении и обсуждении; работать с различными базами информации для выбора и принятия решений в контексте реальных ситуаций; мыслить критически и принимать ответственность за выбор решения.

С этой целью работа на занятии по пособию начинается с формирования проектных групп по 5–6 человек. Для каждой группы указываются конкретные блоки заданий, выделенные определенным цветом, на выполнение которых отводится 40–50 минут.

В качестве примера приведем блок заданий практического занятия по теме *«Простые числа. Бесконечность множества простых чисел. Распределение простых чисел»* одной из групп.

Задания **группы** – сформулируйте цель и впишите её на рис. 1.

Методические рекомендации студенту

1. Изучите материал пособий [9, с. 124; 10, с. 31].
2. Рассмотрите материал интернет-источника [11].
3. Выучите основные определения, свойства и теоремы лекции 3 и лекции 4.

№ 1. Докажите теорему Евклида: Множество простых чисел бесконечно.

Доказательство. Применим метод от противного.

_____

_____

_____.

№ 2. Докажите теорему: Существуют интервалы натурального ряда произвольной длины, не содержащие простых чисел.

Доказательство.

_____

_____.

№ 3. Укажите, какие числа на рис. 2 обведены в кружок, а какие вычеркнуты. Как называется приведенный алгоритм?

_____

_____.

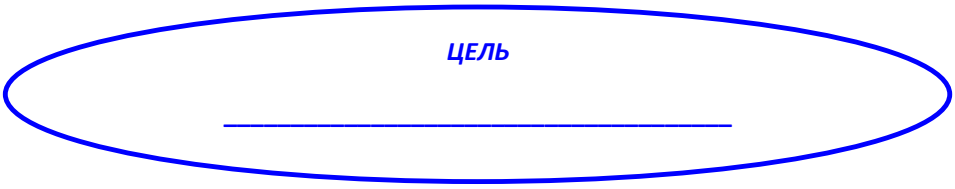


Рис. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45
46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60

Рис. 2

№ 4. Укажите названия следующих числовых функций:

1) $\tau(n)$ число _____.

2) $\sigma(n)$ сумма _____.

№ 5. Найдите количество натуральных делителей числа $n = 84$.

Решение.

_____

_____

_____

_____.

Как видно из заданий для этой группы, студенты должны перед занятием выполнить методические рекомендации; самостоятельно сформулировать цель практического занятия: поставить п роблему исследования и выполнить предложенные пять заданий в малых группах с соответствующей записью решения в тетради.

После каждого блока заданий студентам предоставляется возможность оценить свою деятельность, проводимую как в аудитории, так и вне нее. Для этого обучающиеся включаются в работу с так называемой технологической картой возможных видов деятельности, которые им нужно выполнить для получения итоговой отметки. На каждом занятии выделяется время на работу с такой картой (табл. 1). Заполняя ее студенты осуществляют рефлексию процессов: изучения теоретического и практического материала, а также создания проектов в малых группах.

Начиная уже со второго занятия студенты вовлекаются в деятельность по разработке проекта; проводится консультация с преподавателем по созданию проекта. Таким образом, осуществляется планирование изучения дисциплины, основанное на выполнении проектов, тематика которых самая разнообразная: «Различные методы решения задач», «Увлекательный мир чисел», «Загадка Ферма» и др.

Студенты имеют возможность знакомиться с деятельностью своих однокурсников, входящих в проектные группы. В рабочей тетради с печатной основой приведены методические рекомендации по выполнению проектной работы. Для лучшего осмысления темы, проблемы и видов проектной деятельности студентам предлагается заполнить лист осмысления (табл. 2), лист планирования (табл. 3) и оценочный лист (табл. 4). Проходя основные пункты выполнения проекта (*проблема → проектирование → поиск информации → продукт → презентация*) студенты реализуют соответствующие действия, позволяющие оформить отчетную документацию.

П 1. Формулирование проблемы, значимой, важной, интересной для студента, представляющей собой реальную задачу, при решении которой должны быть использованы интегрированные знания.

П 2. Проектирование – целенаправленная деятельность, которая состоит из двух составляющих: *подготовительного этапа* и *этапа планирования*, ведущих к созданию эффективного продукта-проекта.

Подготовительный этап

1. Сформулируйте тему проекта.
2. Определите цели проекта (ясно и четко сформулируйте их).
3. Обозначьте конечный продукт (презентация, портфолио, опорный конспект).
4. Определите тип проекта (исследовательский, ролевой, творческий, информационный).

Этап планирования

1. Определите последовательные шаги для реализации цели проекта и запланируйте конкретные сроки выполнения каждого шага.
2. Выявите имеющиеся и недостающие ресурсы.
3. Определите способы работы над каждым шагом.

Для реализации **П 2** требуется заполнить лист осмысления. Последовательные ответы на приведенные вопросы помогут студентам на этапе планирования. Для эффективной работы

Таблица 1

Технологическая карта студента

Ф.И.О. _____.

№	Вид деятельности	Баллы	Оценка (обведи в кружок)
1.	Посещение лекций 9 лекций (100% посещение)	1 лекция = 2 балла	2 б. 2 б. 2 б. 2 б. 2 б. 2 б. 2 б. 2 б. 2 б. Итого: _____ баллов
2.	Выполнение лекционных заданий 9 лекций (100% посещение)	1 задача = = 4 балла	4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. Итого: _____ баллов
3.	Практическое занятие № 1		
	а) задачи в проектных группах	1 задача = = 4 балла	4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. Итого: _____ баллов
	б) задачи для конкретной группы		4 б. 4 б. 4 б. Итого: _____ баллов
	в) задачи для аудиторной работы		4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. Итого: _____ баллов
	г) задачи для самостоятельного решения		4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. 4 б. Итого: _____ баллов
		Итого:	____ _____ баллов

Таблица 2

Лист осмысления

Проблема проекта	Почему?_____
Цель проекта	Зачем мы это делаем?_____
Задачи	Что мы делаем?_____
Методы и способы	Как мы делаем?_____
Оценка имеющихся и недостающих ресурсов	Что уже есть, а чего не хватает?_____
Сроки выполнения	Когда мы делаем?_____

Таблица 3

Лист планирования

Тема проекта _____.

Этапы работы	
Цель: _____	
Задача: _____	
Что знаем: _____	
Что ещё нужно знать: _____ Что можно использовать: _____	
Источник информации: _____	Вид информации: _____
Какую информацию и какой результат мы можем получить: _____	
Координатор в группе: _____	
Распределение обязанностей и план работы: _____	

Таблица 4

Оценочный лист

		Самооценка	Педагог	Коллеги по группе
	Достигнутый результат (до 15 баллов)			
	Оформление (до 15 баллов)			
Защита	Представление (до 15 баллов)			
	Ответы на вопросы (до 15 баллов)			
Процесс проектирования	Интеллектуальная активность (до 15 баллов)			
	Творчество (до 10 баллов)			
	Практическая деятельность (до 10 баллов)			
	Умение работать в команде (до 10 баллов)			

Таблица 5

Отзыв студента о проектной работе

_____ Фамилия, Имя, Отчество студента	
о проектной работе «_____» название работы	
проблема	_____
цель	_____
задачи	_____
положительные аспекты	_____
отрицательные аспекты	_____
презентация	_____
+	_____
-	_____
очень понравилось	_____
буду использовать в своей работе	_____
Оценка: «_____»	_____ / _____ / подпись Фамилия И.О.

над проектом мы рекомендуем заполнить следующие документы: лист планирования; деятельность каждого студента; содержание и сроки выполнения работы (табл. 3).

П 3. Поиск информации в соответствии с П 2; детализация задач и внесение корректив в последовательность шагов реализации проекта.

П 4. Создание продукта, получение конкретного результата, который запланирован. Продукт может иметь различный характер (реферат, статья, опорный конспект).

П 5. Презентация – этап представления и защиты проекта. Необходимо составить план выступлений и подготовить презентацию.

Итогом является оценивание проекта, с этой целью заполняется «Оценочный лист» – как преподавателем, так и студентами (табл. 4).

Методическая эффективность применения рабочей тетради

С помощью указанных методических рекомендаций создаются условия для планирования, развития и осмысления тематики проекта и других задач, стоящих перед студентом, а также осуществляется оценивание результатов проектной деятельности. Реализация любого проекта представляет собой творческую деятельность, для которой характерны ситуация неопределенности, необходимость поиска, вероятность риска. Именно поэтому в курсе запланировано время, в течение которого студенты могут формулировать идеи и обсуждать с преподавателем намеченный план действий.

Следует отметить, что в рабочей тетради с печатной основой имеется и отзыв каждого студента о прослушанных, защищенных проектах, в котором анализируются подходы и методы реализации поставленной проблемы, указываются положительные и отрицательные стороны проектов (табл. 5). В результате осуществляется групповая рефлексия реализации проектной деятельности.

Для успешного освоения материала и благополучной защиты своего проекта студенты могут проконсультироваться с преподавателем лично, а также используя современные информационно-коммуникационные технологии, например отправив письмо на электронную почту или задав вопрос по Skype.

Заключение

Проектный метод позволяет обучающимся создать интеллектуальный проект по математической дисциплине и максимально раскрыть свой творческий потенциал. В ходе такой деятельности студенты проявляют себя индивидуально или в группе, пробуют свои силы, применяя знания, умения и навыки при создании проекта, показывают публично достигнутый результат. Студенты сами формулируют интересную проблему; находят ее решение; оценивают результат не только свой, но и своих коллег, а рабочая тетрадь [12] на печатной основе является эффективным средством, позволяющим построить и реализовать проектную деятельность.

Список литературы

1. Арюткина С.В., Напалков С.В. Практикум по решению задач школьной математики: использование Web-квест технологии: Учебно-методическое пособие // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 2-2. С. 249.

2. Гребенев И.В. Учебный предмет и метапредметность // Школьные технологии. 2014. № 2. С. 169–176.

3. Кучугурова Н.Д., Кучугуров И.В. Понимание учебного материала – основа эффективной самостоятельной работы студентов // Педагогическое образование и наука. 2011. № 3. С. 77–82.

4. Напалков С.В. Тематические образовательные Web-квесты как средство развития познавательной самостоятельности учащихся при обучении алгебре в основной школе: Дис. ... канд. пед. наук. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 2013. 166 с.

5. Ильин Г.А. Научно-педагогические школы: проективный подход: Монография. М: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 51 с.

6. Махотин Д.А. Проектный подход к разработке средств методического обеспечения системы дополнительного профессионального образования // Дополнительное образование. 2004. № 8. С. 24–29.

7. Дидактика высшей школы: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unn.ru/dooks/met_files/didaktiks.pdf (дата обращения 21.12.2014).

8. Фридман Е.М. Математика. Проекты? Проекты... Проекты! 5–11 классы: Учеб.-метод. пособие. Ростов н/Д: Легион, 2014. 96 с.

9. Ляпин Е.С. Алгебра и теория чисел. М.: Просвещение, 1974. 383 с.

10. Мохина Т.В., Нестерова Л.Ю. Теория чисел: Учеб. пособие. Арзамас: АГПИ, 2004. 104 с.

11. Целые систематические числа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stu.sernam.ru/book_algebra.php?id=237 (дата обращения 14.01.2015).

12. Нестерова Л.Ю., Напалков С.В. Теория чисел в примерах и задачах: Учебно-методическое пособие // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 1-1. С. 71–72.

IMPLEMENTATION OF THE PROJECT-BASED METHOD IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION WITH THE USE OF WORKBOOKS

L.Yu. Nesterova, S.V. Napalkov

Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article considers the technology for implementing the project-based method in the study of mathematical disciplines in higher education institutions. The relevance and the need for undergraduate students to prepare projects is substantiated. We prove that printed workbooks are an effective means for implementing project activities.

Keywords: project-based method, activity, undergraduate students, printed workbook, technology.

УДК 371.78

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

© 2015 г.

А.А. Хван

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского госуниверситета

andrian-khvan@mail.ru

Поступила в редакцию 28.01.2015

Представлены материалы изучения личностных особенностей городских и сельских подростков. Установлено, что городские и сельские подростки, с учетом пола и возраста, качественно различаются между собой. Городские подростки реагируют на окружающую среду формированием устойчивых форм различных видов утомления и увеличением ипохондричности. Сельские подростки адаптируются к окружающей среде через формирование высоких уровней тревожности и агрессивности. Полученные данные, с учетом особенностей социокультурной ситуации, позволяют отнести старших подростков (городских и сельских) к группе риска.

Ключевые слова: личностные особенности городских и сельских подростков как индикатор проблем в здоровье, утомление и ипохондричность городских подростков, тревожность-агрессивность сельских подростков.

Постановка проблемы

В настоящее время социальный институт детства – школа – испытывает колоссальные изменения и во многих случаях не в состоянии обеспечить адекватную социализацию подрастающего поколения. Об этом свидетельствуют показатели суицидального поведения подростков, которые традиционно рассматриваются как индикатор социально-психологической дезадаптации [1]. Наиболее опасный возраст завершенных суицидов – с 14–15 лет и выше. При этом среди сельской молодежи показатели смертности от самоубийств выше в 2.2 раза [2]. Огромную роль в этом процессе играют социально-экономические факторы, а именно – бедность семьи; и риск попадания в бедные у сельских жителей выше, чем у городских [3].

Добавим, что за короткое время число сельских школ, по данным Росстата, сократилось с 45 тыс. до 30.6 тыс. и этот процесс продолжается. Отнесение к группе неперспективных твоей школы (а значит, в какой-то мере и тебя самого) не может не сказаться на психологическом состоянии подростка.

Как совершенно справедливо считает Д.И. Фельдштейн, мы просто обязаны изучать, в какой мере и в какую сторону изменяются ранее устойчивые характеристики личности подростков под влиянием «социально-культурной ситуации российского социума в целом до различных отдельных макро- и микросред, в которые включен ребенок» [4, с. 9]. Подросток – это будущая рабочая сила, от качества развития которой во многом зависит благосостояние общества. Поэтому представляется важным изучение личностных особенностей подростков (как психологических индикаторов возможных проблем со здоровьем) в связи с меняющейся социальной ситуацией.

Именно с этих позиций мы провели ряд взаимосвязанных исследований городских и сельских подростков в 2004–2012 гг. Были обследованы три территориально независимые выборки городских и сельских подростков.

Методика, результаты и их обсуждение

В первом случае (2004–2007 гг.) использовался опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса – А. Дарки, во втором (2007–2009 гг.) – опросник А. Басса – А.Дарки, опросник эмоциональной напряженности Е.С. Романовой, опросник Гиссенский опросник (регистрирует жалобы респондентов, классифицированные по определенным симптомокомплексам различных заболеваний) и Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю. Ханина. В третьем исследовании (2009–2012 гг.) к данному набору были добавлены Шкала астенического состояния Л.Д. Мойновой и три опросника диагностики физического, умственного и хронического утомления А.Б. Леоновой. Все методики были предварительно стандартизированы на других выборках подростков. В общей сложности было об-

следовано более 2000 городских и сельских подростков в возрасте 12–18 лет.

По стандартизированному опроснику А. Басса и А.Дарки было обследовано более 500 городских и сельских подростков в возрасте 12–15 лет. Опросник диагностирует следующие виды реакций: физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия, негативизм (оппозиционная манера поведения, обычно направленная против авторитета или руководства); раздражение; обида (зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева за действительные или мнимые страдания); подозрительность, чувство вины (угрызения совести, степень убеждения обследуемого, что он совершает плохие поступки).

Анализ показал определенные различия в особенностях проявлений агрессивности и враждебности городских и сельских подростков. Установлено, что у сельских подростков намного выше ($p < 0.01$) подозрительность и, по сравнению с городскими, они более ($p < 0.05$) склонны к физической агрессии.

В структуре форм агрессивности у городских подростков с большим отрывом лидирует чувство вины, далее идут, с минимальным разрывом между собой, негативизм и вербальная агрессия. У сельских подростков лидер тот же – чувство вины, далее с минимальными разрывами следуют подозрительность и физическая агрессия.

Выяснилось, что городские мальчики и девочки меньше похожи друг на друга, нежели сельские. Так, городские мальчики «предпочитают» физическую агрессию, переживают чувство вины и, по-видимому, реагируют на него через вербальную агрессию. У городских девочек также ведущая форма – чувство вины, которую подкрепляют обида и подозрительность.

У сельских мальчиков и девочек структура предпочитаемых форм агрессии практически идентична. Так, у мальчиков доминируют физическая агрессия, чувство вины и подозрительность. У сельских девочек эти показатели меняют очередность, но их состав совпадает: на первом месте чувство вины, далее – подозрительность и физическая агрессия.

Сравнительный анализ показывает, что имеются определенные различия в проявлениях агрессивности как интегрального показателя поведения (по А. Бассу – А. Дарки) по стандартизированным данным. Установлено, что с возрастом происходит значительная дифференциация в уровне проявления агрессивности. Так, на уровне 5–7 классов выявлено примерное равенство между городскими (43% с «высоким» уровнем агрессии) и сельскими подростками (27.3% с «высоким» и 14.3% с «очень высоким» уровнем агрессивности). А уже на уровне 8–9 классов у городских подростков выявлено 29% лиц с «высоким» уровнем агрессивности, а у сельских подростков – 27% лиц с «высоким» и 15% лиц с «очень высоким» уровнем агрессивности. Очевидно, что у городских подростков происходит определенная социализация через купирование крайних форм проявления агрессивности, а у сельских подростков уровень агрессивности с возрастом не меняется.

Анализ показал, что агрессивность у сельских мальчиков и девочек выше, чем у городских: более 40% сельских мальчиков демонстрируют «высокий» и «очень высокий» уровень агрессивности, у городских мальчиков этот показатель составляет только 25%. Аналогично среди сельских девочек 44% показывают «высокий» и «очень высокий» уровень проявления агрессивности, а среди городских – выявлено только 27% с «высоким» уровнем агрессивности. Интересно, что сельские девочки проявляют агрессивность практически наравне с сельскими мальчиками, аналогичная картина наблюдается при сопоставлении городских мальчиков и городских девочек, что лишний раз подчеркивает особенности социоадаптации в городских и сельских условиях.

Приведенные данные показывают, что сельские подростки по сравнению с городскими, более склонны к проявлению агрессии. Это проявляется как в уровне агрессии, так и в ее специфических особенностях (все рассмотренные различия достоверны на уровне $p < 0.001$).

Полученные результаты не совсем тривиальны. Тот факт, что сельские подростки более агрессивны, чем городские, возможно, связан с восприятием диссонанса между возможностями большого мира, представленного средствами массовой информации, и реальностью, окружающей этих подростков. Некоторые основания думать таким образом дают материалы пилотного обследования группы сельских подростков.

Всего было обследовано 60 подростков 13–15 лет и 16–17 лет (по 30 человек в каждой группе) по следующим методикам: опросник А. Басса – А. Дарки, Гиссенский опросник, опросник эмоциональной напряженности Е.С. Романовой, шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю. Ханина. Поскольку нас интересовали прежде всего взаимосвязи между различными показателями, использовался известный метод корреляционных плеяд.

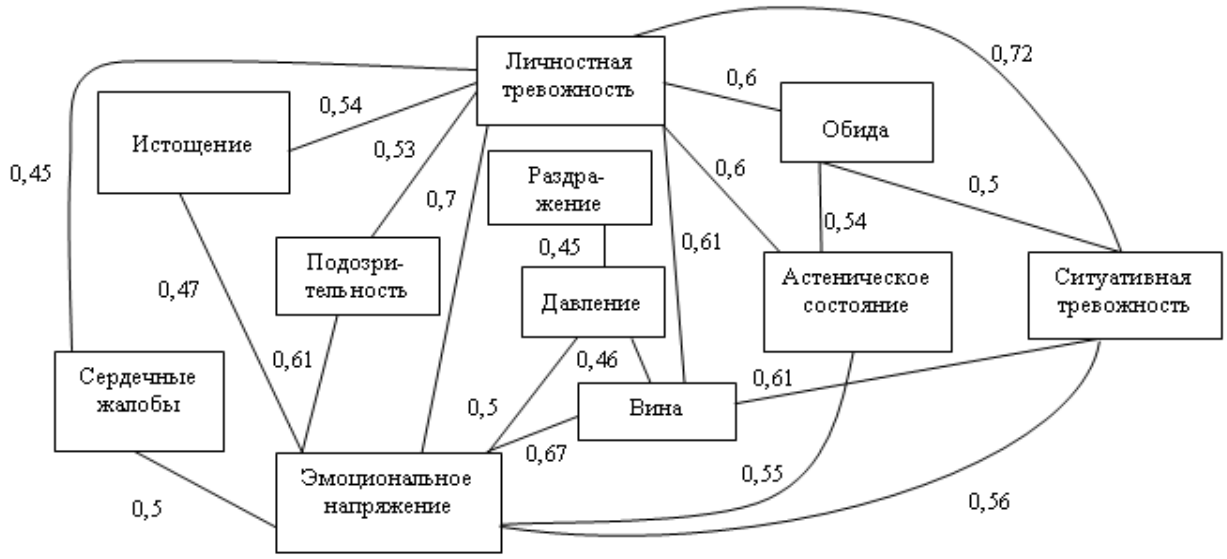


Рис. 1. Состояние старших подростков

Анализ показал наличие существенных различий в формировании корреляционных плеяд в разных возрастных группах. В среднем подростковом возрасте мы регистрируем две изолированные плеяды, включающие, соответственно, два и три показателя: «личностная тревожность – обида» и «истощение – ситуативная тревожность – эмоциональная напряженность». Совершенно другая ситуация выявлена в старшем подростковом возрасте (рис. 1).

На рисунке хорошо видно, что формируется жестко сцепленная, замкнутая структура (все связи на уровне $p < 0.01$; $p < 0.001$), включающая взаимосвязанные показатели тревожности, агрессивности, ипохондричности (жалобы на здоровье), астенизации и эмоционального напряжения. Минимальное количество связей — по две – обнаружено у показателей «сердечные жалобы», «истощение и подозрительность». Лидируют показатели эмоционального напряжения (8 связей) и личностной тревожности (8 связей). Эти два показателя являются своеобразными центрами притяжения, системообразующими факторами состояния напряженности (стресса) сельских старших подростков.

Вероятно, подобные состояния связаны с социальной ситуацией развития сельских подростков: необходимость выбора жизненного пути и объективно ограниченные возможности этого выбора. Так или иначе, имеющиеся данные позволяют предположить, что и городские, и сельские подростки находятся в состоянии стресса («тяжело быть молодым!»), но проявления этого стресса имеют свою специфику, в зависимости от места проживания.

Проверке этого предположения было посвящено дальнейшее исследование. Было обследовано 620 городских и 580 сельских подростков 13–18 лет. Исследование проводилось на юге (Новокузнецкий, Прокопьевский и Беловский районы) и севере (Кемеровский район) Кемеровской области и в гг. Новокузнецк и Междуреченск.

Полученные результаты показали, что городские подростки больше устают (как физически, так и умственно) и значительно чаще высказывают жалобы относительно состояния своего здоровья. Сельские школьники, как и в предыдущем исследовании, значительно более агрессивны в своем поведении, за исключением косвенных форм агрессии. По индексу враждебности сельские школьники значительно опережают городских. Аналогично, сельские подростки являются более тревожными по сравнению с городскими сверстниками. Все выделенные различия являются достоверными (на уровне $p < 0.01$; $p < 0.001$).

Дополним количественную характеристику некоторыми качественными показателями. На рис. 2 представлены (в процентах) доли школьников с высоким уровнем выраженности того или иного параметра.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Почти половина городских школьников характеризуется высоким уровнем физического (45%) и умственного (39%) утомления.

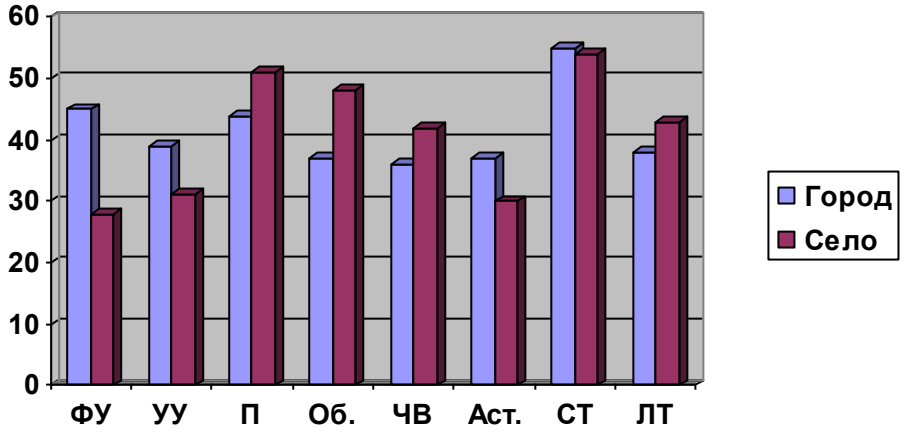


Рис. 2. Доля школьников с высоким уровнем выраженности личностных качеств

Условные обозначения: ФУ – физическое утомление; УУ – умственное утомление; П – подозрительность; Об. – обида; ЧВ – чувство вины; Аст. – астеническое состояние; СТ – ситуативная тревожность; ЛТ – личностная тревожность

Среди сельских школьников эта доля меньше, но тоже достаточно велика (почти треть). Очень настораживает ситуация с такими характеристиками, как подозрительность, обида и чувство вины. Практически каждый второй городской и сельский школьник испытывает эти чувства в сильной степени. Можно предположить, что повседневная жизнь дает постоянную «пищу» для переживания и проживания указанных чувств.

Особая роль в формировании этих внутренних и внешних форм поведения принадлежит тревожности. Тревожность может сначала стать следствием определенных внешних обстоятельств, а затем фактором отбора этих обстоятельств и расширительного толкования их как объективных причин тревожности. В детстве мы испугались собаки, затем мы стали бояться собак, потом других животных, потом просто бояться. Мы видим, что более половины всех обследованных городских и сельских подростков характеризуется высоким уровнем развития ситуативной тревожности. То есть более половины наших школьников на очень широкий круг ситуаций склонны реагировать прежде всего реакцией тревоги. Почти у половины обследованных это становится ярко выраженной личностной чертой. Неудивительно, что до 37% обследованных подростков предъявляют высокий уровень претензий к состоянию собственного здоровья: высокий уровень жалоб на работу сердечно-сосудистой системы демонстрируют 31% городских и 22% сельских школьников; желудочные жалобы, соответственно, 36% и 22%; жалобы на астеническое состояние у 37% городских и 30% сельских подростков.

Установлено, что у городских юношей гораздо более выражена физическая агрессия и меньше выражена косвенная агрессия и личностная тревожность, по сравнению с городскими сверстницами (все различия достоверны на уровне $p < 0.01$).

Сельские юноши и девушки отличаются друг от друга намного сильнее, по сравнению с городскими: различия ($p < 0.01$; $p < 0.001$) обнаружены по 10 параметрам в сельской выборке и только по 3 в городской выборке. Сельские девушки характеризуются более высокими значениями хронического утомления, вербальной и косвенной агрессии, ситуативной и личностной тревожности, большим количеством жалоб на свое здоровье и более высоким уровнем чувства вины.

При анализе выяснилось, что городские и сельские девушки-подростки также значительно различаются между собой (достоверность различий по 8 параметрам на уровне $p < 0.001$).

Более высокий уровень физического и умственного утомления городских жителей встречается в наших данных постоянно. Удивляет степень выраженности этих видов утомления. Установлено, что девушки-горожанки с высоким уровнем физического и умственного утомления составляют почти половину (46% и 39% соответственно) от всех городских девушек-подростков. В сельской местности эти показатели ниже, особенно физического утомления

(только 29% и 34%). Традиционно городские подростки, как юноши, так и девушки, высказывают больше жалоб на состояние здоровья, чем селяне.

Сельские девушки демонстрируют более высокую степень ситуативной и личностной тревожности. Причем показатель личностной тревожности выглядит более проблемным. Дело в том, что это устойчивая личностная характеристика и более половины сельских девушек (55%) имеют этот показатель на уровне высокой степени развития. У городских девушек доля таких лиц ниже (39%), но также достаточно высока.

У сельских девушек в структуре личностных характеристик доминирует чувство вины. Почти половина (48%) сельских девушек испытывает значительные угрызения совести. Среди городских девушек этот показатель значительно меньше (38%).

Сравнительный анализ городских и сельских подростков-юношей показал уже известные вещи. Городские юноши больше устают, предъявляют больше жалоб по всем зарегистрированным параметрам. Сельские юноши намного более агрессивны. Несколько неожиданным оказалось появление параметра «Обида», по которому впервые были выявлены значимые различия. Причем среди сельских юношей высокий уровень развития обиды был выявлен у 53%, а среди городских – у 36%.

Анализ показал, что существенно больший уровень личностной тревожности сельских подростков обеспечивается развитием личностной тревожности именно среди старших подростков-девушек (у 69% обследованных лиц выявлен «высокий» уровень тревожности). Этот высокий уровень личностной тревожности у сельских девушек 16–18 лет сочетается с высоко развитым чувством вины (51% обследованных девушек характеризуется «высоким» чувством вины).

Интересно, что у городских юношей чувство вины с возрастом практически не изменяется. У девушек-горожанок это чувство с возрастом увеличивается, но в 16–18 лет его уровень у них ниже, чем у сельских девушек в возрасте 13–15 лет. У сельских девушек чувство вины в 13–15 лет намного выше, чем у сверстников во всех остальных трех поло-возрастных группах, и выше, чем у городских юношей и девушек 16–18 лет. С возрастом оно продолжает расти и становится максимальным во всех четырех группах. Наибольший рост демонстрирует чувство вины у сельских юношей. Начав с минимальных значений, по сравнению со сверстниками (в 13–15 лет), в 16–18 лет сельские юноши и девушки практически совпадают по уровню этого параметра. Заметим, что в городе и деревне выявлены разнонаправленные процессы по этому параметру. В городе юноши и девушки, начав с одинаковых значений, с возрастом начинают различаться. В деревне мы видим обратный процесс.

Очень интересно соотношение показателей обиды в рассмотренных группах. В городе, и у девушек, и у юношей, с возрастом этот показатель несколько снижается. В селе он только растет и достигает максимума у 16–18-летних подростков. Причем стартовые показатели в 13–15 лет у сельских подростков выше аналогичных показателей у городских.

Похоже, что сложность и неопределенность внешней ситуации вызывает у сельских школьников устойчивую тревожность, которую они пытаются компенсировать агрессивным поведением в различных формах. При этом у старших подростков-юношей ведущей формой является обида с последующими вариантами поведения, а у девушек – чувство вины.

Сравнительный анализ подростков 13–15 лет показывает, что городские подростки, по сравнению с сельскими сверстниками, большее испытывают физическое утомление и предъявляют гораздо больше жалоб на состояние здоровья (нарушение давления, деятельности сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта). Сельские подростки намного более склонны к проявлениям физической агрессии, по сравнению с городскими ($p < 0.001$). Эти различия находят свое отражение в количестве лиц с высоким уровнем развития определенного качества. Так, практически половина (44%) городских подростков 13–15 лет испытывает высокий уровень физического утомления, в то время как у сельских подростков таких только 31%. Это соотношение сохраняется и по другим параметрам: почти каждый третий городской подросток предъявляет высокий уровень жалоб на работу желудка, сердца, нарушения давления; у сельских подростков только каждый пятый дает аналогичный уровень жалоб.

Установлено, что с увеличением возраста резко (в два раза) увеличиваются количество и номенклатура параметров, по которым выявлены значимые различия между старшими городскими и сельскими подростками. При этом сохраняются основные тенденции, выявленные в среднем подростковом возрасте. Городские подростки больше устают, как физически ($p < 0.001$), так и умственно ($p < 0.01$), и предъяв-

ляют больше жалоб на состояние здоровья ($p < 0.01$).

Сельские подростки проявляют достоверно большую агрессивность ($p < 0.01$) и тревожность ($p < 0.001$). Причем агрессивность приобретает качественно другую окраску. Это уже не банальная физическая агрессия, но интегральное чувство враждебности к окружающему миру, базирующееся на выраженной обиде. Враждебный мир является постоянным источником угрозы, что находит выражение в увеличении тревожности сельских подростков.

Качественный анализ показывает, что количество городских подростков с высоким уровнем физического и умственного утомления в 1.5–2 раза превышает аналогичное число сельских подростков (47% и 22%, 38% и 26% соответственно). Более половины сельских подростков (54%) характеризуется высоким уровнем развития обиды, у городских подростков этот показатель составляет 33%.

Совершенно особая ситуация наблюдается с развитием тревожности. Так, до 90% сельских подростков характеризуются высоким уровнем развития ситуативной тревожности и более половины из них (52%) высоким уровнем развития личностной тревожности. Аналогичные результаты городских старших подростков значительно ниже (63% и 40% соответственно), но также очень велики сами по себе.

В целом с возрастом у городских подростков увеличиваются все показатели утомления. Доля лиц с высоким уровнем утомления возрастает в группе 16–18 лет до 47% по физическому утомлению, до 38% по умственному утомлению и до 20% по хроническому утомлению. Последний вид утомления, при высоких уровнях развития, представляет собой пограничную форму, переходную между нормой и болезнью. Значительная доля старших городских подростков (36%) с высоким уровнем жалоб на истощение, упадок сил, общую астенизацию также говорит об опасных тенденциях в развитии городских подростков.

В группе сельских подростков с возрастом начинают доминировать два важных процесса. Во-первых, резко увеличиваются, по сравнению с городскими подростками, показатели обиды и враждебности, при этом явная физическая агрессия отходит на второй план. Во-вторых, у старших сельских подростков резко увеличиваются показатели тревожности: количество подростков с высоким уровнем развития ситуативной тревожности возрастает более чем в два раза (с 41% в группе 13–15-летних до 89% в группе 16–18-летних). Это означает колоссальную базу роста людей с высоким уровнем личной тревожности в более старших возрастных группах.

Проведенный анализ показывает, что городские и сельские подростки, с учетом пола и возраста, качественно различаются между собой. Городские подростки реагируют на окружающую их ситуацию формированием устойчивых форм различных видов утомления и увеличением ипохондричности (жалобы на состояние здоровья, иногда, без объективных признаков болезни). Сельские подростки адаптируются к окружающей среде через формирование высоких уровней тревожности и агрессивности. При этом у сельских подростков-юношей доминирует обида, у сельских подростков-девушек – чувство вины.

Фактически мы видим, что подростки выбирают различные способы адаптации к ситуации. По-видимому, это означает, что в городе и селе мы имеем принципиально различные социокультурные ситуации, которые объединяет только одно – школа, институт образования.

Именно город как система стал источником резких социальных, экономических, политических и психологических изменений, в том числе и в школе. Город и городское население, как более динамичная система, в значительной степени адаптировались к этим изменениям, например через дифференциацию образования и создание непересекающихся школьных сообществ, стратификацию самого городского сообщества и создание системы корпоративных норм. Требования города к своим жителям (и подросткам тоже) достаточно понятны, но довольно жестки. Поэтому их выполнение в повседневном режиме вызывает вполне естественное утомление. Вопрос только в величине и качестве этого утомления, становится оно опасным для здоровья человека или еще нет. Кроме того, материальное положение горожан выше, чем у сельских жителей, а мы показали, что уровень социально-экономического положения влияет на агрессивность школьников скорее отрицательно [5].

Село образует совсем другую социальную систему. Во-первых, в большинстве случаев действует принцип «одно село – одна школа», т.е. у школьников нет возможности выбрать учебное заведение. После известных образовательно-экономических новаций на три–пять окрестных сел приходится одна школа. Школьники проводят в дороге ежедневно до двух-трех часов, большинство из них оказывается в статусе постоянных «новеньких», вынуждено повторно адаптироваться к сверстникам, учителям

и условиям обучения, что не может не вызывать напряжение адаптационных механизмов и развитие стрессовых состояний.

Во-вторых, довольно часто село – это скорее замкнутая система (затруднены физические контакты с внешним миром в связи с отдаленностью, неразвитостью транспортных коммуникаций и т.д.). В-третьих, в селе ограничен набор вариантов реализации себя как личности, как человека. Это касается и школьников, и взрослых (как в плане трудоустройства, так и в плане организации досуга, образования и т.д.).

Очевидно, что сельские территории оказались более подвержены социально-экономической и культурной деградации. Проблема укрупнения школ и возникла в связи с неспособностью малокомплектных школ, по мнению организаторов образования, обеспечить нормальное, качественное образование и социокультурную адаптацию сельских подростков. Именно неспособность сельских подростков адаптироваться к дифференцированной социально-экономической ситуации проявляется в повышенном уровне суицидальной смертности, по сравнению с городскими подростками [3]. При этом вектор «неблагополучные сельские поселения – благополучные областные центры», актуальный практически на всем пространстве российских территорий, однозначно свидетельствует о детерминированности подростковой суицидальной смертности прежде всего социально-экономическими факторами [2].

Добавим, что социальная ситуация сельских подростков, особенно старших, в связи с наступлением этапа профессионального и личностного самоопределения, характеризуется высокой степенью неопределенности, что объясняет развитие тревожности. Взрослый человек может трансформировать тревожность в конкретные реальные действия, снимающие или уменьшающие неопределенность, хотя тоже далеко не всегда. Подросток же, в силу зависимого, не взрослого состояния, далеко не всегда может это сделать. В этом случае он трансформирует тревожность в агрессивные действия, направленные как во вне (на других), так и на себя (аутоагрессия). Это хорошо видно на примере сельских подростков. В более старшем возрасте они, по-видимому, лучше понимают свое место в жизни, свои желания, свои реальные возможности и разницу между желаниями и возможностями. Осознание этой разницы находит выражение в показателях возрастающей агрессии, и прежде всего обиды (по сравнению с городскими подростками).

Заключение

Полученные данные, с учетом особенностей социокультурной ситуации, позволяют отнести старших подростков, как городских, так и сельских, к группе риска. Существующая проблема приобретает еще большую актуальность в связи с социальным и материальным неравенством молодежи в плане доступа к качественному образованию [6]. Как показывает опыт инновационного строительства в образовании в последние годы, это неравенство будет только увеличиваться, порождая соответствующие психологические проблемы. Игнорирование личностных особенностей школьников как субъектов образовательных реформ будет снижать эффективность инноваций и, возможно, увеличивать риски нарушений соматического и психологического здоровья подрастающего поколения.

Список литературы

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Боргельсон Л.Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 51–60.

2. Смертность российских подростков от самоубийств / А.Е. Иванов, Т.П. Сабгайда, В.Г. Семенова и др. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. 132 с.

3. Смертность подростков в Российской Федерации / В.Ю. Альбицкий, А.Е. Иванова, А.Г. Ильин, Р.Н. Терлецкая. М.: БЭСТ принт, 2010. 64 с.

4. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4 (29). С. 3–12.

5. Хван А.А. Изменения социокультурной ситуации, инноваций и психологическое здоровье субъектов образовательного процесса // Тенденции развития образования: Образование в многоконфессиональном и поликультурном обществе: М-лы VII Междунар. научно-практ. конф. М.: Дело, 2011. С. 243–248.

6. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи. М.: Центр социального прогнозирования, 2008. 552 с.

PERSONALITY TRAITS OF URBAN AND RURAL ADOLESCENTS IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL HEALTH

A.A. Khvan

Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University

This article describes the results of our research of personality traits of urban and rural adolescents. It has been established that there are qualitative differences between urban and rural adolescents, with the account of their gender and age. Urban teens react with the formation of resistant forms of various types of fatigue and increased hypochondria symptoms. Rural adolescents adapt to their environment through the development of high levels of anxiety and aggression. The data obtained, taking into account the peculiarities of the socio-cultural situation, indicate that older teens (urban and rural) can be assigned to the risk group.

Keywords: personality traits of urban and rural adolescents as an indicator of health problems, fatigue and hypochondria symptoms of urban adolescents, anxiety and aggressiveness of rural adolescents.

АВТОРЫ

Абрамова Надежда Владиславовна – преп. каф. методологии и методов социологических исследований Госуд. академического университета гуманитарных наук; 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35-5; сл. тел. 8-906-784-70-73; e-mail: urannew@yandex.ru

Аксёнов Андрей Александрович – проф. каф. математического и информационного анализа экономических процессов Орловского госуниверситета; д.пед.н., доц.; 302001, Орёл, ул. Комсомольская, 95; сл. тел. (4862) 77-75-59; e-mail: aksenovaa@inbox.ru

Андрианов Дмитрий Леонидович – зав. каф. информационных систем и математических методов в экономике Пермского госуд. национального исследовательского университета; д.ф.-м.н., проф.; 614068, Пермь, ул. Букирева, 15; сл. тел. (342) 2-396-341; e-mail: andrianov@econ.psu.ru

Базуева Елена Валерьевна – доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского госуд. национального исследовательского университета; к.э.н.; 614065, Пермь, ул. Капитана Власова, 17/1-461; сл. тел. (342) 2-331-969; e-mail: bazueva.l@mail.ru

Баханова Елена Викторовна – зам. председателя Общественного совета при Управлении Федеральной службы исполнения наказаний России по Ульяновской области; к.соц.н., доц.; 432067, Ульяновск, пр. Созидателей, 13, а/я 3587; моб. тел. 8-909-354-90-66; e-mail: bakhanova@inbox.ru

Безрукова Ольга Анатольевна – доц. каф. политологии и права Запорожского национального технического университета; к.соц.н.; 69063, Украина, Запорожье, ул. Жуковского, 64; сл. тел. (061) 769-83-53; e-mail: bezrukova_olga@inbox.ru

Болдыревский Павел Борисович – зав. каф. математических и естественно-научных дисциплин Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.ф.-м.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-43-41; e-mail: bpavel2@rambler.ru

Винник Валерия Константиновна – ст. преп. каф. математических и естественно-научных дисциплин Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-43-41; e-mail: lera.vinnik@yandex.ru

Григорян Мара Эдиковна – асс. каф. математических и естественно-научных дисциплин Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 240-43-41; e-mail: mara.manushak@mail.ru

Гуркина Ольга Алексеевна – н.с. лаб. мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета; 123290, Москва, Шелепихинская наб., 2а; сл. тел. (499) 256-24-71; e-mail: GurkinaOA@mgppu.ru

Добишат Рольф – рук. отдела экономической педагогики Института профессионального образования и переподготовки факультета образовательных наук Университета Дуйсбург-Эссен; e-mail: rolf.dobischat@uni-due.de

Заляев Артур Рустемович – асп. каф. истории, философии, социологии и политологии Казанского госуд. медицинского университета; 420012, Казань, ул. Бутлерова, 49; сл. тел. (843) 236-06-52; e-mail: arthyran@mail.ru

Злотникова Лидия Михайловна – доц. каф. экономической теории Белорусского торгово-экономического университета; к.э.н.; 246000, Беларусь, Гомель, пр. Октября, 50; сл. тел. +3 (752) 916-442-04; e-mail: lidia_zlotnikova@mail.ru

Ипатов Дмитрий Сергеевич – асп. каф. общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18; моб. тел. 8-987-269-32-85; e-mail: dima_110190@mail.ru

Ковалевский Владимир Петрович – ректор Оренбургского госуниверситета; д.э.н., проф.; 460018, Оренбург, пр. Победы, 13; сл. тел. (3532) 77-67-70; e-mail: vpk@mail.osu.ru

Колесникова Елена Михайловна – с.н.с. лаб. мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета; к.соц.н.; 123290, Москва, Шелепихинская наб., 2а; сл. тел. (499) 256-24-71; e-mail: KolesnikovaEM@mgppu.ru

Кузнецов Виктор Павлович – зав. каф. экономики организации Гижегородского госуд. педагогического университета им. Козьмы Минина; д.э.н., проф.; 603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1; сл. тел. (831) 295-15-18 (доб. 260 или 259); e-mail: keo.vgipu@mail.ru

Маврина Екатерина Олеговна – преп. каф. экономической теории и эконометрики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-95-29; e-mail: emavrina@hse.ru

Мизиковский Игорь Ефимович – зав. каф. бухгалтерского учёта ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; 603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-13-96; e-mail: core090913@gmail.com

Напалков Сергей Васильевич – ст. преп. каф. прикладной информатики Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 607220, Нижегородская обл., Арзамас, ул. К. Маркса, 36, каб. 88; моб. тел. 8-950-620-03-30; e-mail: nsv-52@mail.ru

Нестерова Лариса Юрьевна – доц. каф. физико-математического образования Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н., доц.; 607220, Нижегородская обл., Арзамас, ул. К. Маркса, 36; моб. тел. 8-920-040-39-88; e-mail: lar.nesterowa2011@yandex.ru

Нечаева Елизавета Олеговна – асп. каф. прикладной социологии Российского госуд. гуманитарного университета; 125267, Москва, Миусская пл., 6; сл. тел. (499) 250-64-69; e-mail: neo88@bk.ru

Ощепков Иван Алексеевич – асп. каф. информационных систем и математических методов в экономике Пермского госуд. национального исследовательского университета; 614068, Пермь, ул. Букирева, 15; сл. тел. (342) 2-396-341; e-mail: oshchepkov@prognoz.ru

Петухова Татьяна Петровна – проректор по учебно-методической работе Оренбургского госуниверситета; к.ф.-м.н., доц.; 460018, Оренбург, пр. Победы, 13; сл. тел. (3532) 91-21-04; e-mail: inform@mail.osu.ru

Рузанов Александр Иванович – проф. каф. экономической информатики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.т.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. +7-929-044-87-20; e-mail: pavelr70@mail.ru

Рузанов Павел Александрович – доц. каф. информационных технологий в предпринимательской деятельности ННГУ им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н., доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-902-789-32-88; e-mail: pavelr70@mail.ru

Семахин Евгений Александрович – доц. каф. экономики организации Нижегородского госуд. педагогического университета им. Козьмы Минина; к.э.н., доц.; 603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1; сл. тел. (831) 295-15-18 (доб. 260 или 259); e-mail: keo.vgipu@mail.ru

Сидоренко Юрий Александрович – проф. каф. информационных технологий и инструментальных методов в экономике Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского; д.э.н., проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; моб. тел. 8-910-395-47-75; e-mail: yurisidorenko070842@gmail.com

Силласте Галина Георгиевна – зав. каф. теоретической социологии Финансового университета при Правительстве РФ; засл. деятель науки РФ, д.филос.н., проф. социологии; 125468, Москва, Ленинградский пр., 49; моб. тел. 8-916-757-61-60; e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Симановская Галина (Уолл) – магистр, директор проекта «Российский центр» в Нью-Йорке; сл. тел. + 1 (352) 2133191; e-mail: Galina.Wall@russiancenterny.org

Сорокин Геннадий Геннадьевич – доц. каф. высшей математики Тюменского госуд. нефтегазового университета; к.соц.н., доц.; 625002, Тюмень, ул. Осипенко, 84; моб. тел. 8-909-742-88-94; e-mail: sgena1@yandex.ru

Степанов Виктор Иванович – доц. каф. управления человеческими ресурсами Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета; к.т.н., доц.; дом. тел. 2-68-07-86; e-mail: stepanov.s1t2e3p4@yandex.ru

Степченкова Светлана –доц. каф. менеджмента в сфере туризма, отдыха и спорта Университета Флориды, США; PhD; 312 Florida Gym P.O. Box 118208 Гейнсвилл, FL 32611-8208; сл. тел. +1-352 294-16-52; e-mail: svetlana.step@hhp.ufl.edu

Тарунина Елена Николаевна – ст. преп. каф. экономической теории и эконометрики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал); 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12; сл. тел. (831) 416-95-29; e-mail: etarunina@mail.ru

Хван Андриан Андрианович – декан факультета психологии образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского госуниверситета; к.психол.н., доц.; 654041, Новокузнецк, ул. Циолковского, 23; сл. тел. (3843) 72-00-49; e-mail: andrian-khvan@mail.ru

Шульц Дмитрий Николаевич – доц. каф. информационных систем и математических методов в экономике Пермского госуд. национального исследовательского университета; к.э.н.; 614068, Пермь, ул. Букирева, 15; сл. тел. (342) 2-396-341; e-mail: shultz@prognoz.ru

Щербина Вячеслав Вячеславович – и.о. зав. каф. социологии организации и социальных технологий Российского госуд. гуманитарного университета; д.соц.н., проф.; 125267, Москва, Миусская площадь, 6; сл. тел. (499) 250-64-69; e-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru

Элиас Арне – н.с. отдела экономической педагогики Института профессионального образования и переподготовки факультета образовательных наук Университета Дуйсбург-Эссен, Германия; e-mail: arne.elias@uni-due.de